

*Помоги мне исполнить мечты
Либерт Таисса*

Taïssa Libert

ПОМОГИ МНЕ ИСПОЛНИТЬ МЕЧТЫ

*Вся прелесть в том, что мы обречены,
и каждый миг для нас всегда последний*

*Жизнь — это то, что происходит с тобой,
пока ты оживленно строишь
совершенно другие планы.
Джон Леннон.*

*Мы боимся верить и любить.
Мы боимся мечтать и летать.
Мы боимся замертво упасть.
И уже больше никогда не встать.*

Мёртвая Душой.

От автора

Просто хочу сказать, что данное произведение является плодом фантазии автора. Конечно, не без идей, которыми иногда меня снабжали и которыми я вдохновлялась.

Также хочу напомнить, что всё, описанное ниже, не является описанием реальных событий или фактов, это всё — всего лишь результат моего воображения.

Я не пытаюсь затронуть кого-либо по религиозным или социальным признакам, не стремлюсь ущемить чье-либо чувство прекрасного или иные душевные порывы. Данное произведение не содержит пропаганды суицида или описания способов самоубийства. Мне это всё ни к чему. Все не так страшно, правда.

Сейчас я становлюсь всего лишь невольным наблюдателем спектакля, что развернется у Вас в воображении, и не знаю, какой вывод сделаете Вы об этой истории, что вынесете из неё для себя, долетит ли до Вас тот смысл, которым я старалась наполнить эти строки. Но надеюсь, что да.

*Посвящается
Е.Р.*

Часть первая "Удар"

Один

Я сижу на койке в палате и все не могу дождаться, когда же мне можно будет покинуть это место. Мне надоело видеть всю эту аккуратность, фальшивые улыбки медсестер, есть пищу, которую здесь подают, терпеть разнообразные уколы, глотать таблетки. Это так мне наскучило, что я бы отдала все за любую возможность, чтобы ускользнуть отсюда. Только вот незадача: за мной хорошенько присматривают.

— Эмили Беннет? — постучав в дверь и приоткрыв её, спросил мужчина в халате.

На внешность он был очень мил, пожалуй, самый приятный доктор из всех, что мне встречались. А еще он никогда не пристаёт с дурацкими вопросами! Доктору уже лет за шестьдесят, он очень добр и учтив; его волосы седыми прядями уложены на левый бок, но иногда, если случается очень много работы, он появляется в растрепанном виде, прибавляющем ему пару десятков лет к молодости.

Несмотря на его возраст он всегда выглядит очень живым и жизнерадостным. Это я поняла спустя три дня моего здесь пребывания. На все вызовы (как срочные, так и нет) он всегда шел с радостью, словно ему приносило удовольствие то, что он делает: спасает жизни людей и лечит их. И, если честно, вопреки моей вечной грусти он, не подозревая об этом, оставлял какой-то приятный след в моей душе. Одним словом, я очень рада, что этот человек — мой доктор, а я являюсь его пациенткой.

На самом деле, это не первый мой визит в травматологическое отделение, но именно к эту лечащему врачу я не попадала еще ни разу. И, правда, не думаю, что этот случай последний.

— Собственной персоной, — с выдохом произнесла я.

Я чувствовала себя отлично, хотя последние годы дышать полной грудью мне давалось с трудом. Нет, нет, это вовсе не из-за каких-нибудь травм грудной клетки — просто само знание, что я все еще жива в этом тленном мире, меня убивает. И еще кое-что.

— Я пришел тебя провести, — сказал он, а я кивнула, как бы приглашая его внутрь.

Войдя в мою палату, он тихонько, как и всегда, закрыл за собой дверь, чтобы не нарушить тишину, находящуюся у меня в «апартаментах». Доктор мягко и бесшумно ступал по полу, и я уже в какой раз спросила себя: «Как он это делает?». Сев на мою постель, он развернул папку с моим именем, достал ручку из кармана белоснежного халата, поправил маленькие круглые очки, которые постоянно спадали с его носа, и стал пристально меня оценивать.

— Как ты себя чувствуешь? Голова не кружится, не тошнит, в глазах не темнеет?

— Нет, все отлично, спасибо, — отчеканила я. За неделю я, наверное, уже успела выучить эти слова наизусть: вечные, одинаковые и монотонные расспросы медсестер, доктора, которые меня очень раздражают.

— Хо-ро-шо, — медленно произносил он, записывая в карточку, какое у меня самочувствие. Чернила у него в ручке светло-синие, а не темные, как у многих других. А еще его ручка никогда не оставляет клякс и не мажет по бумаге, что очень практично. Следя за тем, как медленно двигалась его ручка по линованному листу и как на нём выводились красивые прописные буквы, словно он всегда был художником, я пыталась сосредоточить весь свой мозг и вспомнить имя доктора.

Какая же я глупая! Все время забываю, как его зовут. К счастью, он всегда носит на своем халате что-то, что могло бы мне помочь. Я присматриваюсь к бэйджику, что был закреплен булавкой на левой стороне груди.

— Доктор Фитч, а когда я уже смогу покинуть это... помещение? — Мне до жути хотелось сказать «заведение». Заведение... боги, о чем я думаю?

За последний год, что я провела в таком унылом состоянии, я стала такой несносной и рассеянной. А еще мне Лондон — моя единственная подруга — говорит, что я эгоистка. Ох, если бы она только знала всю правду... Хотя, если она так говорит, то, скорее всего, так и есть, ведь ей со стороны намного виднее. Но, как говорится в одной забавной фразе — чья бы корова мычала. Подруга сама-то стоит десятерых таких, как я!

— Мы сегодня еще раз проведем рентген височной доли, — доктор Фитч протянул руку и указал на мой правый висок. Он сейчас был наполовину выбрит миллиметра под три; на коже все еще остались следы от недавнего происшествия, — и если все будет хорошо, то завтра ты можешь поехать домой.

«Домой», — подумала я. В это мгновение истинное значение «дома» оказалось таким далеким, таким неприступным, словно мечта. А где мой истинный дом?

Уже как два года мне не хочется возвращаться домой. Не думаю, что меня кто-то там ждет. Хотя бывает порой: если отцу вздумается выместить на мне всю злость или если он внезапно снова будет винить меня во всех бедах, то да, он может ждать меня, хоть вечность. А когда дождется, то с еще большей яростью и энтузиазмом возьмется за своё любимое дело. От этих воспоминаний у меня ужасно заныла спина в тех местах, где серебряные полоски исчертили мою кожу.

— Так, давай, я осмотрю твои повреждения, — продолжил доктор Фитч. Он отложил в сторону мою карточку с ручкой и показал жестом, чтобы я развернулась на девяносто градусов.

— Говорите, словно с жертвой автокатастрофы или аварии, которая произошла вчера, — недовольно произнесла я, разворачиваясь боком и немного приподняв футболку. На моей спине и на моих ребрах сейчас плясали горчичного цвета пятна, уже пожелтевшие и старые.

— Мне нужно записывать все, даже твои синяки. — Он говорил усталым голосом. Конечно, кому за неделю не надоест унылая пациентка, которая вечно жалуется на все и вся? Ведь почти всегда, когда заканчивались эти однотипные расспросы, то мы с доктором Фитчем немного разговаривали. И пусть он не задавал мне вопросов, откуда появились у меня все эти увековечения, я думаю, что он подозревал. И чем больше мы с ним общались, тем больше я сама начинала болтать обо всех этих причинах, хоть и косвенно, не называя сами факты. Довольно странно, да: девушка-подросток, как я, и пожилой мужчина смогли найти общий язык?

Моя сестра, Кристи, как-то раз после нашей долгожданной встречи сказала, что я действительно стала умной не по годам. Конечно, не ей ведь живется в такой обстановке, в которой живу я. Она уехала в свой университет в Лос-Анджелесе и даже не подозревает и десятой доли того, что здесь творится. Она оставила меня одну.

Доктор слегка прикоснулся к моим ребрам, а я вздрогнула и вовсе не от того, что у него руки были холодные — мне всегда было неприятно, когда кто-то ко мне прикасается, особенно если я этого не желаю. Это еще один глупый мой пунктик, как и веселье — я уже два года не смеялась искренне и по-настоящему. Невероятно, да? Желтое пятно то исчезало, то появлялось под нажатием пальцев доктора. То же самое было с позвоночником и другим боком.

— Гематомы почти прошли. — Продиктовал он то, что записывал.

Ну да, они всегда проходят. Хотя иногда некоторые оставляют большие кровоподтеки на коже, и тогда синяки остаются на моём теле подольше, но, в конечном счете, они все равно проходят тоже.

— Мне все еще нужно пить таблетки? — поинтересовалась я. Если честно, от всех этих лекарств меня уже изрядно тошнит, а от последних, которые мне прописали, у меня резко начинается изжога. А еще голова, она частенько болит, и меня подташнивает — но это все последствия моей травмы.

— Да, несмотря ни на что. Сотрясение — это тебе не шутка.

Я заметила некую перемену в настроении доктора, сегодня он был не в духе, а может, волновался за кого-нибудь. Но думаю, что сегодня доктор Фитч не настроен воспринимать иронию моих речей, а также глупости, которые я порой произношу.

— Вы же сами говорили, что мне повезло, раз ушиба нет.

Кстати, по этому поводу. Да, у меня вновь сотрясение. Даже не знаю, в какой раз это произошло, но раза три — это точно. Мне уже казалось, что когда-нибудь мне просто напросто разmozжат черепушку и я не буду мучиться, но, как видно, голова у меня еще тот крепкий орешек. И вполне странно, что еще ни разу не было ушиба. Наверное, не тот масштаб сил, чтобы настолько сильно проломить мне череп.

Еще один мой пунктик: говорить всем, что у меня все отлично; делать вид, что мне не безразлично своё здоровье, что я заинтересована в чем-то, пока я внутренне умираю. Так люди, по крайней мере, думают, что я хочу жить.

— Это не меняет ваш диагноз. Я — ваш доктор. И прошу вас, Эмили, не перечьте мне. — Доктор Фитч вдруг резко взорвался, хотя взрывом это назвать было нельзя. Вот как Лондон взрывается, это да! Она начинает кричать и громить все на свете!

Вообще, ещё на третий или четвертый день моего пребывания здесь мы что-то вроде заключили договор: относиться друг к другу на равных, словно нет у нас разницы в возрасте. Эту идею предложил сам доктор Фитч, а я согласилась. Почему бы и нет? Особое некое доверие между доктором и пациентом. Так вот, я уж думала, что этот договор еще в силе, но оказывается — нет. Это доказала только что произнесенная им фраза.

— Как скажете, доктор, — проговорила я. Думаю, доктор Фитч понял сарказм у меня в голосе.

Он нахмурился, от чего на его лбу появились три складочки, рот недовольно подернулся, а затем он поменялся в лице: стал грустным и более мягким. Вероятно, я была права — тяжелый день.

— Вы звонили моей матери? — поинтересовалась я.

— Да, — угрюмо произнес он. — Она интересовалась, как твоё самочувствие.

— Х-м-м, — хмыкнула. — Недостаточно, чтобы навестить меня.

Фитч приподнял брови и немного склонил голову — наверное, был отчасти согласен со мной. Доктор положил ручку в свой карман, взял папку с моими документами, поправил свои очки, которые вновь соскользнули с носа, и вышел из палаты.

Я слышала какие-то голоса за дверью, видела тень моего недалеко ушедшего доктора и думала лишь о том, что скоро смогу снова почувствовать свободу. Еще день. Всего день и я свободна! И меня не будут ограничивать стены этого здания. Хотя... какой толк? Да, мне безумно хочется вернуться к свободе, что ждала меня на улицах города, но мне не хотелось возвращаться домой. Быть может, мне отрастить бороду и записаться в цирк уродцев? Возможно, хоть там я буду чувствовать себя в своей тарелке, в среде, где тебя любят, где ты нужен.

— Эмили, к тебе посетитель. — Доктор Фитч снова заглянул в дверь и скрылся. На этот раз, видимо, точно.

В моем сознании пронеслись имена людей, которые могли бы меня посетить в последний день, а таких не оказалось совсем. Никто не знал, что я здесь нахожусь, а мои родители... им плевать, они подождут, пока я сама вернусь домой. Ни мама, ни папа ни разу не навестили меня, хотя и, вероятно, отвезли меня в больницу. Я не помню ничего. Но я никак не могла подумать о ней.

— Здравствуй, Эмили. — Деловито шагая, женщина в строгом костюме направилась прямо ко мне, пожала руку и села в кресло, предназначенное для посетителей.

Она была само совершенство: прекрасная укладка, где ни один волосок не смел выбиться из общей кучи, идеальной длины ногти и безупречный маникюр, а также отлично выглаженный костюм — ни одной складочки, кроме, конечно же, классических стрелок на брюках. Красная помада и ровные стрелки на веках — это женщина или имеет хорошего визажиста, или она ведьма. Все это также показывало, что она — человек довольно высокого полета. У-у-у, она явно не знает, каково это — тратить деньги только на самое необходимое. В общем, от одного моего взгляда на неё меня заворотило — не люблю таких людей, они думают, что выше всех остальных. И, конечно же, они считают, что их жизнь идеальна.

— Здравствуйте, — холодно ответила я.

— Меня зовут Роуз Эверглоу, я — инспектор по делам несовершеннолетних, — представилась женщина. Меня напряг её резкий, властный голос, хоть она и старалась сделать его мягким, все равно я заметила эту разницу. Уж что-что, а в этом я самый что ни есть спец.

— Я знаю, кто вы, — с презрением сказала я.

— Да, и откуда же? — Роуз откинулась в кресле, положив руки на деревянные ручки, а ногу закинула на ногу, легонько покачивая ею. Такой дерзости в своей палате я еще не видела!

— Вы частенько приходили в гости к нашим соседям, следили за их семьей и все тому подобное. — Пытаясь напомнить ей историю той самой семьи, которую она «спасла», мне хотелось передать всю злость и ненависть к ней своим голосом.

А вот что случилось с нашими соседями. Живем мы не в элитной части города, что естественно, как мне кажется. Как говорится, квартал неудачников. Наш дом — это многоэтажное здание, где почти у каждой квартиры есть свой балкон, но и такая квартирка стоит дороже. Само

здание разделено на несколько частей, что-то вроде пристроек нового типа. В одной такой части здания пять этажей и по три квартиры на каждом этаже.

Нашими соседями была семья: женщина и три её ребенка — все девочки. Отец, кажется, бросил их, а вот мать запила. Старшая из сестер всегда пыталась прокормить младших, и у неё это удавалось, она работала официанткой в каком-то кафетерии. Мать их никогда не избивала, просто могла уйти в загул на неделю, а порой и на несколько недель, из-за чего все они пропускали учебу. А за младшей девочкой — ей всего восемь — внимательно следили службы опеки. И однажды к ним пришла Роуз, которая разнюхала всё, что ей было нужно, и застала их опьяневшую мать. Как я знаю, женщину лишили родительских прав, старшая девочка осталась с ней, ведь она уже совершеннолетняя, а остальных разлучили с семьей и между собой. Пока они не могут связаться друг с другом.

Роуз разрушила их семью, хоть и думала, наверное, что их спасает. Хотя нет, если бы она, действительно, пыталась им помочь, она бы навещала их и тогда, когда с их матерью все бывает в порядке; она бы поняла, что ничего плохого эта женщина не делает, даже в пьяном угаре. Она просто бедная, опечаленная женщина, которая пыталась забыться в алкоголе. И даже несмотря на это их семья была очень счастлива. А Роуз — просто эгоистка, мечтающая подняться по карьерной лестнице.

— Ах, да, я и забыла. Кстати, по этому поводу. Я была у тебя дома, узнавала у соседей про вашу семью и крайне недовольна тобой, — её голос звучал так, словно она была довольна собой, словно она сама с себя благоговела.

— Что? — задыхнулась я. — Извините, но как вы смели без разрешения узнавать о моей семье?

— А ты думаешь, я бы поверила твоей истории с лестницей, мол, «упала, проснулась, сотрясение»? — Она усмехнулась.

Я задыхаюсь от гнева. Это было сказано настолько дерзко, что ужасно будоражило моё внутренне состояние. Я не могла остановиться, я закипала. Мне кажется, что еще чуть-чуть, и я выпрыгну в окно, лишь бы не слушать эту женщину. Она ужасна! Да как она смеет!

— Эмили, я знаю, что ты часто прогуливаешь школу, знаю, что у тебя в семье не все в порядке, и знаю о Томе. — Уже спокойно сказала Роуз.

«Том», — голос эхом звучал в моей голове. Перед глазами вспыхивают воспоминания. Сейчас я бы отдала все на свете, лишь бы не думать о нем. Но все никак не получается. Вспышка, крик, сирена. Мои глаза застилает красная пелена, а ярость внезапно затухает во мне. Теперь мне хочется стереть себе память, только не вспоминать о нём. Это выше моих сил.

— Ты можешь мне довериться. Расскажи, что случилось в тот день, когда тебя сюда привезли? — Она неожиданно близко оказалась рядом со мной.

Когда я взглянула на неё, то женщина уже сидела рядом со мной, держа меня за ладонь, пытаясь расшевелить мои воспоминания. Они волной накатывали на меня.

Что случилось?

Что случилось?!

Я вспоминаю всю картину так четко, как будто она произошла вчера, будто она происходит сейчас, а я наблюдаю все со стороны, как при просмотре фильма. Это был самый болезненный для меня вечер и самый решающий. И моя кожа покрывается мурашками, когда я уплываю в воспоминание, которое мечтала бы запереть подальше в сознании.

Я захожу в ненавистную квартиру, которая раньше была мне домом. Нам всем домом. Кто бы мог подумать, что мне будет так страшно. Поджилки трясутся, а сердце прерывисто трепещет, как птица; ноги сами собой заплетаются, словно норвят лишний раз устроить шум. Я должна быть аккуратной.

Разувшись, я мягко ступаю по линолеуму, на ходу вешая шарф и куртку в шкафчик. Нырять в свои любимые мягкие тапочки. Свою школьную сумку я повесила на ручку двери, ведущую в мою комнату.

Тихо. Подозрительно тихо.

— Мам, я пришла, — тихонько говорю я, надеясь, что отец не услышит. А если даже и услышит, я ещё надеюсь, что сегодня всё обойдётся. Откуда-то послышался звенящий звук бутылки.

Захожу на кухню и вижу, как отец в беспамятстве снова лижет пустую бутылку. Моё сердце сжалось, и меня наполнило чувство омерзения к этому существу, которого я гордо именую своим папой. Быстрым шагом подхожу к холодильнику и обнаруживаю, что там осталась только одна бутылка пива. Но вчера вечером, когда я не успела избавиться от алкоголя, в нём стояло не менее пяти-шести стеклянных банок, я точно уверена! Со звоном ставлю её на тумбочку, но отец не реагирует, он отчаянно пытается вылизать хоть еще кроху напитка из пустой бутылки. Беру ближайшую глубокую миску, набираю в неё ледяной воды и выливаю её на голову отцу. Быть может, это приведёт его в чувство? Он начинает орать, хрипя и судорожно разводя руками по сторонам:

— Какого хрена! — заходится в новом крике он. Протирая глаза от воды, он пытался разглядеть, что же произошло. Но я решила облегчить его задачу.

— Добрый день, папочка, — слащавым голосом произношу я.

Я даже не ожидала от себя, что могу так сказать. Но я могу. Собери все силы в кулак, Эмили, и попробуй его образумить, разозли его, пусть он почувствует себя на твоём месте. Чувство отвращения все выше поднималось по пищеводу.

Отец поднимает голову и видит бутылку, стоящую рядом со мной. Его глаза округляются, как если бы он увидел огромную гору драгоценностей. По его лицу со слипшихся прядей волос стекает вода, заливая глаза.

— А-а-а! — Рычит он, стараясь вновь вернуть себе ясность зрения, а затем умоляющим голосом говорит. — Эмили, детка, подай мне, пожалуйста, бутылочку.

— Эту? — Я беру в руки пиво и кручу ею прямо перед носом отца.

— Да-да, дай мне её, малышка. — Отец протягивает руки, всё ещё не имея сил встать. Это меня немного позабавило, от чего я резко храбрею.

Отхожу как можно дальше от отца и делаю вид, что протягиваю бутылку. Он тянет свои ручонки к этому, по его мнению, напитку богов, а на лице у него благоговейное выражение.

Тошнота уже встала комком мне в горло. Какой же он мерзкий! Он — мой отец, с черными волосами, на которых уже виднелась проседь. Немытый, в одежде, которая вся пропиталась и пропахла блевотиной, с жутким перегаром во рту, который слышно сразу же, как входишь в дом, с засаленными волосами и с глазами, полными ярости по отношению ко мне.

Я, мол, подношу бутылку алкоголя к нему всё ближе, хотя я просто её отпустила. Она ударилась об кафед и разбилась вдребезги. Волна прохладного напитка залила мои тапки, к ногам приплыли и стеклянные осколки. Какая жалость.

— Ой, — наигранно произношу я, не сумев сдержать нотки сарказма в голосе, что, скорее всего, заметил отец.

— Ах ты, мерзкая дрянь! — кричит он и старается подняться с пола на шатающихся ногах.

В этот момент я слышу, как захлопывается входная дверь, в квартиру вбегает мать и говорит мне что-то, мол, что я сделала, подбегает к отцу. Она тоже меня ненавидит. Это понятно по взгляду, что мама бросает на меня: очередное «Во всех бедах виновата только ты». Но разве я виновата, что осталась жива? Хотя да, думаю, виновата. Если бы я ушла вместе с ним, то ничего, что случилось после, не произошло бы. И я бы не терпела всё это.

Весь плюс последних месяцев, что мама потихоньку, но начала приходить в себя. Она стала выходить из дома, стала разговаривать и что-то делать, а не замыкаться в себе и плевать на все с высокой башни. Хотя ей всё ещё всё равно на меня, она меня игнорирует и совершенно не замечает — только если в критических ситуациях, как сейчас, например.

— Филлип! — Кричит мама, пытаясь уговорить отца. Она встает перед ним, обнимая за плечи и трясая его. — Зачем ты его злишь? — обращается она ко мне.

— А затем, что не ему одному плохо! — Выкрикиваю. — Мы еле-еле сводим концы с концами, а он тратит все заработанные нами деньги на выпивку! — Плююсь я словами. — А ты, ты ему всё позволяешь!

— Он просто не может пережить это, — говорит мне мама. И снова этот укоризненный взгляд. А я могу пережить это? Вы все думаете о себе, а как же я! В отличие ото всех я была там, когда всё произошло!

Отец отшвыривает её подальше, но несильно, — копит силы на меня — и идет ко мне. Ну вот, снова началось. Он весь покраснел, глаза стали кровавого цвета — лопнули капилляры, в них

виделся тот самый огонёк безумия, что пугал меня все эти годы. Но сейчас я не боюсь. Если он меня прикончит, то пусть так. Я не хочу жить в мире, полном боли.

— Это ты, ты во всем виновата, тупая девчонка! — Изо рта у него течет слюна, которая летит в стороны, когда отец что-то говорит. Он в ярости.

— Да-а! Я виновата. Я виновата в том, что я — девчонка. Я виновата в том, что была с ним тогда. Виновата в его смерти. Виновата в том, что я — не Том. Ты это хотел сказать, папочка? — Заливаясь слезами ярости, кричу на него. В моей груди всё разрывается от боли. Если бы была возможность, то отец предпочел бы ещё одной дочери второго сына. Если бы можно было, он бы поменял местами меня и Тома, а я бы была не против — уж лучше, чем видеть, как отец, который раньше любил тебя, превращается в монстра, жаждущего твоей смерти.

— И ты виновата в том, что вместо тебя умер мой сын, — произнес отец.

На меня накатило отчаяние. Боль. Она накрыла меня с головой. Из глаз покатались слезы. Такого я не ожидала. Я думала, что он вновь скажет, что я виновата в аварии, что я не такая идеальная, как мой старший брат, и не такая умная, что да, возможно, это я виновата в смерти Томаса. Но я даже не подозревала о том, что он думал, что это я изначально должна была умереть.

— Знаешь что... — начинаю я. И скрепя сердце произношу вторую часть своих мыслей: — Ты мне больше не отец.

— Что ты сказала? — Он схватил меня за руку и затряс, оплевывая. — Повтори, что ты сказала! — Требовал.

— Филлип, отпусти её! — Мама подбежала и попыталась высвободить меня из его рук. Но отец одним движением руки отправляет её в противоположный угол, мама стучается спиной об стенку и падает на пол.

Зачем она это сделала, ведь ей абсолютно плевать на меня?

— Повтори! — Заорал вновь отец и ещё сильнее встряхнул меня.

— Иди к чёрту! — Выпаливаю я, не намеренная повторять те ужасные слова.

А затем я слышу, как его ругань оглушает меня. Его крики, наверное, слышал весь холл, а может, и несколько этажей сразу. Он хватает меня за плечи и со всей силы ударяет головой об стену. В груди всё жжет от вспыхнувшей боли — это всемирная любовь к отцу, которая сгорает сейчас вместе со мной. В ушах звенит, а затем наступает тишина. И, кроме стекающей горячей крови по подбородку, я ничего не чувствую.

— Идите к чёрту, — говорю я, думая о словах из воспоминания.

Меня бьет незаметная никому дрожь: руки легонько трясутся, и я сжимаю кулаки — на внешней стороне ладони видна выделявшаяся на коже венка. Чувствую, как на лбу выступили капельки пота. Воспоминания — это всегда тяжёлое бремя. Лёгким касанием ладони я вытираю пот со лба и скрешиваю руки.

— Эмили, твой отец — алкоголик, — произносит Роуз Эверглоу.

— Вот же удивили, — бурчу я.

Да, он алкоголик. Да, он ужасен и омерзителен сейчас, он безумно жесток, и он ненавидит меня. Но это всё из-за алкоголя. Если бы я могла сделать так, чтобы он перестал пить, но это не в моих силах — родители видят во мне только лишь причину их несчастий.

— Нет, я имею в виду, что есть куча свидетелей, способных нам помочь. Не думаешь же ты, что, проведя целый год с бутылкой и избивая вас с матерью, не будет заметна эта перемена в ваших отношениях? — Она приподняла брови, и создалось ощущение, словно она думает, что умнее всех на свете.

— О чем вообще идет речь? — Я не понимаю, что хочет от меня это женщина.

— Я предлагаю лишить твоего отца родительских прав, ведь это он виноват в твоей травме? — Интонация в её голосе была больше похожа на утверждение, чем на вопрос. Она хочет вынудить признаться, чего я никогда не сделаю.

— Нет, я упала. — Сказала, как отрезала.

Возможно, я покажусь чересчур наивной, но я верю, что мой отец станет прежним. И мы снова будем той счастливой семьей, что ели по утрам оладьи с яблоком, которые постоянно у меня подгорали. Все вместе будем сидеть перед телевизором, и смотреть какую-нибудь комедию или «Титаник», и плакать под конец. Но разве верить в лучший конец — это плохо?

— Эмили, не делай ошибок, — настаивала Роуз.

— Он поправится. Ему нужно всего лишь перестать пить, — произношу я то, о чем думала.

— Ты разочаровываешь меня, девочка...

Женщина привстает и стряхивает с себя какую-то невидимую пыль, проводит руками по стрелкам брюк и заправляет за уши свои локоны.

— Вы можете идти. — Злобно говорю я, сжимая кулаки так, что аж костяшки побелели.

— Эмили, ты же знаешь, никто не вылечит его душевную травму. — Говорит она, шагая по направлению к двери. В ушах лишь звон и стук моего сердца, а еще «Цок-цок» туфель Роуз. И это меня раздражает.

— Прошу вас уйти. — Не понимаю, как её кто-то может терпеть? Она же назойливая, упрямая и чересчур вся такая правильная! Аж мерзко.

— До встречи, Эмили, — проговаривает инспектор. Она приоткрыла дверь, и я бросаю ей в след:

— До свидания, надеюсь, оно будет не скоро. — Но было поздно. Дверь захлопнулась прежде, чем я договорила всю фразу.

Я все еще смотрю на дверь, и кровь во мне вскипает. Мне кажется, что ничего хуже уже быть не может. Почему я не умерла? От этого всем жилось только лучше бы. За моё недельное пребывание здесь меня никто ни разу не навестил, ну, кроме Лондон, конечно же. Моя сестра сейчас учится, и ей вовсе нет дела до кого-нибудь. Я готова поспорить, что она, как и все, просто пытается сбежать от боли таким способом. Папа сейчас, скорее всего, в отрезвителе, а мама или вновь впала в уныние, или находится рядом с отцом, не отходя от него ни на дюйм, ведь он ей так дорог. А что на счет меня? Ничего. Ведь я — никто.

После того, как меня выписали, я осталась дома одна. Мама, правда, была с отцом — я не ошиблась в догадках. Я помню приятное ощущение своей постели, свежих, хрустящих простыней, своей одежды, пола с подогревом на кухне и горячего чая. Но мне было так одиноко. Никогда бы не подумала, что находясь в блаженном спокойствии без ругани и драк, я смогу скучать по кому-нибудь. Ведь я их так ненавижу. Ненавижу всем нутром за их поступки.

Я никому не говорила, как чувствую себя на самом деле: несколько раз падала в обморок, потому что темнело в глазах. И несмотря на советы врача «Стараться не ударяться головой и обращаться к нему при ухудшении самочувствия» я все также посещала школу, работу и падала где-нибудь в обморок, ударяясь головой.

Кто-то говорил мне, что это, возможно, из-за голода, ведь я, действительно, ем раз в три дня. Но я бы отдала все на свете, лишь бы не возвращаться в стационар. Лучше уж жить так, чем вновь очутиться в месте, где все пропахло хлоркой, формалином и лекарствами, где все невыносимо вежливы к тебе и многое является ложью. Хотя всё в нашем мире — это ложь.

А затем мать с отцом вернулись. Не прошло и трёх суток, как папа снова взялся за бутылки. И всё на круги своя: крики, ругань, словно ничего и не было, словно это не он чуть не проломил мне череп.

И это стало последней каплей. Мои наивные розовый очки, которые мечтали о светлой жизни с любящими родителями, спали, и я начала видеть мир в тех тонах, которые он заслуживает.

— Ты неблагодарная дочь! — Кричал отец и замахивался ремнем.

«Я хочу умереть», — неуверенно шепчу я себе.

— Ты во все виновата! — Со всей силы я вписываюсь в стенку, и что-то хрустнуло у меня в спине. Надеюсь, это не позвоночник.

Я хочу умереть. Уже более уверенно было сказано мною.

— Том и Кристи, вот мои дети, а ты — ошибка природы! — Папа повторял это сотню раз, и каждый раз было больно, как в первый. В груди глухо отдается удар невидимым ножом-словом.

Я хочу умереть. Да, я готова.

— Уж лучше бы ты умерла. — Слезы льются у меня из глаз. Я осознала, точно осознала.

Я хочу умереть!

Я не помню, кто предложил эту идею. Помню лишь, когда одноклассники спросили, кто хочет в субботу вечером покататься на байках, я подскочила первая. И теперь, сжимая руль блестящего, новенького байка, я лишь жалела о том, что кому-то придется за его ремонт платить. Мне показали, где тормоз, газ, сцепление — всё, что нужно для адекватного вождения мотоцикла. Но я даже не слушала. Когда ребята рванули, я стартовала последняя. Может, оно к лучшему? Набирая скорость, я понимала, как это чертовски круто, иметь свой байк! Ты можешь уехать в другой город, штат, страну, и лишь ветер будет тебе другом! Да, именно ветер. Это он бьет тебе в лицо, когда ты несешься со скоростью под сотню километров в час, он ласкает тебя и нежно развеивает волосы. Он говорит тебе о свободе.

На удивление мне не страшно, словно я уже заранее знаю, что там, куда я отправлюсь, не будет боли. Там будет тишина и спокойствие, а это лучше, чем видеть изо дня в день терпеть такое отношение со стороны близких тебе людей.

Та женщина, Роуз, приставила ко мне мозгоправа, чтобы я болтала с ним о том, о сём. Хотя, конечно, я знала, что это ещё один способ выудить из меня информацию. Я помню разговор с психологом, она говорила, что для того, чтобы облегчить свою душу, я должна написать на листе бумаги, кто я есть на самом деле. Я не должна забывать истинную себя, как и не должна отрицать осуществимые мечты. Я ей благодарна за это.

Итак. Меня зовут Эмили Беннет, мне шестнадцать лет. И я жажду умереть, потому что и отец, и мать меня ненавидят. В их взглядах я вижу презрение к себе. Они считают меня виноватой в смерти старшего брата, даже если и прошло уже два года. Я ненавижу их за это. Ненавижу за их поступки. Ненавижу их за такое отношение ко мне. Хотя и бесконечно сильно люблю тех родителей, что остались у меня в чертогах памяти, когда мы улыбались друг другу, ели завтрак на ужин и смотрели допоздна различные телепередачи, а после я забиралась в их кровать, где слушала различные сказки, но никогда не доходила до конца, потому что тут же засыпала. А старшая сестра, которая приезжает к нам не чаще чем два раза в пару месяцев, просто ничего не замечает. Я не знаю, что она чувствует за сотни километров от меня, но мне кажется, что это её способ справиться с горем. Она просто сбежала. И... мне надоело. Я устала. Устала тянуть постоянно на себе разваливающуюся семью, устала стараться учиться на отлично, чтобы хоть чем-нибудь походить на идеальную старшую сестру и старшего брата. Устала терпеть побои, скандалы, унижения в свой адрес. Устала жить, не живя, ведь то, как проходили дни мои, нельзя назвать жизнью, а, скорее, проживанием. Я хочу лишь покоя. Ненавижу такую жизнь. И ненавижу саму себя. Я надеюсь, что моя смерть принесет хоть какое-то облегчение моим родителям. Ведь сколько проблем сойдет с их плеч, если меня не станет.

Я отпускаю руль и развожу руки в сторону. Ветер чуть ли не сносит меня, но мне плевать. Мотоцикл начинает вилять по сторонам.

— Я хочу умереть! — Кричу что есть силы.

Том сидит рядом со мной в машине, он улыбается мне, мы болтаем. Я опираюсь руками на сидение водителя и что-то ему рассказываю. Брат поворачивается ко мне и шутит по этому поводу. Его улыбка радует меня как никогда раньше.

— Я хочу умереть! — Слезы стекают по моим щекам, душа болит и съезживается в комок от острого удара по больному.

Том не видит надвигающийся грузовик. Он все еще что-то мне говорит, не сводя глаз с моего лица, ожидая моей реакции. Но я вижу надвигающуюся опасность, сердце бешено колотится, меня всю наполняет страх. И я кричу о грузовике брату.

— Я хочу умереть! — Прощаюсь с жизнью. Мне не страшно. Мне не страшно. Не страшно.

Он пытается развернуть машину, сойти с дороги, поворачивает в сторону. Меня откидывает назад, и я ударяюсь головой обо что-то довольно острое. Весь мир заплескался разноцветными пятнами.

— Я иду к тебе, Томми... — Шепчу.

Но удар встречает лбы двух машин.

И я врезаюсь на скорости в сто двадцать в дерево.

Два
Кристи

Я сидела за конспектами по истории и пыталась выучить все даты, связанные с войной севера и юга. В голове все мысли перемешивались, потому что я очень устала. Встав из-за стола и выключив приглушенный свет лампы, я старалась не шуметь, дабы не разбудить соседку по комнате. Чтобы налить себе кофе, пришлось спускаться на первый этаж общежития, где у нас находится кафетерий; каждое утро сюда приходит работник столовой и готовит что-нибудь нам на завтрак. Как оказалось, не я одна являюсь полуночной совой, уже заранее готовящейся к предстоящим контрольным. На электронных часах высвечивалось «00:28».

Жизнь шла своим чередом: год за годом, день за днём. Я уже на втором курсе в университете, хотя кто бы мог об этом подумать? Казалось, что только вчера я была первокурсницей.

— Привет, — сонно проговорила Афелия, отодвигая свои тетрадки в сторону, чтобы я могла сесть рядом с ней и положить свои учебные предметы тоже. — Снова допоздна не спим?

— Привет. — Я поставила на стол свою кружку с кофе и открыла тетрадки. Голова ужасно болела, и я потеряла виски. — Да, снова.

Афелия наклонила голову, уткнувшись в свои тетради, и её профиль так сильно напомнил мне профиль моей сестры, Эмили, что сердце с болью сжалось. На минутку мне показалось, словно у меня ужасное ощущение, дежавю: плохое предчувствие охватило меня всю. Так уже было, когда сестрица попала в аварию с братом. Допив своё кофе, небольшой прилив сил настиг меня, и я решила еще что-нибудь подучить, но сконцентрироваться в месте, где полно народу, мне не удавалось. Поэтому я встала и направилась к себе в комнату.

Спотыкаясь во тьме, искала кнопку, включающую лампу, что удавалось мне не очень хорошо. Я даже начала немного нервничать по этому поводу. А затем послышался шорох за моей спиной и сонный голос соседки:

— Лови. — Она швырнула мне мой телефон. — Пока тебя не было, он достал меня своим жужжанием.

Я сразу же стала просматривать последние вызовы, но номер был мне не знаком. Да и кому придет в голову звонить человеку в полпервого-ночи, вдруг он спит? Скептически настроено, я засунула мобильник в карман джинсов и вновь села за зубрежку, но через несколько минут телефон опять зажужжал.

— Алло? — спросила я, выйдя в коридор.

— Здравствуйте, это Кристи Беннет, сестра Эмили Беннет? — поинтересовался женский голос.

— Да, а что случилось?

— С вашей сестрой случилось несчастье. Уже как двадцать минут она находится в операционной, и ей пытаются сохранить жизнь. В своей картотеке она указала ваш номер, если что-то случится.

Моё сердце бешено забилося, а всю меня затрясло так сильно, как никогда раньше. Из-за того, что коленки подогнулись, я чуть не упала, но устояла на ногах благодаря тому, что оперлась об стенку. Я быстро бросила что-то вроде «Уже выезжаю» и громко захлопнула дверь в свою комнату.

— Ты чего? — испугалась шуму моя соседка. Я записывала свои вещи в сумку, собирая всё самое необходимое для дороги. Пересчитав, сколько у меня осталось денег в кошельке, поняла, что моё положение очень плохое.

— Можешь одолжить мне пару сотен? Я тебе верну, — спросила я у неё.

— Извини, только сотня.

— Сойдет. — Взяла деньги из рук девушки и поблагодарила её.

— А что случилось-то? — спросила она, но я уже вышла из комнаты.

Прося у всех, кто еще не спал, хотя бы пару десятков долларов, я объясняла, что совсем скоро всё это верну, просто сейчас крайняя необходимость. Так и наскребла нужную сумму на поезд. Хорошо, что я вовремя попала как раз на тот рельс, что ходит ночью, и не пришлось ждать до утра, теряя драгоценное время. Несколько часов трясушки по рельсам и буду рядом с сестрой.

Я влетаю в больницу, как ураган, и сразу же обращаюсь к регистратору.

— Эмили! — Волнуюсь, кричу я. — Эмили Беннет! Где она?

— Подождите минуточку. — Девушка ровно отвечает мне. Она меня раздражает. Её чрезмерное спокойствие ужасно меня бесит.

— У меня нет ни гребанной секунды! — Выкрикиваю я и ударяю кулаком по стойке, девушка за ней смотрит на всё также спокойно, наверное, привыкла к подобным картинам. — Эмили Беннет. — Повторяю, но уже спокойнее. Стараюсь держать себя в руках. — Она попала в аварию.

— Да, вижу, — отвечает регистратор, смотря списки пациентов в компьютере. — Она в операционной, это прямо и налево.

Я напрямик бросаюсь туда, не успев услышать, что же ещё произнесла девушка. Пол скользкий, отчего я постоянно поскользываюсь, но я не могу позволить себе упасть. Перед дверью в операционную стоит санитар, видимо, дежурит.

— Простите, мэм, вам туда нельзя. — Останавливает он меня, видя, что я собираюсь броситься прямо в помещение.

— Мне можно! — грубо произношу.

— Нет, вход запрещен для всех, пока не закончится операция.

Боги, сколько же она уже длится, если я в дороге была почти четыре часа! Неужели? Нет, нет, нет. Даже не думай об этом, с ней всё в порядке, с ней обязательно всё будет в порядке!

— Иди на хрен! — Выругалась я. — Там моя сестра! Мне нужно срочно её увидеть!

Я кидаюсь вперед, надеясь отпихнуть санитаря куда-нибудь в сторону и забежать вовнутрь, увидеть её лицо, взять за руку и убедиться, что её сердце еще бьётся, но работник больницы хватает меня за плечи и трясёт.

— Успокойтесь, — говорит он. — Придите в себя. Присядьте.

Я попятилась, ища руками сидения. Села. Голова сама по себе упала на колени, после того, как я наклонилась. Я почувствовала, как жизнь потихоньку уходит из меня.

— Вот так. Успокойтесь, — продолжал санитар. Он похлопал меня по плечу. — Эй, Ник, стань пока мне на замену.

Я замечаю, что меня всю трясёт. Слезы произвольно льются из глаз, не могу их контролировать. Вижу сквозь жалюзи бледное лицо Эм, наполовину скрытое маской. И новая волна паники накрывает меня. Моя маленькая сестрёнка, как я тебя не уберегла!

— Эй, может быть вам принести что-нибудь? Чай? Кофе? — Я киваю.

— Кофе, — еле выдавливаю из себя.

Только сейчас я поняла, как же слаба. Я нервно кусаю губы, затем начинаю грызть ногти, заламываю руки. В моих вдохах слышится истерика. Почему же время идёт так медленно? Шаркаю ногами в не себя от горя. Затем санитар приносит мне кофе, обжигающий, пахучий.

— Осторожно. Горячий, — говорит он.

Но я будто не слышу. Заливаю кипятком себе в глотку, а затем нервно откашливаюсь. Горло обжёт горячий терпкий напиток с легким привкусом карамели. Жидкость пошла по глотке вниз, к желудку, который тоже через секунду вспыхнул от обжигающего напитка. Но эта боль — ничто по сравнению с душевной болью, которая исцарапывает всё моё нутро.

— Говорю же, осторожно.

Я не знаю, сколько длилась операция. Очень долго. От нетерпенья я ходила туда-сюда мимо операционной, мозолила глаза уставшим санитарам, работающим в ночную смену; нервно отстукивала ногами какую-то мелодию, а затем напевала её. Вскоре я устала и заснула прямо на сидениях. Когда все закончилось, меня разбудил тот самый санитар, а рядом с ним стоял доктор.

— Кем вам приходится Эмили Беннет? — спросил доктор.

— Я... — Немного замаялась, находясь в полусонном обморочном состоянии. — Я сестра.

— Пройдемте со мной. — И доктор пошел вдоль коридора.

Я соскочила со стульев и бросилась вслед доктору. Ноги от таких неожиданных движений не слушались, они немного затекли от неудобного положения, в котором я уснула. Посмотрела на бэйджик, весящий на груди мужчины, и обратилась к нему:

— Доктор Фитч, не томите, — начала я.

— У вашей сестры сломаны почти все ребра, хотя хорошо, что это больше было похоже на трещины. Не волнуйтесь, важные органы не задеты. — Я выдохнула. Хоть какое-то облегчение. — У неё раздроблена коленная чашечка, сломана нога и рука. — Он вздохнул и поправил на носу очки. Выглядел он очень усталым. — Было вывихнуто плечо. — Он замолк.

Я чувствую, как его слова повергают меня в шок. Почти всё, что можно было, она в себе разрушила. Но... ведь Эмили жива. Она жива! А кости-то заживут.

— У неё было обширное внутреннее кровотечение, с которым мы не сразу справились, произошел разрыв селезенки, и нам пришлось её удалить. Всё остальное в относительном порядке. — Доктор снова вздохнул. Никогда не видела, чтобы врачи так волновались за своих пациентов.

— Она ведь будет в порядке, да? Кости ведь можно восстановить, срастить. — Волнение было слышно в моём тоне.

— В целом, да. Но у неё еще одна черепно-мозговая травма. Я не уверен, что все будет в порядке. Пока она не очнется, не могу судить в полной мере.

— А когда она очнется? — Я прижала руки к груди, как если бы скрестила пальцы. Сейчас всё решится, вся моя будущая судьба.

— Не могу сказать. — Ещё один вздох. — Когда её привезли, она была в сознании. Знаете, я даже удивился, обычно после такого люди сразу же впадают в кому, но не она. Ваша сестра — настоящий боец.

— Но она ведь очнется, да?

— Я не знаю. Прошу простить.

И доктор Фитч ускорил шаг, а затем скрылся за поворотом, а я так и осталась стоять посередине коридора. Она может впасть в глубокую кому и больше не очнуться. И я потеряю еще одного близкого мне человека. Я не выдержу, на этот раз точно. Если смерть Тома я пережила благодаря учебе, то даже она не сможет помочь мне смириться со смертью младшей сестры. Струны моей душевной организации натягиваются так сильно, что я чувствую, как скулит моя душа. Дрожу. Еще мгновение, и что-то внутри рвется, освобождая всю боль и гнев наружу.

Я понимаю, что могу потерять еще одного близкого человека. И я обвиняю во всем отца, мать. Знаю, это они во всём виноваты, никто другой! Когда я приезжала домой, то видела, как им трудно приходится надевать на себя маски безразличия, хоть я и понимала, что Эмили приходится труднее, я вновь и вновь оставляла её. Я тоже виновата в этом. Но родители должны были быть внимательнее, а не закрываться в собственной боли, ведь они намного чаще бывают с ней рядом.

Я заявляюсь домой и начинаю громогласную тираду по поводу безответственности родителей. Выплескиваю на них всё, что я них думаю, кричу о том, что случилось с Эмили. На лице матери появилось какое-то беспокойное выражение, но отцу хоть бы хны. Он, заикаясь, начинает разглагольствовать о том, как я смею повышать голос на старших. А я, выругавшись, заявляю, что сама справлюсь со всеми проблемами. Когда сестра очнется, мы будем сами по себе.

Но, даже понимая, что такого расклада может и не быть, не говорю об этом не слова. Пусть они думают, что всё будет хорошо. Мне больно. Я мысленно кричу на Эмили из-за того, что с ней произошло.

Я взяла студенческий отпуск, чтобы побыть вместе с сестрой. Нет, это не значит, что я бросила учебу, а просто сделала небольшую паузу в обучении. Когда я буду готова, с легкостью смогу продолжить с того места, где остановилась. Не знаю, сколько недель я провела, буквально не покидая стены больниц, но Эмили выздоравливает.

Мне пришлось предупредить квартирантов, что жили в доме бабушки, чтобы они готовились искать себе новое жилье. Неизвестно когда, но Эмили полностью оправится, и нам придется поселиться там вместе, ведь с родителями мы теперь-то точно жить не будем. Взяв деньги с квартирантов на месяц вперед и распродав много разных вещей, я насобирала приличную сумму на лечение сестры и на дальнейшее её содержание. А жила я в доме бабушки тоже, ведь там всегда были свободны пару комнат, которые я не решалась сдавать на пользование или же мне не хотелось. Рассчитавшись со всеми своими долгами в университете и собрав вещи из общежития, попрощавшись там со всеми одноклассниками, которые стали мне родными, я переехала в город, от которого так старалась сбежать. Просто я никогда не любила это наше скромное захолустье.

Когда Эмили очнулась, я была первой, кто её увидел, подбежала к ней, целуя и зажимая её руку. А слезы так и хлынули из моих глаз, потому что на мою душу легло облегчение. Она очнулась, а остальное, самое страшное, уже позади.

— Зачем? Зачем? — вымаливала ответ я.

Очевидцы уже рассказали, что она неслась на невероятной скорости и перед тем, как врезаться в дерево, она сделала что-то вроде предсмертной записки: кричала, что есть мочи, как она хочет умереть. Налицо вывод: преднамеренный суицид. Я помню лицо Роуз, инспектора по делу Эмили, она говорила, что старалась ей помочь. Но мне все равно. Она жива.

Эмили лишь посмотрела на меня, скривившись, и из её глаз полились слезы.

— Как ты могла забыть про меня? Что, если бы ты оставила меня? — Я рыдаю.

Эмили тяжело вздохнула и кое-как выдавила из себя писклявое «Прости». Но мне и этого было достаточно.

И вот я снова стою перед кабинетом, в котором обследуют сестру. Хочется зайти к ней, но доктор сказал мне ждать здесь, они ведь проходят обследование. И вновь я от волнения начинаю делать бесполезные вещи, лишь бы поскорее скоротать время и узнать, что же от меня хотел доктор Фитч. Затем я вижу, как санитары вывозят каталку с моей сестрой обратно в палату. Эмили увидела меня и помахала живой рукой.

— Вот вы где, — произносит за спиной доктор. Я пугаюсь от неожиданности и подскакиваю, резко оборачиваясь к нему.

— Да, я здесь. — Кивнула. — Так что, доктор Фитч, как обследование? — Снова волнение, как у девочки, впервые влюбившейся.

— Пройдете в мой кабинет. — Поникнув, сказал он.

У меня предчувствие. Это что-то плохое. Сложив руки на груди и немного насупившись от испуга, я следую за ним до самого кабинета. Доктор предлагает мне выпить, но я отказываюсь и по просьбе сажусь в кресло. Звенят стаканы, и он выуживает из шкафчика виски, наливает себе немного и отхлебывает разом напиток. Вероятно, для храбрости. От этого мне становится еще больше не по себе. Что может заставить врача пить в рабочее время, если ни какие-нибудь тяжелые вести?

Доктор Фитч начинает мне рассказывать про какое-то неконтролируемое деление клеток, про метастазы, клеточную атипию, но я не могу понять, к чему все это. Говорит, что такое ремиссия и что это еще не означает полное выздоровление для организма, что болезнь может вернуться через какой-то промежуток времени. Он перечисляет все возможные симптомы и очаги.

— Эмили много раз падала, — говорит Фитч. — Она сама призналась. Это могло вызвать толчок. Никогда не знаешь, что будет после таких травм, как и не знаешь, что может послужить причиной.

Подскочив, я стою в оцепенении, до меня не сразу доходят его слова, но, кажется, я начинаю понимать. Всё моё тело напряжено, руки покрылись гусиной кожей, и все волоски встали дыбом. Ещё чуть-чуть, одно слово, подтверждающее мои догадки, и я сорвусь.

— Стойте, вы имеете в виду... — Выдаю я.

— Да. — Фитч вздыхает и поправляет очки на носу. Снова наливает себе выпить. Когда бутылка стучается о стол, я подхватываю её и наливаю виски во второй стакан, стоящий рядом. Со всей дури вливаю в себя горький, невыносимый и обжигающий нутро алкоголь. Доктор, видя, что я готова это услышать, произносит: — У Эмили опухоль головного мозга. Сожалею, но ей недолго осталось.

Эмили

Уже четыре месяца я лежу в больнице из-за своей чертовой ошибки. Значит, это знак. Я не должна умирать. Я потягиваюсь на кровати настолько, насколько это возможно в моем нынешнем положении, но все равно от движения у меня в костях начинается неприятная, тягучая, ноющая боль, а где-то внутри, в животе, что-то остро закололо, и я всхлипнула. Доктор сказал, что это побочные эффекты операций, но скоро они пройдут. Наверное, я уже никогда не стану прежней.

Чёрт бы меня побрал! Зачем я это сделала? Почему в тот момент я думала лишь о себе, о том, как легче сделаю для себя, но не для других! Мне казалось, мне, действительно, казалось, что, если я умру, это облегчит всем жизнь. Но, как видно, это не так.

Да, мама и папа... Им все равно. Родителям даже не сообщили, что со мной случилось, потому что я ещё давно указала в своём бланке телефон сестры в случае критических ситуаций. Да и не думаю, что Роуз позволила бы им повидаться со мной, ведь она считает, что это они виноваты во всем.

Но Кристи! Как я могла подумать, что сестра сбежала от нас, что она оставила меня и забыла про меня?! Это ужасно эгоистично с моей стороны! И она по первому звонку прибежала ко мне, даже увидев меня в таком ужасном состоянии и узнав, что со мной случилось. Вопреки всему она меня любит.

Я забыла и о единственной верной мне подруге, Лондон. Когда я пришла в себя, первые её слова были «Ты что, сдурела, а? Да как ты могла! А ты подумала, что будет со мной, если бы ты умерла?». И эти её слова так пристыдили меня. На самом деле я думала, что Лондон еще та штучка, что ей не знакомы чувства страха и боли. Да, она эгоистка и побольше меня, но мы дорожили друг другом с самой средней школы.

Коленка ужасно болит, словно кто-то бьёт по ней молотком. Если бы не обезболивающее, то боль была бы намного сильнее и невыносимее. Интересно, сколько коленка еще будет срастаться? И срастется ли она вообще? Рука-то уже. Про ребра вообще молчу. Первое время я совсем не могла двигаться, потому что была в плотном бинте, который сдавливал мои ребра, чтобы они правильно срослись. Повезло, что они почти все просто немного надломились, и не было никаких смещений, иначе острые края могли бы задеть какие-нибудь важные органы. Да я вообще везунчик! Пошевелив двумя здоровыми руками, чтобы убедиться, что с ними все, правда, в порядке, я услышала стук в дверь.

— Привет, Эмз, — грустно произнесла Кристи, выглянув из-за двери, и затем зашла в палату.

Она проговорила всего два слова, а сколько боли я услышала в её голосе. Под глазами у сестры залегли глубокие синяки, и немного засаленные волнистые волосы были собраны в небрежный хвост. На лице хорошо выделялись морщинки, скорее всего, из-за усталости и волнения, ведь ей всего-ничего двадцать лет.

— Привет, Крис, — поприветствовала я её.

Последний месяц Кристи ведет себя странно, словно она меня винит или словно ей меня жаль. Даже не знаю, что выбрать. Складывается ощущение, что она что-то не хочет мне говорить, а может, она таит в себе обиду на меня из-за моего проступка. Сестра избегает длинных встреч со мной и каких-нибудь расспросов, отсылаясь, что она очень спешит.

— Ну, ты как? Все хорошо? — спрашивает она.

Картонные пакеты с шумом плюхаются на пол. Наверное, там фрукты или очередное детское питание. Мне сейчас почти что нельзя ничего твердого кушать: только пюрешки и каши, соки или фрукты, которые сразу же перевариваются в желудке и не напрягают мой организм. Из-за такого питания я похудела еще больше, чем была раньше.

— Тело затекло и ноет. — Я пошевелила пальчиками на ногах, мол, это невыносимо терпеть. — А так... неплохо. — Я пожала плечами. — Хорошие врачи попались. Они спасают меня, как могут.

Кристи кивнула, а затем потерла свои плечи руками. Я знаю этот жест, люди так делают, когда им холодно или когда они хотят сказать что-то важное, но не решаются. Решив не доставать её разными расспросами, я просто ждала, пока сестра соберется с мыслями.

— Эм... — Она потупила взгляд, а голос её дрогнул, как струна на скрипке, когда по ней музыкант проводит смычком.

— Кристи, ты чего? — Сестра заплакала и сразу же начала краем кофты стирать льющиеся из глаз слёзы. Это меня ужасно насторожило. — Кристи? — переспросила я.

— Прости, что раньше тебе не сообщила. — Она посмотрела на меня, и по её взгляду можно было понять, что она борется сама с собой. Говорить или нет? Но раз она начала, то обязательно должна продолжить.

— Что? — недоумевая, спрашиваю её.

— Твои головные травмы. — Взахлеб. — Они...

И сестра отвернулась. Она достала из кармана платок и высморкалась, а затем нервно стала стучать пальчиками по пластиковому подоконнику, смотря в окно на птиц, пролетающих рядом.

— Что с моей головой? — Я наконец понимаю, что она хочет сказать. Точнее я догадываюсь, что это связано с этим.

Молчание. Напряженная тишина в палате, и между нами двоими словно пробегает ток. Но затем сестра на одном дыхании протараторила следующее:

— В твоей голове развивается глиобластома. И довольно быстро. Врачи говорят, что они бессильны, она неоперабельная, а химиотерапия или лучевая терапия здесь не помощники.

— Что? — Её слова повергают меня в шок. Секунда, и в окно врзается птичка, а я вздрагиваю от громкого «Бум!». Кристи удивленно отскакивает от окна, а затем снова встает на прежнее место. Она не хочет видеть моего лица и то, как я это восприму после всего. Я выжила, чтобы вновь погибнуть.

— У тебя опухоль головного мозга, Эм. Рак. — Проговаривает она.

И тут груз её слов доходит до меня.

«Ну что, ты все еще хочешь умереть?» — говорит внутренний голос.

Часть вторая "Надежда"

Три

Кристи раскрывает жалюзи, чтобы солнечный свет проникал в палату. Я укутываюсь покрывалом. За последнее время темнота мне понравилась. Я хочу провести всю жизнь под одеялом. Осталось недолго.

Мне так обидно и грустно, что я такая дура. Я играла с судьбой, и она ответила мне той же монетой, решив предварительно помучить. Сколько раз я уже выживала, и даже сейчас... я осталась в живых. Но мне предстоит умереть.

Раз в день меня заставляют посещать психолога. Один на один, чтобы я могла рассказать все свои страхи, чувства и эмоции. Но из эмоций у меня есть только слезы и глубокая обида на себя. Я себя ненавижу. Психолог, следя за моим состоянием на протяжении месяца, пришла к заключению, что я вполне вменяемая, а моя попытка самоубийства, скорее всего, была глупостью под давлением обстоятельств.

И даже после этого заключения, которое требовалось врачам, я все равно продолжила её посещать, хотя уже и могла прекратить. По крайней мере, только у неё я могу беспричинно рыдать, глядя на маятник, стоящий у неё на столе, который по идее должен успокаивать пациента, хотя я и еще больше впадаю в отчаяние, когда гляжу на него. Действие маятника бесконечно, но я не вечна. Конечно же, никто не вечен по своей сути, зато у них впереди взросление, старость и смерть. А у меня только смерть.

Теперь вечные мои друзья — это таблетки от тошноты и мигрени. Хотя даже они иногда не помогают головной боли не появляться вовсе, за все месяцы, что я здесь нахожусь, у меня было два приступа, один из которых длился почти три дня.

— Эмз. — Я чувствую, как сестра присела на край койки, и та скрипнула. Ужасный противный звук, действующий мне на нервы. — Ты слышала, что сказал доктор? — Она говорит более чем радостно. Больно. Не хочу жалеть себя. Сама и виновата.

Я не отвечаю. Она пытается откинуть одеяло, чтобы раскрыть меня, я только еще больше прячусь в собственном мирке, в собственном городе Эмбер, а точнее, Эмили. Здесь больше нет никого, только я, рак и тьма.

— Он сказал, что опухоль замедлила рост. Деление клеток происходит не так интенсивно.

Я стягиваю одеяло с лица, немного приоткрыв его. Сестра увидела мой взгляд, и у неё у самой глаза дрогнули. Это волнение. Конечно же, я вся опухшая и заплаканная.

— И что мне это даст? — говорю я.

— Если так и будет продолжаться, то, возможно, твой срок увеличится. — Она смотрит на меня так, словно сейчас бросится защищать от любой напасти. Ты не сможешь защитить меня от самой себя.

— Насколько увеличится? На месяц, на два? Какая в этом разница, проживу ли я еще три месяца или пять? Все одно. — Я слышу свой хриплый голос, словно я ревела, не переставая, неделю.

Сестра отпрянула и нахмурилась. А затем подняла взгляд на меня, и я увидела, что радость вновь появилась на её лице, хотя и смешанная с горечью. Кристи произнесла:

— Сделав все исследования, доктор сказал, что, возможно, год или полтора. Если она еще более замедлит рост, то есть вариант, что два года.

Полтора года. Я бы тогда смогла увидеть своё восемнадцатилетие.

— А она может совсем остановиться? Не расти больше и не ухудшать положение? — Не унимаюсь я.

Мне и не нужен был ответ. Вся радость в глазах сестры от моего увеличенного срока испарилась. Теперь там темнота. Кристи покачала головой.

— Значит, и в этом нет смысла. — Я снова спряталась под покрывало, безнадежно вдыхая воздух, чтобы организм мог жить. Мое сопение слишком громкое, пытаюсь успокоиться. Не хочу показывать сестре, что на самом деле я могу сорваться. Пусть я буду лучше безразличной, но не слабой.

Дыхание у меня прерывается, говоря о слезах, подступающих к горлу. Я не заплачу. Нет, нет, нет. Под одеялом, плотно прижатым к краям постели, — я сама его держу — становится все меньше кислорода. Делаю глубокие вдохи. Чуть-чуть приподняв с боку одеяло, чтобы впустить свежий воздух, сквозь щель я увидела лучики солнца. Вероятно, они ложились прямо на мою постель из окна, не зашторенного жалюзи.

Кто бы мог подумать, я пропустила всю весну, лежа в этой больнице. Не видела, как на улице зеленеет трава с каждым днем, как деревья зацветают, как ветер сносит лепестки молоденьких цветочков, только-только раскрывшихся бутонов. Я не чувствовала это дуновение весеннего ветерка, смешанного с запахом зеленых трав, с желтовато-оранжевой пылью, которая путешествовала вместе с ветром. Как абрикосовые и вишневые деревья зацветают одними из первых; они не напоминали мне в этом году сакуру, и их опадение не было для меня прекрасным. Как распускаются среди травы желтые одуванчики, я тоже не видела. А все из-за того, что я не могла встать с кровати. Лишь птицы, изредка пролетающие мимо моего окна, радовали меня, их радостное щебетание.

Затем я пропустила пасху и не попробовала шоколадные яйца, не увидела пасхального кролика, прошел сезон скоски травы. Тополя, которые цветут с конца мая и последующий месяц, его пух, который забивается в глаза и нос, заставляя тебя чихать. Открытие аквапарков. Первый летний дождь и промокшие ноги. Сладкую вату. Теплую водичку в реке, песок, забивающийся под ногти, детей, радостно носящихся босиком по улицам. Толпы девочек, сидящих на траве и плетущие венки из цветов, радостно что-то обсуждая. Весенне-летние брачные крики котов за окнами. Фестивали, которые проводятся в центре города в честь наступления различных сезонов. Я пропустила лето и весну, хотя, возможно, они и последние в моей жизни.

— Тебя через две недели выпишывают, — говорит Кристи. И я вернулась в реальность. Душа больно сжималась, но я была спокойна. Умиротворение душит нас ледяными конечностями.

С того момента, как сестра мне всё рассказала, я считаю дни. Уже пятнадцать.

— Ребра твои срослись. На коленку поставят иммобилизационную повязку. Некоторое время тебе придется ходить с костылями, пока не наладишь работоспособность как ноги, так и коленной чашечки. Мы с тобой будем регулярно ходить на физиотерапевтические процедуры и массаж, ладно? — Она кисло улыбнулась.

— Глупо, — бурчу я. Все это мне ни к чему. Я уже собралась умирать. Терять мне и так больше нечего.

— Нет, — возразила Кристи. — Мы с тобой переедем в дом, где жила бабушка, она мне его завещала, помнишь? И ты будешь жить нормально, как будто ничего не случилось, — в её голосе теперь слышится металл. Я её разозлила.

Домик на окраине города. Рядом речка и пляж. С другой её стороны есть железная дорога, звук пронесшихся поездов особенно слышен ранним утром, словно они проходят близко-близко. И школа, из-за неё на улицах постоянно бегают дети, их крики обитают в этом месте. И, конечно же, роща, откуда доносились чудесные щебетания птиц, а зеленые деревья приятно радовали глаз. Весной там плачут березы, а из их стволов, которые полны весенними соками, можно добывать вкусный сироп; также роща полна грибов. Это чудесное место, дарящее уют и покой душе. Даже от самих воспоминаний у меня в груди все потеплело. На самом деле, переехать было бы чудесно. Но все это было так давно, что уже и не важно.

— Кажется, я потеряла интерес к жизни. — Вздохнула. Да, я помню все-все прежние её краски, но сейчас все мне видится в нерадостных цветах, как, собственно, и последние два года.

— Значит, приобретешь снова.

Мне хотелось кивнуть. Возможно, она права. Возможно, я когда-нибудь успокоюсь и буду замечать всю эту красоту вновь. Но затем я вспомнила, что уже полгода лежу в больнице и что ни разу за это время не улыбнулась, даже не засмеялась. Похоже, я совсем перестала что-нибудь чувствовать, кроме опустошенности и слез.

— Ты кому-нибудь говорила? — Она и так поймет о чем я, уточнять даже незачем.

Легкое волнение охватило меня, я не хочу, чтобы кто-то знал об этом, иначе они будут проявлять ко мне жалость.

— Еще нет, — ответила Кристи.

«Ясно», — подумала я. Это хорошо.

— Мама меня ни разу не навестила, — холодно, слишком холодно сказала я. Мне безразлично. О папе я не заикаюсь, ведь ему абсолютно все равно. Лондон, моя подруга, частенько меня навещала. Но и ей я не придавала значение. Я такая эгоистка. Все мои мысли заполнены лишь моей судьбой.

— Ну и пусть, зато я здесь. — Сестра запускает руку под мое покрывало и ищет мою ладонь. Крепко сжимает её. — И я тебя не брошу. — Сердце пронзает острая боль. Я уже в сотый раз задаюсь вопросом, как я могла подумать, что она хотела меня бросить?

— Только обещай мне, что никто не узнает. — Я дышу. Покрывало то поднимается, то опускается в такт моему дыханию. Иногда оно опускается прямо к моим губам. Теплое.

— Я обещаю, — говорит она.

Четыре

— Смотри, здесь так просторно! — говорит Кристи. Она проходит по всем комнатам и одергивает занавески, постоянно поворачиваясь и улыбаясь мне. Наверное, хотела развеселить меня или просто поднять настроение. Я вижу, как в воздухе летают пылинки, и вижу, как в пустом аквариуме отражаются лучи солнца, превращаясь в радугу. Это был бабушкин дом.

— Ага, — монотонно произношу я. В моем голосе уже давно не выражаются чувства.

Ходить с костылями довольно тяжело. Зато стоять — превосходно. На меня нахлынуло облегчение от того, что я наконец-то расслабила руки и что я могу дышать полной грудью. «Нужно привыкнуть, помнишь?» — спрашиваю я сама себя. В голове крутятся дни: двадцать девять.

Пока Кристи осматривает комнаты, я выхожу на улицу. Я всегда любила это место. Там, в конце улицы, растирался песчаный берег реки. На дворе август. Дети, наверное, там резвятся. Рядом находится школа и парк, если его пройти, то можно сразу же оказаться на пляже. А на другом берегу реки расстилается густая березовая роща — любимое место отдыха у многих горожан.

Я заметила, какие взгляды на меня бросали прохожие. Они словно бы меня презирали. Или боялись. Это было чертовски неприятно. Я заковыляла в дом с мыслью, что больше не покину его стен.

Моя комната была на втором этаже. Пришлось приложить усилия, чтобы добраться до неё, сестра мне помогала, конечно. Но не может же она находиться рядом все время? Нужно самой учиться.

Первым делом, я плюхнулась на кровать, укутываясь простынями. Хорошо, что кости больше не болят, не считая ноги, правда. Она изредка побаливала, но чаще всего неприятно ныла. Напротив кровати стоит шкаф, а на нем висит зеркало во весь рост. Я видела огрызки своих волос, остриженные так, что казалось, будто у меня на полголовы плешь. Мне это не понравилось, выглядела я ужасно и чувствовала отвращение к себе. Я завесила зеркало покрывалом после того, как медленно слезла с кровати. А подойдя к окну, взглянула на улицу, но, не найдя там чего-либо интересного, зашторила занавески. И вновь в комнате наступила расслабляющая темнота. Не без усилий надев легкую футболку и шорты, залезла под простыню, считая секунды и ожидая, пока засну.

Тридцать один.

Пол скрепит. В комнату входит Кристи, поглаживает простыни, под которыми я лежу. Мне нравится этот её жест, нежный, добрый, ни к чему не принуждающий. Я словно бы чувствую на себе всю нежность её души. Что бы я ни говорила раньше, я очень рада, что сестра теперь со мной.

— К тебе пришли, — говорит Кристи. — Это Лорен. — И уходит.

Затем заходит подруга. Я услышала её шаги еще на лестнице: легкие и озорные, словно бы она шла чуток вприпрыжку. Эта её походка — её особая черта, сводящая с ума всех парней в округе. Лондон бросает сумку куда-то в сторону, подходит к кровати и садится на пол у изголовья.

— Привет, — проговаривает она, склонив голову. Я киваю.

Лондон смотрит на меня и не узнает. Она, подперев руками голову, рассматривает меня своим пронизательным взглядом, а затем произносит:

— Твои волосы...

Я верчу головой, показывая свою стрижку.

— Ты точно не специально выбривала висок? Знаешь, это ведь сейчас мейнстрим, — шутит подруга.

Из меня выходит жалкий смешок. Настолько жалкий, что хочется еще больше смеяться от этого. И мы вместе засмеялись. Так приятно чувствовать смех. Лондон знает все ниточки, за которые нужно тянуть.

— А ты похудела, — произносит она.

Я снова киваю. Не то чтобы я была полной раньше, нет. Но сейчас я совсем худая.

— Может быть, и мне сесть на больничную диету? А то давно хочу похудеть. — Она встает и обтягивает свою футболку, как бы показывая, что ей обязательно нужно похудеть. Хотя это не так. Снова пытается пошутить. Иногда шутки у Лондон совсем неуместные и глупые.

Она замечает на комодке небольшую стопку дисков и книг, подходит и начинает рассматривать их. Вертя в руках картонные коробочки, она сначала смотрела на обложку, затем читала описание, хмуря брови. Подруга явно не понимает скрытого смысла этих дисков, а еще где-то там есть и книги. Их купила моя сестра, подумала, быть может, по примерам этих произведений я смогу найти в себе силы жить дальше.

— Что это? — спрашивает Лори.

— Кристи купила. Думает, они вселят в меня надежду. — Я пожимаю плечами, мой взгляд скачет с потолка на Лондон и обратно.

— Надежду на что? — Приподнимает брови.

Еще одна черта Лондон — это её взгляд, немного нахальный, дерзкий и сексуальный. Но когда дело заходит обо мне, то этого взгляда словно бы и нет, она сразу же становится мягкой и волнующейся. На её вопрос я так и не ответила.

— Посмотрим? — Предложила подруга, вертя в руках какой-то диск.

— Можно. — Я вновь пожала плечами и глубоко вдохнула. Слова давались мне тяжело, потому что я все еще не отошла от недавней истерики. Пожалуй, мне нужно прекратить плакать.

Лондон прилегла рядом со мной на кровать. Сначала было ощущение, словно мы чужие друг для друга, такое вот напряжение висело в воздухе. А все из-за того, что я боюсь проговориться, боюсь причинить её боль, если она узнает о том, что я в скором времени умру. Не хочу, чтобы она страдала из-за меня.

Фильм рассказывал о девушке, больной раком. «Все ясно, — думала про себя я. Сестра не унималась». На протяжении всего фильма девушка исполняла желания, которые хотела выполнить до того, как умрет. Она нашла любовь, исполнила большинство мечт, но чем больше она принимала жизнь, тем больше желаний у неё появлялось, исполнение которых уж точно не было бы. А затем она умерла.

Хороших концов не бывает. Как и у меня.

— Хочешь кушать? — спросила Лондон, увидев моё вновь потухшее лицо.

Я отрицательно закивала. Прикрыв глаза, подняла лицо вверх, стараясь выровнять дыхание.

— А пить? Тебе сделать чая?

— Я не хочу. — Говорю, смотря в потолок. Он светло-бежевого цвета. Идеально ровный и гладкий. Я такой теперь не буду. Покрытая шрамами как физическими, так и душевными.

— Может быть, тебе чего-то другого хочется? — спрашивает подруга.

— Что говорили обо мне в школе? — Задаюсь вдруг вопросом. Неожиданно мне, действительно, захотелось узнать, какого мнения обо мне эти люди, ведь они, хоть и в меньшей степени, принимали участие в моем проступке.

— Они... — она замолчала, а затем продолжила, — не понимают, зачем ты это сделала.

— Считают ли они меня сумасшедшей? Или больной? — Без намека на эмоции говорю я.

— Да, — грустно сказала она с выдохом. — Они не знают, из-за чего ты это совершила, впрочем, как и я. И они считают тебя слабачкой. Только слабый человек, который не может выдержать тягости жизни, так поступает.

— Слабой? — Хмыкаю. — Возможно.

На самом деле, я думаю, что все обстоит иначе. Слабый человек никогда не смог бы решиться на самоубийство, ведь причинить вред самому себе — это очень нелегко. Нужно много храбрости, чтобы сделать себе больно. Но я, действительно, слабая. Я просто решила разбиться, а для этого сила не нужна. Иное дело спрыгнуть с многоэтажного дома или вскрыть вены, на это я бы никогда не решилась. Я боюсь боли.

— Значит, они бы с удовольствием забыли про меня? — Решила вернуться к разговору.

— Они уже забыли про тебя. — Лондон скривила нос, и вдоль переносицы и на лбу появились морщинки.

— Отлично. Я как раз не собиралась возвращаться, — немного грубовато произношу.

— Совсем? — Удивилась.

— Совсем.

— Эм, я не понимаю, зачем ты так. — Она качает головой. Сев на кровать, она пыталась заставить меня смотреть на неё, но ничего не вышло.

Я не отвечаю. Молчу и смотрю в потолок, стараясь сдержать свои эмоции. Никому нельзя показывать, насколько тебе плохо. Если она хоть что-нибудь заподозрит, то всё — она будет добиваться от меня признания.

— Эмз? Клеймо самоубийцы — это еще не конец, травмы тоже. — Разводит руками. Её голос дрожит, но в нём слышны и нотки злости. Её явно раздражает, что я молчу и ничего ей не рассказываю в такой момент.

Я чувствую, как глаза становятся влажными. «Молчи, молчи, молчи», — говорю себе и прикусываю губу. Вероятно, это первые настоящие эмоции за последний месяц. Я ужасно боюсь ей признаться.

— Вернись к жизни, прошу. Поменяй школу, выйди на улицу, развейся. Хочешь, пройдемся к пляжу?

Нет, я не хочу. Оставьте меня одну. Я не хочу найти что-то, потом потерять, причинив боль кому-то. Не замечаю, как мои руки начинает бить дрожь.

— Ответь мне что-нибудь, Эм. — Она приподнялась, смотря мне в глаза.

— Что мне тебе сказать?

— Ты должна стать прежней. Веселой, а не грустной. — Меня это немного позабавило. Да, в присутствии Лондон я всегда старалась делать вид, что мне весело, улыбаясь, но если бы она была чуточку внимательнее, то увидела бы поддельные эмоции. Я была ужасно несчастна на протяжении двух лет, что жила с родителями.

— Не хочу подрывать твое доверие, поэтому ничего не обещаю, — отвечаю и сжимаю кулаки.

— Да что с тобой такое-то?! — она немного повысила голос. — Если с тобой что-то случилось, это не значит, что должны страдать другие! Да, черт возьми, весь мир не крутится вокруг тебя!

Лондон спрыгнула с кровати и подошла к окну. Её ладони крепко сжаты в кулаки, а губы напряжены. Она вот-вот скажет какую-нибудь остроту.

— Почему ты думаешь только о себе? Подумай обо мне, о сестре, подумай о тех, кому ты дорога.

— Я и думаю, — спокойно говорю я. А внутри все рвется, натягивается. Молчи, молчи, молчи! — кричу мысленно на себя.

— Как? Закрываясь ото всех и не дав ответа?

Нет. Боги, нет. Я же только о вас и думаю. Кому захочется мучиться с мыслью, что его дочь, сын, подруга или друг умрет? Ведь это будет невыносимо для всех.

— Ответь мне хоть на один вопрос.

Пытаюсь сконцентрироваться. Ладони сжаты в кулаки — не хочу, чтобы Лондон заметила, как они дрожат. Внутри меня борется два желания: сказать и не сказать. В итоге, я набираю полные легкие воздуха и выдыхаю его, снова вдыхаю-выдыхаю. Стараюсь не выдать свои эмоции в голосе:

— Я скоро умру, — говорю, все еще смотря в потолок. Голос все равно задрожал, по щеке непроизвольно катятся слезы.

— Отличная попытка, а теперь скажи правду, Эм. — Скептицизм, вот что я услышала в её голосе.

На мгновение меня охватила ярость, мол, да как она может так шутить, ведь это правда. Но волнение больше охватывало меня. Чтобы убедить её в своих словах, я добавляю:

— Мне осталось год или полтора.

Лондон молчит, смотря на меня в упор. Кажется, она не верит.

— У меня рак. Гребанная опухоль мозга! Тебя радуют мои слова? Тебе хотелось их услышать? — голос сорвался. Кажется, меня накрывает истерика. И я вроде бы это выкрикнула.

Лондон смотрит на меня ошарашено. Наверное, складывает в голове все кусочки пазла: книги, фильмы, мои желания и нежелания. Она не этот ответ хотела услышать. Она вообще не подозревала о таком. Лондон прикрыла рот рукой, стараясь не выдать всхлипа.

— Боже, — произносит она и бросается ко мне.

Сорок. Уже сорок дней.

Книга — она меняет весь мир вокруг.

— Может, ты тоже сделаешь список желаний? — спрашивает Лондон, вновь пришедшая в гости.

— Не знаю, посмотрим.

Книга меняет мировоззрение. А книга про утекающую сквозь пальцы жизнь — тем более. И я прочитала одну из таких книг.

— Как твоя нога? — интересуется она.

— Отлично. Еще неделю, и без костылей буду справляться, — свободно говорю я.

Натянutosть в моем голосе исчезла сразу после признания подруге, как будто камень с души упал.

— Хочешь, пройдемся тогда по магазинам? — Она грызет леденец.

— Нет, не нужно. — А затем прибавляю: — Ты зубы сломаешь. — Лондон отмахнулась.

— А что ты решила?

— Я не знаю. Одна не пойду. — Сижу, обхватив колени и думая.

Лондон и Кристи предложили мне вернуться в школу. Я, конечно, знала, что это для них непросто, они заставляют меня это сделать, чтобы я вела себя, как будто ничего и не было. Но если бы они не просили меня делать вид, что я здорова, то это значило бы, что они смирились с моей судьбой. Смирились с тем, что хождение в школу для меня все равно будет бесполезным занятием. И что я не вырасту, мне не нужны будут все эти навыки в будущем. Что у меня не будет никакого будущего. Я не хотела их разочаровывать, прекрасно понимая их волнение, потому решила согласиться.

— Если ты вернешься к учебе, я сделаю для тебя, что угодно. Могу перейти даже в другую школу, если ты там будешь, — пролепетала Лондон.

— Спасибо, — говорю я. — Там есть еще фильмы, которые мы не смотрели? — спрашиваю я, указывая на диски.

Лондон подбегает к стопке, лежащей на столике рядом с телевизором, перебирает, а затем победно поднимает дискетку. Мы садимся на кровать и внимательно смотрим. Подруга кладет голову мне на колени, и я легонько улыбаюсь. Так тепло и приятно.

В дверь стучатся, и заходит Кристи, держа в руках кувшин с чаем, чашки и, вероятно, лимонные пирожные.

— Я не помешала? — спрашивает сестра.

— Нет, конечно, — отвечает подруга.

— Спасибо, — благодарю за угощения, когда Кристи ставит все на прикроватную тумбочку и собирается уходить. — Кристи! — Зову. — Я согласна.

— Прекрасно, — сияет она и уходит.

Может быть, они и правы? Может, действительно нужно жить дальше, будто болезнь и не наступала? Ведь это всего лишь малая надежда для меня, но зато какая большая для них. Я волнуюсь за решение. А что, если я неправильно поступаю? Но теплота, разливающаяся по телу, заставляет верить в обратное.

"Надежда, — говорю я про себя, — это единственное, что у нас есть. А без веры мы — ничто".

Часть третья "Как и должно быть"

Пять

— Мне страшно, — шепчу, когда я и Лондон входим в ворота нашей новой школы.

Школа состоит из нескольких корпусов, и я только могла предполагать, где и что находится, но точно знала: здесь есть отдельный физический корпус с бассейном, естественно, есть стадион и спортивный зал, а также есть корпус искусства и труда, где проходят занятия по соответствующим предметам. Чтобы разобраться во всём остальном, придётся хорошенько изучить карту строения школы. Но, я думаю, долго тут не задержусь, впрочем, я и вообще долго не пробуду где-либо.

— Чего тебе бояться, глупая? — ласково ответила она.

— Ну, это не ты почти полгода общалась только с двумя людьми, которые знают твою тайну, — немного грубо произношу. Мне не хотелось, но так вышло.

Лондон посмотрела на меня жалостливо, словно я содрала старую мозоль, покоившуюся на её сердце.

— Извини... Я не подумала и ляпнула, — начала оправдываться я.

— Все хорошо, подруга, — по-доброму сказала она. — Просто... иногда я забываю.

— Забывай всегда и, пожалуйста, не смотри на меня так больше, — сказала я, и мы начали подниматься по ступенькам.

Семьдесят. Прошло семьдесят дней моей жизни с мыслями о смерти. Семьдесят дней в раздумьях о желаемом. Семьдесят дней тяжелой пустоты в сердце, тянущей меня куда-то на дно отчаяния и безумства.

Утро началось не с кофе, а с тонны лака на моих волосах.

Лондон пришла очень рано для того, чтобы на меня навести марафет. Она хотела, чтобы первый день в школе прошел изумительно, и нас смогли заметить и запомнить.

Лори уложила и выровняла мне волосы так, что было абсолютно не заметно моего криво выбритого виска и шрамов. Волосы блестели и ложились на плечи так ровно, что я задавалась вопросом: это точно мои волосы? А затем она принялась за макияж.

Увидев результат, я её постоянно переспрашивала, а не ведьма ли она? Или, может быть, она пользуется магией вне Хогвартса? В зеркале стояла я, низкорослая темноволосая девушка, с идеальной прической — на мой взгляд — и макияжем, скрывавшим следы бессонных ночей и слез. Костюм, похожий на школьную форму, оказался мне немного велик, на что Лондон в восхищении охнула, а затем вздохнула с горечью — наверное, снова думала о том, как же я похудела.

На самом деле, Лондон худая девушка, но у неё постоянный комплекс по поводу её ног. У неё большие бедра — отсюда и полные ноги. Она невысокая, но намного выше меня. У неё красивые русые волосы чуть ниже плеч, длинные ресницы, карие глаза. В общем, когда ты смотришь на её, взгляд задерживается, хотя из-за угрей она выглядит немного диковато. А вот у меня никогда не было прыщиков. Повезло же.

И вот мы уже поднимаемся по ступенькам, чтобы открыть дверь и попасть в старшую школу. Меня пробирает дрожь: а что, если они все знают? Что, если будут жалостливо смотреть на меня и выдавать сожаления при каждом удобном случае? Что, если будут высмеивать мой поступок?

Лондон тянет дверь за ручку на себя и, пропуская меня вперед, заходит. Всё было по-другому, не так, как я представляла себе в кошмарах, и я этому радовалась. Ученики проходили мимо нас, не замечая, словно мы — пустое место. Взглянув на них, я, конечно, поняла, что оделись мы не так, как подобает здесь. В смысле, слишком официально. Большинство ходило в обычных джинсах и футболках, остальные были разделены на группы по интересам — я лишь успела заметить группу готов и команду чирлидеров.

— И что теперь? — спросила я Лондон, цепляясь за рукав её блузки, словно ребенок.

— Успокойся. — Одернула она меня. — Идем к расписанию.

— Стой. Так ты знаешь, куда нас определили? — я удивилась.

Мне никто не говорил, в какую группу мы попали. А тут раз, и оказывается, что Лондон уже

это знает. Меня это пугало, ведь мы с Лондон совершенно разные. А что, если люди мне там не понравятся? Я не хочу общаться с той компанией, которую выберет подруга, если она, конечно, кого-нибудь найдет себе. Люди меня пугают.

— Конечно. Кто с твоей сестрой подавал документы?

И она потянула меня следом за собой. Сначала нас никто не замечал, но сейчас все внимание было обращено к новеньким. Не удивлюсь, если кто-то из них гадал, какого черта мы забыли здесь.

Лондон остановилось возле доски и начала внимательно её изучать, водя пальцем туда-сюда, затем она ткнула пальцем на лист бумаги и произнесла:

— Ах, вот! — Она резко взяла меня под руку и куда-то повела.

Возможно, со стороны это выглядело весьма странно, словно я — питомец Лондон, но мне так легче. Я еще сомневаюсь в своих решениях. Да черт! Если бы не Лондон, крепко схватившая мою руку, я бы давно убежала под напором взглядов окружающих.

Мне было неприятно, как они на нас смотрят, а вот подруге это, кажется, даже немного нравилось — она улыбалась. По телу прошла волна мурашек.

Из-за гула у меня начало звенеть в ушах.

«Да когда они прекратят смотреть?» — думала я, все больше раздражаясь.

Лондон зашагала медленнее, озираясь по сторонам, а затем, увидев нужную дверь, снова двинулась поспешным шагом. Я за ней еле успевала.

Мы зашли в кабинет психологии. У меня словно камень с души упал, когда я, Лондон и наш учитель оказались одни.

— А-а-а, вы, как я понимаю, новенькие? — спросил он.

— Да, Я — Лорен Уоррен, а это моя подруга — Эмили Беннет, — ответила за обоих Лондон.

— Очень приятно, — отозвался учитель, улыбнувшись.

Лондон улынулась в ответ.

Учитель на вид был довольно молодым, лет двадцати пяти — тридцати.

Лондон всегда умела общаться с мужчинами, ну, или научилась тогда, когда мне не было до этого дела. Она всегда считала меня странной, ведь любая девочка, по её мнению, хоть раз в жизни в переходном возрасте должна желать узнать, какого же это — быть с парнем, именоваться чьей-то девушкой, целоваться и расставаться. Но меня это совсем не интересовало — для меня было важным наладить отношения в семье и не допустить того, чтобы мы скатились на самое дно.

Первый парень у неё появился в четырнадцать лет. Помню, как она радовалась и волновалась. Все свои решения она оговаривала со мной, будто я в этом что-то понимаю. Но, тем не менее, я её поддерживала всегда, как и она меня.

В шестнадцать она в первый раз занялась любовью с Чедом — старшеклассником и парнем, который сводил её с ума. В то время она никого и ничего не хотела слышать против него — так безумно была влюблена — и делала все, что было угодно Чеду, лишь бы он остался с ней. Но он все равно её бросил, как только Лондон ему надоела.

«Глупая», — так я утешала её в то время.

А затем она, как истинная пижонка и разгильдяйка, забывала свою боль с Тришем, Кевином, Ником, Алексом... Всех имен не запомнить. В этом мы и отличаемся. Она — живая, веселая, сексуальная, на неё заглядываются парни. А я даже ни разу ни с кем не целовалась. Я унылая. Я молчаливая, хотя, как некоторые говорят, остра на язык. Я умирающая. Нет, я уже мертва.

Лондон старше меня на год, но мы ходим в один класс. Когда она была маленькая, у неё были проблемы с речью, её вечно занятые родители поздно спохватились, и им пришлось ждать еще год, чтобы отдать свою дочь в школу.

Иногда я мысленно благодарю их за это несмотря на то, что они постоянно сокрушаются, говоря: «Если бы мы не оплошались, ты уже была бы в выпускном классе». Если бы они не оплошались, я была бы вечно одна.

Лондон все еще улыбается и строит глазки нашему учителю, сладко с ним беседует. Я пихнула её локтем в бок:

— Эй! — возмутилась она.

— Вы можете присесть на любое место, — произнес учитель.

— Да, конечно, мистер Стивенсон, — мягким голоском прошептала Лондон и повела меня к последней парте у окна.

Я посмотрела на неё, как бы спрашивая: «Что? Ты уже даже знаешь, как его зовут?!»

— Что? — прошептала подруга, изумляясь.

Я закачала головой:

— Нет, ничего, — тихо ответила.

И тут прозвенел звонок. В кабинет ринулись наши одноклассники, все они озирались на новеньких. Все пихались, лишь бы занять самые лучшие места — галерку.

Слышно было лишь:

— Эй, это моё место, я тут сидел в прошлом году!

— Иди к черту, Оливер!

— Сама иди!

— А ну, проваливай!

Моя голова потихоньку разрывалась на части. Я не могла вынести это шума, и возгласы, и крики. Это было так непривычно. Почти полгода проведя в тишине и покое, я совершенно отвыкла от этого школьного шума, баса голосов парней и визги девушек.

— Ты чего? — поинтересовалась Лондон. — С тобой все в порядке?

Нет, не в порядке. Я умираю.

Но несмотря на душевную дискуссию я не заметила, как схватилась за голову, закрывая уши ладонями. Не замечала и то, как Лондон попросила класс замолчать (они, наверное, все внимательно следили за происходящим), а затем приобняла меня за плечи.

Кто-то (кажется, учитель) принес мне стакан воды, и я выпила таблетку парацетамола — Кристи сложила мне в сумку целую аптечку.

Мой слух успел уловить лишь то, что мистер Стивенсон представил меня и Лондон классу, а затем я провалилась в пустоту, слушая пульсирующую кровь у себя в висках.

Лондон разбудила меня сразу, как закончился вводный урок.

— Извини, я же говорила, что все это — плохая идея, — говорю я.

— Тебе уже лучше?

Я кивнула.

— Тогда идем?

Я снова кивнула.

— У нас химия, — сообщила мне подруга, и мы вышли из кабинета. Она не сводила с меня глаз, хотя за руку уже не держала.

Я шла рядом с ней и зачем-то обращала внимание на разные мелочи: большие окна, зеленый клен за окном, небо голубое, на нем нет ни облачка. У кого-то на звонке стоит «My Chemical Romance — Teenagers». Девушка с татуировкой на запястье. Парень сидит на скейте на полу. С ним рядом стоит девушка в массивных БДСМ-ботинках. Милый парень сидит на рюкзаке и смотрит на меня. Парень с курчавыми волосами.

Затем я шла и смотрела на свои ботинки. Ковыряю грязь под ногтями. Откуда она взялась? «Не смотри на них, займи себя, не обращай внимания», — говорила я себе, потому что слишком много глаз было устремлено на нас, и это меня крайне беспокоило.

Голова кажется такой огромной и тяжелой. Ноги ватные. Я словно лечу.

— Эй, привет, вы, кажется, новенькие, да? Я — Эрик, — протараторил парень и помешал моим раздумьям.

Затем сразу же к нему подошла девушка со светлыми мелированными волосами.

— Я — Бриттани, — сказала она.

— Я — Лондон, это моя подруга — Эмили.

Ну вот. К чему это было сказано? Не люблю, когда Лондон представляет меня кому-то без моего ведома, ведь это для неё важны новые знакомства, но никак не для меня.

— Мы работаем на школьном радио и сайте, передаем все самые свежие новости и сплетни. Если хотите, подпишитесь на бесплатную рассылку новостей, тогда вам на телефон будут автоматически пересылаться все события, и вы будете всегда в теме. Сейчас новость — это вы, и

мы бы хотели с вами познакомиться, — начала Бриттани.

Она тараторила себе под нос. Наверное, Лондон её слушала, потому что первая была очень увлечена своим рассказом. Затем девушка начала слушать рассказ моей подруги. Лондон любит быть в центре внимания. Лишь бы она не сболтнула ничего лишнего. А хотя... мне плевать.

Бриттани выглядела немного смешно, на мой взгляд. Огромную грудь она не прятала, как сделала бы я, а, наоборот, выставляла напоказ, надевая майку с большим вырезом. Леггинсы синего цвета обтягивали её широкие бедра. Фиолетовые кроссовки. И много украшений.

Лондон такой стиль, а-ля мажор, наверное, понравился.

Я не слушала никого и ничего, рассматривала свои ботинки, затем руки. У меня такие худые пальцы, словно вампир выпил из них всю кровь.

Мысленно задавалась вопросом, а какого черта я тут делаю? А затем я вспоминала, что все это ради них, ради Кристи и Лорен.

Затем я рассматривала того кучерявого парня, сидящего на рюкзаке. Мне понравилось, как он был одет, но больше всего мне понравилось, как он двигался: изящно, плавно, но с некой осторожностью, будто оценивал каждое своё движение. Он болтал с девушкой-готом (как я поняла) и с парнем-скейтером. Девушка была очень красива: темные волосы со вплетенными в них яркими прядями, прекрасная фигура и глаза, словно бы глядящие прямо в душу.

Они выглядят счастливыми. Я хочу быть счастливой тоже.

— Эй, Эмили, улыбнись, — сказала Лондон и приобняла меня за плечи.

Я рефлекторно повернула голову, и нас сфотографировали.

— Какого черта? — вырвалось у меня.

— Это Лейла — редактор школьной газеты, — пояснила Лондон. Только вот я все равно ничерта не поняла.

Передо мной стояла высокая девушка со смуглой кожей и длинными кучерявыми белыми волосами.

Я вопросительно смотрю на подругу. Лондон на меня. Я на неё.

— Я работаю вместе с Бриттани, — вмешалась в нашу немую перепалку Лейла. — Она делает радиорепортаж, я пишу статью в газете, поэтому мне нужна была ваша фотография.

— Можешь меня обрезать? — спрашиваю я её.

Она удивленно выпучила глаза, словно не ожидала этого услышать.

— Я думала, вы хотите появиться в газете, любой бы хотел, — с упреком произносит Лейла.

— Моя подруга — может быть. Я — нет.

Лондон хватает меня за руку и уводит прочь:

— Делай, что делала, удачи! — бросает она Лейле.

Я начинаю вырываться, словно ребенок:

— Отпусти меня!

— Ты идиотка? — спрашивает меня подруга.

— Если я не хочу выделяться, значит, я — идиотка? Ну, спасибо, — говорю я и оставляю подругу в одиночестве, идя вдоль коридора.

— Ты даже не знаешь, куда идти! — кричит она мне в след.

— И без тебя справлюсь, — огрызаюсь я и замечаю боковым зрением, как Лондон, взбешенная, разводит руками и уходит в другом направлении.

Я, следуя чертежам школы, развешанным на каждом повороте, выбираюсь из школы на улицу. В моей памяти еще складывался образ моей старой школы, поэтому, рассчитывая на то, что они построены по одному плану, я направляюсь искать уличный туалет. К счастью, эта школа наподобие моей старой.

Я зашла внутрь и к удивлению обнаружила там столик и два стула, помимо раковин и зеркал, которые стоят во всех школах. Бросила свою сумку на стол и стала рассматривать себя в зеркале.

Там отражалась не я, в зеркале была копия Лондон — подведенные глаза, длинные ресницы, белая кожа, красные губы. Мне до жути захотелось кому-нибудь насолить, чтобы они почувствовали себя на моем месте, а не я на их.

Я взяла влажные салфетки и стерла с себя весь макияж, который Лондон накладывала на меня целый час. Теперь это была я со всеми недостатками. Я немного приподняла волосы и челку у

виска и водила пальцами по гладкому шраму, на котором так и не начали расти волосы. На остальных участках они уже отрасли сантиметра на полтора.

Я смотрю на себя, и мне хочется плакать. Мне хочется поскорее умереть. А, может, и не хочется. В этом-то и загвоздка.

Достаю телефон из сумки, набираю справочную и узнаю телефон доверия.

— Алло, — говорит мягкий, но одновременно до жути усталый женский голос после нескольких секунд моего ожидания. — Вы что-то хотели? — повторяет она. По её интонации я бы сказала, что звонки ноющих людей её достали.

Я не знаю, что мне ей сказать, слова в голове путаются, так и не образуя полноценные предложения. Просто молчу, пытаюсь сконцентрироваться, но слова не идут. Понимая, что я трачу бесценное время этой женщины, от чего, мне, кстати, становится ужасно неловко, просто произношу:

— Жизнь — дерьмо.

Я, правда, так считаю. Взять весь короткий отрезок моей жизни: плохие моменты там преобладают над хорошими. И от того, что у меня такая никчемная жизнь, мне становится еще хуже. Ничего в этой жизни я не добилась, ни разу не испытала что-то поистине запоминающееся, никогда не была лучшей в школе, как Том или Кристи, а только разочаровывала своих родных ошибками. Я была мечтательна, но кому нужны мечтатели?

И вот я умру, ничего не узнав в этой жизни. И люди, и сама жизнь так обходятся со мной, что кажется, будто лучший выход это, действительно, смерть. Ну, или побег. Исчезновение.

— Угу, — произносит она. — Так что у вас случилось?

Мне хочется ей все рассказать: про мою болезнь, про мою семью, про мой неудавшийся суицид и про Лондон. Но я не знаю, кто она, не знаю, чем занимается помимо «службы доверия». Мне непривычно рассказывать что-то незнакомому человеку.

Я прижимаю трубку к уху, нервно дышу, пытаюсь сблизиться с женщиной по ту сторону телефона. Чувствую себя жалкой. На секунду мне показалось, что если я расскажу ей все, то она станет меня жалеть. А жалость мне не нужна.

— Вы все еще здесь? С вами все в порядке? Может быть, с вами что-то случилось? — спрашивает она спокойным голосом.

Вероятно, уже привыкла выслушивать бредни сотни людей. Ну, естественно, это ведь служба доверия; позвони, и тебе обязательно помогут добрым словом! О чём я собственно думала? Эта женщина одна из тех, кто постоянно выслушивает нытьё никчемных людей, людей, которые отчаялись. Знаю, не все звонят им, но мне не хочется быть одним из них. Моё признание не будет считаться за что-то дорогое, хотя это самое огромное откровение для меня. Потому я просто молчу и неровно дышу, словно маньяк из фильмов.

— Вы еще на связи?

— Нет. — Я бросаю трубку.

Шесть

Ветерок сдувает с деревьев золотые листья. Он же катит один из них по земле; листик то вздымается вверх, то опускается вниз, кружится, кружится, пока не наткнется на преграду.

Днем еще довольно тепло. Градусов пятнадцать – двадцать есть точно. Сейчас градусов десять. У меня мерзнут ноги. С чего бы это?

Я сижу в гамаке на крылечке, укутавшись в одеяло, и любуюсь тем, как просыпается город. С каждой минутой людей становится все больше и больше: кто-то спешит на работу, кто-то на учебу, кто-то просто по своим делам. Этот город занят своими делами, и ему нет дела до такого маленького человека, как я. К тому же, скоро и меня не станет.

Нет! Я не хочу, чтобы, когда люди вспоминали обо мне, они думали, мол, это бедная девочка умерла от рака, она была так молода. Я хочу, чтобы они восхищались мной, чтобы они помнили меня, чтобы я была примером тем немногим, кому также не повезло в жизни.

Вдруг я увидела приближающуюся фигуру. Это была Лондон. Она шла уверенно и, вероятно, была точно также уверена в своих действиях и словах. Наверное, уже предугадала все мои решения.

— Привет, — произносит она.

Я смотрю на неё и не понимаю, она что, действительно думает, что, сделав вид, будто ничего не случилось, я её прощу?

— Сколько можно дуться, Эмили?

Я смотрю поверх неё. За её плечами виднеется голубой кусочек неба, покрытый разноцветными облаками. Видна макушка дома; кровля забавного оранжево-красного цвета. Видна только что пролетевшая птица. Кто это был? Грач? Воробей?

— Ты меня вообще слушаешь? — Лондон всё ещё пытается привлечь к себе внимание.

— Нет, — холодно отвечаю я.

— Отлично. — Она поставила руки на пояс. — Кристи тебе разрешила в такую рань сидеть на холоде?

— Она не знает.

Там за пределами моего дома скрывается целая жизнь. Но мне её не достичь.

— И где же твоя сестра? — Интересуется.

— Ушла в магазин, — легко отвечаю я.

Если бы мне дали хоть один шанс. Еще один шанс на жизнь. Крохотный.

— Она оставила тебя одну?

— Нет. Она думала, что я сплю. — Сегодняшнее утро такое прекрасное — я не хочу портить его своими гневными речами, хотя и злой я себя пока что не чувствую.

— И что же ты делала?

Лондон села на деревянные доски рядом с гамаком, в котором я развалилась.

— Думала.

— Ну, вот. Ты снова это делаешь! — напряженно произнесла подруга.

— Думаю? Мне разве нельзя думать?

— Нет! Твоими мыслями нельзя! — возмущается она.

— А что же мне тогда делать? — Потихоньку я начинаю чувствовать, как чувство злости появляется где-то у меня в груди.

— Жить!

— Жить?! — Я разворачиваюсь к Лондон и смотрю в её глаза. — Жить? — повторяю.

— Да, жить. И ничего больше, — легко произнесла подруга и пожала плечами.

— Хватит! — обрываю я её на полуслове.

Я пытаюсь отбросить одеяло, но вместо этого еще больше запутываюсь в нем. Гневаясь, я плюю на все и, подхватив одеяло, ковыляю к дому.

— Хватит что?! — кричит мне вслед Лондон.

Но я её не слышу. Зайдя в гостиную, села на пол, чтобы разобраться в том, как же я умудрилась запутаться в одеяле.

— Ты не расслышала? Хватит что?! — вторит Лори.

— Хватит делать вид, что я выздоровею.

Мои слова повергают её в шок. Она пытается что-то подобрать, ответить мне, но видно, что язык заплетается; она не знает, что сказать.

Я выпрыгиваю из одеяла и направляюсь к лестнице, чтобы закрыться в своей комнате и провести остаток дня там. Мне все равно, что она будет думать обо мне, пусть хоть проваливает. Я. Хочу. Быть. Одна.

— Я просто хотела сделать, как лучше, — говорит она.

— А сделала хуже. — Остановившись на последних ступеньках, произношу.

— Я не знаю, почему ты так бесишься! Это все из-за газеты? Так я уже договорилась с ними, они не будут делать выпуск про нас. — Кричит мне из соседней комнаты Лондон, и я слышу, как она начала приближаться ко мне.

Тут у меня щелкает. Мне хочется сделать это назло Лондон, но и заодно выполнить своё желание. А хотя я не уверена, что это поможет. Но попробовать стоит.

— А знаешь, ... — начинаю я, — пусть делают. Да, пусть! Я хочу, чтобы обо мне все узнали!

— Что? — Она произносит это так, словно только что споткнулась об порожек, хотя стоит на одном месте.

Мне становится смешно. Я не могу удержать слезы, потому смеюсь.

— Давай! Я хочу, чтобы обо мне все узнали. Считаю, что это один из пунктов. В списке.

— Хорошо. Как скажешь. — Она кивнула головой. — Но тогда ты немедленно вернешься в школу. А сейчас иди, выпей таблетки и собирайся, — спокойно сказала Лори.

— Нет! — возмущаюсь я. — Хватит мне все время указывать, что делать!

— Я советую.

— И ты, и Кристи, вы постоянно твердите, что мне нужно делать! У меня такое чувство, что я неправильно умираю!

Я замолкаю. Лорен переваривает услышанное. Она, выпучив глаза, глядит на меня, поджав губы. Глаза заблестели и стали краснеть. Не могу на это смотреть. Отвернувшись, я кривлюсь так, чтобы почувствовать себя не виноватой в сказанном. Я не виновата, что они будут продолжать жить, а я умру.

— Хва-тит, — по слогам говорю я. — У вас обоих впереди вся жизнь, а у меня всего полтора года. И есть ли они вообще? — Мой голос срывается.

Я не знаю, куда девать руки, они так и норовят сделать что-то не то. Меня трясет от злости и от боли. Неужели Лондон не поняла это? Неужели она, правда, думала, что вылечит меня, вернув в привычное русло?

Я забегаю в свою комнату, хлопаю дверь и закрываю её на замок изнутри. Во мне столько эмоций. Я даю им волю. Даю волю рукам.

Сначала я нашла какой-то журнал и теребила его обложку, думая и заливаясь слезами в истерике. Уголок загибается треугольником, разгибается. Загибается. Разгибается. Сама и не заметила, как вырвала обложку и мяла в руках. Затем комкала страницы и разбрасывала по комнате, беззвучно кричала — голоса не было совсем.

Я представляю, что похожа на халка, и крушу все вокруг. Вся моя одежда из шкафов летит на пол. Все вещи, бумаги, карандаши и фломастеры со столов, столиков и комодов летят на пол тоже. Я швыряю куда-то свой мобильник. Переворачиваю все простыни, бросаю в стороны подушки, швыряю на пол матрац. И, заходясь в истерике, сажусь возле кровати, хватаясь за свои волосы.

Я хочу спрятаться. Хочу вернуться в свое детство, где все было хорошо, и я была здорова. Залезаю под кровать — ныряю в прошлое. Раскидываю руки и притворяюсь, что лечу.

Я хочу почувствовать себя живой. Хочу попробовать то, что не успела сделать в жизни. Но моя жизнь закончилась.

Я нащупываю у себя под рукой что-то, подвожу к глазам и вижу, что это фломастер.

Я поняла.

Подползаю к стене, все еще прячась под кроватью, и начинаю писать. Корявые буквы пляшут вверх-вниз. От фломастера пахнет спиртом. Чернила выводят образы из моей головы на стену.

Первое — я хочу, чтобы меня запомнили. Я хочу оставить после себя что-то памятное. Чтобы люди знали моё имя.

Затем опускаюсь ниже и пишу следующую строчку. Затем еще. И еще. И еще. Весь промежуток, который я могла расписать под кроватью, оказывается заполненным.

Я ложусь снова на спину и гляжу на стену, перечитывая перевернутые буквы. Всего полтора года, если они есть, конечно же. Успею ли я?

А что если я прекращу дышать прямо сейчас? Решаюсь попробовать.

Вдох. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Десять. Пятнадцать. Тридцать. Перед глазами начинают бегать черные точки. Сердце бьется чаще. Хочется глотнуть воздуха. Рефлекс. Сорок. Вдох. Я не выдерживаю.

Слышу приближающиеся шаги. Замираю. Ручка дергается, но дверь не открывается. Больше её не пытаются открыть. Я слышу, как Лондон спускается вниз по лестнице. Двенадцать громких шагов — тринадцать ступенек. Затем слышу скрип дивана. Включенный телевизор. По телеканалу крутят Икс-Фактор.

Завибрировал телефон. Я вылезла из под кровати и начала искать его. Он лежал в куче вещей, которых я разбросала. Лондон написала эсэмэску: «ИЗВИНИ».

Кидаю взгляд на комнату — я её разгромила. Все мои руки измазаны фломастером. Волосы превратились в птичье гнездо. Беру расческу и пытаюсь привести их в порядок. Через несколько минут усилий стало намного лучше.

Я выглядываю в окно. Тучи уже затянули небо. Скоро будет дождь. Интересно, когда ветер

успел их пригнать?

Дышу полной грудью, чтобы наладить сердцебиение. Вдох-выдох. Вдох. Вдох. Выдох. Набираю эсэмэску Лондон: «И ТЫ МЕНЯ».

Вытерла лицо рукавом кофты, в которую я была одета, и убедилась, что больше такого не повторится. Я спокойна. Спокойна.

Спускаюсь вниз и вижу Лондон, обнимающую подушку. Наверное, ей тоже некуда было девать руки, но она нашла наиболее правильный выход. Подруга оборачивается на звук моих шагов. Не знаю, что делать, стою, как вкопанная, смотрю в глаза Лондон.

— Иди ко мне, — произносит она и отбрасывает подушку в сторону, раскрывая объятия для меня.

Я плюхаюсь в её объятия. Приятные мурашки. Тепло её тела. Зарываюсь в её волосы. Пахнут яблоком.

— Я, правда, не хочу тебя терять, — говорит она.

Чувствую, как моя щека становится мокрой — с подбородка подруги каплют слезы.

Ни разу не видела, чтобы Лондон плакала. Даже когда её бросил Чед. Она закрывалась ото всех, пребывала в депрессии, бесилась, но не плакала. Ни разу. По крайней мере, при мне.

— Это глупо, но я буду до последнего верить в то, что ты выздоровеешь, — произносит Лондон.

— Глупо, — вторю я.

— Любой бы на моем месте, так думал.

— Ты говоришь, как моя сестра.

— Потому что это правда. — Она гладит мою голову, поправляя волосы, заправляя их за уши.

А затем мы молчали. Просто находились в объятиях друг друга, ничего не говорили, даже не смотрели друг друга. И на меня накатило такое теплое чувство от того, что я сижу с человеком, с которым мне хорошо, которого я люблю. Я ведь, действительно, её люблю. И больше не нужно что-то делать, чем-то занимать себя, наполнять пустоту звуками. Достаточно просто чувствовать присутствие любимого человека.

И тут я поняла: это и есть счастье. Прямо сейчас, здесь я счастлива.

Зацокали каблуки. Ручка двери повернулась, и в комнату вошла Кристи. Я притворилась спящей в объятиях Лондон.

— О, Лорен, здравствуй! — звенящим голосом произнесла она.

— Привет.

— Она спит? — тихо спросила сестра.

Я почувствовала, как подруга пожала плечами. Спасибо, что не сдала.

— А ты чего не в школе? — задала вопрос Кристи.

— Хотела зайти за ней.

— Она категорически отказывается выходить из дома, — устало произносит Кристи.

Я слышу, как она снимает туфли. Они глухо ударились об пол. Зашелестели полиэтиленовые пакеты с покупками.

— Угу, — произнесла Лондон.

— Что произошло тогда? Она не хотела с тобой больше общаться.

Я представила, что Кристи встала в проходе, облокотилась об арку, возможно, даже села на пол из-за усталости и разговаривает с Лондон вот так, непринужденно.

— Ничего особенного. Мы и раньше ссорились.

— Дружба без ссор и примирений — не дружба, да? — Голос Кристи всегда такой мягкий, спокойный, словно она всегда всё понимала с полуслова.

— Можно и так сказать.

— Хочешь чаю? Ты не голодна?

— Нет, спасибо.

Кристи зашагала. Еще двенадцать шагов — тринадцать ступеней. Затем она повернет и увидит открытую дверь в мою комнату. Решит закрыть и удивится тому, какой я бардак устроила. Я слышу.

— Что здесь у вас произошло? — недоумевающая, спросила сестра, громко затоптавшись на

месте, после того, как посетила мою комнату.

Она, наверное, раскрыла рот от удивления после увиденного. Но я не знаю. Глаза закрыты.

— Мы с ней снова повздорили, и она закрылась у себя в комнате. — Лондон вновь пожала плечами, мне кажется, она улыбнулась.

— Боги... она — монстр.

И повисла неловкая пауза.

— Она что, хотела разнести весь дом? — наконец спросила Кристи.

— Не знаю. Возможно.

— Я не понимаю, как мне быть... — Я слышала в голосе сестры нотки печали и безысходности. — Сегодня предстоит море работы. — Она вздохнула.

Затем снова шаги. Похоже, она ушла в свою комнату. Я поднимаю голову и шепчу на ухо Лондон:

— Я — чудовище, — произношу это так, будто подтверждаю слова сестры.

Лондон кивает в знак согласия.

— Я хочу, чтобы меня запомнили. Это номер один. — Не представляю, как я буду всё это делать, но рядом со мной есть Лорен, она решит всё-всё.

— Хорошо, — и шепчет, — а что под номером два?

— Стать кем-то другим. Не собой. Всего на день.

— Хочешь почувствовать себя в другой шкуре? — переспрашивает она.

Я угаваю.

— Значит, завтра ты станешь мной, — говорит Лондон, и её глаза светятся коварством. Она что-то задумала.

Семь

— Теперь ты — это я, запомни. — Эти слова Лондон повторяет уже в сотый раз, словно мантру. — Ты должна делать то, что, как ты думаешь, могла бы сделать я. Ну, или смотри на меня, если не знаешь, что же делать. Хорошо?

— Я прекрасно тебя знаю, но спасибо за наставление.

Мы прятались под трибунами от физрука на его же уроке. Физкультура была последним уроком в нашем расписании, и вместо того, чтобы просто уйти домой, мы остались и чего-то ждали. Подруга присела на корточки и закурила. Я смотрела на то, как изящно она выдыхает синий дымок (а, может, мне просто показалось, и так делают все?), держа сигарету между пальцами.

Лондон заметила мой взгляд и произнесла:

— Хочешь?

— Нет. Что ты чувствуешь? — поинтересовалась.

— Когда курю?

— Да.

Лондон сделала еще одну долгую затяжку, выдохнула дым и сказала:

— Мне хорошо. Я словно оказываюсь где-то в космосе, где меня не мучает внутренний голос. Могу сама подумать надо всем, не заботясь о том, правильные ли мои мысли.

— Звучит хорошо, — произношу я.

Она кидает мне на колени пачку сигарет. Я их внимательно рассматриваю. Marlboro.

Упаковка темно-синяя, на ней большими буквами сделана надпись: «КУРЕНИЕ УБИВАЕТ».

Лондон еще даже не успела снять прозрачную пленку на самой пачке, она просто раскрыла её и закурила. Я считаю и оказывается, что в одной пачке двадцать сигарет, у них серебряная обертка.

Лондон просит меня достать еще одну, что я и делаю.

— Сколько ты выкуриваешь сигарет за один день? — спрашиваю.

— Не знаю, смотря от настроения. Обычно сигареты 3-4, — она говорит это так задумчиво и смотрит на поле, на котором обычно проходят игры.

— Тогда что за настроение у тебя сейчас?

— В каком смысле?

— Ты уже вторую куришь, забыла?

— Ах, это. Я просто присматриваюсь, — говорит она.

Смотрю туда, куда смотрит подруга, и ничего особенного не вижу. Лондон делает еще три

затяжки, а затем, не скурив сигарету даже на половину, тушит её об асфальт. Отдаю ей пачку.

— Все ушли, — произносит она.

Если бы мне это не сообщили, я бы и не заметила, что урок физкультуры закончился. Она приподнимается, поправляет свою мини-юбку и помогает подняться мне.

Сегодня я снова стала копией Лондон: на мне короткая свободная юбка, рубашка по локоть с двумя расстегнутыми пуговицами, яркий макияж и растрепанные волосы, тем не менее, уложенные так, что моего шрама видно не было.

На Лондон была мини-юбка, майка с большим вырезом и черно-красная клетчатая рубашка. Выглядела она, как всегда, сногшибательно.

Мы покидаем своё укрытие и идем через все поле к парням, которых мне показала подруга. Они стояли у стены и курили. Оба светловолосые. Оба красавчики.

Лондон достает две сигареты из пачки, протягивает одну мне и говорит:

— Не делай глубоких вдохов, просто вдохнула и сразу выдохнула, поняла?

— Да, но зачем это?

— И запомни главное правило: не влюбляйся, — продолжает она, игнорируя мой вопрос. Я киваю.

Мы медленно идем к парням. Они, заметив нас, начали перешептываться и, вероятно, обсуждать. Мой взгляд сразу останавливается на футболисте (я поняла это по форме, в которую были одеты парни) с пепельными волосами.

— Мой тот, что слева, — произносит Лондон.

Я облегченно вздыхаю.

— Здорово, мальчуки, — говорит она.

«Плагатишь», — подумала я про себя, вспомнив фразу из сериала «Сверхъестественное».

— Привет, — отзываются парни.

— У вас не найдется огоньку? — спрашивает Лондон и показывает сигарету, зажатую между пальцев.

— Конечно, — говорит тот, который понравился подруге.

Он достает из кармана зажигалку и показывает Лондон. Она подносит сигарету к губам и ждет, пока парень сам подожжет её. Так и происходит: он большим пальцем прокручивает колесико у зажигалки, слышен щелчок, и появляется маленький огонек; чтобы ветер не затушил его, парень сгибает ладонку и прячет огонек из виду; затем подносит зажигалку к сигарете Лондон, и та прикуривает.

Все выходит так непринужденно и одновременно сексуально. Лондон поворачивается ко мне и подмигивает. Я знаю, что нужно делать.

Медленно, чуть-чуть покачивая бедрами, — как меня учила делать подруга — я подхожу к этой троице и произношу:

— А мне позволите? — показываю сигарету.

Парень, с которым рядом стоит Лондон, бросает зажигалку своему другу, а тот произносит:

— Естественно, — улыбается.

Мне нравится его улыбка, он улыбается одними губами, не показывая зубы. Я тоже прикуриваю и вдыхаю дым так, как мне говорила Лондон. Совсем не кашляю, будто профи в этом деле.

— Меня зовут Лондон, а это Эмили. — Она указывает на меня.

— Я — Трент, — говорит парень. Он буквально пожирает взглядом мою подругу, та же в ответ его взгляду улыбается и флиртует.

— А я — Брэдли или просто Брэд, — он обращался ко мне.

— Приятно познакомиться, — мило произношу и замечаю взгляд Лондон — это явно было лишнее.

— Да, и мне, — говорит Брэд, смотря на меня. Я замечаю, что у него карие глаза.

Мы скуриваем свои сигареты и беседуем об одном, о другом. Точнее беседуем я и Брэд, а Лондон уже что-то шепчет на ухо Тренту.

«Будь Лондон, будь Лондон, будь Лондон», — повторяю я про себя.

— Ой, — тихо произношу я; так тихо, чтобы меня услышал только Брэдли, — у тебя щека в чем-то.

Я поднимаю руку и подношу к лицу парня, обхватываю лицо ладошкой и, еле прикасаясь,

большим пальцем стираю грязь с его щеки. Улыбаюсь. Он улыбается мне в ответ.

Зрачки Брэда расширены, интересно он знает об этом? Я где-то читала, что если человеку что-то нравится, то у него расширяются зрачки, когда он смотрит на это что-то. Если эта информация — правда, то мне это льстит. Значит, из меня вышла бы хорошая актриса.

— Всё, — также тихо произношу я и опускаю руку.

— Спасибо, — говорит он мне.

— Чем вы будете заниматься после уроков? — спрашивает Лондон.

— Не знаем, а вы? — отвечает ей Трент.

— Ищем, с кем бы сходить прогуляться. Не хотите составить нам компанию? — влезаю я.

— С удовольствием, — произносит Брэд.

Наша маленькая беседа получилась такой слаженной, словно мы все читали один и тот же сценарий, знали, кому какая реплика должна принадлежать.

— Отлично, где мы встретимся? — продолжаю я.

— На ваше усмотрение.

— Тогда пойдем в клуб, — говорит Лондон.

— Пойдем в клуб, — вторит Трент и заглядывает в лицо Лондон.

Она стоит, прислонившись к стене, а Трент навис над ней, опираясь об стену одной рукой. Они стоят так близко, смотрят глаза в глаза. Трент следит за каждым движением её губ, ловит каждый вздох, а Лондон лишь еще больше раскрепощается. Между ними словно пробежала искорка, я видела её в их глазах, наполненных желанием.

Я подумала: нужно брать ситуацию в свои руки, нужно вести себя, как подруга, ведь я сама пожелала этого. Это пункт в моем списке.

Достаю из сумки, висевшей на моем плече, ручку, беру руку Брэда и пишу на тыльной стороне ладони свой номер телефона.

— Пиши, звони мне, — говорю.

Хочу отпустить его руку, но Брэд не выпускает мою руку из своей, переплетает наши пальцы. По телу побежали мурашки, что-то сжалось под ребрами.

— Обязательно, — шепотом произносит он.

Свободной рукой я нащупываю карман в своей сумке и кладу туда ручку, все еще не спуская глаз с Брэда. Затем слышу звонок на следующий урок и понимаю, что нам с Лондон пора идти. Смотрю на подругу. Она что-то шепнула Тренту на ухо и засмеялась.

— Лондон, нам пора идти. — Говорю и слежу за реакцией Брэда. По-моему, он немного огорчен, надеялся на продолжение.

— Хорошо. — Бросает она мне и целует Трента, легко, нежно, словно говорит, что продолжение следует.

«Я — это Лондон», — припоминаю себе.

Поманиваю пальцем Брэда. Он наклоняется, я шепчу:

— Увидимся вечером. — И тоже целую его, не выпуская его руку.

Мы целуемся нежно, едва прикасаясь губами. Я всегда знала, что буду целоваться хорошо, хотя и не пробовала на практике. Читала разные статьи о том, как сделать, чтобы нос не мешал при поцелуе, про возможный избыток слюны, про то, куда девать руки, и про различные способы поцелуев. А, чувствуя себя Лондон, я представила, что у меня было также много парней и что я давно уже умею целоваться — это добавило мне немного уверенности, и я делала то, что делала.

— Ну что, идем? — спрашивает подруга.

Я отрываюсь от Брэда и говорю подруге:

— Да.

Еще раз целую парня, — легко чмокнула его в губы — заливаюсь краской, улыбаюсь ему, разворачиваюсь и ухожу.

Когда мы вышли за ворота школы, Лондон мне говорит:

— А ты просто молодец! — восхищается она. — Я не думала, что у тебя действительно получится быть мной.

— Мне нужно выполнить это чертово желание.

— У нас впереди еще целый вечер, не облажайся, а то тебе придется целую вечность притворяться мной. — Лондон легонько ударяет локтем мне в бок и подмигивает. Она была бы рада, если бы я была, как она.

Мне приходит эсмэска от Брэда: «Где и во сколько мы встречаемся?» Под диктовку Лондон я ему пишу: «В клубе «Браймонт» в семь вечера». Затем смотрю время на мобильнике: 15:00. У нас есть еще четыре часа.

На мне короткое черное платье без рукавов и с небольшим бантом впереди, очень светлые колготки и туфли на каблуке серебряного цвета. У платья ткань, мягкая, приятная, сделана из бархата. Несмотря на то, что Лорен давно не надевала это платье, оно все равно пахнет ею. Мои волосы разделены пополам и убраны за уши, хотя некоторые локоны все же выбиваются. Конечно, подруга постаралась сделать из меня сексуальную штучку.

Лондон наносит мне на лицо тональный крем и размазывает пальцем.

— Как часто ты ходишь в клубы? И что он собой представляет, этот «Браймонт»? — спрашиваю я.

— Увидишь, — отвечает она, игнорируя мой первый вопрос.

Лори обводит мне губы контуром и замазывает помадой. Затем лазурной подводкой рисует мне стрелки, берет тушь и велит мне смотреть на неё и не дергаться. Я выполняю её просьбу. На ней золотистое платье на бретельках, украшенное тысячами такими же золотистыми блестками, темные колготки, отливающие изумрудом, и черные, бархатные танкетки.

— Вот, смотри. — Говорит она и тянет меня к зеркалу.

Мы выглядим шикарно, Лондон, правда, мастер своего дела. Не могу оторвать взгляда от своих глаз – подводка синего цвета оттеняет их голубизну и делает взгляд глубже, я словно тону в озере.

Мне приходит сообщение от Брэда: «Мы уже выходим».

— Они уже направляются в клуб, — говорю я Лондон.

— О'кей, я сейчас закончу, и мы тоже пойдем, — произносит она, поправляя макияж.

Мне из-за чего-то стало не по себе. Наверное, я струсил.

— Сейчас вернусь, — говорю.

Я сижу на унитазе и думаю. В тишине туалета сосредоточиться легче всего. Мир словно встает на свои места. Я не могу отказаться от своей затеи, ведь я продержалась уже почти сутки, но быть Лондон для меня очень сложно. Собственные мысли и действия пробиваются наружу. Платье кажется мне очень коротким, если его еще чуть-чуть приподнять, то можно носить как футболку.

— Эй, ты там скоро? — Стучится в дверь Лондон.

Пописав, я вытираюсь и поправляю платье. Мою руки. Лондон все еще тарабанит в дверь, и я её открываю:

— Иду, иду.

Мне кажется странным то, что Кристи еще не вернулась домой. А, может быть, у неё просто дела? Я пишу сестре записку и с помощью магнита цепляю её на холодильник. Мы ждем такси, которое вызвала Лондон, а затем едем в клуб по названному адресу.

Сегодня пятница. Огромная толпа людей ждет своей очереди. Неоновая вывеска, висящая над входом в клуб, приветствует всех, подмигивая. Вышибалы внимательно оценивают внешний вид посетителей и решают, пустить их или нет. Музыка отдается эхом здесь, снаружи.

Мы идем сквозь толпу людей, ждущих в очереди, не обращая внимания на недовольные возгласы. Это неправильно, но мне понравилось. Мы нарушаем правила! Кто-то кричит нам вслед:

— Эй, они без очереди, в очередь пусть идут!

Но сегодня мы великолепны. Нам можно все.

Вышибалы пускают слюнки, смотря на нас, и пропускают просто так, присвистывая и крича нам вслед.

В клубе оказалось душно и накурено. Я никогда раньше не была в клубах. Музыка была включена так громко, что у меня зазвенело в ушах. Я чувствовала биты клубняка где-то у себя в горле, в ямочке между ключицами, и мне показалось это забавным. Словно мне снова пять лет, и я протягиваю длинное «а», легонько хлопая по рту рукой, от чего звук получается прерывающимся.

В клатче, который я держала в руке, завибрировал телефон. Я получила эсмэску от Брэда: «Мы вас видим».

Оглядываюсь по сторонам, но никого не замечаю. Свет мерцает, по полу бежит прохладный дымок, — видимо, здесь включена установка для спецэффектов — у сцены разноцветные лучи прокторов освещают толпу.

— Лондон? — Зову подругу, но никто мне не отвечает.

Я кружусь на месте, смотрю в толпу и пытаюсь отыскать подругу. Чья-то рука ложится мне на плечо, я вздрагиваю. Оборачиваюсь и вижу Брэда.

— Привет, — произносит он.

— Эээ, — я немного удивлена, — здравствуй.

Парень берет меня за руку и куда-то ведет.

— А мы куда? — спрашиваю.

Но он, наверное, не услышал — так громко включена музыка — и не ответил. А затем я увидела темные кресла, заполнившие всю стену, кофейные столики и маленькие светильники на них. Лондон и Трент сидели, обнявшись и держась за руки, они целовались и хихикали, что-то рассказывая друг другу.

— Зачем ты ушла? — спрашиваю я её.

— Потому что Брэд вызвался проводить тебя, — ответила она.

Затем Трент что-то сказал ей, и она снова рассмеялась.

— Мы пришли сюда, чтобы сидеть или чтобы танцевать? — невозмутимо спрашиваю.

— Да, давайте танцевать! — Лондон явно была на веселе.

Музыка сменилась. В колонках зазвучала чарующая музыка. Она словно гипнотизировала меня своими тонами, таинственный женский голос на фоне мелодии завораживал.

Я и Брэд танцевали. Наши тела соприкасались, и от этого я каждый раз вздрагивала, тело покрывалось мурашками. Я поднимала руки вверх, скрещивала, потом медленно опускала их вниз, очерчивая контуры своей фигуры. Нет, я не умела танцевать раньше, но сейчас я просто отдалась музыке и плыла по её течению. Брэд танцевал просто отлично, он тоже слушал музыку и отдавался ей, его руки воспроизводили сначала ломаную линию, потом начали притягиваться ко мне, но не касались. Он проводил руки в нескольких сантиметрах от моего тела: сначала волосы, потом талия, мои руки и бедра.

С каждым мгновением мы становились все ближе и ближе. Наши лица тянулись друг к другу. Он остановился, притянул меня к себе — я вздрогнула — и поцеловал, страстно, ненасытно. Я слегка прикусываю его губу, Брэд издает истошный вздох. Его язык проникает в мой рот и сплетается с моим языком. Поцелуй становится все сильнее и глубже, мне не хватает кислорода. Что-то внутри меня екает и переворачивается, в животе сладко тянет.

Я отрываюсь от губ Брэда, чтобы сделать вдох, а он начинает покрывать поцелуями мою шею, целует за ухом. Мои пальцы вплетаются в его пепельные волосы. Он водит ладонями по моей спине, рисует пальцами странные узоры, опуская руки все ниже и ниже. Вздрагиваю от неожиданности, когда его рука скользнула под мое платье, обнажая бедро. Я стискиваю его ладонь и кладу её на талию. Смотрю на Лондон, она отрицательно качает головой — она бы не остановила его. Возвращаю ладонь Брэда на бедро, затем беру его лицо в руки и целую. Одна моя рука запутывается в его волосах, другая крепче цепляется за шею, за плечи. Я чувствую через платье, как Брэд меня хочет.

Мне нравится то, что я с кем-то, нравится и то, что он ничего не знает обо мне, не знает, что он — это вычеркнутый пункт в моем списке. Я отрываюсь от него, чтобы дать нам передышку. Тяжело дышу, тело вспотело, и платье стало неприятно липнуть к нему. Чувствую, как горят мои губы и шея от наших поцелуев. Моё тело возбуждено, гормоны растекаются по крови, мне приятно, но я не чувствую наслаждения. Брэд красивый и сексуальный парень, но он не заставляет моё сердце дрожать и вспыхивать при одном только взгляде на него.

Я прошу Брэда принести мне выпить и подмигиваю Лондон. Она что-то говорит Тренту, он кивает и уходит, когда я подхожу к подруге.

— Ну как, я была похожа на Лорен Уоррен? — спрашиваю её.

У Лори глаза горят, она улыбается:

— Чертовски похожа! — кричит она сквозь музыку, чтобы я её расслышала. — Да он тебя чуть не трахнул на этом танцполе! — возбужденно произносит.

— Который час? — неожиданно спрашиваю я.

— Не знаю, посмотри в телефоне. — Подруга пожимает плечами.

Я достаю телефон из клатча, висящего на моем плече, — я совсем забыла об его существовании — и смотрю на дисплей. 1:37. Семь пропущенных вызовов от Кристи. Два пропущенных с неизвестного номера.

— Лондон! — удивленно кричу я подруге.

— Чего?!

— Уже два ночи!

— И что?

— Мне Кристи семь раз звонила!

— О'кей, — произносит она, словно бы понимает, о чем я говорю. Нельзя допускать, чтобы Кристи обо мне так сильно волновалась.

Когда парни возвращаются с напитками, мы прощаемся с ними и уходим, попутно ловя такси, чтобы доехать до дома.

Я тихо запираю дверь, чтобы не разбудить Кристи, если она, конечно, спит. Снимаю туфли, беру их в руки и осторожно иду босиком. Когда я прохожу мимо гостиной, то слышу голос сестры:

— Где ты была?

— Мы с Лондон танцевали стриптиз. — Выпивая бокал и приподнимая туфли вверх, говорю я.

— Смешно.

Кристи сидит на диване и в пол оборота смотрит на меня, голос у неё усталый. Мне её жаль, она ведь сама вчера сказала, что не знает как со мной быть.

— Мы были в клубе.

— Уже три ночи. Я волновалась.

— Знаю.

Я стою в проходе и смотрю на силуэт сестры в полумраке. Даже в темноте она выглядит устало.

— А ты где была? Тебя долго не было, — говорю.

— Решила восстановиться в университете, хотя бы заочно.

— Тебе не обязательно сидеть со мной и посвящать мне свою жизнь непрерывно.

— Кто же тогда, если не я?

Я киваю. Она права. Переминаюсь с ноги на ногу.

— Спокойной ночи, — говорит Кристи.

— И тебе тоже, — произношу я и поднимаюсь в свою комнату.

Поставила туфли рядом с кроватью и сняла с себя платье, которое мне одолжила Лондон. Медленно стянула с себя колготки. Только плюхнувшись на кровать, я поняла, как же устала. Ноги приятно ноют. Укутавшись в одеяло в одном нижнем белье, забыв смыть с себя макияж, я мгновенно забываюсь сном.

Комментарий к главе:

**Песня, которая играла в клубе: Bassnectar – Calling From Above*

Восемь

В понедельник в школьной газете появляется статья про меня и про Лондон. Конечно, большая часть статьи посвящена подруге, но я не огорчаюсь, наоборот, даже рада. Однако, я не чувствую удовлетворения от неё. Это не то, что я желала. Так люди не запомнят меня.

Я зашла в библиотеку и взяла несколько книг для чтения. Достала одну из них, села за столик и принялась читать.

— Эй, ты Эмили Беннет? — спрашивает меня девушка, сидящая напротив.

— Да, это я, — откликаюсь.

— Я прочла про тебя в школьной газете. А правда то, что ты раньше писала стихи? — Она кладет лицо на ладони и внимательно разглядывает меня.

— Правда.

— Отлично! — Девушка радуется моим словам, словно какой-то драгоценности. Хлопает в ладоши и откидывается назад. Я вижу, как под столом она качает ногами.

— В каком смысле? — недоумеваю я.

— Ты можешь мне помочь! Если захочешь, конечно.

— И в чем заключается моя помощь?

— Если ты сможешь, то напиши, пожалуйста, песню для женского голоса, — умоляюще говорит девушка. Не знаю, как описать её по-ребячески детское лицо.

— Я бы с радостью, но давно не писала ничего подобного, — проговариваю я. Мне немного жаль девушку, похоже, она, правда, рассчитывала на мою помощь.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — повторяет она. Зажмуривается, наклоняет голову и поднимает сложенные ладони над головой.

— Я не могу.

— Ну, пожалуйста. Хотя бы попробуй. Если не получится, то я от тебя отстану.

Я смотрю на эту девушку и думаю: а что если попробовать?

— Как тебя зовут?

— Я — Эллис.

У неё длинные каштановые волосы, завязанные в хвост, ореховые глаза, детская улыбка. А ещё по-настоящему детские манеры поведения.

— Хорошо, Эллис, я попробую, но ничего не обещаю.

— Ура! Спасибо тебе! — Она вскакивает со стула, обнимает меня и уносится прочь, захватив с собой все свои вещи, подпрыгивая в движении.

Сегодня понедельник, а значит, что снова будет урок физкультуры. Я нигде не могу найти Лондон, поэтому сама отправляюсь в раздевалку. Лори там не оказывается тоже. Переодеваюсь в футболку и шорты, надеваю кеды, завязываю волосы в хвост так, чтобы не было видно шрама, и сажусь на скамейку, ожидая подругу. Здесь пусто, потому я просто просматриваю веб-страницы в своем мобильнике.

В помещение входят две длинноногие девушки и осматриваются. Мне приходит эсэмэска от Лондон: «ТЫ ГДЕ?» Я отвечаю: «В раздевалке, а что?» Через пару секунд мне приходит ответ: «ВАЛИ ОТТУДА МИГОМ».

— Ты Эмили? — спрашивает меня блондинка.

В раздевалку заходят еще две девушки. Одна застревает в дверях, и я узнаю её — это же Лейла! Заметив меня, она опустила голову, потупив взгляд, и зашла вместе с остальными.

— Ты что, глухая? — спрашивает другая длинноногая, она брюнетка.

Тут я обращаю на них внимание. Худые, напыщенные, одетые в брендовую одежду. «Ясно, — думаю я про себя, — очередные mean girls».*

— Нет, я вас прекрасно слышу, — говорю я.

— Так ты Эмили? — спрашивает та, что была первой.

— Да. А что?

Она резко хватает меня за хвост и тащит в середину зала.

— А то, что ты не с теми связалась, Эмили!

Я вырываюсь, пытаюсь ударить эту девушку, но кто-то бьет мне под коленку, и я падаю.

— Я вас даже не знаю! — кричу я.

Девушка не ослабляет хватку, мои волосы растрепались, но никто еще не заметил моих увечий. Она намотала мои волосы на кулак и потянула на себя. Я резко подняла голову от боли. Девушка схватила меня за подбородок и, не отпуская, волос, заглянула мне в глаза.

— Запомни, Брэдли Уайат — мой и только мой, — шипит она.

— Это мы еще посмотрим, — язвлю я. Не в моих привычках уступать кому-то или оправдываться.

Она снова тянет меня за голову и идет куда-то в сторону. Я пытаюсь приподняться, но невольно следую за ней. В раздевалке никого — только еще четыре девушки, которые молча наблюдают за дракой.

— Я спрашиваю еще раз, ты поняла, что Брэд лишь мой?!

— Иди к черту, истеричка! — Я плюю ей в лицо.

Девушка визжит и еще больше гневается:

— Ах ты, сучка! — повизгивает она и со всей силы ударяет меня головой об лавочку.

Я хватаюсь за голову, мне чертовски больно, не замечаю, как слезы льются из глаз.

— Она ваша, дамы, — произносит блондинка и, отпустив меня, отходит в сторону.

Закрываю голову руками, чтобы не получить еще ударов. Сначала боль пронзает мою спину — и я изгибаюсь. Затем живот — я сворачиваюсь клубочком. Затем снова спина, руки, ноги. Я пытаюсь держать оборону — ноги к локтям, руками закрываю голову. Молю, лишь бы меня не

били по голове. Девушки пинают меня, избивают и смеются.

В стороне за всем наблюдает их предводительница и еще одна. Та, что не решилась, меня ударить — кучерявая блондинка со смуглой кожей.

Мои глаза застлала туманная пелена боли. Кто-то снова пнул меня под коленку, а затем мне заехали по лицу. Нос пылает новой волной боли. Все смешивается: смех, кровь и слезы, удары, слова, дыхание и бездыханность. Я кашляю снова и снова, кашель раздражает горло, на губах вкус крови. «Тебе нужно дышать», — умоляю я себя и снова захожусь в новом кашле. Отхаркиваю на пол слюну — она красного цвета. В голове царит хаос, даже боль уходит на второй план, я чувствую, как внутри что-то растет, или лопается, или толкается. Все путается — где нога, где рука. Я не помню.

Меня пробуждает крик. Я не умерла.

— Эмили! Мой бог... Эмили, очнись!

Приоткрываю глаза и вижу яркий-яркий свет. Надо мной нависла Лорен и Трент. Лондон помогает мне приподняться и достает из сумки влажные салфетки, подает их мне.

— Ты меня так напугала, — говорит она. — Это сделала Стейси, да?

Я харькаюсь в салфетку, затем беру еще одну и вытираю засохшую кровь со своего подбородка. Смотрю на то место, где меня избивали — лужа крови растеклась и размазалась по кафелю. Пытаюсь что-то сказать, но горло пронзает боль.

— Не спрашивала её имени, — хрипло произношу, пытаюсь унять боль.

— Высокая, блондинка, длинные волосы, мини-юбка в клетку, туфли на каблучке и футболка с вырезом, открывающая большую грудь, — диктует Лондон.

Я киваю. Нет сил на то, чтобы говорить.

— Вот же хренова стерва, — произносит Трент и уходит.

Лондон помогает мне встать на ноги, берет пакет с моей обычной одеждой и провожает меня в душевую. Я кое-как стою на ногах, но, тем не менее, снимаю с себя одежду и встаю под холодные струи воды. Мне не холодно. Мне больно. Слезы горячат щеки и стекают по подбородку на пол, по носу в рот. Я не выдерживаю и снова ломаюсь. Сажусь на плитку, поджимаю к себе колени и тихо рыдаю.

Лондон обнимает меня за плечи и помогает помыться, её одежда промокает насквозь. Я смотрю на свое тело: оно все в фиолетовых синяках и бурых кровоподтеках. Мы одеваемся. Я надеваю повседневную одежду, подруга — спортивную. Затем сидим на скамейке и ожидаем, когда закончится урок. Мне становится легче, но в голове все еще вакуум. Я не могу думать.

— Ну, как ты? — спрашивает она.

— Издеваешься?

— Нет. Я имела в виду, идти сможешь?

— Ага. — Я кивнула.

На перемене мы вышли в коридор и, пройдя метров десять, остановились передохнуть. Лондон села на подоконник, я уселась на пол, на свою сумку. Мне нехорошо. Я чувствую, как желчь подкатывает к горлу. Меня тошнит. Слышу, как Лондон спрыгивает с подоконника и поспешно куда-то идет.

— Стерва! — грубо произносит она, и я слышу хлопок.

Поднимаю глаза. Одна из девушек, которые были в раздевалке, брюнетка, стоит с открытым ртом, прижав руку к покрасневшей щеке.

— Сволочь! — продолжает Лондон и въезжает блондинке, Стейси, кулаком прямо в нос.

Стейси снова визжит, как когда я в неё плюнула, и хватается за свой нос. Лори хорошо ей заехала, у неё идет кровь ручьем! Все в коридоре смотрят на Лондон и двух mean girls и ожидают, когда же начнется драка. На визг Стейси из ближайших кабинетов выбежали учителя и начали разборки:

— Что здесь происходит?

— Это ненормальная напала на меня и Стейси! — жалобно говорила брюнетка. Еще чуть-чуть и зальется слезами.

— Ложь! — гневно бросает Лондон.

Она пытается вновь ударить темноволосую, но её за руки хватает физрук. Подруга вырывается, но у учителя хватка хорошая.

— Уоррен, Лоуренс, Мак-ки, немедленно успокойтесь или вылетите из школы! — произносит учительница. Я с ней не знакома, возможно, она вообще у нас ничего не ведет.

В толпе появляются Трент и Брэд. Они подбегают к учителям и, округлив глаза, смотрят на происходящее. Брэд подходит к Стейси и усмехается ей в лицо:

— Мы. С тобой. Никогда не будем вместе. Все кончено, Стейс. Ты поняла?

Стейси, подняв гордо голову, отворачивается, заливаясь слезами и что-то бормочет себе под нос.

— Где Эмили? — спрашивает Брэд.

Лондон кивает в мою сторону. Все зрители этого происшествия, в том числе и учителя, обращают своё внимание на меня. Я сидела, обхватив колени, и наблюдала за ними, а теперь все наблюдают за мной. Брэд с сожалением улыбнулся мне и помахал рукой. Потом не выдержал и направился ко мне.

Я удивилась. Мигом поднялась по стене, схватила сумку с пола и пошла ему на встречу. Но я ничего не рассчитала. В глазах темнеет, голова кружится. Звуки отдаются эхом. Слабость в ногах. И я падаю. Чувствую лишь, что меня подхватывают знакомые руки. Ничего не понимаю, мозг будто отключился, словно кто-то нажал на кнопку «ВЫКЛ». И темнота поглотила меня.

Комментарий к главе:

*mean girls** — «школьные пизжонки» из богатых семей.

Девять

Смерть потихоньку наступает мне на пятки. Она поджидает меня за углом, караулит. Все происходит сейчас, взаправду. Меня поглощает темная дыра, неизвестность, небытие. Я не успела. Я не выполнила почти ничего из того, что хотела. Меня не будут помнить, ко мне не придут на панихиду, не будут плакать и вздыхать спустя месяцы. Меня забудут как старого пса или кошку. Все умирают, и это неизбежно.

Я слышу, как стону, как вздыхаю. Не хочу это слышать. На меня смотрят сотни глаз. Нет, я ошиблась. Доктор перешептывается с медсестрой, та пытается говорить со мной. Кристи бросает безысходные взгляды на доктора, на моего отца и на мать. И тут я задаюсь вопросом: а что они тут делают? Но сил нет спросить. Если бы я могла, я бы уже давно закричала, залилась в ужасе, требовала бы, чтобы они ушли. Но я не могу. Да и мне уже как-то все равно. Они тоже обязаны знать.

Я не хочу умирать. Только не сейчас. Я не готова. Не сейчас.

Лондон приносит мне цветы, она ставит их в вазу, стоящую на тумбе. Я чувствую, как они пахнут, но не могу сказать «спасибо».

— Почему она молчит? — спрашивает подруга.

— У неё шок, — отвечает медсестра.

— И долго она так будет?

Молчание.

Я стараюсь хвататься за кусочки памяти. Горячие поцелуи. Холодный горох. Соленые слезы. Слова. Небо. Розовые птицы или... нет, розовое небо. Смешные тараканы. Холодная боль. Умное сердце. Я все путаю. Я пытаюсь вспомнить, но не могу. Я падаю.

Я снова просыпаюсь. Но на этот раз я чувствую, как во рту все печет от моего крика. Я кричу. Я, правда, кричу.

Мама и Кристи резко просыпаются от моего крика. Они держались за руки все это время. Медсестра вбегает в мою палату и вкалывает в капельницу морфин, крутит колесико, подавая мне дозу. Я вижу, как папа мнетя у двери, он ходит туда-сюда, заглядывая в палату и проверяя, как у меня дела. Ловлю его взгляд. Вбегает доктор.

— Вы говорили, что ей не будет больно! — волнуясь, говорит Кристи.

— Я ошибся. Все хуже, чем мы думали, — отвечает доктор Фитч.

Мне хотелось спросить, что он имел в виду, но обезболивающее мигом действует, и я растворяюсь в своей боли.

Когда я просыпаюсь в третий раз, то Лондон дремлет в кресле. Родителей нет рядом. Сестра смотрит куда-то в окно.

— Воды, — хрипло выдыхаю я.

Кристи резко оборачивается, теребит Лондон за плечо и подбегает к моей койке. Нажимает на кнопку срочного вызова медсестры и доктора. Лондон выходит из палаты и ищет кого-то. Дверь захлопывается.

— Эмили! Эмили, все хорошо, все будет хорошо. — Кристи гладит меня по голове и убирает с лица волосы, стирает капельки пота со лба, сжимает мою руку.

— Воды, — снова повторяю я.

Кристи бежит к двери и говорит моей подруге как можно скорее принести воды, та кивает и убегает прочь. Сестра снова подсаживается к нам.

— Ты нас очень напугала, — произносит. Она рисует на моей ладони бесформенные круги большим пальцем.

Лондон возвращается со стаканом воды и персоналом больницы. Я быстро осушаю стакан и прошу еще, но доктор запрещает.

— Для начала этого достаточно, — говорит он Лондон. — Эмили, вы меня слышите?

Я пытаюсь что-то сказать, но голос хрипит, слова застревают.

— Эмили, попробуйте хоть что-то сказать, — требует он.

И я пробую:

— Я хочу еще воды, — проговариваю.

— Отлично! — радуется он.

Спустя полчаса мне наконец-то приносят воду. Я её выпиваю и пытаюсь сесть на кровати, что выходит очень неловко, но через несколько попыток у меня получается сесть. Лондон, сняв ботинки, забралась ко мне в кровать, чтобы согреть. Я нежилась в её теплых объятиях. А затем пришли мои родители, я видела их, они стояли за дверью, не решаясь войти в палату и посмотреть мне в глаза.

— Что они тут забыли? — спрашиваю я у Кристи.

— Я их позвала, — отвечает мне сестра.

— Они знают?

— Да.

Я не могу разобраться в своих чувствах к ним. Я словно разделяюсь пополам. Одна часть меня их ненавидит и винит во всем произошедшем, в том, что я заболела. А другая говорит, что опухоль жила во мне всегда, и рано или поздно я должна была заболеть; просто обстоятельства так сложились, и ей дали толчок к развитию.

— Ты не восстанавливалась в институте, так? — спрашиваю я сестру, надеясь узнать правду, о которой подозреваю.

— Нет, я восстановлена.

— Но все время, когда ты уходила надолго, ты была у родителей?

— Была, — отвечает она.

Лондон крепче меня стискивает, боится, что я разозлюсь или что-нибудь выкину, наверное.

— И как долго ты к ним ходишь?

— Весь месяц, начиная с августа.

Я застываю на месте. Целый месяц мои родители знали обо всем, но пришли меня проведать лишь тогда, когда подумали, что я могу умереть.

— Расскажи все, — требую я.

Кристи замаялась, но все равно начала рассказ:

— Когда я пришла в первый раз, отец был пьян в стельку. Я рассказала все матери и потребовала, чтобы она больше ни разу в жизни не давала ему выпить. Она рыдала, когда поняла, что потеряет и второго ребенка. Спустя неделю я пришла снова. Отец не пил всю эту неделю, потому что наша мать заперла его в комнате. Не знаю, как он не выбил дверь. Он был трезв, и я начала свой рассказ. Под конец я слышала, как он рыдал. Отец сказал, что это он во всем виноват. И затем я ходила к ним каждую неделю. А на прошлой неделе... — она остановилась, — на прошлой неделе я хотела устроить ужин, примирительный. Но в пятницу ты ушла. А в понедельник...

Я знаю, что в понедельник. Я представила, что им позвонили из школы, сказали, что меня

забрали в больницу. А они, мама, папа и сестра, как самая дружная семья, гурьбой понеслись ко мне.

Заходит доктор, спрашивает про моё самочувствие, задает куча других вопросов по форме, а затем произносит:

— У меня есть кое-какие новости. Думаю, стоит позвать ваших родителей.

— Нет, — резко говорю я.

— Хорошо. — Он берет пластиковый стул, подвигает к кровати и садится на него.

Я внимательно слежу за его действиями, он долго ёрзает на стуле, прежде чем вновь начать говорить.

— Я знаю, это сложно принять, но события развиваются быстрее, чем мы предполагали.

— События? — переспрашиваю я.

— Да. Эмили, вам стало хуже. И будет становится еще хуже.

Эти слова в меня впиваются, как когти.

— И насколько все плохо? — спрашиваю.

— Скажем так, я бы посоветовал вам начать делать все, что заблагорассудится.

За окном вскрикивает птица. Небо черное. Будет гроза. Клен протягивает свои иссушенные ветки к моему окну. Сколько я еще протяну — неизвестно. Но осталось явно не так долго, как я думала раньше. Оглядываю палату — доктора уже нет.

— А какое сегодня число? — любопытствую я.

— Двадцать второе сентября, — отвечает Лондон.

Восемьдесят один день. Я прожила уже восемьдесят один день.

Бросаю взгляд на дверь. Мне так жаль их.

— Пусть они войдут, — говорю я, и сестра приглашает моих родителей войти.

Они встают у моей кровати, как чужие. Смотрят на меня в упор. Я вижу, как покраснели глаза у отца. Они оба сразу же постарели лет на десять. Зову их, мама берет меня за руку, а папа разрыдался. Чувствую, как Лондон выпрыгивает из постели.

— Ты не виноват, пап, — говорю я и жестом приглашаю его сесть.

— Нет, нет,... лишь я... — лепечет он себе под нос.

— Ты не виноват, только не ты. Так и должно было случиться — это всегда было у меня внутри.

— Если бы я внимательнее следил за тобой, за Томом,... за вами обоими...

— Пап, обними меня, — говорю я.

Но папа не отвечает. Он лишь безутешно рыдает, моля меня простить его. Закрывает лицо ладонями, его руки дрожат, я это вижу. Его плечи поднимаются и опускаются в тихом плаче.

Мне его так жаль. Я не хочу смотреть, как он страдает.

— Пап,... — начинаю я, — как знать, может, если ты обнимешь меня, то все пройдет. Я снова окажусь маленькой девочкой, любившей кататься у тебя на спине. Снова буду здорова. И я не умру.

Он посмотрел на меня блестящими глазами и сказал глухим голосом:

— Было бы здорово.

— Тогда я закончу все двенадцать классов, сдам экзамены, буду отличницей, поступлю в университет, как Кристи. Освою свою профессию, найду работу, выйду замуж, и когда-нибудь у меня появятся дети.

Я внимательно смотрю на него, его взгляд немного затуманен, наверное, он все это представляет.

— Ты станешь дедушкой, будешь любить своих внуков, всех внуков: и Тома, и Кристи, и меня. Ты будешь их баловать, как и должен поступать каждый дедушка, учить рыбалке, рассказывать сказки на ночь. Когда-нибудь кто-нибудь из них спросит: а как ты познакомился с бабушкой? И ты расскажешь. Ты будешь описывать все так, словно это произошло вчера. Будешь говорить о том, как увидел её и сразу понял, что теперь твоё сердце принадлежит только ей. А затем расскажешь о свадьбе, о том, как родился Том, затем Кристи и я. Будешь рассказывать, как мы шалили в детстве, чем любили заниматься, расскажешь все-все наши секреты. И твои внуки будут постоянно хихикать над своими родителями, заслушиваться твоими рассказами, просить тебя, чтобы ты им рассказал все снова и снова. Они будут любить тебя больше всего на свете. Мы каждый уикенд будем приезжать к тебе, а потом перестанем.

— Почему? — спрашивает отец.

— Потому что однажды, в самый солнечный и теплый день в мире, я приеду, увижу, что мамы нет, и подумаю: она, наверное, снова пошла на рынок, а ты чем-то занят или снова всю ночь пытался отремонтировать телевизор и устал. Поднимусь на второй этаж, в вашу спальню, и увижу, как ты мирно спишь. Возможно, даже рассмеюсь этому. Но приглядевшись, я замечу твои синие губы, прикоснусь — а ты весь холодный. До меня не сразу дойдет, что ты умер. Я буду все отрицать, плакать, но смотря на тебя и на то, как ты улыбаешься во сне, пойму, что тебе хорошо, и ты ушел в лучший мир.

Я вижу, как у всех, кто находился в палате, в глазах сверкают слезы. Мой рассказ тронул их души. Мама достает платок из кармана джинсов и вытирает им свои слезы.

Папа внимательно смотрит на меня, уголки его губ чуть-чуть приподняты, из глаз тоже катятся слезы.

И я тихо произношу:

— Ты умрешь. Раньше меня. Раньше Кристи. Раньше Тома. Как и должно быть.

Часть четвертая "This sweet revenge"

Десять

— Кристи, я не буду посещать группу поддержки! — возмущаюсь я и развожу руками. Стоя в пижаме в дверном проеме с кружкой кофе, я собиралась снова зарыться в одеялах и простынях и уснуть. Просто уснуть.

— Эмили, у тебя депрессия после последнего происшествия. Ты уже целую неделю пропускаешь занятия. — Кристи так и норовит схватить меня и потянуть за собой, вниз по лестнице.

— Нет у меня никакой депрессии, — насупившись, приговариваю. — Обычные головные боли — симптомы влияния опухоли, доктор ведь рассказывал об этом, — говорю.

С тех пор, как Кристи завела этот разговор, мы все ругаемся и ругаемся. Она уверена, что группа поддержки мне сможет помочь, я же считаю, что это пустая трата моего времени. С тех пор, как меня снова выписали из больницы, я лежала дома пять дней с непрекращающейся головной болью. Не скажу, что она была очень-таки сильной, но терпеть её изо дня в день было невыносимо.

Уже завтра второе октября — девяносто первый день моего счета.

Итак, второй пункт в моем списке уже выполнен, но первый так и завис в воздухе. Мне нужно придумать, как же оставить собственный след на этой планете. Оставить так, чтобы люди могли помнить меня еще долгое время после моей смерти.

— Эмили, ну, пожалуйста, сходи хотя бы на одно занятие, — умоляла Кристи. — Если тебе не понравится, то ладно, хрен с ним. — Пожала плечами.

— Что ты сказала? — удивилась я.

Я, конечно, понимаю, что «хрен» — это не ругань, но я редко когда слышала, чтобы моя сестра хоть как-то грубо выражалась.

— Что? — переспросила она.

— Да нет, ничего, — произнесла я и подумала, что на одно посещение можно и согласиться. — Хорошо, я схожу хотя бы один раз.

— Прекрасно! Тогда собирайся. — Кристи улыбнулась и, мотнув головой, радостно понеслась — чуть ли не поскакала — на меня.

— Чего?! — удивляюсь. О чём идёт речь?!

— Сегодня среда, занятия проходят по средам. — Она подталкивала меня к своей комнате, чтобы я скорее начала собираться.

— Значит, ты специально завела этот разговор сегодня! — возмутилась я.

— Одевайся! — И Кристи закрыла дверь в мою комнату.

Делать было нечего. Я быстро натянула на себя джинсы и футболку, мы спустились вниз и ждали такси. Куда мы направлялись, я толком не знала, Кристи всем заправляла, но остановились мы у одного кафе.

— И что, здесь все происходит? — спросила я, оглядевшись по сторонам.

Обычная улица со своими маленькими магазинчиками, со своими нет-ни-до-кого-дела прохожими, со своими котами и цветами, окрашенная в коричнево-желтые тона, которые словно бы говорят об осени. Подвязанные ленточками молодые деревья, только-только посаженные. Увядающие цветы в клумбах. Цветущие — на окнах. Тихий шелест опавших листьев под ногами.

— Ну, почти, — произнесла сестра и указала пальцем вниз.

Рядом с кафетерием была какая-то лестница, ведущая на нулевой этаж, а сверху болталась вывеска с облупившейся краской.

— В подвале? — У меня глаза на лоб полезли.

— Не сердись, я узнавала, здесь хороший специалист, — оправдывалась она.

Сестра отошла на несколько шагов, похлопала меня по плечу и толкнула вперед, сказав, что будет следить за мной, чтобы я не сбежала. Я отмахнулась, спустилась по лестнице и, открыв дверь, увидела, что не все так плохо. Помещение было просторным и светлым. По кругу были расположены стулья. В дальнем углу комнаты виднелось фортепиано. На полу стояли горшки с цветами. Здесь даже книжный шкаф был с креслом-качалкой.

— Проходи, садись на любое свободное место, — сказал мужчина средних лет.

Он был приятной внешности и казался славным. Маленькие круглые очки и залысины на голове не старили его, а придавали солидности, что ли. В руках он держал книжку и внимательно читал её.

— А можно в кресло? — спрашиваю я и кивком указываю на кресло-качалку.

— Ну, пока все не пришли, то да, можно. Но затем ты сядешь в круг, хорошо?

— О'кей.

В помещении почти никого не было: только я, наш психолог-тренер, его книга и еще одна девушка. Она тихо сидела за фортепиано и поглаживала клавиши, боясь потревожить тишину зала.

Я села в кресло и начала медленно качаться. На часах без пятнадцати пять. Тренинг должен начаться ровно в пять. Снова взглянула на девушку, та смотрела на инструмент с такой любовью, с таким благоговением, словно она всю жизнь мечтала сыграть на нем, а тут он уже перед ней.

— Сыграй же, — сказала я ей.

Девушка посмотрела на меня, улыбнулась и произнесла:

— Правда?

— Да, почему бы и нет, — ответила я.

И девушка начала играть. Музыка лилась из под её тоненьких пальцев. Она перебирала белые клавиши, черные, снова белые. Я не знаю, как это назвать, ведь я ничерта не соображаю в музыке, но то, как играла эта девушка, было великолепно. Мелодия, которую она играла, манила меня, зазывала к себе. И я, не удержавшись, подошла к девушке, встала рядом и следила за каждым движением её рук. Когда девушка закончила играть, я восхищенно хлопала ей в ладоши, а затем мой душевный порыв подхватили и остальные — я только сейчас заметила, что зал заполнился людьми — зрители. Девушка покраснелась и смущенно произнесла:

— Спасибо.

— Я — Эмили, — говорю и протягиваю девушке свою руку.

— А меня зовут Ив. — Она отвечает на мое рукопожатие.

Я её рассматриваю. Она очень красивая. У неё длинные черные волосы, карие глаза, розовый румянец на щеках, тонкие губы. Ив замечает то, как я её рассматриваю, и еще больше краснеет. Когда Ив улыбается, у неё появляются ямочки на щечках.

— Ну, что, господа, давайте начинать? — говорит наш психолог.

Все рассаживаются по своим местам, ну, а я сажусь на свободное и начинаю внимательно слушать. Наш руководитель представляется:

— Меня зовут Стефан Кэрроуэй, — начал мужчина.

И он рассказывал о том, как у него обнаружили лейкоз, как сначала он было подумал, что все — это конец. А врачи говорили, что всегда есть шансы. И вот ему этот шанс выпал! Его пичкали таблетками, водили на химиотерапию, проводили люмбальную пункцию. И в итоге, врачи сказали, что он выживет, рак побежден. Стефан говорил обо всем этом с такой интонацией, словно он бессмертен, словно он — это какое-то достояние. Хотя, возможно, так и есть. Не каждому дано пережить рак. Затем Стефан говорил, что нужно верить в Бога, что он услышал его мольбы и помог ему.

— Пожалуй, Бог умер, — вырвалось у меня.

— Представься, пожалуйста, — проговорил руководитель.

— Э-э-э, — протянула гласную я, а затем добавила, — я не знаю как.

— Хорошо, тогда ты, после того, как все расскажут свои истории, объяснишь нам свою точку зрения, ладно?

— Ага.

И тут пошла эта цепочка. Сначала, как я поняла, говорили те, кто посещает группу дольше всего, а затем цепочка потихоньку продвигалась. Все было по особенной форме: имя, возраст, диагноз, — когда его поставили, что случилось — прогнозы и настроение. Ив была где-то посередине. Она рассказала свою историю про то, как в двенадцать ей поставили диагноз: лейкоз. Как она усердно боролась с ним, как радовалась, когда была ремиссия, как огорчилась, когда ей поставили новый диагноз: острый лимфобластный лейкоз. Из всего её рассказа я поняла вот что:

1) борется она с раком очень-очень долго, и

2) она все еще не потеряла надежду.

Затем снова идут рассказы других людей, они меня совершенно не привлекали, скучные, потерянные. Я, наверное, такая же, и потому не хочу впадать в еще большее уныние. И тут очередь доходит до меня:

— Меня зовут Эмили. Эмили Беннет. Шестнадцать. Неоперабельная и быстро развивающаяся в моей голове глиобластома. Диагноз поставили, ... — замялась я, — да не знаю, когда поставили, сама я все узнала девятью днями назад.

У них у всех были такие унылые лица, потому мне захотелось чуть-чуть пошутить, чтобы их расшевелить:

— Я, судари, изволила совершить акт суицида, получила много «хороших» травм, от чего лежала в больнице почти полгода, и заодно злокачественную опухоль мозга.

Но никого мои слова не рассмешили, одна только Ив легонько усмехнулась, но, как и все остальные, широко раскрыла свои глаза от удивления. Конечно, они все усердно борются за жизнь, а я хотела с ней вот так просто расстаться. Затем мне нужно было сказать о прогнозах:

— Ну, прогноз у меня не утешительный. Мне говорили, что я смогу пожить еще год или полтора. Но недавно произошло ухудшение, и сейчас я даже не знаю, сколько мне осталось.

На весь зал раздалось жалобное «Ох!». Конечно, не я одна в такой ситуации.

— Настроение — просто зашибись! — произнесла я с сарказмом в голосе.

— Спасибо за вашу историю, Эмили. А теперь объясните своё замечание, пожалуйста, — потребовал Стефан.

— Ну, я думаю, что Бог мертв.

— Почему ты так думаешь? — Руководитель перешел со мной на «ты».

— Смотрите: в Африке дети умирают от голода, там же происходит распространение смертельной болезни, погубившей уже тысячи жизней; возможно, в Европе совсем скоро начнется война — брат воюет с братом; ежегодно миллионы людей умирают не только от рака, но и от других болезней. Люди губят друг друга. Болезни губят людей. Мир умирает. Что это, смешная шутка вашего Бога? Или ему просто все равно?

— Хорошее замечание. Но, может, стоит в него просто верить? — говорит Стефан.

— Для чего? — спрашиваю я его.

— Если бы все человечество верило в него, то, возможно, мы могли бы избежать всех этих бед.

— А болезни? — настаивала я.

— Я не знаю всех ответов, Эмили. Я просто предполагаю. — Он снял с носа свои очки и надавил пальцами на переносицу. У него явно мигрень.

Я кивнула ему, соглашаясь с его словами. Мы все можем только предполагать.

Затем все друг другу чего-то желали, даже самим себе. Они говорили о борьбе, о победе, даже о смерти. Кто-то делился, что он из-за онкологии потерял слишком много в весе, но ведь это есть у всех, у меня тоже. Я просто слушала и смотрела на всех, они со мной не знакомы и, наверное, после моего рассказа не хотят со мной знакомиться, но мне все равно. Никто не обращал на меня внимания, одна только Ив.

— Меня впечатлила твоя речь, — говорит она. — Порой некоторые из нас слишком ослеплены надеждой и несбыточными мечтами о нормальной жизни.

— А ты нет? — спрашиваю я.

— Острый лимфобластный лейкоз почти не лечится, — спокойно говорит она. — Хотя я, конечно, продолжаю верить в свой малюсенький процент на выздоровление, ведь может случиться все.

— Угу, — произношу я.

Я даже не заметила, как прошли наши полтора часа. Мне понравилось говорить с Ив. Она вся искрится надеждой. Она похожа на искорку, на одинокую звездочку в ночном небе. Мне показалось, что если я буду общаться с ней, то, может, смогу также полюбить свой остаток жизни.

— Ну, что, спасибо всем, что пришли, — заключает Стефан. — Увидимся в следующую среду в то же время.

И мы все произносим: «До встречи».

— Не хочешь куда-нибудь сходить? — предлагаю я Ив.

— А куда? — смущается.

Я замечаю, что она очень стеснительная. На любой вопрос, обращенный к ней, или просто на любое внимание она отвечает смущением.

— Ну, в кафе, например. — Пожимая плечами.

— Я бы с удовольствием, но у меня нет с собой денег.

— Ничего, — отмахиваюсь я. — Поехали ко мне домой, я возьму деньги и заодно тебе кое-что покажу.

Мне вдруг захотелось показать Ив мои стихи. Те самые, которые я должна была писать для Эллис. Я никогда не раскрывала свои тайны и увлечения первому встречному вот так запросто, но ей мне захотелось открыться.

— Да ну, мне неудобно, — произносит она.

— Иде-е-е-ем, — протягиваю я и протягиваю её руку. — Меня все равно сестра, наверное, ждет.

— У тебя есть сестра? — удивляется девушка.

— Идем со мной, и я тебе все расскажу, — говорю.

И Ив подает мне свою руку.

Мы выходим из помещения и поднимаемся по лестнице. Кристи ждет меня у такси, она приветственно нам машет.

— Эй, привет, — здоровается сестра.

— Знакомься, это Ив. — Я усаживаюсь в такси.

— Привет, — произносит Ив, садясь рядом.

— Ты с ней познакомилась, да? — Я киваю. — Вот видишь, я же говорила, что тебе нужно посетить это занятие! — Кристи буквально вся светится от радости.

— Мы с Ив хотим пойти в кафе, только сначала домой заскочим, я кое-что возьму. Ты не против? — спрашиваю я.

— Нет, конечно, веселитесь, — сказала Кристи и назвала таксисту адрес нашего дома.

— Отлично!

Мы поехали. Ив улыбалась своим новым знакомым. Я была рада и потихоньку заряжалась надеждою девушки. Может быть, если я буду проводить с ней чуть больше времени, я смогу также искриться.

Одиннадцать

— Ты когда-нибудь ела яблоки в карамели? — спрашиваю я Ив, просматривая меню.

Мы сидим за столиком у окна в кафе, которое находится рядом с местом проведения заседаний группы поддержки. Здесь играет приятная музыка. Интерьер очень красивый и уютный, так и хочется остаться здесь жить. На подоконниках стоят горшки с цветами, на стенах — многочисленные картины и предметы детского искусства: забавные рисунки, подделки, раскрашенные фигурки из теста; на окнах — полосатые занавески, придающие ощущение ретро-времен. Персонал очень дружелюбный и приветливый — это замечаешь сразу же, какходишь в кафе.

Окно, возле которого мы расположились, небольшое, словно сделано по сюжету сказок, но из него было видно многое: узкая улочка, велосипедисты, прохожие, заглядывающие в окна.

Официантка на стекле, предназначенного для вывески блюда дня, приписывала маркером вечернюю акцию на напитки.

— Да. В детстве очень часто ела, я их так любила, — отвечает девушка.

— А сейчас? — любопытствую.

— Нет. Уже давно их не пробовала, — немного грустно, но довольно легко отвечает мне Ив.

— А я вот никогда не ела карамельные яблочки, — сообщаю я ей.

— Они очень вкусные. — Мне нравится, как улыбается Ив, потому что в этот момент её глаза блестят каким-то новым для меня светом. Словно бы её улыбка дарит теплоту и надежду.

— Почему бы тебе не заказать тоже?

— Мне нельзя сладкого, — говорит Ив и хмурится.

— Слушай, — медлю, подбирая слова, — а ты хочешь, ну, ощутить их вкус снова?

Девушка кивает, а затем произносит:

— Да, вот только по моей «диете» мне их нельзя.

Я подаюсь корпусом вперед и немного приближаюсь к Ив, сидящей на противоположной стороне, прячу рот за ладонь, как бы собираясь выдать свой самый большой секрет, и тихо говорю:

— А, может, к черту эту диету?

— В смысле? — Она моргает и смотрит на меня, недоумевая.

— Понимаешь, когда я узнала, что у меня нет шансов, то я составила список вещей, которые я должна сделать до смерти. — Откидываюсь назад и пожимаю плечами.

Наверное, Ив не понимает, к чему я это говорю, и потому я продолжаю:

— Наша жизнь коротка. Может быть, стоит от неё взять все? Хотя бы попытаться ощутить себя живым, если у нас не выйдет. Попробовать все то, чего мы были и будем лишены в будущем.

Ив недолго думает и кивает в знак согласия:

— Да. И мне закажи тоже карамельное яблоко. — Она берет меню и начинает просматривать его. — И колу. Я давно хочу попробовать, какая она на вкус, я ведь уже и не помню. — Затем она кладет его на столик и часто-часто моргает, смотря на меня. С её губ ни сходит улыбка.

Когда нам все принесли, то мы вместе стали вгрызаться в яблоки. Это было так забавно. Запеченные, политые карамелью яблочки были такие вкусные. Сок струился по подбородку, когда я кусала яблоко. Мы смеялись этому, подавали салфетки, отхлебывали колу друг у друга, ведь чужая кола намного вкуснее.

— И большой у тебя список? — спрашивает Ив.

— Угу. Некоторые вещи в нем можно сделать даже сейчас, они такие простые, что тебе, наверное, захотелось бы рассмеяться, услышав их. Они кое-где наивны и глупы, но я никогда не пробовала их совершить, хотя мне хотелось бы.

— А почему не пробовала раньше?

— Не знаю, — отвечаю я. — Я чего-то боюсь.

— М-м-м, — протягивает собеседница.

— Вот тебе хотелось бы чего-то больше всего на свете? Какое твое желание было бы? — интересуюсь я.

Ив допивает свою колу и произносит:

— Я всегда хотела петь где-нибудь на публике, чтобы меня слышали, чтобы слышали мой голос. — Она пожала плечами. — Это, наверное, глупо, да?

— Нет, вовсе нет. Это у меня глупые желания.

— Например?

— Ну, совсем недавно я притворялась своей подругой Лондон. В смысле, мы не поменялись местами или что-то подобное, я просто вела себя точно так же, как она. — Я пальцем надавливала у виска, спускаясь вниз по щеке и поднимаясь вновь. Нет, у меня не болела голова, скорее, это движение я делала от некоего смущения.

— Зачем? — интересуется Ив.

— Мне просто было интересно, как это быть Лондон. У неё довольно насыщенная жизнь. Она умеет жить и быть живой.

— Жить... — вторит девушка. — А что ещё? — спрашивает Ив.

— Хочу оставить после себя след на этой планете. — Вновь пожимаю плечами. — Кстати, на счет этого: я подумала, что ты можешь оценить мои строки. Меня недавно попросили написать текст песни, он немного сыроват, — я доделаю — но уже вроде неплохо, — произношу я и достаю книгу из сумки, которая лежала рядом со мной.

Я раскрываю её, достаю спрятанные меж страницами листики и подаю один из них Ив, чтобы она прочла это. Ив начинает читать вслух:

— *Куда ты ушла?*

Куда ты ушла, моя тайна.

Ты оставил меня одну.

Ты оставит меня утонуть в несчастье.

Я не чувствую ничего.

Я не могу ничего чувствовать, кроме воспоминаний.

*Итак, где же ты сейчас?
Почему ты захотел оставить меня?
Иди спать в облака и в мечты.
Твой свет все еще освещает меня,
Он скрывается внутри,
Собирая мою израненную душу по кусочкам.*

Ив подняла на меня глаза, в них был виден немой вопрос: «О чем это ты?», но она продолжила читать:

*— Потому что часть меня ушла,
Половина меня пропала.
Половина меня покинула,
Половина меня... ушла.*

— О ком это ты писала? — спрашивает она, наконец.
— Позже. — Отмахиваюсь. — Дочитай до конца.

Ив кивнула и снова принялась за чтение:

*— Ты завладел моим сердцем,
Ты забрал себе часть меня.
Ты оставил меня в одиночестве.
Ты сделал меня и мою душу такой несчастной.
Потерянный мир.
Мне нужно найти способы, как же быть теперь.
Когда ты ушел,
Когда ты позволил мне вспомнить о страхе,
Тогда он и вернулся.
И перед тем, как разбить мне сердце,
Ты был самым лучшим для меня.
Но сейчас часть меня ушла,
Часть меня покинула.
Половина меня пропала,
Половина меня... ушла.
Малыш, пожалуйста, очнись.
Малыш, прошу тебя, вернись ради меня... сейчас.**

Ив прекратила читать, потому что текст закончился, и вопросительно посмотрела на меня.

— Так о ком это? — спрашивает она.

— О моём брате, — отвечаю я.

— А что с ним случилось?

— Он... умер. — Как ни странно сейчас эти слова дались довольно легко мне. И мне не больно. На данный момент мне совершенно не больно. Почему? Потому что рядом Ив? Потому что она так повлияла на меня всего за пару часов нашего знакомства

— Я сожалею, — говорит она.

— Все в порядке, правда. Так как тебе строки?

— Немного недоработано, некоторые строчки непонятны, рифма сбивается, хотя я не знаю, как это будет звучать при музыке, но, в целом, мне нравится, — произносит она и кивает.

— Я спешила. Позже покажу тебе мотив. — Пауза. Собираюсь с мыслями и проговариваю: — Слушай, может, ты споешь её? Для меня. На каком-нибудь фестивале, или конкурсе, или что-то в этом роде.

— Не уверена... — тихо говорит Ив, — к тому же, ты не слышала, как я пою.

— У тебя красивый голос сейчас. Уверена, поешь ты классно!

Затем я забираю этот листик, беру другой и подаю Ив, чтобы она прочла еще одну песню.

— Мне ни найти себе парня, ни пробраться на сцену,
Таким путем, каким я это делаю.
Мне нужно накопить немного денег,
Я — работающая девушка, вы же знаете.
И я буду отгонять от себя внимание и держаться сама по себе.
Я люблю свою комнату, где я привыкла спать.
Некоторыми ночами мне, правда, нравится лежать с открытыми глазами.
Я слышу полуночных птиц, послание в их словах.
Рассвет прикоснется ко мне так, как никогда не мог ни один парень,
Их обещания никогда не значили много для меня.
Вы были предупреждены, что я своевольна.
Я отставала в школе, писала справа налево.
Учителю всегда было на меня плевать.
Проповедник в молитве за меня сказал:
«Боже, помоги девочке, ей нужна вся помощь, какую только может получить».
Я сижу уже в течение нескольких часов, просто ожидая его телефонного звонка.
Я оставлю шоколад в холодильнике так, чтобы никто его не нашел.
Я буду проигрывать его сообщения, анализируя его интонацию.
Пожалуйста, остановите меня, я даже сама себе надоела уже.
Я думаю о нем, когда мою посуду.
Я думаю о нем, смотря на раковину.
Это не игра слов.
Моя любовь к нему абсурдна.
Если бы он дал мне знак, я бы думала о нем всю неделю.
Составляла бы планы заранее, а затем отвергла бы его.
Вы были предупреждены, что я своевольна.
Я отставала в школе, писала справа налево.
Учителю всегда было на меня плевать.
Проповедник в молитве за меня сказал:
«Боже, помоги девочке, ей нужна вся помощь, какую только может получить»**.

Ив читала эту песню с улыбкой, а затем, закончив, рассмеялась, словно ненормальная.

— Что я только что прочла? — смеялась она.

— Кусочек меня, — отвечаю я, подхватывая смех девушки, понимая, насколько бредовым мог показаться текст.

— Ощущение, словно ты писала его под наркотиками. — Ив всё ещё заливается смехом. От её звонкого смеха становится так тепло на душе.

— Настолько все плохо?

— Нет, песня прекрасна, и точна, и веселая, мне нравится. Просто легкая наркомания, — смеется.

— Спасибо. — Я легонечко толкнула её ладонью в плечо по-дружески.

В итоге, Ив начала выделять некоторые моменты в тексте, смеясь над ними, но это был добрый смех, не насмешливый. Мы смеялись вместе над всем.

— Это круто, правда, — говорит она. — Я бы не додумалась до такого.

— Спасибо, но в трезвом состоянии я, наверное, тоже не додумалась бы. Честно, это во всем виноваты таблетки, которые мне выписывают. После них весь мир радужный, и в сон клонит. — Все еще шучу.

— От депрессии, — поясняет она, — мне раньше такие выписывали.

Затем Ив смотрит на часы, допивает еще одну колу и говорит:

— Уже поздно, домой пора.

Я тоже смотрю на время. Уже полдевятого. За окном потемнело, но звезд не видно из-за огней города. Зажглись уличные фонари, от чего небо кажется фиолетово-рыжим.

— Угу, — я киваю.

Мы расплачиваемся и уходим. Я вызываюсь проводить Ив до метро. Мы разговариваем, снова немного шутим по поводу моей песни. Порывшись у себя в сумке, я не обнаруживаю книгу с моими произведениями.

— Черт! — Произношу и закрываю лицо руками.

— Что случилось? — интересуется Ив.

— Я, кажется, оставила книгу в кафе. Нужно возвращаться, — негодную.

— Давай вернемся. — Ив разворачивается и с беззаботной улыбкой уже собирается идти обратно, но я её останавливаю.

— Нет-нет, иди домой, а то твои родители будут волноваться.

— Ты чего, ещё ведь не ночь. — Отмахивается она.

— Я живу ближе, чем ты. Иди, а то вдруг на транспорт опоздаешь. К тому же, мы еще не далеко отошли, я мигом дойду.

— Хорошо. — Ив кивает, прощается со мной, разворачивается и уходит, постоянно оглядываясь и махая мне ручкой вслед.

Я начинаю бежать к кафе со всех ног. Лишь бы никто не нашел мою маленькую книжку с секретами. Задышаюсь, горло начинает драть, под боком колоть, ноги подгибаться, и я перехожу на быстрый-быстрый шаг.

Внесшись в кафе, я вижу, что столик, за которым мы сидели, уже занят. Подойдя ближе, я узнаю этого человека. Это был тот самый кучерявый парень из школы, который сидел на рюкзаке в мой первый день. Задаюсь себе вопросом: «А почему я больше его ни разу не видела в школе?». Но потом вспоминаю, что в школу я ходила от силы неделю и могла его с легкостью не заметить. Он сидел на том самом месте, где сидела я, и держал в руках мою «волшебную книжечку». Я подхожу к столику и начинаю смотреть на него в упор, боясь потревожить его и разоблачения. Парень еще несколько секунд читает книгу, я еще больше напрягаюсь, а затем поднимает голову на мой кашель.

— Твоя? — Он указывает на раскрытую книгу.

— Да. — Киваю.

— Ясно. — Парень приподнимается и, кладя деньги в счет, выходит из-за стола. Вешает на руку за лямки рюкзак. — Держи, Эмили Беннет. — Отдает мне в руки мою книгу.

Я недолго думаю, удивленно моргая, а затем удивленно спрашиваю:

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Угадай, — отвечает он с легкой ухмылкой.

Я раскрываю книгу, проверяя наличие там листиков, а затем случайно открываю форзац. Точно! Формуляр! На нём ведь написано моё имя. Угугаю, давая знак парню, что я поняла его намёк, и кладу свою книгу в сумку на самое дно, чтобы уж точно нигде её не потерять. Парень уже надел свой рюкзак и собрался на выход, но затем он остановился и произнес:

— Кстати, «Боже, помоги девушке» — просто ужас. — И ушел.

— Что? — удивленно произношу я.

Я смотрю на то место, где был парень. Затем снова роюсь в сумке, открываю книгу и вижу там свои песни. Я все понимаю. Он их читал! Вот же паршивец! Выхожу из кафе по направлению к дому — тут недалеко, всего квартал пройти — и начинаю говорить сама с собой:

— Ах, подлец! Подлец! Подлец!

Когда я пришла домой, то на пороге меня встречает Кристи, улыбаясь, но я лишь громко хлопаю входной дверью. Всё ещё гневаясь, бросаю сумку в угол и начинаю снимать с себя обувь и верхнюю одежду.

— Что-то случилось? — спрашивает сестра.

— Нет, все отлично! — язвлю я.

— Я тут приготовила сюрприз, — говорит она и провожает меня на кухню.

Стол накрыт. За ним сидят наши родители. «Это примирительный ужин», — вспоминаю я. Когда я вхожу в комнату, они переглядываются и улыбаются мне.

— Так вот ты зачем меня хотела выпроводить, — шепчу я.

— Ты должна их простить, — отвечает Кристи и направляется к столу.

— Привет, — я машу им рукой, — мам, пап.

Мама не выдерживает и вскакивает со стула, чтобы обнять меня. Я сначала не отвечаю. Что произошло в больнице, то было в больнице. Я все еще немного злюсь на них, а, может, я злюсь на того парня. Но затем к объятиям присоединяется отец и шепчет:

— Мы, правда, хотим, чтобы ты нас простила.

Затем еще и Кристи обнимает нас всех. И я не смогла не ответить. Я обнимаю одной рукой родителей, а другой стараюсь достать до сестры. Она берет мою руку. Мне тепло. Я чувствую себя в кругу настоящей семьи, и, наверное, понятие «дома» приобретает для меня снова истинное значение. Желание «помириться с родителями» было даже не в первой десятке всего моего списка, но оно исполнилось вторым.

Комментарий к главе:

* — *приблизительный перевод песни "Half of me" с добавочными элементами от меня, т.к. официального перевода нет.*

** — *перевод песни "God help the girl".*

Двенадцать

Эмили

Серые будни сменяли друг друга, недели шли очень быстро. Время летело. Его не остановить.

— Вечеринка в честь Хэллоуина! Вечеринка в честь Хэллоуина! Приходите все!

По школьному коридору расхаживают девушки и парни и раздают всем листовки о предстоящей вечеринке в доме у какого-то парня. Они обращаются ко всем прохожим, чтобы привлечь внимание.

— Приходи сегодня на вечеринку, — говорит мне девушка и дает листовку, — не пожалеешь.

— Ок'ей, ладно, — отвечаю я и беру лист, лишь бы от меня отвязались.

А затем пробиваюсь сквозь толпы людей к библиотеке, чтобы отдать старые и взять новые книги. Мне пытаются еще несколько ребят дать листы, но я махаю уже взятым перед их носами, и от меня отстают.

Я беру с полки в библиотеке несколько книг классиков, заполняю формуляр и замечаю, что на многих книгах стоит одно и то же имя: «Майки Б.». Мне вдруг стало интересно, как же выглядит этот парень, и вообще, пообщаться с ним, ведь мы читаем одинаковые книги. Читающие парни в наше время — это большая редкость. А человек, который читает с тобой одинаковые книги и, скорее всего, имеет такие же увлечения, встречается ещё реже.

— Эй, — говорю я девушке, подрабатывающей в библиотеке, — ты не знаешь парня, который до меня брал эти книги?

— А на формуляре разве не сказано, кто он? — отвечает девушка.

— Майки Б., не знаешь таких?

— Не-а. — Девушка облокачивается об стойку библиотекаря и кладет голову на руки. — А вообще у нас по школе много Майков Б. расхаживает, потому тут не угадаешь.

— Ясненько. Спасибо. — Кладу книги в сумку и выхожу из библиотеки.

Затем, когда я направлялась на тригонометрию, ко мне подбежала Лондон и начала расспрашивать по поводу вечеринки. Она что-то там говорила, восторгалась такой необычной идеей, обязалась повести меня с собой, но я отказывалась.

— Ну, дава-а-ай, — упрашивала она. — У тебя что, в списке нет вечеринок?

— Нет. Не приравнивай все к списку, там многих вещей нет. — Когда я это произнесла, то поняла, насколько грубо это звучит со стороны, но было уже слишком поздно. Что ж, по крайней мере, я не скрываю истинного отношения к данной идее.

— Эмили, ну же! — Лондон хватается за руку и пытается сделать так, чтобы я обратила на неё внимание, но я лишь разворачиваюсь и тяну её за собой в кабинет. — Эмили, оторвешься, как следует, а я помогу тебе со следующими пунктами в твоём списке. — Не унималась она.

— Ты даже не знаешь, чего я еще желаю, — бурчу себе под нос, но Лондон все слышит.

— Но ты мне скажешь, ведь так?

— Может быть.

— Эмили, ну, пожалуйста, — говорит она и строит мне кошачьи глазки. — Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Без тебя мне будет скучно.

Я подумала, что она как-то раньше и без меня обходилась на вечеринках, пусть это было и давно. Но я ничего не говорю. Быть может, что-то в ней изменилось, от чего она не хочет посещать её одна, а может, всё из-за того, что я умираю. Не знаю.

— Если я соглашусь, то следующие подобные вечеринки мне можно будет пропустить? — спрашиваю я.

— Отлично! Значит, я зайду за тобой часов в шесть, ты успеешь подобрать костюм? — Лондон хлопает в ладоши и обгоняет меня, затем разворачивается ко мне лицом и ждёт моего ответа.

— Успею, — произношу я.

— Круто! — восклицает Лондон. — А как там Брэд?

— Ты о чем?

— Будто ты не знаешь, колись.

Лондон, безусловно, думает, что я, как и она, буду также общаться с первым встречным, что теперь, возможно, буду с ним даже парой, и у нас всё наладиться, и я буду счастлива до конца своих дней. Но это не так. Он не тот, кто мне нужен; он мне не подходит; и я не испытываю к нему никаких чувств. И я знаю, что он — почти что полная копия Лондон. Я уверена, что Брэду интересны только лишь вечеринки, алкоголь и девушки. Значит, я не должна общаться с таким типом, потому что он ничего не принесёт в мой остаток жизни. Не стоит тратить своё время на ненужных людей.

— Я с ним не общаюсь. Видимся только на переменах, — проговариваю.

— Но почему? Ты ему вроде нравишься.

— Я не хочу общаться с парнем, у которого первое впечатление обо мне складывается по одному дню, проведенному в качестве тебя. — Я вновь чересчур резко говорю.

Сказанная мною фраза не означает, что мне и с Лондон нужно прекратить общаться. Лорен является исключением. Она двулика: одна её сторона — полнейшая оторва, вторая — заботливая и верная подруга, причем последняя открывается только лишь для меня и моего окружения.

— Ой, да ладно. — Она толкает меня плечом. — Ты такая зануда, что мало кто смог бы с твоей персоной познакомиться.

— Точно! Ну, спасибо, — с укором произнесла я.

— Ты понимаешь, о чем я. Ты — зануда, Эм. Если ты хочешь познакомиться с кем-то да поскорее, будь хотя бы чуточку открытой.

— Хорошо, Лондон. Идем на тригонометрию.

По пути в класс я снова встретила того самого парня. Мы шли навстречу друг другу, он смотрел на меня, я смотрела на него. Но никто из нас не сказал ни слова друг другу. Между нами словно бы бездна. Он — по ту сторону экрана, я — по эту; мы наблюдаем друг за другом, между нами какое-то мрачное напряжение, но мы не видим друг друга. Мы — обычные прохожие, которые встречаются взглядами каждый день на улицах, которые не запоминают лица друг друга и не предают значения таким вот случайным встречам. Незнакомые. Невидимки. Когда этот парень прошел мимо нас с Лондон, я произнесла:

— Вот же подлец! Сделал вид, что мы с ним незнакомы.

— Кто? — спрашивает Лондон и глядит по сторонам, пытаясь понять, что же она упустила из виду.

— Ладно, забудь.

— Эй, да кто это был? — Пристала подруга.

— Мы с ним столкнулись в начале месяца в кафе. Не то чтобы повздорили, но, видимо, у нас теперь взаимная неприязнь друг к другу, — делюсь я с Лорен.

— А почему ты мне ничего не рассказала раньше? Стой, вы столкнулись в начале месяца, а встретились снова только сейчас?! — удивилась Лори.

— Да, его редко встретишь в школе. А не сказала, потому что подумала, что ты начнешь приставать с вопросами. — Пожимая плечами и продолжая идти дальше, к классу.

— И правильно подумала. — Она щелкнула пальцами и рассмеялась.

— Ладно, идем, а то мы уже опаздываем. — Подталкивала я подругу. Она словно бык, постоянно останавливалась, оборачивалась, заставляла и меня остановиться и не сдвигалась с места, пока я ей не начинала рассказывать всё в подробностях.

— Нет, ну все же, как так можно? — Не унималась Лондон.

А я её не слушала, просто толкала вперед, чтобы она шла, а не останавливалась. Толкала и думала о том, что же будет сегодня вечером, и волнение накрывало меня. Я ещё ни разу не была на вечеринках, а уж тем более такого масштаба, чтобы о ней вся школа знала. Чувствую, мой эскапизм и мизантропия резко усилятся после сегодняшнего вечера.

На вечеринку я решила пригласить и Ив. Она подъехала к моему дому в пол шестого, где мы вместе ждали Лондон.

У Ив хороший вкус. Она решила быть вампиром, потому на ней длинное струящееся черное платье, которое так подходило её темным волосам. Если бы я не знала её, то могла бы поспорить, что девушка увлекается готикой — до чего же ей идёт чёрный цвет.

— Ты как, хорошо себя чувствуешь? — спрашиваю я, заметив, как бледна девушка.

— Я в порядке. Просто немного устала. — Ив улыбается. Она улыбается всегда, и не важно, хорошее ли у неё или плохое самочувствие.

— Точно? Тебе не будет хуже потом? — Волнуюсь я.

— Да нет, это ничего. Полежу дома несколько дней, и все придет в норму, — говорит она чересчур легкомысленно, но, тем не менее, её слова меня не успокаивают.

Я была колдуньей. На мне было прямое черное платье до колен с длинными рукавами, белый воротник, остроконечная шляпа и ботинки. Все очень просто. Не люблю излишества.

Лондон же была очень откровенной медсестрой, собственно, я не была удивлена. Как ни странно она приехала вместе с Трентом на его машине почти в шесть часов. Трент был графом-Дракулой.

— Привет, ребят, — сказала я. — Знакомьтесь, это Ив. Ив, это Лондон и Трент.

Мы с Ив сели в машину на задние сидения. Лондон обсуждала то, как же безвкусно, на её взгляд, я оделась, и то, какие шикарные волосы у Ив. Она постоянно восторгалась чем-то и всплескивала руками.

— А куда мы вообще направляемся? — поинтересовалась я.

— Ты разве не знаешь? — спросила Лондон и кинула мне флаер в руки.

Я посмотрела на листовку. Тот, кто её делал, определенно хорошо владеет фотошопом. Прекрасное оформление, отлично подобраны цвета. Адрес, где проводится вечеринка, есть, но кто хозяин?

— Мне это ничего не говорит, — говорю я. Ив берет листовку и рассматривает её. — Кто устраивает вечеринку-то?

— Гарри — хозяин, — отвечает Трент.

— Это ещё кто? — переспрашиваю я.

— Гарри, капитан футбольной команды, — уточняет парень.

— Ты хочешь сказать, что Брэд там будет? — Делаю вывод я.

— Да, он хочет сказать именно это, — произносит Лондон прежде, чем Трент сумел что-то ответить.

— Вот же попала...

— В смысле? — спрашивают в один голос ребята, а Ив внимательно следит за всеми.

— Я не хочу с ним встречаться. Если честно, то он меня даже не интересуется, — отвечаю.

— Ого! — Прыснул Трент. — А он-то думал, что нравится тебе. — И коварно улыбнулся.

— А чего смешного-то? — проговариваю я.

— Эй, подруга, — сказала Лондон и, перекинувшись через переднее сидение ко мне, продолжила, но уже тише, — если ты упустишь свой шанс, сама же пожалеешь, — и вернулась в прежнее положение.

Как только Лондон перестала обращать на меня внимания и начала болтать с Трентом, Ив спросила:

— О чем это она? — шепотом.

— Наверное, о том, что я должна «пожить», — также тихо произношу, но делая очевидный акцент на последнем слове.

Гарри жил довольно далеко. За городом. Минут двадцать мы только добирались по трассе до его места жительства. Потеряться было невозможно. За несколько метров до дороги, ведущей прямо в гущу леса, на деревьях стали появляться различные фонарики и лампы. Причем, чем ближе мы были к дому футболиста, тем больше их становилось. Затем же у самого начала проезда стала слышна музыка. А проехав чуть дальше, перед нами открылся чудесный вид: огромная поляна, со всех сторон окруженная деревьями, светилась разноцветными гирляндами, лентами и Джек-фонариками. Искусственный туман и звуки, доносящиеся не пойми откуда, придавали этому зрелищу жуткий вид. Где-то кричали вороны, где-то гудел ветер, кто-то завывал. А злые и устрашающие Джек-фонари каким-то образом плыли по воздуху. Даже несмотря на яркие и веселые фонари, развешенные повсюду, мурашки пробегали по телу.

Дом у Гарри был огромный: два этажа, еще, походу, парковка и бассейн, в котором уже кто-то плескался. Все подъездная площадка к дому была забита машинами, а еще на поляне у Гарри уместилось Хеллоуин-чучело, потому Трент не знал, куда припарковать свою машину.

— В общем, идите. А я найду место, где припарковать машину, и присоединюсь к вам, — сказал он.

— Увидимся, — говорит Лондон и легко целует его в щеку.

"Это странно. Чертовски странно", — думаю я, выходя из машины. Кажется, подруга сама и пренебрегла своим самым главным правилом.

На эту вечеринку, походу, пришло пол школы, если не вся. Веселье было в самом разгаре. У самого входа уже были разбросаны красные стаканы, которые обычно наполнялись пивом из специальной бочки. «Бочка с соком» — так её называют, и, наверное, это знает любой ученик старшей школы или студент. Окурки, не до конца докуренные косяки, упаковки из под «Трояна» — всем этим уже был забит дом.

— Ого! — выкрикнула Лондон, чтобы её было слышно сквозь музыку. — Видимо, вечеринка началась не в шесть, это точно!

Лондон повела нас сквозь толпу. Ив старалась держаться меня и не терять из виду. Я же делала то же самое, боялась, что ей может стать плохо. Запах дыма преследовал нас повсюду. "Интересно, после этой вечеринки он когда-нибудь выветрится?" — думала я.

Подруга нашла подходящее для нас местечко: небольшой участок свободного места у окна, где накуренность помещения не была бы так остра. Мы с Ив присели на диван и, молча, наблюдали за тем, как люди трутся друг об друга под музыку, как они целуются, вжавшись в стены, и как идут, державшись за руки, на второй этаж — явно заниматься сексом. Как пьют одиночки, сидя у бара, и как такие же, как мы, сидят и наблюдают за всем.

— Эй, чего вы кислые? — Разбавила атмосферу Лондон. — А я вам по мохито принесла!

— Лондон... — произношу я, укоризненно смотря на подругу.

— Да ладно вам, от стаканчика ничего не случится!

Ив взяла из руки Лондон стакан и залпом осушила его.

— Ого! — произнесли мы.

Ив легонько улыбнулась и произнесла:

— Нужно же оторваться на конец жизни!

Я последовала её примеру, но пила медленно, чтобы не так быстро опьянеть.

Напротив меня сидел парень, одетый, как Фредди Крюгер. Лица его не видно, потому что оно скрывалось под маской, но то, что он наблюдал за мной, было ясно сразу.

— Эй, кто-нибудь хочет посоревноваться со мной в вылавливании яблок ртом? — закричала уже явно опьяневшая Ив — Лондон влила в неё еще парочку стаканов с мохито.

Толпа, услышав это, расступилась, ожидая противника Ив. Сделав несколько шагов вперед, вышла девушка, облачившаяся в коротенький костюм Кровавой Мэри.

— Я хочу посоревноваться, — хитро улыбаясь, высокомерной походкой и с неуязвимой гордостью зацокала приближавшаяся противница, — но не с тобой, — продолжила девушка. И тут я узнала я.

— Я вызываю Лорен Уоррен или, как её все называют, Лондон, — произносит Стейси. — И не смей отказываться! — Шикает блондинка в сторону, где стоит подруга.

— Как-то и не собиралась, — произносит Лондон.

Музыка в зале затихла. Я только сейчас заметила. Все внимательно следят за вторым раундом перепалки моей подруги с mean girls. Наверное, тогда это новость произвела просто фурор на всех!

На мой мобильник приходит спам-рассылка. «Внимание! Все, кто сейчас находится на вечеринке у Гарри Фобсона, поспешите заглянуть в его дом на новую потасовку Уоррен и Лоуренс! Вы не должны это пропустить!» — гласило сообщение.

— А я с радостью посоревнуюсь с твоей подругой. — Вперед вышла еще одна девушка из компании mean girls. Та самая, которая всегда была со Стейси. Кажется, её фамилия Мак-ки.

Не прошло и пяти минут, как посередине зала оказались две металлические ванночки, наполненные водой доверху, в них плавали яблоки. Правила таковы: вам дается одна минута, кто больше всех выловит яблок ртом — без участия рук, конечно, — тот и выигрывает.

Внезапно появляется Брэд с двумя бокалами мартини.

— Привет, — говорит он.

— Здравствуй, — отвечаю.

— Напряженная борьба будет.

— Угу.

— Хочешь? — спрашивает он, замечая, как же я напряглась.

Я просто беру из его рук бокал и выпиваю. Горло жжет. Я закашляла от того, что напиток такой горький. Горячительная жидкость потекла по гортани к желудку. В груди печет, но это приятное чувство. Я выплевываю оливки обратно в бокал (ненавижу оливки) и возвращаю его Брэду.

— Спасибо. — Киваю.

— Ну что, дети, вы готовы? — Шутит парень, держащий в руке микрофон. Видимо, он будет вести соревнование.

— Всегда готовы! — отзывается толпа.

— Я не слышу, — говорит он.

— Так точно, капитан! — Продолжают зрители.

— Да начинай ты уже! — Шикает Стейси.

— Ок'ей, ок'ей. Что ж, компании у нас такие: Стейси — Лондон, Феба и-и-и-и...

— Её зовут Ив, — спокойно говорит Лондон.

— Ага! Значит, Стейси — Лондон, Феба — Ив. Давайте, по местам расходитесь, — командует парень.

Девушки садятся на коленки, пряча руки за спиной. Если хоть одна из них захочет помочь себе руками, то будет дисквалифицирована.

— Итак, все распределились. Участники готовы? — интересуется ведущий.

— Готовы!

— На счет три, можете приступить!

И толпа начинает считать:

— Один!

— Два-а-а-а!

Небольшая пауза.

— Три! — произносит в микрофон парень.

Девушки энергично начали пытаться достать до яблок. Мокрые, задыхающиеся, они старались выловить как можно больше фруктов.

Зрители ликовали. Кто-то выкрикивал имя Лондон и Ив, кто-то болел за команду mean girls. Все были, безусловно, рады хоть какому-то зрелищу.

— Пятьдесят! — вел обратный счет командир.

И тут Ив вытаскивает из воды яблоко, держа его за корешок в зубах, и бросает на пол рядом с собой. Глаза Фебы стали бешеными, она не могла ей уступить. Затем яблоко вытаскивает и Лондон, чему Стейси невероятно «обрадовалась».

— Тридцать восемь!

Стейси набрала обороты и вытащила два яблока подряд. Хладнокровно глядя на неё, Лондон тоже вытаскивает яблоко за яблоком. Затем еще пару достает Ив.

— Двадцать!

Ив, кажется, вошла во вкус. В её кучке уже пять штук фруктов. У Фебы два. У Стейси три яблока, а у Лондон семь! Всем и так было ясно, на чьей стороне перевес.

— Десять! Девять! Восемь! Семь!

Феба со всех сил спешила догнать Ив. Её подруга вылавливает еще яблоко.

— Шесть! Пять!

Стейси напугана. Она не хочет проиграть. Пытается достать яблоко, плавающее рядом с ней. Её руки дрожат. Уже шесть.

— Четыре! Три!

Стейси пытается достать зубами другое яблоко, но не выдерживает и хватается руками.

— Два!

Феба достала еще одно яблоко. Стейси тоже. Она радостно улыбается.

— Один! Стоп!

Толпа гудит и воет, присвистывает. Зрители хлопают в ладоши.

— Итак, в первой паре у нас семь — восемь, а во второй пять — три.

Все четверо поднялись. Стейси хитро смотрит на Лондон и улыбается, кажется, она произнесла: «Ха». Лондон смотрит на неё равнодушно.

— Можно подумать, что общий счет один — один, НО! Так как Стейси нарушила правила, она проиграла. Победа у вас, девчонки, — обращается парень к Лондон и Ив.

Первая бросается обнимать Ив, что-то шепча ей. Они, опьяневшие и радостные, вместе пританцовывают. Я сажусь снова на диван, мне спокойно.

— А твои подруги умницы, — говорит мне девушка, сидящая рядышком.

— Не то слово, — отвечаю я. В груди так тепло.

Музыка становится громче. Все разбегаются по своим делам. Лондон вновь победила.

Стейси, сжав руки в кулаки, наблюдает за ней. Её трясет от злобы. Феба пытается её увести, но Стейси не слушает. Она хватается за край ванночки и переворачивает её:

— Ну, Уоррен! Я с тобой еще поквитаюсь! — кричит она.

Пол залит водой. Приподнимаю ноги, чтобы не намочить обувь. К моим ногам скатывается яблоко. Я беру его в руки, оно мягкое, даже немного подгнило. "Странно", — проносится у меня в мыслях.

— Эй, Стейси, — выкрикиваю я.

Та оборачивается, услышав своё имя. Я со всей силы бросаю в неё яблоко. Хэдшот! Прямо в голову! Из-за того, что яблоко было мягкое, оно разлетается от столкновения с головой блондинки. Все её волосы теперь в кусочках яблока. Она кричит от неожиданности. Пытается вытащить фрукт из волос. Рычит. Ребята вокруг начинают смеяться.

— Теперь мы квиты! — кричу я.

Стейси краснеет, затем синеет, и из её гневных глаз льются слезы. Наверное, её никогда не опускали вот так при людях. И она, пряча слезы, скрывается в толпе вместе с подругой.

— Вот это ты ей врезала, молодец! — Подбегает Лондон и, схватив меня за щеки, тербит их, а затем целует и лезет обниматься.

Музыка вновь заиграла. Свет полностью отключили. Теперь ничего не разглядеть. Лондон схватила Трента, тоже наблюдавшего за поединком, и потащила его плясать. Ив пригласил на танец какой-то парень. Ко мне подошел Брэд:

— Эй, было круто, — говорит он.

— Да, наверное, круто, — вторю я.

Брэд

Я сидел на ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж. Вокруг меня то и дело зажимались парочки, ходили туда-сюда, вверх — вниз. Меня это порядком раздражало. Интересно, почему чертов Гарри не запрещает своим гостям пользоваться его спальнями, да и другими комнатами? Неужели ему это нравится? Хотя даю руку на отсечение, что он и сам развлекается с какой-нибудь грудастой девушкой наверху, пока Фебы нет. Она что, настолько слепа и тупа, что не видит того, как Гарри ей пользуется? Ах, да. Репутация и все такое. Если бы не это чертово пари, я бы не разыгрывал весь этот спектакль и, наверное, все также поддерживал свою репутацию одного

из самых красивых парней в школе, встречаясь со Стейси. Однако, вся эта ситуация даже еще больше прибавила мне популярности.

— Эй, Брэд! — увидев меня, кричит Трент. — Здорово, друг, — произносит он, присаживаясь рядом, и мы приветственно ударяемся кулачками.

— Здорово. Ты их подвез? — спрашиваю я.

— Естественно. Знаешь, я думаю, что ты никогда не выиграешь в нашем пари. — Трент щурится от мерцающего света, он ухмыляется.

— Почему это? — удивляюсь я.

— Есть на то причины.

— Ты что-то от меня скрываешь? — спрашиваю я у Трента.

— Конечно, иначе мне не победить!

— Ха! Это мы еще посмотрим. — Прыскаю в кулак я и чувствую, как в кармане вибрирует телефон.

«Очередная рассылка новостей от Бриттани. Какая скука», — думаю я, а затем читаю сообщение.

— Воу, друг! Да тут у нас намечается потасовка наших знакомых, = удивленно произношу и даю прочесть сообщение Тренту.

Мы спускаемся на первый этаж и обходим множество комнат, прежде чем находим нужную. Соревнование по вылавливанию яблок ртом. Забавно. Эмили стоит в противоположном конце комнаты, лицо у неё испуганное, но сосредоточенное. Я решаю добавить ей чуточку уверенности, хватаю с бара первые два попавшихся напитка — все равно сейчас такая шумиха, что никто и не заметит этого — и иду по направлению к ней.

— Привет, — говорю я.

— Здравствуй, — произносит Эмили без каких-либо эмоций в голосе.

— Напряженная борьба будет. — Пытаюсь как-то продолжить разговор.

— Угу, — коротко отвечает мне она.

— Хочешь? — Я решаю перейти сразу к действиям.

Эмили забирает из моих рук напиток (только сейчас я замечаю, что это мартини), залпом выпивает, а затем откашливается. Наверное, она не пьет, раз ей непривычно это чувство горечи в горле.

— Спасибо, — говорит и отдает мне бокал.

Я ставлю оба бокала на небольшой кофейный столик, стоящий сбоку от диванчика, и наблюдаю за состязанием. Трент стоит недалеко от меня, в стороне ото всех. Я подхожу к нему и киваю в сторону Эмили:

— А ты уверен, что она девственница?

— Нет. — Он качает головой, а потом, похлопав меня по плечу, толкает вперед. — Вот ты и проверишь.

Стейси и Феба проигрывают. Теперь Стейси зла на весь мир. Эмили кидает в неё яблоко, которое, видимо, было подгнившим, и оно лопается об голову блондинки. Свет выключают, становится ужасно темно, музыка вновь играет. Когда Трент переключает внимание Лондон с Эмили на себя, я подхожу ко второй. Замечаю, что никто так и не взял второе мартини, которое я оставил на кофейном столике.

— Это было круто, — говорю я.

— Да, наверное, круто, — отвечает мне Эмили.

Я разворачиваюсь, чтобы взять второй бокал мартини, а когда поворачиваюсь, то Эмили уже расслабленно и довольно плюхнулась на диванчик.

— Не против выпить со мной? — спрашиваю я, подавая Эмили мартини.

— Нет, конечно, — говорит она иным, более звонким голосом.

"Алкоголь, видимо, ударил в голову", — пронеслось у меня в мыслях.

Когда она выпивает второй бокал мартини, я предлагаю ей что покрепче, и Эмили соглашается. "Ого! Неужели её так всего с двух бокалов разнесло?" — думаю я, пока направляюсь к бару, где заказываю нам по стопке виски. Вернувшись, я замечаю, что Эмили все также сидит на диване:

— Я тебя уже заждалась, — говорит она звонко.

— Виски? — Я протягиваю ей рюмку.

— Спасибо.

— Слушай, пошли, поболтаем? А то тут слишком шумно, — шепчу я ей.

Эмили заливается звонким детским смехом:

— Поговорить? Если хочешь меня, мог бы так и сказать!

«Какие чудеса творит алкоголь!» — пронесется в мыслях у меня. Меня прямо-таки распирало от радости.

— Пошли, — говорит она.

Я беру девушку за руку и веду на второй этаж. Когда Эмили пьяна, она такая грациозная! Мы заходим в первую попавшуюся комнату, к счастью, она оказалась пуста. В темноте мало что можно было разобрать, но кровать я разглядел. Я подошел к Эмили и поцеловал. Она страстно мне ответила, на её губах все еще был привкус алкоголя и еще чего-то... ванили? Наверное, помада такая.

— Эм, это точно ты? — спрашиваю я.

— Конечно, я. Кто же еще? — пролепетала она и вновь прильнула к моим губам.

Мы слились в страстном поцелуе. Мои руки бегали по груди Эмили, по бедрам, и на этот раз она меня не останавливала. Голова была забита всяческими мыслями: какая же тонкая талия у Эмили, что она, похоже, надела лифчик с пуш-апом, и от этого её грудь кажется такой большой и соблазнительной, что у неё чертовски упругая попка. Мы раздевали друг друга. Видимо, намерения Эмили были серьезными, настолько она была решительна.

— Нет, — говорю я, когда она хотела снять свой лифчик. — Пусть останется. Мне нравится твоя грудь в нем.

Она ложится на кровать и приглашает меня:

— Ну же, иди ко мне. Я не кусаюсь.

И я соглашаюсь. Меня немного смущало то, как была равнодушна Эмили, словно она заранее знала, что должно случиться здесь, наверху, как только я поднес ей первый бокал martinis. Но я и ликовал. Ха! Выкуси, Трент!

Эмили лежала подо мной, готовая к любым действиям, не боялась, не плакала, даже не смеялась. Я медленно снимаю с неё трусики и спрашиваю, как бы, между прочим:

— А ты девственница?

И она снова залилась своим звонким смехом. Я было подумал, что она накурилась или приняла какое-нибудь психотропное вещество — до того громко она смеялась.

— Нет, конечно. Давай же, не бойся, — произнесла она, успокоившись.

Я немного растерялся, но дело оставалось за малым.

"Все-таки Трент ошибался!" — подумал.

Она вздохнула, охала и стонала как-то наигранно, что ли. Я ловил себя на мысли, что так и должно быть, раз она не девственница, но червячок сомнений прокрадывался в мою голову.

Эмили

— Эй, было круто, — говорит Брэд.

— Да, наверное, круто, — вторю я.

Мне вновь приходит сообщение: "Озлобленная из-за проигрыша Стейси наткнулась на местную шлюху в парадном зале! Что же будет!"

Пока Брэд отвернулся, я незаметно ускользаю. Из-за темноты очень сложно разглядеть что-либо, но открытые окна и лунный свет хоть немного, но освещают путь. Впереди слышатся крики и возгласы Стейси.

— А ты чего сюда приперлась?! — вопила она. — Шлюхам вход всегда и везде запрещен, если ты не знала, Фелиция!

— Стейси, милая, а что это с тобой такое? — сладко протянула та самая Фелиция. — В тебя что, тухлым помидором кинули?

Я не могла разглядеть, как же она выглядит. Только заметила рюкзак и длинные волосы. Глаза еще не сильно привыкли к темноте. Свет мерцал.

— Пошла отсюда! — Визгнула блондинка и толкнула собеседницу. — Шлюхам здесь не рады!

— Что-то я не видела такого предупреждения на флаере.

— А к чему его писать? Ведь тебе любые двери открыты, стоит только переспать с кем-нибудь! Сколько у нас дверей в школе? Ах, да! Много.

— Я тебе все волосы выдеру, стерва! — произносит Фелиция и направляется к Стейси. Та пятится, но Фелицию кто-то хватается за руки.

— Она этого не стоит, — говорит ей мягкий, знакомый мне голос.

Меня раздражает Стейси, и потому, уже привыкнув к темноте и разглядев все, я выхожу вперед:

— Эй, Стейс, тебе что, было мало? Я могу еще что-нибудь тухленькое найти. Знаешь, я тут поняла, что из меня отличный хэдшотер вышел бы!

— Вали к херам, Беннет! — огрызается блондинка.

— Нет, это ты уйдешь вместе со своей подругой. — Я киваю в сторону Фебы.

— С чего это? — Язвит она.

— С того, что все и так уже видели твоё унижение, а сейчас унижаешься ты еще больше.

— Я вам еще это припомню, — говорит Стейси и, подойдя ко мне, грозит пальцем. —

Запомни мои слова.

— Ланнистеры всегда возвращают долги, да? — Шучу я, делая отголосок в известный сериал.

Те, кто понял всю суть моей соли, начинают потихоньку смеяться.

— Вы у меня еще все посмеетесь! — Истерит Стейси и, взяв под руку Фебу, покидает вечеринку.

— Ну да, ну да! — бросаю ей в след слова и оборачиваюсь.

Фелиция кивает мне и говорит одними губами «Спасибо». Её за руку держит парень — Фредди Крюгер, я узнала его по накладным ногтям.

— Эй, кто-нибудь, принесите мне, пожалуйста, лист бумаги и фломастер! — говорю. В моей голове безумная идея.

Я выхожу на улицу и подхожу к чучелу Хеллоуина. Мне приносят лестницу и помогают подняться по ней. На лицо чучелу я креплю лист бумаги и спускаюсь на землю.

— Гори в Аду! — говорю я.

Чучело загорается. В средневековые века люди постоянно сжигали чучела на Хеллоуин, чтобы отпугивать злых духов, призраков и восставших мертвецов огнем. Все начинают смеяться и повторять за мной:

— Гори в Аду!

Кто-то фотографирует это на телефон, кто-то снимает. В свете от костра я немного вижу лицо Фелиции, она улыбается и смотрит на огонь. На лицо чучела я прикрепила лист бумаги, на котором написано большими печатными буквами имя: Стейси.

Брэд

Когда мы закончили заниматься сексом, Эмили растянулась на второй половине кровати и, закутавшись в одеяле, уснула. Я быстро собрал свои вещи, оделся и спустился вниз, ища Трента, чтобы сообщить ему о выигранном пари. Увидев его, сидящего у стены и курившего косяк, я поспешил. Меня так и распирало от радости все ему рассказать! Комната была полупустая, наверное, большинство ушло купаться в бассейне или еще какое-нибудь зрелище нашли.

— Эй, друг, я выиграл! — радостно произношу, толкая его в плечо.

— Серьезно? — немного заторможено отвечает он. Накурился.

— Да, гони мой выигрыш!

Трент моргает, а затем трёт свои глаза, пытаясь прийти в себя. Он наклоняется голову в сторону, а затем вновь поднимает взгляд на меня.

— И когда же ты успел, друг мой? — интересуется Трент.

— Только что. Она спит наверху, — говорю я.

А затем вижу, как в дверном проеме появляется Эмили. Она, улыбаясь, остановилась в дверном проеме, потирая свои плечи от холода, и стала оглядывать комнату.

— Вот, смотри, — проговариваю и направляюсь к ней. Трент идет следом.

— Эй, привет, — говорю я.

— Мы уже встречались сегодня, — отвечает Эмили.

— Ну да. Это я... эм... Ты как? — интересуюсь.

— Хорошо. — Эмили пожимает плечами. — А что такое?

Нас перебивает девушка, нарядившаяся в костюм предсказательницы. Она появилась ни откуда, держа в руках небольшую миску с водой.

— Не хотите узнать имя вашего будущего суженного? — спрашивает она у Эмили.

— Не знаю. А как это? — Эмили чуть-чуть усмехается. Ей определенно нравилось то, насколько человек может вжиться в свою роль на Хеллоуин, и, наверное, ей нравились такие вот забавные штучки.

— Смотрите! — проговаривает предсказательница.

Девушка кладет миску на пол, достает из кармана платья яблоко и нож и начинает срезать с яблока кожуру.

— Мы спросим имя у яблочной кожуры, — произносит она.

— Вообще-то, мы тут беседуем, а вы нас прерываете, — возмущаюсь я.

— Брэд, ты чего? Это же просто шутка, к тому же очень забавная, — прошептала Эмили.

Похоже, её забавляли такие вещи.

Девушка берет в руки кожуру и просит, чтобы Эмили подула на неё, что та и делает. А затем она бросает кожуру в миску, где та расплывается в разные стороны.

— Я ничего не понимаю, — пролепетала Эм.

— Та-а-а-а-к. Имя вашего суженного будет начинаться с буквы «М».

— Майки? — чуть слышно произнесла Эмили, но я услышал и сделал вид, что ничего не было.

— Так мы можем теперь поговорить? — спрашиваю я.

Предсказательница собирает свои вещи и покидает нас, цепляясь к другим людям, что встречаются ей на пути.

— О чем? — Эмили разворачивается ко мне лицом. Она моргает часто-часто и хмурится, недоумевая.

— О нас.

— В каком смысле?

— Ну, о том, что между нами только что было.

— А что между нами было? — удивляется Эмили. — Брэд, ты в порядке?

За моей спиной тихо хохотнул Трент. Я понимаю, насколько глупой кажется эта ситуация. И я настолько сконфужен, что начинаю болтать что-то себе под нос, не разбирая, что же говорю.

— Эм, извини, я не знаю, что несу. Наверное, я перебрал с алкоголем немного, — перевожу тему.

— М-м-м, — протягивает она.

Я разворачиваюсь к Тренту и, схватив его за шиворот, тащу на второй этаж. Нахожу ту самую комнату и заталкиваю туда друга.

— Эй, что ты творишь? Я же не виноват, что ты переспал не пойми с кем.

— Это была Эмили, я клянусь! — злобно произношу.

Затем подхожу к кровати и начинаю будить спящую там девушку. Она некоторое время мычит и разводит руками, дабы от неё отстали, но затем просыпается.

— Эм, скажи это ты?! — Я хватаю её за грудки и начинаю тряски в порыве злости.

— Да-да, я! Что ты делаешь? — Возмущается девушка.

— Вот видишь! — Обращаюсь к Тренту и отпускаю Эм.

Тот спокойно продолжает:

— Извини моего друга. Но назови, пожалуйста, свое полное имя.

— Я Эмма! Эм-ма! — восклицает девушка и начинает медленно одеваться.

— Вот видишь! Она тоже Эм, только Эм-ма, — поясняет мне Трент.

— Вы что, чиканутые? — Делает вывод Эмма.

— Иди уже отсюда! — огрызаюсь я.

Эмма фыркает и, напялив обтягивающее платье и сапожки, покидает комнату, громко хлопнув дверью.

— Я же говорю, тебе не выиграть этот спор, — все тем же спокойным и раздражающим меня голосом говорит Трент.

— Нет! Я пересплю с ней, чего бы это мне не стоило! — выпаливаю я полным решительности голосом.

Друг смотрит на меня диковато и с некой рассеянностью. Он хотел что-то мне ответить, но решил все же промолчать.

Тринадцать Лондон

Сегодня 2 ноября. Суббота. Обычно каждую первую субботу ноября старшая школа устраивает ежегодную вечеринку у костра. Она проходит или на пустыре рядом со стадионом, или возле речки, но тоже рядом со стадионом.

Эмили не изъявила желание пойти на вечеринку, она вообще не любит такие мероприятия. Трент тоже не пойдет, а без него мне идти как-то неохота. Уже почти девять вечера. Темно. Я просматриваю странички в интернете, что-то читая, что-то просто пролистывая.

Внезапно получаю сообщение от Трента: «Привет, я свободен, не желаешь прогуляться?» Отвечаю: «С удовольствием». И мигом мне приходит ответ: «Тогда выходи».

Я накидываю на себя другую футболку, кофту и запрыгиваю в джинсы, затем хватаю кеды и, вприпрыжку спускаясь по лестнице, пытаюсь по-быстрому надеть их. Остановившись у двери, распускаю волосы, которые были собраны в пучок, поправляю их. Смотрюсь в зеркало: выгляжу, как всегда, хорошо, даже в обычной одежде. Восстанавливаю дыхание и, подождав еще пару секунд, открываю дверь.

— Привет, — говорит мне Трент.

— Привет, — отзываюсь я.

— Идем? — спрашивает он и протягивает мне руку.

Наши пальцы сплетаются. Он прижимает меня к себе, и мы целуемся — не так, как всегда — очень нежно, словно он пытается извиниться за что-то. Мы просто бродим по улице туда-сюда. Молчим. Меня это очень настораживает. Когда мы второй раз проходим мимо моего дома, я решила спросить:

— Что случилось?

— В каком смысле?

— Ты другой, — говорю я. — Сейчас другой. И не думай, что я в тебя влюбилась или еще что-то там, у нас просто секс. Но, тем не менее, ты другой и совершенно не так ведешь себя, как обычно.

— Я и не думаю, — произносит он, и я заметила, как его глаза блеснули в свете фонаря. — Просто... не знаю, как сказать.

— Эй, у нас все без обязательств было, помнишь? — проговариваю, разомкнув наши руки и помахав своими в воздухе.

— Да я не об этом. — Он почесал затылок.

— Тогда что? — требую.

— Эмили сегодня никуда не собиралась?

— Нет. Причем тут Эмили? — недоумеваю.

— Это все Брэд. Когда мы впервые вас увидели, тогда на физкультуре, я по её поведению просто-напросто предположил, что она может быть девственницей, и рассказал свои домыслы Брэду. А он сказал, что, значит, поможет ей с этим. И мы поспорили. Я говорил, что у него ничего не получится, и, когда услышал это из уст Эмили, удостоверился в своей правоте. Но ему, похоже, все равно. Он словно слетел с катушек, у него навязчивое желание переспать с ней, чтобы не показаться слабаком передо мной.

— Фигасе! — вырывается у меня.

— Следи за ней, хорошо?

— Конечно.

— Ты не злишься на меня? — спрашивает он.

— За что?

— За то, что я раньше не сказал.

Я слегка улыбаюсь. Киваю отрицательно, словно говорю: «Нет, конечно, я не обижаюсь».

— Черт... — произношу и закрываю лицо ладонями.

— Значит, все-таки злишься? — Сделал выводы Трент.

— Нет. Спасибо за правду. Ты самый добрый из парней, которых я встречала.

И вот я призналась. Черт, я призналась! Я не могла!

Трент гладит мою щеку пальцами, а затем целует в губы. Сначала с той же извиняющейся нежностью, а затем между нами снова пробегает искра, и поцелуй становится все более страстнее и настойчивее. Мне жарко. Мне очень жарко. Он держит меня крепко за талию, я держусь за его волосы, за спину, за шею. Обвиваю его своей ногой. Я хочу Трента. Трент хочет меня.

— Идем, — говорю я, потянув его в сторону своего дома. — Родители придут еще нескоро.

— А ты что, одна в этом большом доме? — Выдыхает он мне в лицо. Его дыхание терпкое с запахом ментола. Я киваю, не в силах произнести еще хоть слово.

Мы захлопываем входную дверь и, продолжая целоваться, поднимаемся по лестнице.

Пуговицы на рубашке Трента потихоньку расстегиваются. Молнии наших джинсов расходятся. Я закрываю дверь в свою комнату на защелку и полностью отдаюсь нашей страсти.

Эмили

В моей комнате темно. Я так люблю темноту. Единственным «светильником» является компьютерный монитор, который включен. Несмотря на теплый ноябрь, — а вообще, на юге Калифорнии всегда тепло, даже в январе температура редко когда опускается ниже нуля — мне холодно. Морозит. Я уже надела свитер и укуталась в одеяло, а все равно прохладно. Возможно, я простудилась.

На самом деле я люблю холод. Почему-то он всегда был мне по духу. Помню, как после смерти Тома я поникла и стала равнодушной, а один из бывших одноклассников прозвал меня ледышкой из-за того, что я ко всему относилась хладнокровно.

Я бы очень хотела увидеть зиму, почувствовать её, стать ею. Последние несколько лет снега зимой почти нет, а если и есть, то он всего-то слегка припорошит землю и сразу растает.

И тут, как будто услышав мои мысли, герой сериала, который я смотрела, произносит:

— Зима близко.

— Если бы, — разочарованно бубню себе под нос.

Мой телефон зажужжал, оповещая о звонке. Я не стала включать свет, и потому искать мобильник пришлось в полутьме. Когда на дисплее я увидела имя «Брэд», то была очень удивлена.

— Да? — говорю я.

— Привет, ты сегодня куда не собираешься? — мягко произносит он.

— Нет, не собираюсь, — резко говорю, даже не поприветствовав парня.

То, как он вел себя на вечеринке у Гарри, очень меня насторожило. Походу, парень влюбился. Но я-то — нет. Почему-то мне сразу захотелось включить задний привод и дать по тормозам. "Ну, уж нет, — думаю я, — если он втюрился, то это нужно прекращать и поскорее."

— Почему?

— Потому что не хочу.

— Слушай, если я приеду к тебе, ты выйдешь? — спрашивает он, чуть ли не промурлыкав эти слова. Баритон его голоса был очень мягок и нежен.

— Может быть, но зачем?

— Я бы хотел с тобой поговорить. Так ты выйдешь?

— Может быть, — все тем же холодным тоном говорю я.

— Хорошо, — проговаривает Брэд и отключается.

Я обратно залезаю под одеяло и продолжаю смотреть свой сериал. Не прошло и пятнадцати минут, как мне снова пришлось вставать с кровати из-за звящего телефона.

— Ну, так решай, — говорит Брэд, как только я ответила на звонок.

Выглядываю из окна: у нашего дома припаркована машина. Брэд стоит, облокотившись об неё и глядя на входную дверь. Вероятно, ожидает моего выхода. Мне ничего не остается, как спуститься к нему. Проходя мимо зеркала, я заметила, как ужасно выгляжу, но мне плевать.

Кристи уже, похоже, мирно спала в своей комнате, потому я тихонько, чтобы не разбудить её, стала спускаться по лестнице.

— Привет, — произносит парень, как только я закрываю за собой дверь.

— Здравствуй, — отвечаю я и натягиваю на себя длинную кофту, пряча в рукавах руки.

— Ты что, болеешь? — спрашивает Брэд.

— Нет. Замерзла, — проговариваю и замечаю, как же легко одет мой собеседник. — А как ты узнал, где я живу?

— После того, что ты устроила у Гарри со Стейси, все знают твой адрес. — Он пожал плечами.

— Ого!

И повисло молчание.

— Слушай, я хотел тебе кое-что сказать... — начал было Брэд. Но я обрываю его на полуслове:

— Нет. Ты мне не нравишься. И я бы хотела, чтобы ты забыл, что было в «Браймонте», — резко говорю и вижу, как переменился в лице парень. Мне стало неловко. Чтобы сгладить ситуацию, я добавляю: — Но мы можем остаться друзьями.

— Друзьями? — недоуменно повторил он.

Я киваю и выжидающе смотрю на него.

— Что ж... друзьями. Было бы неплохо. — Он слегка улыбнулся. — Скажи, друзья обнимаются? По-дружески, конечно.

— Да, обнимаются. — Я улыбнулась и ответила на объятия Брэда.

Мы немного поболтали. Брэд рассказывал, как обо мне отзываются остальные ребята в его окружении. Они считают, что я сама себе могилу рою, потому что Стейс не оставит это просто так. Посмотрим.

— Эй, не хочешь поехать на вечеринку у костра с другом? Отметим, так сказать, это событие, — произнес Брэд.

На самом деле я не знаю, что меня дернуло согласиться. Я подумала: "А почему бы нет?" Ведь я с ним объяснилась, думаю, он не глупый парень и все прекрасно понял.

Но мне нужно было собраться. Я надела первое, что попало мне под руку в темноте: полосатые гетры, какой-то черный сарафан на бретельках, поверх него серый свитер и полусапожки. Отросшая челка лезла мне в глаза, пришлось её заколоть набок. В целом, все было не плохо, и выглядела я прилично. Макияж наносить не стала, потому что не люблю это дело, и мне, по правде, было лень. Я осторожно вышла из дома, чтобы Кристи не услышала, и села в машину к Брэду, который повез нас на вечеринку.

На это раз все было простенько: огромный костер, в который постоянно подкидывали дров, чтобы он не потух, вокруг костра танцевали довольно пьяные старшеклассники, три бочки с соком и еще две машины, полностью набитые коробками с пивом, и музыка, льющаяся из колонок одной из машин. Чучела тоже присутствовали, но уже ростом с человека, набитые фейерверками и еще какими-то штучками, которые взрывались при контакте с огнем.

— Ну, как тебе? — спрашивает Брэд.

— На самом деле, никогда не была на вечеринках, ну, кроме той, что проводилась у Гарри. — Признаюсь. Мы ведь теперь друзья, да? А значит, ему можно говорить что-то наподобие такого.

Если честно, то я редко когда кому-то в чем-то признаюсь. Мне кажется, что я ничего не чувствую, разучилась. Да, мне бывает больно. Но как тут не может быть больно, если такое переносишь? Да, у меня есть чувство жалости, гнева, разочарования. Но это не те чувства, которые остаются в сердце. Мне кажется, что я не могу любить, что я не могу быть счастлива. Я люблю Кристи. Люблю и Лондон. Но это чувство любви, не привычка ли оно?

— Правда? — переспрашивает удивленный Брэд, и я киваю.

Мы садимся на бревнах у костра. Я греюсь. Кто-то бросил еще одно набитое хлопушками чучело в костер, и разноцветные фейерверки засвистели в воздухе. Некоторые светящиеся огоньки летели в меня, но это было даже забавно. Я пыталась их ловить на ладошку, но они или уже затухали, или больно обжигали меня.

Вдруг я заметила там, вдалеке, кучку девушек, внимательно следящих за мной. В темноте было сложно что-то разобрать, я и не пыталась, но было чертовски интересно, чем же моя персона привлекла их внимание. Затем наблюдала за тем, как веселятся другие ребята. Они прыгали, бегали

возле костра. Некоторые даже попытались пригласить меня, но я отказалась. От Лондон пришло многозначное сообщение: «Ты дома?», на которое я быстро настрочила развернутый ответ, заранее зная, что подруга будет выпытывать даже самые мелкие детали: «Нет, я с Брэдом на вечеринке». Но она не ответила на него.

Я была так занята, что и не заметила, как Брэд принес два стаканчика пива. Не заметила и то, как в один из них он что-то то ли подсыпал, то ли бросал.

— Будешь? — интересуется парень.

— Да, конечно. — И я выпиваю полный стаканчик, постоянно морщась и думая про себя о том, какой же это противный напиток. Теперь всегда с пивом у меня будет ассоциироваться это ощущение и этот привкус.

Меня охватило какое-то странное ощущение, граничащее с наслаждением и грустью. Мне вдруг в один момент стало очень грустно и захотелось с кем-то поговорить, а в другой момент я уже хочу веселиться. И единственное, что оставалось неизменным так это то, что ужасно хотелось шоколадного молока. Нет, я серьезно.

Я хочу поговорить. Язык развязался. Меня вдруг понесло на такие «серьезные» темы как: кто-то же будет королем Вестероса, кто останется в живых, выживет ли Джон Сноу, что будет в новом сезоне «Шерлока», и — о боже! — не правда ли, что шикарные глаза у актера, который играл Локки в «Мстителях» и «Торе»?

Брэд меня куда-то повел, но мне было все равно. Я не понимала себя. Моя словарная диарея не прекращалась: я уже перебрала все возможные темы в сериалах, по которым схожу с ума. Затем начала описывать то, как же грустно было, когда Дин умер в сотый раз и стал демоном. И почему бы нам не стать охотниками?

Мы пришли на стадион. Сели на самую нижнюю лавочку. Мои ноги ватные, и мир казался полупрозрачным, размытым. Мне захотелось спать, но я преодолевала это желание. Я все еще рассказывала о возможном существовании ангелов и вела себя, как полная дура. Брэд заткнул меня своим поцелуем. Он был какой-то неприятный, принуждающий, словно я какая-то вещь, словно я наваждение. Я попыталась его оттолкнуть, но не было сил. Я пыталась встать, пошевелить ногой, рукой, но не смогла! Казалось, что меня парализовало.

Бред обхватил меня руками, укладывая на скамейку, он забросил мою ногу на его бедро, от чего создавалось ощущение, словно я обвиваю его своими ногами. Он поспешно стягивал с меня мой свитер, схватив за шею, целовал её, спускаясь ниже и ниже.

Девушка, которая была так похожа на Эмили, скажи мне, кто ты?! Это была не я. Я, Эмили, протестовала, я кричала во все горло, я царапалась, я кусалась, я толкалась, я бежала подальше ото всего, я боялась! Но все это происходило лишь у меня в голове...

Я, ведь я вовсе не такая! Я никогда не отдалась бы вот так, первому встречному! Мне было противно. Меня приводили в шок его склизкие поцелуи на моей коже. Я дрожала и заливалась слезами, по коже бегут тысячи тысяч мурашек. Но я ничего не могла сделать. Сейчас я напоминала себе тряпичную куклу, которой руководствуется мерзавец. Я была парализована. Вместо криков из меня вырывались лишь жалкие стоны и мычание.

А Брэда это лишь еще больше заводило. Он вспотел, его улыбка и сумасшедший огонек в глазах заставляли меня еще больше ужаснуться. Он спустил бретельки моего платья с плеч, совсем оголяя их, и начал целовать, спуская платье все ниже. Боже, почему я не могу его ударить?! Не описать словами, как мне хотелось умереть в этот момент из-за того, что понимала, что он хочет сделать. И спасения не было. Меня парализовало, я даже слова не могу молвить, Брэд не жалуется, а вокруг ни души, которая пришла бы мне на помощь.

Мои слезы стекали ручьем по лицу — это было единственным знаком того, что я все понимаю, но ничего не могу сделать. Я приготовилась уже умереть в мучениях. Брэд обхватил моё бедро, оголяя его, и стал потихоньку приспускать мои трусики. Затем стал расстегивать ширинку своих брюк, приспуская их.

Я была одна. Я есть разум. Это тело, не отвечающее на мои приказы, было не моё. Мысленно мне так хотелось поскорее прокрутить этот год вперед, чтобы покончить с этим, чтобы умереть. Мои ноги бесформенно лежат на скамейке, платье спущено на грудь, открывая мой лифчик, волосы слиплись от слез, один ботинок, вероятно, я уже потеряла, а гетры безобразно спущены и скомканы на голени. Когда я расслышала шелест упаковки с презерватива, я уже окончательно потеряла надежду и попрощалась с собой нынешней, представляя, как буду лежать

где-нибудь в поле, окровавленная и полуголая. Обо мне напишут в газете, и тогда я уж точно прославлюсь.

Но затем я услышала, как хрустнула кость. Не знаю, была ли она моя, потому что уверена, даже если мне что-нибудь сломали бы, я этого не почувствовала бы.

Я видела все так, словно нахожусь под водой: увеличено и размыто. Когда Лондон схватила меня за плечи и затрясла, мне стало чертовски паршиво. Я чувствовала, что у неё холодные руки, когда она держала моё лицо в своих ладонях, и больше ничего... Хотя нет, вру, я чувствовала себя беспомощной.

Подруга начала одевать меня по-быстрому: поправила нижнее белье, вернула платье на место, обула меня. Она схватила в руки мой свитер и что-то крикнула, но мне было не разобрать. Затем мир закружился, и я запарила в воздухе. Хотя на самом деле меня взял на руки Трент — это я поняла после. За спиной картина была радушная: Брэд сидел на земле, хватая ртом воздух и прикрывая рукой нос, из которого ручьем шла кровь, залившая и одежду, в которой он был, и землю, где он сидел. А там за трибунами стояла Стейси, Феба и вся остальная компания, внимательно наблюдавшая за происходящим. Стейси снимала все на телефон и была не напугана увиденным, а скорее всего, рада, предвкушая свою победу надо мной и Лондон.

Я не знаю, долго ли мы ехали до дома Лондон, и, вообще, сколько времени после я пролежала в вот таком бессознательном состоянии. Но затем моё тело потихоньку просыпалось, начало поддаваться моим командам. И вскоре я уже смогла сама сидеть на кровати в комнате подруги.

Чувство, которое было внутри меня, я даже не знаю, как его описать. Словно я наглоталась земли, грязи, червей, словно я искупалась в чем-то липком и противном. Чувствую себя грязной и беспомощной. К горлу подкатила желчь, я, вероятно, стала зеленеть, потому подруга, быстро сообразив, подставила мне тазик. Меня выворачивало наизнанку, все внутри жгло, словно пыталось сварить все мои органы. Я тряслась, горло неприятно ныло, слезы лились ручьем. Когда спазм прекратился, Лондон отодвинула подальше тазик с зеленоватой рвотой и протянула мне стакан с черными таблетками. Я послушно выпила их и бухнулась на кровать. Говорить начала не сразу:

— Что произошло? — спрашиваю.

— Ты не помнишь? — отвечает Лондон.

Но я все прекрасно помню. Воспоминания вспыхивали перед глазами, маячили, не давая мне прийти в здравый рассудок. Мне захотелось забыться, стереть все ластиком, нажать на Delete. Пожалуйста, сотрите мне память, все это выносить не в моих силах.

Я вскочила с кровати, еле держась на ногах, и быстрым шагом направилась в ванную. Я терла свое тело мочалкой до покраснений, пока кожа не стала болеть, пока на своих пальцах я не натерла мозоли. Мне хотелось очиститься ото всех этих омерзений. Я сотню раз намыливала своё тело, вспенивала шампунь на голове, чтобы он стер все прикосновения его рук с корней.

Его имя. Оно вызывало у меня потрясение и страх. Я боюсь его произносить. Обессилив, я упала на дно ванной и, свернувшись калачиком, еще больше начала рыдать. Лондон, стоявшая за шторками ванны, пришла мне на помощь. Она обтерла меня, завернула в плюшевый халат и стала сушить мои волосы. Ей не впервой за мной вот так ухаживать.

Когда мы шли по коридору, к подруге подошел дворецкий и спросил:

— Мисс, а что делать с вашим другом? Он сейчас уснет на диване в гостиной.

— Постелите ему в одной из спален, — холодно ответила она.

Дворецкий кивнул и спустился по лестнице на первый этаж, а Лондон повела меня в свою комнату. Она расстелила постель, уложила меня, и, обнимая меня за плечи, сама легла рядом.

— Так что произошло? — хриплым голосом переспросила я.

— Брэд...

— Не называй его имя! — в ужасе перебила я Лондон.

— Он хотел заняться с тобой сексом. На спор. — У меня все внутри похолодело.

Разочарование — вот подходящее слово для описания моего состояния сейчас

— Но не мог, — продолжила Лондон. — И потому накачал тебя сильным психотропным веществом, которое парализует на время, в надежде на...

Лондон перестала говорить на полуслове, но продолжения и не требовалось. Он хотел меня изнасиловать, чтобы показать своё превосходство. Наверное, я все-таки не разбираюсь в людях.

— И еще кое-что, — говорю я.

— Что?

— Стейси. Она все видела и сняла на телефон.

— Не волнуйся, мы что-нибудь придумаем, но не сейчас. Отдыхай. — Она говорила прямо как мама в детстве и Кристи сейчас. Я вспоминаю о Тренте и ловлю себя на мысли, что он меняет её и, похоже, в лучшую сторону.

— Скажи Тренту спасибо, — шепчу я. А мысленно прибавляю: «И не только за моё спасение, за твоё тоже».

— Скажу. Спи.

Закрываю глаза и пытаюсь заснуть. Я измождена и потому проваливаюсь в сон сразу, только вот снятся мне вовсе не милые сны...

Четырнадцать

Лондон тихонечко толкает меня в плечо. Я недовольно бурчу и еще больше укутываюсь в одеяло. Подруга снова пытается меня растолкать, чтобы я проснулась. Но все безрезультатно. Затем я чувствую, как свет залил всю комнату и ослепил меня — видимо, Лондон специально раскрыла занавески.

— Эмили, просыпайся, — протяжно проговорила она.

— Я хочу остаться в кровати, — шепчу.

Тогда Лондон запрыгивает в постель и начинает щекотать меня. Раньше я никогда не боялась щекотки, но теперь, когда можно было с легкостью пересчитать мне все ребра, было очень щекотно. Лондон быстро перебирала пальчиками мои ребра, я не удержалась и начала импульсивно шарахаться от её прикосновений, а потом просто выскочила из постели с одеялом в руках.

— Не нужно, — настораживаясь, говорю я.

Но подруга лишь залилась смехом, лежа в кровати, а затем произнесла:

— Теперь буду знать способ, как тебя растормошить.

— Ну, Лондон... — Я положила одеяло на пол и легла на него, укутываясь, словно гусеница в свой кокон. — Я так хочу спать.

— Уже обед, Эм, — говорит подруга. — А еще твоя мама звонила.

Я раскрываю глаза от удивления и спрашиваю:

— Мама?

— Да.

— И что же?

— Ну, она спрашивала у меня ли ты. Я ответила, что да, у меня. Тогда она начала рассказывать, что Кристи, когда проснулась, не обнаружила тебя дома. Она тебе звонила, но ты не брала трубку. Затем твоя сестра позвонила матери, та приехала, они обе волновались. В голову твоей матери пришла мысль, что ты можешь быть у меня, и она оказалась права, — поспешно рассказывала Лондон.

— М-м-м-м.

Звонила мама. Она за меня волновалась. Что-то в груди сильно ёкнуло от одной мысли, что теперь моя мама ведёт себя, как настоящая мама.

— Эмили, вставай. А то мои родители не поверят в мою версию про мега крутую вписку на троих! — воскликнула Лондон. В её голосе слышны были нотки власти; она словно бы говорила мне: ты выполнишь то, что я тебе говорю, и это не обсуждается!

— Что на троих? — спросила я.

— Про вечеринку с участием тебя, меня и Трента.

— А что, Трент еще не ушел?

— Ушел, конечно. Но родители, когда приехали, застали его в доме, потому мне пришлось придумать такую отмазку.

— Ясно, — произнесла я. — А если я останусь у тебя на еще один денек, родители против не будут?

— Эмили, не заморачивайся по пустякам. Они же так давно знают тебя, ты им уже словно родная. — Лондон произносит это и подходит ко мне, чтобы помочь подняться, разрывая мои объятия с одеялом.

Я снова принимаю душ, надеясь на то, что проснусь. Мой вид ужасен: бледная кожа, синяки под глазами, поблекший взгляд. Лондон принесла мне свободную майку и шорты. Я сначала не хотела принимать от неё одежду, говоря, что мне и в своей будет удобно. Хотя я прекрасно понимала, что теперь ни за что не надену это платье снова. В итоге, я все же согласилась принять от подруги одежду. Волосы обтерла полотенцем, но не стала сушить. Они влажными, слипшимися прядями неприятно липли к шее. Мы спустились в столовую, где уже обедали родители Лондон.

Столовая у них была светлая и просторная. Вся мебель и интерьер в светлых тонах: от белого до цвета персика с розоватым оттенком. Небольшой столик человек для восьми, за которым на противоположных сторонах сидели и обедали мистер и миссис Уоррен. Множество тумб, на которых помещались как нужные, так и не особо, вещи, например, кофеварка, микроволновка, декоративный набор горшочков и тарелок. На стенах висели натюрморты, изображающие, в основном, фрукты, и пейзажи. Повсюду были живые растения.

— Я тебе говорю, если мы выкупим эти акции сейчас, то представь, сколько они будут стоить лет через десять! — взбудоражено говорила Амелия, мама Лондон, не отрывая взгляда от своего ноутбука и допивая кофе.

Я стояла рядом с подругой. Мы вместе ожидали, пока на нас обратят внимание, но этого так и не случилось. Амелия и Карл, родители моей подруги, озабоченно обсуждали насущные проблемы, связанные с работой. Они вместе работали в крупной финансовой фирме.

— Приятного аппетита, — очень громко произнесла Лондон.

— А мне кажется, что это будет глупо, курс падает, неизвестно, сколько эти акции будут стоить позже. Что, если мы обанкротимся потом? — говорил Карл, тоже не отрываясь от отчетов, сохраненных в ноутбуке.

Подруга закатила глаза, но не намерена была отступать.

— Эй, мам, — сказала она еще громче прежнего, — а вот и Эмили.

Тут-то родители Лондон обернулись и дружелюбно улыбнулись.

— Ой, привет, крошка! А мы тебя не заметили, — проговорил отец подруги, а затем обратился ко мне: — Здравствуй, Эмили, приятно тебя видеть вновь.

Я немного смутилась и покраснела. Улыбаясь, ответила на приветствие:

— Здравствуйте, и мне тоже.

Амелия же встала со своего места и направилась ко мне, раскинув руки. Объятий от неё я никак не ожидала.

— Привет, Эмили! — произнесла она радостно. — Рада, что ты решила заглянуть к нам в гости.

— Здравствуйте, — еще более смущенно проговариваю.

— Милая, что ж ты раньше не сказала, что Эмили у нас в гостях! — она обратилась к дочери.

— Вообще-то, я утром говорила и тебе, и отцу, — ответила Лондон.

— Разве? — удивилась Амелия.

— Да, дорогая, она говорила об этом, — вмешался отец Лондон.

— Ох, простите меня беспамятную! — произнесла мать подруги.

Она приставила ладонь к голове, а затем резко отвела, как бы говоря, что забыла. Затем села на свое прежнее место и принялась за работу.

Мы с Лондон сели за стол друг напротив друга, чтобы видеть лица. Цветок, стоящий в вазе на столе, немного мешал, и потому подруга отодвинула его куда подальше. Старый, добрый дворецкий семьи Уоррен, мистер Уолт, сразу же принес нам по вафле с клубничным вареньем и наполнил кувшин апельсиновым соком. Завтрак на обед — это так замечательно. Наверное, родители Лондон редко когда его благодарили за работу, потому что, когда мы с подругой произнесли «спасибо», он широко заулыбался. Спустя пару минут молчания и интенсивного клаянця по клавиатуре отец Лондон заговорил, посмотрев на меня:

— Ну что, Эмили, как твоё здоровье? Все уже хорошо?

Я в тот момент дожевывала кусочек вафли и чуть не поперхнулась от неожиданности.

— Да, все хорошо. Спасибо, что спросили, — отвечаю я ему.

— А что, с тобой что-то было? — интересуется Амелия.

— Дорогая, ты опять со своей работой совсем не слушаешь дочь, — немного устало произнес Карл. — Эмили болела и была в больнице.

— А-а-а! Вот оно что, я вспомнила! Только вот ты тоже не совсем все правильно понял, Эмили лежала в больнице с головной травмой после того, как её избили те девчонки! — с упреком произнесла мать Лондон. — Ведь так, Эмили?

Я кивнула, не в силах что-то ответить. Они еще немного обсуждали, кто из них больше всего пропускает слова дочери мимо ушей. Обсуждали меня и то, что надо бы подать в суд на тех, кто меня избил. Это было не совсем приятно. Лондон сурово глядела на свою тарелку, ковыряясь в вафле вилок. Она облокотилась об стол одной рукой и положила на неё голову, другой рукой пыталась съесть хоть еще один кусочек пищи, но никак. Вероятно, у подружки тоже пропал аппетит. Когда я почти допила свой стакан с апельсиновым соком, Лондон встала из-за стола, взяла свою тарелку с недоеденной вафлей, стакан и поставила все это в раковину.

— Большое спасибо, — угрюмо произнесла она.

— Милая, ты чего? — удивленно сказала её мать. — Почему ты не доела свой обед?

— Я не голодна, спасибо, — проговорила подруга и скрылась за стеной.

Я тоже поблагодарила всех за обед. Хотела повторить действия подружки, но меня опередил дворецкий, забрав из рук посуду. Я поблагодарила и его и направилась за Лондон. Она шла быстро, сжав ладони в кулаки. В конце коридора была стеклянная дверь, ведущая в какую-то комнату. Я не знаю, куда она ведет, никогда там не была, но подруга направилась именно в это помещение.

Когда я вошла вслед Лондон в эту комнату, то сначала мне показалось, что я нахожусь где-то снаружи, на свежем воздухе. Пол был уложен досками светлого цвета, стены голубого цвета, словно небо. Из-за большого количества светильников было очень светло. Повсюду расставлены горшочки с разнообразными плодоносящими растениями: помидоры, огурцы, клубника, апельсиновые, лимонные деревья и другие. А также большую часть помещения занимала большая клетка, в которой жили попугаи различных видов. Лондон села на небольшой плетеный диванчик, обнимая подушку, и стала разглядывать птиц. Я присела рядом.

— Они ведь неплохие люди, — начала свой монолог Лондон. — Я знаю, что они меня любят. Просто обстоятельства такие. У них есть работа, они должны усердно трудиться, чтобы не потерять её. И так было всегда. — Она вздохнула. — Порой они меня спрашивают, почему я так груба, не понимая, как мне обидно даже от этих слов. Они ведь мои родители, значит, должны хоть немного уделять мне внимания, но этого не было. Мне нужны деньги — конечно, бери, сколько хочешь. Мне нужно помочь с учебой — давай подыщем тебе репетитора. Мне нужно ваше внимание — ой, извини, клиент на проводе. Ты ведь помнишь Чеда, да? — Я киваю. — Тогда я пришла вся в слезах домой и сказала маме, что меня бросил парень. Знаешь, что она ответила? «Извини, у меня важное совещание». И ушла. Я хотела бы попросить помощи у отца, но он пропадал сутками на работе, а затем приходил домой и засыпал прямо за столом у себя в кабинете. И я злилась. Начинала делать все на зло, но даже так они не обратили на меня внимание. А затем я стала той, кем я являюсь.

Она замолчала. Я смотрела на оранжевый, спелый плод, висевший на деревце. А затем произнесла:

— Знаешь, иногда после твоих выходов мне казалось, что ты полная стерва.

И Лондон рассмеялась.

— А я знала, что ты так думаешь. Все так думали.

Птицы щебетали на своем языке. Как жаль, что мне его не разобрать. Они то взлетали, то бродили по жердочкам, то спускались вниз, чтобы отыскать зерен. Лондон встала, взяла горстку сухого корма из мешка и стала сыпать птицам, даже не открыв клетку.

— У меня была только ты тогда, — говорит она, — и больше никого. — Вздыхает. — А теперь скоро и тебя не будет.

Я заметила, как она трет рукавом своей кофты глаза. Видимо, плачет. Я поднимаюсь и обнимаю подругу. Она выше меня, потому при первой возможности целует меня в лоб.

— Ты стала такой сентиментальной, — говорю я.

И Лондон снова смеется, так заразно, что не могу не удержаться от улыбки.

— Кстати, после того, как я умру, — говорю это спокойно, зная о неизбежности этого события, — с тобой всегда останутся мои родители, и моя сестра, и Трент.

— А причем тут он? — удивляется подруга.

— Ты разве не видишь? — спрашиваю я, мне лишь отрицательно качают головой. — Значит, увидишь позже.

Лондон снова садится на диванчик. А меня все никак не покидает ощущение того, что нужно ей сказать что-нибудь. Сказать то, что поможет ей понять, что родители её любят, хоть она этого и не видит. Я срываю тот самый апельсин, на который давно положила глаз, и начинаю его чистить. Корка оказывается очень прочной, и мне не сразу удастся её оторвать, потому что я еще вчера сгрызла свои ногти, а чистить апельсин одними пальцами довольно сложно.

— Знаешь, я ведь тебе не говорила, по какой причине решила совершить самоубийство, — произношу тихо и отдираю самый первый кусочек кожуры.

— А я и не спрашивала, — проговаривает Лондон. — Но я догадывалась.

— Это все из-за родителей. — Делаю паузу. — Ведь я тогда была вместе с Томом в машине. Если бы я его не отвлекла, он был бы жив. Но весь удар от столкновения пришелся на передние сидения, а значит, на Тома. Мне просто повезло, что я сидела позади, а ведь могла сесть рядом с ним. Я бы умерла вместе с ним еще тогда. Отец посчитал меня во всем виноватой, он породнился с бутылкой и с унитазом. Стал говорить, что лучше бы мы поменялись местами, тогда я умерла бы, а Том выжил. Затем начались ссоры и побои. Отец свое горе запивал алкоголем, мама забивала безразличием. Они так резко и обоюдно стали меня ненавидеть. Когда приезжала Кристи, мама закрывала отца в спальне, я пряталась в своей комнате, и создавалось ощущение, что все более-менее нормально. Сестра знала, что отец выпивал, что оба наши родителя все еще находились в пучине боли, но она не знала, на кого эту самую боль они направляли. — Я снова оторвала кожуру, теперь кусочек побольше, и сок прыснул мне на футболку, полился по пальцам. — И так весь год. Дом — школа, дом — работа, дом — истерика и избиение, изредка больница. Я не выдержала, я сломалась. Да, я не давала толчок к развитию опухоли — это все началось из-за моих неоднократных сотрясений мозга. Но, тем не менее, я дала еще больше шансов на её развитие.

Я протянула дольку апельсина подруге, она задумчиво смотрела на что-то, переваривала услышанное, но взяла кусочек из моих рук. Решаю закончить свой монолог такими словами:

— Это и была ненависть и нелюбовь, поверь, я знаю. А твои родители... они любят тебя, это видно. Просто теперь они, видимо, не могут понять, с какой стороны к тебе подойти, чтобы не вызвать у тебя агрессию, и пытаются отвлечься от своих мыслей работой.

Лондон посмотрела на меня с сожалением и благодарностью. Я снова протягиваю ей дольку апельсина, а следующую кладу себе в рот. Сладко-горький привкус у фрукта очень похож на ощущения сегодняшнего дня.

— Кстати, а что это за место? — спрашиваю я.

— Эта комната принадлежит Гарольду, дворецкому. А все это — его маленькие семейные реликвии. — Лондон наконец-то улыбнулась.

— Ты любишь этого старика, да?

— Он со мной с самого детства, потому и стал как родным.

Мы покидаем комнатку старика-дворецкого и направляемся в комнату Лондон. Внезапно у меня под ногами оказывается толстый и пушистый серый котик. Я его вспомнила, раньше этот котик был маленьким комочком шерсти, а теперь так вырос. Мартин — так зовут кота. Я беру его на руки, запуская пальцы в его пушистую шерсть, и следую за подругой. Мартин мурлычет и облизывает мои пальцы.

Весь оставшийся день мы просидели в комнате у Лондон, смотря ТВ и сериалы. Я гладила ласкового кота подруги, который то уходил, то возвращался вновь, и получала от него непрерывное мурчание в знак благодарности.

Гарольд принес нам небольшие угощения под вечер: печенья в форме корзинок, испеченные по его собственному рецепту, и кувшин чая с лимоном. Мы мирно проводили день, даже не задумываясь о том, что будет завтра. А я ни разу не вспоминала ни о *нём*, ни о *его поступке*. Даже на некоторое время я забыла о своей *болезни*, словно сейчас в мире существуем только мы с Лондон и серый, толстый Мартин. Но реальность снова заставила о себе вспомнить.

— Эмили... — ошарашено произнесла Лондон, сидящая за компьютером.

— Что? — сказала я.

— Подойди.

Я поднялась с кровати и подошла к Лондон. Она сидела в интернете, а именно в Фейсбуке. На экране была открыта страница Стейси Лоуренс, а на её стене была прикреплена видеозапись, где большими буквами высвечивалось название «НОВАЯ ШЛЮХА ГОДА! СМОТРЕТЬ ВСЕМ!!!» и голубым зияла ссылка с названием «Эмили Беннет». Моё сердце ушло в пятки, когда Лондон кликнула на воспроизведение видео, обрезанное до нужного момента, чтобы выставить меня в дурном свете. К горлу снова подкатила желчь, когда я увидела, как со стороны выглядело то, что снилось мне в сегодняшнем кошмаре.

— Здесь почти тысяча просмотров... — произнесла подруга с тем же удивлением в голосе.
— Это же почти все учащиеся нашей школы...

— О нет... — Выдавливаю я из себя и бегу в туалет, еле сдерживая рвотные позывы.

Пятнадцать

Интересно, кто-нибудь когда-нибудь чувствовал то же, что я чувствую сейчас? Вы шли по школьному коридору, и вам в лицо смеялись? Кто-нибудь шептался о вас сразу после того, как вы прошли мимо? Кто-нибудь тыкал в вас пальцами и с усмешкой сообщал последние сплетни своему собеседнику? И это вовсе не из-за того, что ты сфотографировался со знаменитостью, стал популярным в школе или сделал что-то значимое и важное. О да, теперь я прославилась на всю старшую школу, только вот это совсем не та слава, о которой я мечтаю. Скажите, кем я теперь стала? Посмешищем.

Я старалась не обращать внимания на возгласы, свист и обидные слова, обращенные в мою сторону. Мне нужно было добраться до своего шкафчика, чтобы взять учебные принадлежности. Дома я так еще и не была, в школу пришла с пустой сумкой, которую мне одолжила Лондон, и в её же одежде. Подруга так щедра, что я буду вечность у неё в долгу.

Лондон и Трент шли впереди, чтобы первыми увидеть Бреда и кучку mean girls. Подойдя к своему шкафчику, я быстро начала перебирать пальцами колечки замка, чтобы набрать нужную комбинацию. Открыто! Как можно скорее начала набивать сумку всем, что хранила там. Не хочу больше оставлять что-нибудь в этой школе. Не хочу больше здесь учиться.

Закрыв шкаф, я подпрыгнула от неожиданности: рядом со мной нагло стоял какой-то незнакомый парень, вероятно, на год старше, подперев свою голову рукой и облокотившись на остальные шкафчики.

— Привет, Эмили, — произнес он с хищной ухмылкой.

Я отпрянула. Наверное, на моём лице читался страх, потому что не успела я отвернуться и уйти прочь, как этот парень схватил меня за запястье и придвинул к себе.

— Пусти! — пискнула я.

— Милая Эмили, ну, раз ты уже рассталась с Бредом, так не хочешь и со мной познакомиться? — прошептал он мне на ухо.

— Отвали от меня! — твердо произнесла я и со всей силы ударила ногой парня в пах.

Я даже не знаю, почему так поступила. Просто защитная реакция. Я совершенно не обдумывала свои действия — некогда. Я вырвалась из объятий незнакомца, но он успел ухватить меня за волосы.

— Херова ты шлюха раз не знаешь правил ублажения клиентов, — сквозь зубы процедил он.

— Я не шлюха! — огрызнулась я.

Мне было ужасно плохо из-за того, что все так считают. Почему они верят этой лгунье Стейси? Почему нельзя поверить мне, моим словам? Что за дурацкие порядки!

— Не тому доказываешь.

Вокруг нас снова столпилась толпа. Кто-то снимал это на телефон, кто-то просто следил. В этот момент подоспел Трент, он резко накинулся на незнакомца и ударил его под дых. Я почувствовала, что хватка парня ослабела, и вырвалась из его цепких рук.

— Не смей её трогать, Гарри. Ты понял? — произнес Трент.

«Гарри», — звучало у меня в голове. Неужели все в их футбольной команде такие мерзавцы? Я еще больше удивляюсь тому, какие порядки в этой школе. Зачем я вообще снова начала учиться? Мирно бы сидела на попе ровно, общалась с Лондон, возможно, была бы знакома

с Ив и ждала своей кончины. Но вместо этого я нашла себе не самую лучшую компанию в лице Бреда, и стала всеобщим посмешищем из-за того, что меня чуть не изнасиловали. Прекрасно!

У меня в разуме пронеслось столько разных мыслей сразу. Наверное, каждый думал о том, что было бы, если бы он поступил не так, если бы он сделал другой выбор. Как бы тогда развивались события. Да, думаю, каждый мыслил так же и жалел, что не может изменить прошлое.

Я быстро схватила свою сумку, которая выпала из рук, и поплелась к Лондон, уже спешившей мне навстречу. Мы быстрым шагом направились в кабинет биологии. Подруга постоянно оглядывалась, ища глазами своего парня, но вокруг нас была лишь усмехающаяся толпа.

— У него будут проблемы, — произнесла она.

На уроке биологии у нас проводилась лабораторная работа. Нужно было перечислить различные стадии деления клеток репчатого лука. У нас с Лорен голова совсем не варилась, потому она списывала все у Алана-отличника, к счастью, сидевшего впереди. Он сделал нам обеим варианты, за что я ему очень благодарна.

На самом деле, Алан славный, он среднего телосложения, симпатичный, добрый. Он не состоит в команде футболистов, хотя мог бы. Но он, видите ли, не из того круга общества, чтобы получить такую привилегию, как считает физрук. Зато Алан ломает все каноны отличников, ведь не обязательно им быть очкастыми и прыщавыми. И он, пожалуй, единственный, кто не верит в слухи чертовой Стейси. Даже его соседка по парте строит злую мину и шипит на него из-за того, что он нам помог.

Возможно, была бы у меня другая жизнь, где я не больна и живу полноценной жизнью, где мои родные все живы и здоровы и где я знаю, что такое любовь, то он понравился бы мне. Но, к сожалению, реальность не такая, а жизнь — вовсе не фабрика, которая осуществляет желания*. Такую фразу я вычитала в какой-то книге и запомнила её.

Выйдя из класса, я совсем растерялась. В коридоре стояла Стейси и что-то страстно обсуждала со своими подругами. Я хотела бы уйти, спрятаться где-нибудь в кладовой на всю перемену, раствориться в толпе, но Лондон не могла пройти мимо. Она потащила меня к Лоуренс, чтобы сказать ей в лицо, какая она стерва.

— Стейси! — громко произнесла Лондон.

— О, Лондон, милая, привет, — наигранно проговорила Стейси. — Ох, крошка Эмили, кажется, ты идешь по наклонной вниз.

Стейси разворачивает свой айфон ко мне, чтобы показать, над чем же они так долго смеялись. И там, естественно, оказывается то самое видео. Я закусываю губу, чувствую, как напрягаются скулы, и отвожу взгляд в сторону.

— Какая же ты тварь, — вырывается у меня.

— Что ты сказала? — Стейси подходит ко мне вплотную, но Лондон преграждает ей путь.

Я только сейчас поняла, какая же моя противница высокая. Я постоянно комплексовала из-за своего роста, потому что я очень и очень маленькая, но затем я забыла об этом. Стейси заставила меня вспомнить снова. Мало того что соперница и так выше меня, но на каблуках, она кажется просто высоченной. И, правда, по сравнению с ней я — крошка.

— Ты что, совсем ничего не понимаешь? — прошипела Лондон. — Ты была там, все прекрасно видела, и ты выставляешь её виноватой?

— Не мои проблемы, — приподняв брови, спокойно сказала Стейси. — Девочки, идем, а то мы распугаем всех клиентов Эмили.

С лица Стейси улыбка не сходила. Она взяла под руку Фебу и гордо пошла впереди. Следующих двух девушек я не знаю. Бриттани шла под ручку с Лейлой, а последняя постоянно оборачивалась, в её глазах читалось сожаление.

Я все еще держала в руках предметные тетради, забыв положить их в сумку. Мои чувства были смешанные — отчаяние, гнев, страх. Рассеянно шла по коридору, даже не помня, какой у нас сейчас урок. Я не знала, где Лондон, возможно, она пошла искать Трента. Моя голова лопалась от всевозможных мыслей, не дающих мне покоя. И я совершенно не знала, как поступить дальше, что мне делать. Теперь для всех я стала путаной. Не думаю, что Гарри единственный, кто будет пытаться подбить ко мне клинья — найдется еще сотня, и тогда я уж точно не выдержу этого

давления. Все их взгляды, колкие слова, насмешки подрывают мою тонкую душевную организацию. Я кажусь себе облитой грязью.

Я не замечаю впереди идущего парня и сталкиваюсь с ним. Из рук посыпались тетради и учебник. Резко сажусь и начинаю собирать свои вещи с пола.

— Извините, — произношу, так и не взглянув на того, с кем я столкнулась.

— О, снова ты, мисс растеряша.

Этот голос. Я поднимаю глаза и вижу, как надо мной склонился парень и внимательно следит за мной.

— Ты! — вырывается у меня.

— Какие эмоции. Всегда пожалуйста, — произносит парень.

Он хитро улыбается мне. По коже пробегают мурашки. Ловлю себя на мысли, что он меня раздражает. Парень проходит мимо, снова игнорируя меня, а его русые кудряшки подпрыгивают в такт шагу.

Я складываю все учебники в сумку и куда-то иду по коридору. Хочу спрятаться, чтобы никто меня не видел. Забираюсь под лестницу и сажусь на сумку, прислонившись к стене. Мне хочется рвать на себе волосы, кожу. Хочется забить эту душевную боль физической. Закрываю лицо руками. Почему я? Слезы начинают струиться из глаз. Ладони промокли. Я обтираю их о кофту и смахиваю слезы. Все тщетно. Вытираю лицо краем кофточки. Нервничаю. Начинаю грызть ногти, которых и так нет, затем перехожу на кожу, покусываю её, стараясь успокоиться. С нетерпением жду звонка. Я не знаю, что у нас следующим, но это сейчас неважно. Лишь бы прожить этот день, лишь бы придумать, как мне выкрутится, как восстановить свою репутацию никого.

Когда коридоры опустели, и все разошлись по классам, выбираюсь из своего укрытия. Я снова иду в туалет, совершенно не понимая зачем. Никто меня не замечает, охраны на выходе нет, и я облегченно выдыхаю. Я думала, что буду совершенно одна в этом затхлом помещении, но это было не так. Когда закрываю за собой дверь, то вижу девушку, развалившуюся на стуле и закинувшую ноги на пластмассовый столик. Она закручивала косяки.

— Извини, я думала, что буду здесь одна, — произношу.

— Да, я тоже так думала, — отвечает девушка.

Уже хотела развернуться и уйти, но девушка приглашает меня сесть. Мне неудобно как-то нарушать её уединение, но я соглашаюсь. Когда присаживаюсь рядом, узнаю её. Я видела эту девушку и раньше. Черные длинные волосы, футболка в полоску, сверху надета кожанка, черные джинсы и массивные ботинки с множеством заклепок.

— Будешь? — говорит она и протягивает мне косяк.

— Нет.

— Ну, как хочешь.

Она закуривает прямо здесь, даже не открыв форточку. Едкий запах доходит до моих ноздрей и неприятно жжет их. Но спустя пару вдохов-выдохов я привыкаю. Так бывает всегда, когда я начинаю чувствовать сигаретный дым. А затем девушка произносит:

— Скажи мне, Эмили, неужели ты такая глупая, чтобы повестить на такого напыщенного ублюдка, как Брэдли Уайт? Или, может быть, я просто ошибалась на твой счет раньше.

Её слова меня повергают в шок. И она тоже все знает? Я немного думаю, а затем говорю:

— Он хотел меня изнасиловать, — сначала тихо произношу. — Я что, виновата в этом? — уже громче проговариваю. — Виновата в том, что он накачал меня наркотой, после чего я была невменяема, в том, что эти пиздонки даже не пришли мне на помощь? — начинаю кричать. — Они поступили как настоящие аморальные стервы: вместо того, чтобы помочь мне, Стейси все сняла и выложила в интернет! Скажи, я виновата в этом?!

Девушка ухмыляется, а затем делает затяжку, выдыхает дым:

— Стейси... — хмыкнула она. — Давно пора эту модную выскочку поставить на место.

— Убить бы её, — проговариваю. — Но я даже жучка не способна растоптать.

Девушка залилась смехом. Затем она сделала еще одну затяжку, все еще смеясь, и сказала:

— То есть тебя совсем не смущает то, что убийство — это противозаконно? — Снова смеется. — А ты забавная.

Не знаю почему, но её слова меня расслабили. Они немного меня успокоили, словно я беседую с Лондон, а расслабить меня удавалось только ей. Я протягиваю руку девушке и говорю:

— Эмили.

Девушка перекладывает сигарету в левую руку, которой раньше она подпирала голову, раскачиваясь на стуле со спинкой, а правой сжимает мою ладонь.

— Фелиция, — произносит она. — Можно просто — Фо.

— Фелиция? — удивляюсь я.

Теперь-то я поняла, кто она! Её я встретила в первый день в школе, ей же помогла на вечеринке у Гарри, о ней слышала различные слухи. Фелиция раньше считалась главной профурсеткой школы, но теперь её место досталось мне. Какое совпадение!

— Не уж-то узнала? — снова ухмыльнулась Фо.

Я кивнула. У меня было полно вопросов к ней, но я не знала, как начать, что спрашивать. Почему её раньше считали продажной? Что случилось? Что значило её «Или я просто ошибалась на твой счет?». Почему она заговорила со мной сейчас, а не тогда, на вечеринке? Но задать я их не успела. Фо собрала свои вещи, попрощалась со мной и скрылась за дверью. А я ожидала окончания занятия и звонка на большую перемену, когда мы все идем в столовую.

Возле корпуса со столовой меня ждали Лондон и Трент. Лондон ходила из стороны в сторону, описывая небольшой квадрат, взгляд у неё напряженный, руки скрещены на груди. Трент же стоял, подпирая стенку, держа руки в карманах.

— Все хорошо? — спросила подруга, когда я подошла к ней.

— Лучше не бывает, — иронично проговариваю. — Что ты знаешь о девушке по имени Фелиция?

— Фелиция Милкович? — переспросила Лондон, я пожала плечами. — Еще одна жертва сплетен. — Выдохнула подруга.

Раньше мы садились обедать за один и тот же боковой столик — Трент всегда его занимал для нас. Но сейчас, когда мы вошли, все, кто находился в столовой, обратили внимание на нас. Естественно, все столики были заняты.

Мы, молча, взяли по подносу и встали в очередь. Есть мне совсем не хотелось, потому я взяла лишь небольшую миску овсяной каши, яблоко и апельсиновый сок. Мы с Лондон подходили к столикам, где были свободные места, но те, кто уже за ними сидели, постоянно отмазывались, говоря, что здесь занято. Некоторые же просто смотрели на нас с усмешкой или с упреком, отодвигали стулья или ставили на них свои сумки. Здесь и невооруженным глазом понятно — никто не желал нас видеть. В особенности меня.

Это меня взбесило. Я резко развернулась, твердо решив уйти отсюда да подальше, но снова не заметила людей, которые были рядом, и столкнулась с кем-то. Не знаю почему, но мои руки внезапно ослабли, и я выпустила из них поднос с едой. Он с грохотом упал на пол. Яблоко полетело куда-то в сторону, картонный пакет с соком перевернулся, но к счастью, он был закрыт, а каша разлетелась по всему подносу, немного запачкав пол.

— Черт возьми, ты меня что, весь день преследуешь!

Боже, как мне стыдно! Я подняла с пола упаковку сока и посмотрела на того, кто ко мне обратился.

— Опять ты! — слишком грубо произнесла я. — Я бы то же самое сказала на твой счет!

В глазах парня что-то блеснуло, он поднес руку ко лбу, а затем покачал головой, его волосы растрепались

— Ну, уж не я сегодня весь день ищу встречи со своей спиной, — произнес он и улыбнулся.

Как же я его ненавижу. Не знаю за что, ведь весомых причин нет. Он меня раздражает, выводит из себя

— Да пошел ты! — вырвалось у меня.

Я развернулась и направилась на выход из столовой

— Истеричка, да еще и неуклюжая, — произнес парень, но меня уже рядом не было.

Я снова кое-как отсидела предпоследний урок. Лондон ничего у меня не спрашивала — это на неё не похоже. Наверное, она тоже волновалась и думала, как же исправить всю эту ситуацию. Затем ей пришло что-то в голову, и она попросила подождать её с Трентом возле кабинета миссис Страйдер — следующим у нас химия. Чтобы добраться до её кабинета, нужно перейти в другой корпус. Но когда я оказалась в назначенном месте, то подруги и её парня там еще не было, зато были кое-кто другие. Я прислонилась к батарее и стала внимательно следить. Фелиция

разговаривала с тем самым ненавистным мне парнем, затем она заметила меня, и её собеседник увидел меня тоже. Они говорили обычным тоном, я не могла полностью расслышать все, но слышала лишь отрывки:

— Я ошиблась, ты был прав, — произнесла Фо.

— У меня хорошая интуиция, — ответил парень.

— Я запрещаю.

— А я никого не слушаю.

Не понимая, о чем они беседуют, я прекратила подслушивать, но никак не могла оторвать от них глаз. Вдруг чьи-то руки прижали меня к стене. Запах одеколона ударил в нос. Я остолбенела от страха, а коленки начали подгибаться. Неприятные воспоминания снова вспыхивали в голове.

— Эми, может, повторим? — спросил Брэд, выдыхая слова мне в губы.

— Отвали! — закричала я и со всех сил оттолкнула его от себя.

— Шлюха! — произнес Брэд

— Ты же знаешь, что это не так. Ты во всем виноват! Я тебя ненавижу! — Слезы произвольно выступили на глазах. То ли от страха, то ли от боли, которую я испытывала, то ли от гнева.

Я попятилась, потому что Брэд шел на меня. «Шлюха!» — произнес он снова. У меня в груди защемило еще больше. Как я могла настолько ошибаться в этом человеке?! Он же ничуть не лучше Стейси, подыгрывает ей, делает все, что угодно, лишь бы поднять свою популярность.

— Шлюха! — еще раз сказал он.

Все свидетели снова достали свои телефоны. Они начали выкрикивать что-то вроде «Давай!». Они начали сжимать своё кольцо вокруг меня.

— Подонок... — послышалось позади меня.

И светловолосый кучерявый парень, внезапно подскочивший к Брэду, резко ударил его в челюсть. Брэд попятился и чуть не упал. Он схватился за свой подбородок, из разбитой губы засочилась кровь.

Сквозь весь хор наблюдателей, послышался громкий и строгий голос

— К директору! Немедленно!

Но я уже ничего не видела, меня за руку схватили и потащили прочь от этого цирка. Это была Фелиция, она вела меня куда-то. Я пыталась унять слезы, но не могла. Внутри меня вновь сидело то самое чувство страха, что одолевало меня две ночи назад.

— Вот же импульсивный придурок, — произнесла брюнетка.

Я была поражена. Зачем ему заступаться за меня? Сначала он придирается ко мне, говорит, какая я сумасшедшая, что ужасно то, что я делаю, называет меня истеричкой, а затем заступает. Что за чертова двойственность!

— Кто это? — спросила.

— Мой брат. Майки.

«Майки», — повторяю про себя. Сначала у меня учащается пульс, потому что я вспоминаю обо всех книгах, которые я брала, и на которых оказывалось это имя, но затем все встает на свои места. Если он её брат, то его фамилия начинается на букву «М», а не на «Б». Все в порядке.

Куда меня ведет Фо, я не знала. Мне нужно было её обо всем расспросить, нужно было позвонить и Лондон, предупредить подругу.

— Куда ты меня ведешь? — спрашиваю наконец-то, но мне не ответили.

Я одергиваю руку, утираю оставшиеся слезы и останавливаюсь. Фо оборачивается и смотрит на меня словно на сумасшедшую.

— Ты что, не понимаешь всю ситуацию, в которую ты влипла? — спрашивает она.

— Я понимаю все прекраснее некуда. Но зачем ты мне помогаешь? По-моему, я — всего лишь лишняя проблема на твою голову.

— Потому что Майки попросил, — ответила Фелиция.

— Абсурд! Я его даже не знаю.

— Невелика беда. Идем, я тебе всё объясню, — говорит девушка и жестом зазывает меня идти с ней.

— Мне нужно позвонить Лондон!

Фелиция протягивает мне свой мобильник, я беру его и набираю номер подруги. Когда она приходит, то сначала удивляется, почему это я вместе с Фелицией Милкович, но затем произносит:

— Мы с Трентом кое-что придумали — способ, как разоблачить Брэда. Но для этого нам нужна помощь твоей знакомой. Надеюсь, что Ив нам окажет услугу.

— Ив? — переспрашиваю я. Лондон кивает. — Хорошо, я с ней поговорю.

Фо уже хотела забрать меня, чтобы поделиться тем, чем желала. Но её снова прерывают

— Эмили! — звучит у меня за спиной.

Я разворачиваюсь и вижу подходящую девушку. Смуглая, со светлым цветом волос и вьющимися волосами. Она робко подходит ко мне, потирая свои плечи, но явно не из-за холода.

— Прости меня. Я не хотела, чтобы так случилось. Не хочу следовать мерзким указаниям Стейси, потому что она ослеплена мстостью. Я знаю правду и верю тебе, мне стыдно за то, как вела себя все это время. И я хочу тебе помочь, даже знаю чем, — произносит Лейла.

— Хорошо, — отвечает Лондон. — Значит, у нас есть большой план, куча дел, и совершенно нет времени, чтобы его привести в действие. Нужно спешить.

Комментарий к главе:

— отсылка к Джону Грину.

Шестнадцать

— Значит так, — говорит Фелиция.

Я и Фо сидели на трибунах на спортивной площадке за школой. Здесь никого не было. Уроки закончились, и вряд ли кто-нибудь сюда придет. Идеальное место, если нужно поговорить о важном.

— С самого начала тебе не нужно было знакомиться с Брэдом и его компанией, — продолжает темноволосая.

— Ты Трента имеешь в виду тоже? — спрашиваю я

— Да.

— Нет, он не такой, как Брэд. Он помогал мне, а не ему, — произношу.

Я верю лишь в то, что вижу. В то, что проверено мною. Трент хороший, он ни разу не сделал мне что-либо плохое, даже защищал. Для меня Трент будет славным всегда. Хотя, может быть, я и в нем ошибаюсь?

— Я говорю лишь то, что знаю. Возможно, он изменился, но раньше и у него была не лучшая репутация. — Фелиция пожимает плечами.

Сглатываю. Почему-то мне кажется, что теперь все, кто меня окружает, предадут меня, сделают какую-нибудь пакость. Конечно, Лондон не входит в этот список «всех». Но, тем не менее, ощущение предательства не оставляет меня. Нельзя никому верить.

— Во-первых, тебе нужно было остерегаться Брэда и одного из его лучших друзей — Гарри. Они самые мерзкие из всех. По большому счету лучше не связываться со всей футбольной командой, но с ними особенно. Во-вторых, это наши пижонки. Стейси — главарь и создатель *mean girls*. Раньше она встречалась с Брэдом, естественно, ради репутации. Они постоянно ругались, расставались, снова сходились, находили себе на стороне кого-нибудь еще — и это все только поднимало их репутацию. Они считают друг друга личными игрушками, никто не должен играть с ними, кроме их самих. Стейси постоянно запугивала своих возможных конкуренток и снова возвращала себе Уайта. Но затем появилась ты, и Брэд решил променять Стейси на тебя. И все думали: «О боги, что с ним случилось? Не уж-то влюбился?». Ха. Ничего подобного, как видишь.

Я смотрела вниз, на свои ноги, на свою обувь, и шаркала ногами. Мне хотелось разодрать асфальт, пробить его, посмотреть, что там внутри. Хотелось взглянуть на раскаленное ядро нашей планеты, на его сердце. Что бы я тогда почувствовала? Наверное, то же, что и сейчас. Разочарование. В асфальте нет сердца и глубины — это камень. А жидкое ядро нашей планеты, находящееся на глубине под сотню тысяч километров — всего лишь железо. Не нужно искать глубины в тех вещах, где её и не может быть.

— Феба — девушка Гарри. Их обоих ты, кажется, видела. Гарри использует Фебу как подстилку в одинокие вечера, во все остальные дни у него всегда найдется по девушке. Видимо, Феба даже не против такого расклада. Она считается шестеркой Стейси, хотя думает, что они лучшие подруги. По-моему, так это просто смешно. Эти две бесят меня больше всех, первая — считает себя лучше прочих людей, вторая думает, что она законодательница моды, и обе думают,

что они не отразимы, потому что они в составе команды чирлидеров. Меня от них блевать тянет, — проговорила Фо и поежилась.

Брюнетка достала пачку сигарет из своей сумки. Закурила. Я смотрела на неё, как завороженная. Синеватый дымок растворялся в воздухе спустя доли секунд после выдоха. У Фо получались очень забавные колечки из дыма.

Мне так паршиво. На душе скребли кошки. И больше ничего. Боли нет. Пустота заглатывала все возможные чувства в свою бездну. Это словно ты остаешься один в темноте, ты кричишь, бьешь невидимые стены, но никто не слышит — все впустую.

Никогда раньше меня не охватывало такое желание — безумное желание забить эту боль никотином. Внутри всё напряжено, натянуто. Горло высохло, и ты не знаешь, чего же хочется. А хочется отравиться, умереть. Включить какую-нибудь грустную песню и тихо-тихо рыдать под неё. Так, чтобы никто не видел. Сначала хочется получить хоть какое-то лекарство, любое, лишь бы оно помогло, лишь бы ты выжил. А затем хочется получить лекарство от боли, которое медленно, но верно, тебя убьёт. И тогда на помощь тебе приходят сигареты.

Я ведь никогда раньше не курила по-настоящему. То, как меня учила Лондон, не считается, я даже не вдыхала сигаретный дым. Я не знала, что такое может быть, у меня не было привычки курить никогда. Но сейчас это была не просто потребность. Наверное, именно в такие моменты своих жизней люди и начинают курить.

Выпрашиваю сигаретку у Фелиции. Она дружелюбно протягивает мне одну. Поджигает. Я вдыхаю и выдыхаю дым. Но ничего не происходит.

— Нет, ты не правильно делаешь, — говорит Фо. — Ты просто полощешь рот. А нужно вдыхать сильнее, чтобы пробрало до самих легких.

Я стараюсь следовать словам девушки. Вдыхаю еще раз. Глубже. Горло жгло и драло от боли. Я сильно закашляла. Сейчас я казалась себе ребенком.

— Вот так, продолжай. Горло и должно драть.

Делаю еще одну затяжку — теперь намного легче. А затем боль в горле совсем проходит. Вообще, любая боль проходит. Голову заполняет вакуум, расслабляя тело. Мысли лезут наружу. Кажется, что ты можешь обдумать всю маленькую вселенную, находящуюся в твоей голове. А любой, кто заставлял тебя страдать, покидает твоё тело и мысли с каждым выдохом. Лондон была права: сигареты помогают забыться.

Пока я осмысливала свою маленькую бесконечность, Фелиция продолжала свой монолог:

— Следующая парочка, идущая сразу за Стейси и Фебой и входящая в их клуб, — это Дженна и Карин. Дженна — высокомерная кобыла. Если ты не знаешь, как она выглядит, то слушай и лучше обходи стороной. Она очень высокая, наверное, метра под два. Очень худая, прямо как ты. — Фо легонько ткнула меня локтем под ребра. — Одна из лучших баскетболисток. У неё постоянно волосы собраны в хвост, кстати, тоже темные, и болезненный вид. Говорят, что она страдает булимией. С ней хорошо общается Карин, потому их можно частенько застать вместе. Карин — DJ школьного радио.

Я сразу вспоминаю удары. Тело, словно говоря о том, что тоже помнит их, начинает гореть. Сначала виски, потом колени, живот, спина.

— Еще есть Бриттани и Лейла, но с ними ты знакома. Я это прекрасно помню. Не знаю, что Лейла забыла в их аморальной компании — она ведь и мухи не обидит. Скорее всего, из-за того, что она важный член школьного самоуправления. Их компашке везде нужно пустить свои корни, чтобы уничтожить тебя полностью.

— Скажи, зачем ты мне все это говоришь, зачем помогаешь? — неожиданно для себя говорю я.

— На самом деле, я не собиралась тебе помогать. — Фо пожимает плечами. — Ты у меня не вызываешь доверия, даже не знаю почему. Это все ради Майки, он ненавидит Брэда. Да и я не скажу, что он со мной в дружеских отношениях. А раз вы предложили отомстить этому подлецу, то я обрадуюсь, если у вас все получится.

— А ты за что его так ненавидишь?

— Есть за что.

— Расскажи, я ведь тебе свою историю поведала. — Сигарета уже почти истлела. Я тушу её о скамейку и выкидываю бычок подальше от себя. Мусорить — неприлично, но сейчас не до этики.

— Ну что ж, все равно ты узнала бы этого от кого-нибудь еще. Я наступала на эти же грабли в своё время. Мне казалось, что Брэд любит меня, а я его. Все произошло сумбурно и неожиданно: он был чересчур настойчив, и мне это не казалось странным. А затем выяснилось, что это фишка у большинства футболистов такая была: кто больше всего соблазнит девушек за пару месяцев в начале учебного года. Затем появилась Стейси, которая сразу же присвоила себе Брэда. А я забеременела. Стейси же и придумала эту кличку, а заодно и историю, как я переспала с половиной команды. И никто не опровергнул её слова, а Брэд даже подтвердил, придумав свою собственную историю. Ну, естественно, мои братья помогали мне, собирали деньги, которых у нас нет, и вскоре я сделала аборт. Но, тем не менее, о моем несчастье узнали все и ухмылялись.

— Ничего себе... — произнесла я.

Мне было ужасно жаль Фелицию, а после её слов об аборте появилась какая-то неприязнь. Да, у неё не было другого выхода, но все равно сейчас мысль об убийстве даже несформировавшегося ребенка для меня дика.

— Я не собираюсь помогать тебе. По мне, так человек сам должен учиться на своих ошибках и выкарабкиваться из их последствий. Но и мешать не буду, я хочу, чтобы у вас все получилось, — проговорила Фо.

— План Лондон сработает, он хороший, — говорю.

— Очень надеюсь. — Фо выдыхает и закуривает еще одну сигарету.

Когда я пришла домой, то Кристи со мной не разговаривала. Наверное, она обиделась за то, что я снова ушла без предупреждения. Родители были дома: мама хлопотала на кухне, папа прикреплял на стены шкафчики — ведь никто не додумывался сделать это раньше, да и сил не было. Вечер был славным — мы разговаривали о том, о сем друг с другом, пару раз папа спросил про моё самочувствие, но потом оставил эту тему. Чувство тепла семейного очага граничило с тем отчаянием, которое сидело во мне. Моя семья думает, что у меня все хорошо — и пусть. Я бы ни за что не рассказала им такое, это лишний повод для волнения. Но мне не нужно забывать о событиях, которые происходят за стенами моего дома.

Оставшись одна в своей комнате, я нахожу телефон, который я оставила в ту ночь дома, и звоню Ив. Она меня внимательно слушает, не перебивая, а затем соглашается, напоследок сказав: «Ну что ж, живем один раз, можно и попробовать».

А утром я проснулась слишком поздно и опоздала на первый урок, и никто не стал меня будить, как бы это ни было странно. Сорвавшись с постели, мигом умылась и оделась. Слышно было, как бушует ветер за окном, а это значило, что сегодня будет холодно. В такую погоду я всегда надеваю свитера, люблю их. Накинув на себя пальто и забросив на плечи рюкзак, я помчала в школу. Одно радовало — она близко. Нельзя было опаздывать на второй урок, только не сегодня, ведь нужно было встречать Ив.

Несясь по тротуару, я заметила на противоположенной стороне еще кое-кого. Ни одна я сегодня опаздываю. Мы не поздоровались. Когда я вбежала в коридор, где на посту сидел охранник, вслед за мной зашел и Майки.

— Эй, вы куда? — спросил охранник, когда я пошла за Майки, игнорируя присутствие здесь еще третьего человека. — Вы должны написать объяснительную.

— Можно мы просто пройдем? — спросил парень.

— Нет, вы же знаете устав школы.

— Идем, — сказал Майки и взял меня за руку.

Я вздрогнула от неожиданного прикосновения. Его рука холодная, но моя ничуть не теплее. Я заволновалась. Прикосновения для меня — это слишком личное. Не могу позволить кому-либо вот так легко прикасаться к себе. Потому я одернула руку, когда парень повел меня за собой. Путь преградил охранник:

— Знаете что, если вы не слушаете меня, то пройдемте к директору.

Миссис Аллен считается самым строгим директором нашего города. Она — женщина средних лет, с проседью в волосах, всегда носящая круглые очки на носу.

— И в чем же причина вашего опоздания? — спросила она.

— Ну-у, вы же не поверите, если я скажу, что моё домашнее задание попыталась съесть собака, а я старался помешать ей? — произнес парень и развел руки в стороны.

— Нет, не поверю, очень смешно, — серьезно проговорила миссис Аллен.

Не знаю почему, но мне стало смешно. Я прыснула в ладонь, еле-еле сдерживаясь от смеха, а Майки широко улыбался. Только сейчас я заметила, что у него на щеках ямочки.

Нам назначили наказание: убираться по школе после уроков. Это было ужасно. Когда мы вышли из кабинета, я невзначай сказала:

— Ты видел её лицо? Она так искривилась, просто бомба! — Ухмыляясь.

— Да, она определенно меня хочет, — ответил парень.

И я рассмеялась. Боги, как я рассмеялась. Вроде бы глупый подкол, но смешной. Я все еще частичкой себя недоумевала на счет такого отношения Майки ко мне, но моё чувство к нему теплело. Хотя и ненадолго.

— Может, скажешь, почему ты так себя ведешь? — спросила, как бы между прочим.

Неожиданно для меня парень отвернулся и сжал кулаки. Он сердился. Но на что?

— Ну, так что?

— А потому что не нужно быть такой наивной душой, — ответил он.

— Придурок, — произнесла и ушла прочь.

Черт возьми, нет, все же я его ненавижу.

— Я купила! — радостно проговорила Лондон.

Она не спрашивала, почему я опоздала, просто сразу перешла к делу. И мне это нравилось. Я бы не хотела рассказывать то, что только что случилось.

— Покажи, — требую.

Лондон достает маленькую коробочку с мини-видеокамерой. Затем, когда мы подошли к подоконнику, достает и саму камеру. Она такая крохотная, что вполне помещается на кончике пальца.

— Здесь есть крепление, — говорит подруга. — А также можно цеплять на специальную липучку, — указывает на маленькие квадратики в коробочке.

— Сколько же ты за неё отдала? — интересуюсь.

— Да немного, правда. — Она пожимает плечами и улыбается.

Подруга рассказывает мне, что сигнал у этой крошечной камеры радиусом в 100 метров, транслирует она все, чему является свидетелем, на компьютер, а с него уж будет легко записывать видео. Лондон прикрепляет эту камеру на куртку Трента и отправляет его выполнять свою часть плана. Моё задание — это сидеть, не высовываться и никуда не лезть.

Затем, как мы и договаривались, приходит Ив. Она просто чертовски привлекательна! Черные локоны завиты, глаза подведены, губы накрашены красной помадой. Болезненной бледноте девушки эти цвета очень подходили и только украшали её. Сама же Ив на каблуках, в платье изящной походкой обходит всю школу. Она должна была попасться всем на глаза и должна быть замечена всеми.

Лондон все тщательно сохраняет на свой нетбук. Мы сидели под лестницей, которая всего за двое суток нам стала родной, и внимательно следили за тем, как осуществляется наш план. По коже пробегают мурашки, но уже не так страшно. Я понимаю, что это всего лишь трансляция, и Брэда сейчас здесь нет — нечего пугаться. Да и осознание того, что скоро он поплатится за свои поступки, греет душу. Месть — это блюдо, которое подают холодным, и это чувство самое приятное из тех, что я испытывала в последнее время. Сердце бешено колотилось, а по телу бежал адреналин, руки чесались, мне поскорее хотелось насолить Брэду.

Трент подходит к Брэду и просит у него прощения за то, что он предал их дружбу. Они пару минут разговаривают, Трент приводит множество убеждений в свою пользу, и Брэд сдается. Он согласен вновь с ним общаться.

— Ну, мы же с тобой как братья, да? — спрашивает Трент.

— Конечно, брат, — отвечает Брэд.

Затем они идут по коридору, где в этот момент проходила Ив. Её появление не могло остаться без внимания.

— Ого, а это что за цыпочка? — интересуется Брэд.

Он, видимо, совершенно не помнил Ив. Или не видел, как она выглядит раньше. Потому-то и был сражен её красотой сейчас.

— Это Иви, прелестна, да? — говорит парень.

— Ты её знаешь? — удивляется Брэд.

— Ну да. А что, понравилась?

— Конечно, — отвечает Брэд.

— Тогда пари: тот, кто первый её охмурит и переспит с ней, тому она и достанется. Только давай не так, как с Эмили, — говорит Трент.

— Я согласен, — хмыкает парень. И прибавляет: — У тебя нет шансов.

— Боишься проигрывать?

— Я не проиграю, обойдешься, — ухмыляется Брэд и ударяет собеседника кулаком в плечо.

Лондон все записывает на диск.

Конец учебного дня должен был быть сложным — нужно отработать наказание. Мне до жути не хотелось встречаться с Майки, но выхода нет. Нужно потерпеть еще два дня, всего два дня, Эмили.

— Добрый вечер, — говорит Майки, когда я подхожу к кабинету директора.

— Здравствуй.

Миссис Аллен выходит из своего кабинета ровно тогда, когда прозвенел звонок на следующее занятие. Она раздает нам список дел, — там всего два пункта — а также выписки на то, чтобы мы могли взять инвентарь — без них охранник нам ничего бы не выдал.

Первым заданием было мытье спортивного зала. Мы в тишине драили полы. Начинать разговор первая я не собиралась, да и говорить мне было нечего, потому я просто ждала, пока парень что-нибудь мне скажет. А этого не происходило до последнего.

— Смотришь «Игру престолов»? — внезапно спрашивает он.

Я не понимаю, зачем он это спросил. Почему именно это? Неужели ему больше не о чем меня спросить? Нечего объяснить? Лично у меня к нему всего два вопроса. Но я спокойно отвечаю:

— Как ты узнал?

— Увидел твою запись на стене в фейсбуке.

Он просматривал мою страницу, интересовался мною, ему было любопытно знать, что мне интересно, и это приводит меня в недоумение. Впервые ко мне кто-то вот так испытывает интерес и даже не отрицает этого. Я замолкаю, потому что ухожу в себя, в раздумья. Но Майки толкает меня и громко выкрикивает:

— Керлинг на швабрах!

Я сразу понимаю, что это значит. Мы начинаем дурачиться: сражаемся швабрами, выливаем полведра воды на пол и притворяемся, что это каток. Затем опрокидываем ведро и гоняем его по всему помещению, словно шайбу. Да, даже таким способом мы умудрились вымыть зал.

Мне было весело. Мы с Майки смеялись, дурачились, обливались и брызгались грязной водой, но нам было все равно. Впервые вижу такого человека, для которого важнее ощущения веселья, а не его последствия. После нам нужно было оттирать плитки в туалете от надписей, что было крайне трудно сделать.

— Ты меломан, — произносит Майки, когда мы оттираем ацетоном надписи, сделанные маркером.

— Это утверждение или вопрос? — спрашиваю.

— А ты разве слышишь в моём голосе вопросительную интонацию?

— Нет.

— Ну вот. — Я не вижу, какое выражение приняло его лицо сейчас, но в его голосе я слышу улыбку. — Тебя никто не понимает, — вновь утверждает Майки.

Сейчас он кажется мне еще более загадочным, чем прежде, потому что перечисляет все то, что мне нравится. Правда, нравится. И в моем сознании лишь один вопрос: «Откуда ты все это знаешь?». А те два вопроса просто испаряются в воздухе. И чтобы внести хоть какую-то изюминку в наш разговор, я тоже начинаю отвечать более загадочно:

— Может быть.

— Я знаю, что это так.

— С чего ты взял? — перебиваю его.

— Тебе хочется, чтобы люди понимали положение, в котором ты находишься, но они, к сожалению, не понимают. Тебе хочется, чтобы тебя обнимали, чтобы люди таким образом показывали их понимание, любовь. Но они этого не делают.

Я и не заметила, как он приблизился ко мне. Теперь мы могли разглядеть реакцию друг друга на наш разговор, хотя все еще не бросали своё дело.

— Мне нравится, когда меня обнимают, но лишь те, кто мне дорог. Любое прикосновение для меня — это нечто большее, чем просто жест, что-то личное и интимное. А так, все правильно.

Вдруг я ему все рассказала, вот так — легко. Точно так же, как и он начал спрашивать обо мне. Теперь я — совершенно не загадка, ведь объяснила большую часть своей души и самое главное, что было в ней. Боже, как же я не люблю эту свою черту характера — слишком быстро раскрываться людям. Хотя порой нам легче рассказать, что творится у себя на душе незнакомым людям, чем нашим родным и друзьям.

— Уверен, я тебя заинтриговал, — произносит Майки.

— Мне кажется, что ты просто хорошо изучил мою страницу в фейсбуке.

— Не-а.

Мы закончили уборку туалета, а Майки все еще перечислял вещи, которые, по его мнению, должны быть мне по душе. И он был прав. Абсолютно. Во всем.

Мы забираем свои вещи из гардероба и одеваемся. Я укутываю шею мягким шарфом и надеваю своё пальто, которое мне почти по щиколотку. У Майки черное классическое пальто чуть выше колена. Хотя я снова забываюсь, у нас ведь разный рост: он выше меня на две головы.

Чем-то этот парень меня заинтересовал, и сейчас тянет к нему ужасно, хочется говорить с ним часами на пролет. Говорить. Говорить. Говорить... Я даже забыла о том, что у меня к нему есть неприязнь и какая-то ненависть. Все это так смешалось. Я не знаю, кто он. Я не знаю его характер. Могу лишь сказать, что он мне интересен, пусть и так двулик.

— Ты любишь плакать? Нравится думать о чём-то печальном? Об утерянном прошлом, например, об ошибках? — спрашивает он. Именно спрашивает, а не утверждает, это сразу понятно по интонации голоса парня.

— Не совсем. — Да, определенно о прошлом я думаю, но не до такой степени, чтобы плакать, вспоминая его. Хотя ошибки... Я бы вернулась назад, чтобы их изменить, если бы была такая возможность.

Майки хмыкает, затем слегка ухмыляется и, вернув прежнее серьезное выражение лица, продолжает:

— Не откровенничай со мной, ты меня не знаешь.

— Я откровенничала? — Удивляюсь.

Вот оно, снова то самое чувство. Я его не понимаю. Он слишком странный и импульсивный. Сначала он говорит колкости, а затем переводит это в шутку или вовсе игнорирует.

— Разговор с незнакомым человеком — это уже откровение. А разговор о вещах, которые ты любишь — это уже более глубокие откровения. На будущее тебе.

И он уходит. А я так и осталась стоять посреди коридора с рюкзаком на плече и смотреть ему в след. В венах снова вскипала кровь. Я чувствовала, что злюсь, но и волнения здесь было не меньше. Нет, он мне не может нравиться. А даже если и тянет к нему, то это лишь из-за того, что он столько обо мне знает. Он меня бесит. Ненавижу Майки за его слова.

На следующий день на физкультуре у нас был водный волейбол. Урок был совместный: наш класс и класс, в котором учится Гарри. Я видела, как он смотрел на меня, раздевая глазами. Никто меня не жалуется, но это лишь пока. Мы сумеем все доказать, мы сможем. Лондон была занята тем, что мы организуем завтра вечером, потому она не пришла в школу.

Вообще, я боюсь воды. Точнее не совсем воды, а глубины, потому что не умею плавать. Поэтому я стояла в бассейне у бортика и не сдвигалась ни на шаг. Когда урок близился к концу и нас отправили в душ и переодеваться, я ждала, пока душевая не опустеет, а за ней и раздевалка. Я опасалась всего и вся, потому что понимаю — любая из девушек может легко меня подставить или сделать какую-нибудь гадость. Оставшись одна, я приняла душ и надела майку, вся остальная одежда была у меня в раздевалке.

Неудачи преследуют меня на каждом шагу, как и смерть. Когда я вышла из душевой, Гарри набросился на меня и вписал в стенку, закрыв мой рот ладонью. Я брыкалась и пыталась укунить его за руку, но не вышло. Колотила его по спине руками, царапала, а Гарри мне отвечал:

— Да-а-а, давай. Так страстнее.

Он пытался снять с меня футболку, но я прижала локти к животу. Это было мне так знакомо. Еще одного раза я просто не вытерпела: слезы полились ниагарским водопадом. Несмотря на хватку Гарри я потихоньку съезжала вниз по стене, стараясь обхватив колени руками.

— Ну, не плачь, — сказал он. А затем, трясая: — Не плачь!

Но я рыдала белугой. Потому что теперь у меня ужасное отвращение в себе. Меня облапали за такое короткое время столько раз, что создается ощущение, словно я и правда продажная девка.

— Не надо, пожалуйста, не надо. Я не та, за кого вы меня принимаете, — пробурчала я сквозь поток слез.

А потом моё обмякшее тело упало на пол, скрутившись в позу эмбриона. И я осталась рыдать на полу раздевалки, на котором совершенно недавно красовалась лужа моей крови.

Весь вечер я провалялась в постели, рыдая. Я закуталась в одеяло, словно гусеница в свой кокон, и обгрызала кожу на пальцах. Родители сегодня вечером не пришли, вообще, они приходят раза три в неделю, в остальные дни работают. Кристи заходила несколько раз, но я не отвечала.

Дверь снова открылась. Закрылась. Пол закрипел под ногами у посетителя. Кристи забралась на кровать и легла рядом со мной, обнимая меня. Ей не стоит узнавать все то, что со мной творится, она будет волноваться. Сестра стискивает меня сильнее, но я не издаю ни звука. Закусываю губу, чтобы истерические вдохи-выдохи меня не выдали. Наверное, она думает, что я сплю. Не знаю, сколько она со мной пролежала, но перед тем, как уйти, она произнесла:

— Я тебя люблю.

Это было впервые после смерти Тома, потому что, когда она в последний раз произносила «Я люблю тебя», то и брата видела в последний раз. Я тоже не произносила эти три слова потому, что боялась потерять кого-нибудь после того, как скажу им это. Но, наверное, Кристи поняла, что я все равно умру. А, может быть, поняла, что людям нужно говорить то, что чувствуешь, именно сейчас, а не откладывать на потом. Потому что завтра уже может быть поздно.

Эмили, ты должна быть сильной ради своих близких. Всего один день. Потерпи всего день.

В пятницу (специально по просьбе Трента) Марк — один из самых популярных парней в школе — устраивал вечеринку. Он и Трент хорошие друзья, потому Марк так легко согласился. Дом у Марка не очень большой, две спальни — его и родителей, две гостевые комнаты, большая и просторная гостиная, столовая и ванная комната. Так как меня и Лондон не приглашали, мы быстро (вместе с Трентом) пробрались в одну из гостевых комнат и там ожидали. Нас никто не узнал — это хорошо. Ив уже была готова, потому что мы встретились с ней немного раньше. Лондон вставляет флешку в нетбук и готовится ловить сигнал от камеры.

В назначенное время Ив прибывает на вечеринку. Картинка на экране появляется сразу же, как только камера попадает в радиус трансляции. Видимо, Ив прикрепила её где-то на груди, потому что людей, находившихся рядом с ней, видно было по плечи. Трент сразу же подходит к девушке, они делают вид, что флиртуют. Лондон, конечно же, понимала, что все это — всего лишь игра, но она крепко сжимала кулаки, когда Трент заигрывал с Ив. «О как! Все-таки влюбилась», — думалось мне.

Со стороны все должно было выглядеть так, словно Трент полностью охмурил Иви, а она поддается его ласкам. И, видимо, так было, потому что Брэд сразу же оживился. Он все время стоял где-то позади Трента и наблюдал, какие же шансы у его друга. Скорее всего, он злился. Мы все видели. Теперь все стоит на записи.

Затем Брэд резко подскочил к ним и попросил Трента познакомить его с Ив. У Брэда завязался разговор с девушкой. А парень Лондон тихонько смылся. Теперь все зависит лишь от Ив.

Брюнетка делала вид, что пила, что напитки её пьянят, хотя сама выливала всё в горшок с цветком. Она смеялась и заигрывала, как могла. Нам не было видно лица Брэда, но надеюсь, что он верил. К нам в комнату заходит Трент:

— Я не смог выбить из него информацию обычным разговором, он не говорил целыми фразами о том, что собирался сделать с тобой, поэтому надеемся только на Ив.

Ив слегка прикоснулась ладонью к щеке Брэда, затем провела своей рукой по его руке. Боже, да она просто мастер обошления! Где она только этого набралась? По языку жестов парня видно было, что он поверил в то, что покорила Ив. И Брэд приступил к действиям:

— Может, уединимся где-нибудь? Поговорим? А то тут слишком шумно.

— Пошли, — ответила Ив.

Мы видели ноги и ступеньки, но ясно было, что Брэд ведет мою подругу в соседнюю комнату. А затем картинка стала смазываться. Видимо, парень начал целовать Ив. Лондон записывает видео, я настороже, чтобы в любой момент броситься ей на помощь. Не слишком четко, но было видно, как Брэд навалился на Иви.

— Нет, — произнесла она. — Давай без этого.

Но Брэд, видимо, не хотел упускать такой момент. Он еще сильнее прижимал Ив. Теперь картинка снова смазалась.

— Нет, говорю же, — шепчет Ив.

— Тише, — отвечает парень.

— Нет. Отпусти!

— Ты ничего никому не скажешь, хорошо?

Я слышала голос Брэда, но уже ничего не видела. Приказала Лондон остаться и записывать все, что будет после, а когда мы выйдем из комнаты, то она это увидит. Трент пошел со мной. Я схватила телефон-лопату Лондон и направилась к Ив. А телефон, кстати, называем так, потому что он очень большой, действительно, как лопата.

Я слышу за дверью приглушенные стоны:

— Не тронь меня!

— Ну же, тебе понравится.

Мы врываемся в комнату. Брэд рукой закрыл рот Ив, чтобы она не могла закричать, а другой пытался её раздеть. Подонок. Ему лишь бы показать своё превосходство над другими людьми, лишь бы не ударить в грязь лицом — причем, здесь речь идет совсем не о нравственных и правильных поступках. Ему главное — это не проиграть, ему нужна победа, которая обеспечит ему славу. Ему нужна популярность. Что ж, будет ему популярность.

— Трент, какого черта? — удивляется Брэд.

Но парень не отвечает, а отбрасывает Брэда куда подальше. Ив встает, я бросаю на неё взгляд: она совсем не испугалась. Девушка произносит:

— Ты хотел изнасиловать меня, да? Так же, как и Эмили? Не вышло, увы.

Я быстро делаю несколько кадров на телефон Лондон, чтобы доказательств было еще больше. И прежде чем выйти из помещения, бросаю Брэду: «Ты хотел быть главной шишкой школы? Будешь».

Лейла крутит в руках бумажный конвертик, в котором лежит диск, и улыбается.

— Мы раньше играли в одну забавную игру, где нужно было вытаскивать фанты с желаниями. Какой фант тебе выпадет, то ты и выполняешь. У Стейси, пожалуй, попался самый неприличный фант — станцевать стриптиз в душе и снять это на видео. После мы договорились удалить его, но я не удалила. Только не говорите, что это я, пожалуйста. Не хочу, чтобы они догадались.

— То есть ты имеешь в виду, что здесь, на этом диске, есть неприличное видео Стейси? — удивляется Фо. — Да черт возьми, мы разгромим её в пух и прах! Чего ж ты раньше молчала?!

— Уже все равно, идемте разыскивать наших модниц, — говорю я.

Когда мы находим Стейси, — без Лейлы, конечно — то я представляю вниманию девушки видеозапись, которую нам любезно предоставила блондинка.

— Стейси, или ты немедленно забираешь документы и валишь из этой школы вместе со своей лучшей подругой, или мы публикуем эту запись на ютубе, а еще лучше на школьном сайте, где постоянно спам-рассылка происходит! — восторгается Лондон.

— Чем ты мне докажешь, что видео настоящее? — кривя носом и шипя, отвечает Лоуренс.

— Прошу в библиотеку, где везде стоят компьютеры, — произношу на этот раз я.

Стейси и Феба недовольно плетутся за нами, а когда видят, что видеозапись настоящая, а не поддельная, соглашаются уйти из школы.

— Ненавижу вас, Милкович, Беннет и Уоррен.

— Это взаимно! — проговаривает Фо.

Брэду мы тоже представляем доказательство в тот же день, но он не поверил. Он сказал, что это подделка. Тогда мы пробираемся с Фелицией к секретарю и находим документы по Брэдли Уайту. Там есть номера его родителей, но нам нужен только отец. Мы пишем отцу Брэда огромную тираду, указывая все имена и рассказывая о нашем плане. И это не прошло даром.

Мистер Уайт является посередине следующего урока в школу и требует предоставить ему доказательства. Он собирает нас всех в одном кабинете, включая и Ив, которую пришлось вызывать на подмогу, и выслушивает.

— Отец, не верь им, это не правда! — оправдывался Брэд.

— Тихо, я сказал!

Мы высказываем каждый по кусочку всей истории, которая идеально сходится вместе без единой накладки. Правда, она такая. А затем еще и включаем смонтированное видео нашего плана. Лондон поясняет:

— Чтобы доказать, что Эмили не заслуживает такого обращения, мы придумали план. Трент втирается в доверие Брэда, моля, чтобы они снова стали друзьями. Ив приходит в школу, и парни спорят на то, кто первый её соблазнит и переспит. Сначала мы не хотели идти на эту меру, но так как ваш сын не признавал правду, мы решили её выудить. Марк устраивает вечеринку. Ив приходит на неё, и они с Трентом притворяются, что флиртуют. Брэд должен был посчитать, что проигрывает, и пуститься во все тяжкие — то есть попытаться изнасиловать Иви. Что и произошло.

Мистер Уайт выслушивает все спокойно, сначала он пытался доказать невиновность сына, но после видео — это стало невозможным.

— Ах, ты мерзавец! — Он залепил ему пощечину. — Хотел испортить мою репутацию, да? А свою?! Ты подумал о том, куда ты потом поступишь? Сумасшедший!

— Я нормальный, — отрицал Брэд.

— Не верю! Сегодня же пойдем к психиатру, и, если он скажет, что тебе пора в клинику, значит, так оно будет!

Отец Брэда гневался, он чуть ли не убил сына у нас на глазах. Психиатрическая клиника — это жестоко. Но так этому Уайту и надо! Когда наше «собрание» закончилось, я сияла от счастья. Я сделала это! Мы сделали!

— Эй, Ив, дай пять! — произношу.

И мы соприкасаемся ладонями, издавая громкий хлопок.

— Ты молодец, ты такая смелая! — говорит Лондон и обнимает Ив.

Я обнимаю их обеих. Но Ив резко отходит от нас и прикасается пальцами к носу. Она в миг побелела. На кончиках пальцев блестит что-то красное. До меня не сразу доходит, но затем мысль прямо-таки бьется о стенки сознания. «Кровь! Кровь! Кровь!» — кричит внутренний голос. Когда Ив поднимает голову, то кровь из её носа уже стекала к губам. Мгновение, и она потекла ручьем.

— У меня кровь течет из носа, — произносит Ив.

— Да она бьет фонтаном! — говорит Фо.

Я ничего не могу сказать. Не могу ничего сделать. Меня словно парализовало. Вновь. Это смерть. Вот она снова так близко, что у меня коленки дрожат. Кровь заливает чудесное платье Ив, пачкает её ладони, которыми она пытается остановить кровотечение, капает на пол, образуя лужу и оставляя разводы. Она хватается край кружева от рукава платья и прижимает к носу. Белая ткань сразу же буреет.

— Скорее, ей нужно в больницу! — кричит Трент и ведет Ив на выход. Он заботливый.

Я стою на месте и не могу сдвинуться. Все еще смотрю вслед Ив. Кровь стекает по её рукам и льется на пол, Ив оставляет красные пятна за собой. Это маки. Под ногами Ив расцветают маки. Фо толкает меня, и я просыпаюсь. Бегу на улицу. Ив прижимает какую-то тряпку, или салфетку, или полотенце к носу, оно тоже быстро краснеет. Девушка бледнеет на глазах. Она зажимает переносицу двумя пальцами, но кровь льется еще сильнее, Ив жадно вдыхает воздух.

— Закинь голову вверх, — говорит Лондон.

— Нет, — отвечает Ив. — Кровь залетит в горло, и я не смогу дышать.

Девушка и не замечает, что размазывает ногами лужу крови по асфальту. А я вижу. «Это не кровь, не думай об этом. Это огромное маковое поле», — убеждаю я себя.

Такси приезжает довольно быстро. Я сажусь на заднее сидение вместе с Ив и Трентом, а Лондон рядом с водителем. Фелиция осталась в школе. Стягиваю с себя серую толстовку и пытаюсь помочь Ив. Она отбрасывает пропитавшуюся кровью тряпку и берет мою кофту из рук. Я внимательно рассматриваю, как красное пятно на моей кофте увеличивается. Пытаюсь чем-то помочь Ив, но больше нечем. Мои руки и одежда теперь тоже перепачканы кровью.

— Эмили, — шепчет Ив, и её глаза закрываются.

— Не спи, не спи! — Паникую.

Ив откидывается на спинку, её глаза слипаются, но она старается их разлепить. Она потеряла слишком много крови. Ей нельзя спать. Я расталкиваю подругу, как только она пытается уснуть.

— Эмили, — снова шепчет она.

Но её слова становятся все глуше, а затем она отхаркивает сгусток крови на предыдущую тряпку. Девушка снова пытается что-то сказать, но её слова заливают кровь.

Доктора говорят что-то странное. Другие симптомы, другие термины. Лейкоз и опухоль мозга так различны.

— Придется тампонировать её нос, — произносит какой-то доктор. Он мне не знаком.

— А если не поможет? — обеспокоенно произношу.

— Значит, будет прижигать или вставлять катетер.

Я не люблю больницу. Все, что угодно, отдала бы, лишь бы не возвращаться сюда. Но сейчас другой случай. Я готова остаться здесь до того времени, пока не выпишут Ив.

— Когда было последнее переливание тромбоцитарной массы? — кто-то спрашивает.

— Я не знаю. Я не знаю. Нужны её родители. — Волнуюсь.

— Так позвоните!

Лондон все поняла и взяла сумку Ив. Трент тоже вышел из помещения. Я осталась одна на один с моей больной раком подружкой, с самим раком, с чувством приближения костлявой карги и с персоналом больницы.

Хоть я и не любила больницы, но они меня успокаивают. Здесь всё на своём месте.

Травматология. Операционная. Онкологическое отделение. Палаты, в которых лежат те, кто через некоторое время выздоровеет, а также те, у кого случилось какое-нибудь внезапное происшествие, как сегодня с Ив. Дети и подростки, которые верят, что их вылечат от рака. Взрослые и пожилые люди, которые, возможно, понимают, что они не выздоровеют, хотя, может быть, с кем-нибудь из них случится чудо. Их всех медленно и мучительно пожирает рак. А ниже, на нулевом этаже, морг.

Через три месяца мне будет семнадцать, но я ощущаю себя на все пятьдесят. Люди ведь взрослеют по-разному. Одни — медленно. А другие — в миг. Как я, например. Я внутренне повзрослела, и эта пелена нечетких, замутненных иллюзий слетела с меня. Я тоже умру. И Ив умрет. И мама с папой умрут. И сестра. И мои друзья. И все, кого я когда-либо встречала — все они когда-нибудь умрут, рано или поздно. Только я, увы, раньше их всех. Смерть ждет всех у себя на пороге.

Родители Ив приехали быстро, ей сделали прижигание, переливание и поставили баллон с кислородом на случай, если она будет задыхаться. Подруге сделали прижигание перегородки носа лазером, и теперь в палате стоит запах жженого мяса. Но мне плевать, главное, с ней все хорошо. Ив лежит, уставшая, но живая, её глаза слипаются — её клонит в сон. Я держу её за руку, она еле теплая, и слышу её сердцебиение. Не хочу, чтобы Ив умерла. Н.Е.Х.О.Ч.У.

И я словно проснулась для жизни. Либо мне растративать своё оставшееся время на школу, ненужных людей и на ненужное времяпрепровождение в кровати, либо нужно снова приниматься за список.

Часть пятая "Твоя зима"

Семнадцать

Вторая неделя ноября. Уже пошел сто двадцатый день моей жизни после того, как я узнала о своем диагнозе. Проснулась я очень рано, несмотря на то, что сегодня воскресенье.

Девять утра. За окном туман, на опавшей листве виднеются капельки росы, пасмурно. Я раскрываю настежь окно, и меня обдувает теплый ветер. Сегодня очень душно, — ощущение такое, словно небо давит на тебя — хотя буквально пару дней назад было прохладно. Это Калифорния, здесь так всегда.

Я, как ребенок, запрыгиваю под кровать и тыкаю пальцем наугад на исписанный кусочек стены. Вычеркиваю его фломастером. А затем пишу Лондон сообщение: "ВЕСЬ ДЕНЬ ДЕЛАТЬ ТО, НА ЧТО Я НИКОГДА БЫ НЕ СОГЛАСИЛАСЬ РАНЬШЕ".

Мы договорились встретиться с ней в торговом центре, находящемся в центре города. У Лондон должно быть полно идей, как разнообразить сегодняшний день. Из-за недавних происшествий мои ноги покрыты синяками, потому мне пришлось натянуть черно-фиолетовые колготки. Я надеваю шорты, футболку и джинсовую курточку сверху, ныряю в свои любимые темно-зеленые кеды и бегу вниз по лестнице.

— Доброе утро, ты куда? — интересуется сестра.

— Точно сказать не могу, потому что не знаю этого, но я буду с Лондон, — отвечаю.

— И опять пропадешь на сутки? Мне нравится, что Лорен нашла способы тебя растормошить, но это слишком, Эмили.

— Кристи, знаю, ты обо мне волнуешься, но не это сейчас мне нужно. Все бессмысленные занятия, которыми я раньше забивала время, всё время, проведенное в депрессии, все мои волнения — все это позади. Они лишь крадут моё время. Прости, — бросаю я и выбегаю из дома.

Люди в метро такие забавные: они делают вид, что никого и ничего не слышат, что они холодны и эгоистичны, что им наплевать на всех, но сами-то в душе, скорее всего, настоящие добряки. Вот, например, парень, сидящий впереди меня. Девушки у него явно нет, потому что он не получил ни одного сообщения, которые заставили бы его улыбнуться, за те двадцать минут, которые мы едем. Он смотрит в окно, слушает музыку и иногда поглядывает на меня, ведь я не свожу с него глаз. Мне очень нравится наблюдать за людьми и за их реакциями. Парень — не красавчик, но симпатичный. Можно предположить, что он не вписывается в иерархию школы, как и я. Возможно, он смешной. Возможно, он душа компании и заводила. Возможно, он строит из себя мачо, надеясь добиться внимания той, кто его интересует, но она не такая, как все, и потому ему сложно найти к ней подход. Но я вижу в его сумке, валявшейся у парня в ногах, книгу Рея Брэдбери. Это говорит о том, что внутри этот парень вовсе не такой, каким хочет казаться.

Наверное, если бы люди узнали о моей болезни, меня бы все опасались. Они бы считали меня заразной, обходили бы стороной, потому что боялись бы заболеть тоже. Люди так глупы. Они не смогли бы понять, что моя болезнь — это вовсе не инфекция, а она появляется на клеточном уровне в результате мутаций. Но к чему им все это понимать? Зачем связывать жизнь с тем человеком, за которым в очень скором времени придет смерть? Я просто уверена, что люди так и думали бы.

Когда я прибыла в назначенное место, Лондон уже была там.

— И что это значит? — спрашивает.

— Сегодня я хотела бы сделать то, что не сделала бы в нормальном, трезвом состоянии, — поясню я.

— Например?

— Ну-у-у-у, — протянула я, — я бы никогда не пошла с тобой по магазинам, потому что знаю, какую ты одежду будешь заставлять меня покупать.

— Ты хочешь пошопиться? — Лондон сияет. — Я, как чувствовала, взяла с собой карту!

— Нужно же было это когда-нибудь попробовать. — Я улыбаюсь подруге, а она тянет меня за собой в свой любимый магазинчик.

«All Saints» — магазин для богачей — известен тем, что там торгуют фальшивым винтажем. Я бы никогда не стала тратить столько денег на вещи, продаваемые в этом магазине, когда настоящий винтаж можно купить в «Beyond Retro», или в «Fairy Goth Mother», или же в каком-нибудь хорошем секонд-хенде.

Лондон тянет меня куда-то в сторону пальтишек, она начинает доставать с вешалок различные куртки и пальто, прикидывать на себя, подавать мне. У меня глаза на лоб лезут, когда я вижу цены этих вещей на этикетках. А Лондон такая радостная. Вместе по магазинам мы ходили только один раз — года два назад, может быть, даже три. И после того дня я поклялась, что никогда не буду покупать вещи вместе с Лондон. Она редко когда слушает то, какие вещи мне нравятся, говоря, что я не умею одеваться — хотя, возможно, так и есть. Потому она постоянно заставляет меня надевать то, что нравится ей, но, естественно, я её не слушаюсь.

— Черт возьми, Эмили, если ты собралась со мной по магазинам, ты должна что-нибудь да купить! — негодует подруга.

— Да-да, но мне ничего тут не нравится, прости.

— Ладно, тебе не нравится, что я тебе предлагаю. Найди то, что будет тебе по душе!

Я пожимаю плечами и отправляюсь в плавание между стойками с вещами. После долгого хождения я наконец-то выуживаю то, что мне определенно могло бы понравиться. О да! Теплое и пушистое пальто горчичного цвета и в темных пятнах, от чего создается ощущение, словно оно сделано из кожи леопарда. Само пальтишко не очень длинное, — как, например, моё любимое, в котором я хожу всегда, когда холодно — но попу прикрывает, а это уже хорошо.

— Блин, Эмили, — вздыхает Лондон, — что я говорила по поводу твоего вкуса?

— Мне нравится, а значит, я выполнила твоё повеление, — гордо произношу, а затем мой взгляд падает на цену этого пальто. — Ох, ёмаё. У меня нет столько денег.

Лондон подходит ближе, берет в руки этикеточку, а затем откидывает её, произнося:

— Тысяча долларов? Пустяки! Я заплачу.

— Мне неудобно как-то. Я буду по гроб жизни тебе обязана.

Лондон берет моё лицо в ладони, тербит щечки и говорит:

— Я заплачу. Я за все заплачу. Нужно же хоть как-то скрасить наше с тобой существование. Главное — исполняй мечты вопреки тому, что о тебе подумают, сколько твои желания будут стоить и сколько усилий придется приложить.

— Когда ты успела поумнеть? — Я смеюсь. Лондон подхватывает мой смех, и мы идем к кассе, чтобы заплатить за наши покупки.

Когда мы шли вдоль множества магазинчиков, мой взгляд просто не мог упасть на два из них: «Beyond Retro» — магазин винтажной одежды, причем не очень дорогой, и магазин виниловых пластинок. Что поделать, уж очень я схожу с ума по винтажу. А пластинки — моя страсть. Раньше у меня был переносной граммофон, но папа его разбил в одном из частых приступов в то время.

Как бы ужасно мне не хотелось в эти два магазина, они в расписание Лондон явно не входили, потому что следующим пунктом остановки было «Alice and Olivia». Подруга определенно перебарщивает: эта фирма, конечно, известна по всему миру, её коллекции не слезают со страниц «Vogue» уже несколько лет и считаются самыми лучшими для девушек. Лондон еще могла бы попасть в этот журнал, но я не она — мне это ненужно, а уж тем более не нужны сверхмодные вещи, про которые подруга частенько раньше тараторила. И если бы кто-нибудь спросил меня: «Эй, а откуда ты столько всего знаешь про известные фирмы и модные магазины», то можно смело знакомить этих личностей с моей подругой. Они-то точно найдут общий язык!

Если честно, я бы с удовольствием стерла себе память и выкинула из головы эту ненужную мне информацию о моде, которую Лондон заложила мне в разум. Было бы легче. Меньше знаешь — крепче спишь, да?

Лондон металась между сотнями платьев, висящих на стойках. Затем металась между несколькими, но и они ей не нравились, пока глаз подруги не упал на платье цвета звезды — серебряное и переливающееся, украшенное блестками цвета металла. Оно было облегающим, на бретельках, чуть ниже колен. Лорен издала восхищенный вздох, а затем приложила на меня, чтобы посмотреть, как оно будет смотреться.

— В этом ты будешь праздновать моё восемнадцатилетие, — говорит она.

Боже! Ведь у Лондон в начале января день рождения, а у меня в конце. Как я могла забыть?

— Нет... Это слишком идеально для меня. Ты же знаешь, Лори. — Я сказала «Лори», и подруга бросила на меня яростный взгляд. Как она ненавидит, когда её так называют, хотя взрослых еще терпит — они ведь не могут понять, почему она решила сменить имя.

— Это будет моё восемнадцатилетие. Пожалуйста, угоди мне.

Не люблю, когда она вот так жалостно смотрит на меня. И этот взгляд вовсе не значит «Это моё день рождения, а я хочу, чтобы на нем все было идеально, пожалуйста, не обижай меня». Он значит «Это последнее моё день рождения, которое я проведу с тобой. Мне тебя жаль, Эмили».

— Хорошо. — Выдыхаю. И Лондон снова сияет.

Теперь я Лондон должна две тысячи баксов, хоть она и уверяет меня, что это подарок, я смириться с самим фактом, что кто-то потратил на меня столько денег, не могу. Затем я долго-долго уговаривала её пойти туда, куда я хочу, и это увенчалось успехом!

Я просто купалась в море винтажных теплых-прегретых свитеров, рубашек и платьев. Честное слово, никогда не испытывала такого блаженства, потому я наконец-то смогла купить то, что хочу. А затем мой взгляд упал на платья. Те самые, которые любит носить Ив. Они просто шикарны: длинные, в пол, с рядом рюш на юбке, рукавах и воротничке. И все эти воздушные тесьмы не нагромождают платья, а, наоборот, добавляют некого шарма. Я словно возвращаюсь в сороковые-пятидесятые годы прошлого столетия. Всего лишь на пятьсот долларов — Лондон крайне щедра — я купила два чудесных платья, пару свитеров, белоснежную рубашку с рядом оборок на груди и черные узорчатые оксфорды.

После мы зашли в музыкальный магазин, и я купила парочку виниловых пластинок Дэвида Боуи, надеясь, что в скором времени смогу собрать деньги на граммофон.

Мимо нас снова пролетали магазинчики, когда мы быстро двинулись дальше по улице. Куда ведет меня Лондон, мне было не понять. Мы остановились на углу, ожидая, пока включится зеленый свет на светофоре, как внезапно к нам подбежала какая-то девушка. Видимо, она была знакома с Лондон.

— Вы слышали новость? — произнесла девушка.

— Ты о чем? — вопросом на вопрос ответила я.

— О Брэдли Уайте!

Ах да, Брэд... После больницы Лондон все-таки выложила наше видео в интернет, потому что никаким другим способом нельзя было очистить моё имя. В комментариях ссыпалось множество «Вот подлец! Таких уродов еще поискать нужно!». А затем мне в личные сообщения лились сотни писем с сожалением и извинениями от учащихся нашей школы. Мне было обидно, очень обидно, даже несмотря на то, что они просили прощения. Не нужно вестись на поводу у стадного инстинкта общества. Я ничего не отвечала на письма, только на немногие, которые действительно казались мне искренними.

А Стейси и Феба, правда, покинули школу! Конечно, видео Стейси, где она подтаятая и почти что голая извивалась в душевой кабинке, а её единственной одеждой был небольшой поясик, еле-еле прикрывающий её задницу, разошлось бы по ютубу в мгновение ока. Но мы — не они. Мы не нарушаем договоров.

— Нет, не слышали, — говорит Лондон.

— Он в коме!

— В смысле?! — в один голос говорим мы с подругой.

— В самом что ни есть прямом, — тараторит девушка.

Я замечаю краем глаза, что мы пропустили момент, когда был зеленый свет. Но ладно. Походу, сейчас мы не собираемся переходить на ту сторону улицы.

— Его отец отправил его все-таки в клинику лечиться, потому что тест на психическое здоровье Брэда показал что-то неладное. Но Брэд сбежал из под его опеки, но убежать далеко он не успел, потому что его сбила машина, и теперь он в коме. Врачи не уверены, что он очнется, но если и очнется, то у него мозги набекрень будут!

— Афигеть! — вырвалось у Лондон.

Что здесь можно сказать? Судьба — коварная женщина. То она слишком много тебе позволяет, то отнимает самое дорогое, что у тебя есть. Но одно остается неизменным: сделал зло — оно к тебе и вернется когда-нибудь. Я причинила вред живому существу — сама себе, и получила по заслугам. Хотела умереть — умру. Хотя так не со всеми, некоторым все с рук сходит, и в этом вся соль.

Девушка нас покидает, а мы с Лондон так и остались стоять на тротуаре у перехода. Мы пропустили уже два раза зеленый свет, и сейчас будет третий раз.

— Что ж, он получил то, что заслуживает, — поясняет подруга, и я киваю.

Затем она окидывает взглядом все вокруг, берет меня за руку и смотрит на меня, сияя. Я знаю этот жест, она что-то придумала.

— Что? — спрашиваю я.

— Это гениальная идея!

— Не тяни кота за хвост.

— Ты же любишь свои волосы, да? — спрашивает она. Я киваю. — Я знаю, что тебе очень нравятся твои волосы и что ты ни за что на свете не сделала бы с ними что-нибудь.

— Только не говори, что... — Я не успеваю закончить, как Лондон меня прерывает:

— В парикмахерскую!

Лондон хватается меня за руку и несется в неизвестном направлении. Она явно хотела, чтобы нас обслужили лучшие профессионалы и, конечно же, проверенные.

— Хай, Рой! Хай, Джиа! — приветствует Лондон своих знакомых.

Рой подбегает первым. Он высокий парень с немного рыжими волосами, которые были уложены на бок. Шея укутана радужным шарфом, коричневый пиджачок и обтягивающие джинсы — да он гей. Причем гей с большой буквы «Г», потому что некоторые люди нетрадиционной ориентации совсем не выглядят ненормальными, и их наряды не бросаются в глаза, крича об их ориентации. Но тут прямо-таки сразу видно!

— Чао, дорогуша, — произносит Рой и чмокает в щеку подругу. — Пришла изменить имидж?

— Не себе, — отвечает Лондон и кивает в мою сторону.

Рой смотрит на меня оценивающим взглядом, поднимая брови вверх, а затем подходит ко мне и начинает говорить:

— Что с твоим лицом? Почему синяки под глазами не скрываешь тональным кремом! А эти мешки... Ты что, совсем не высыпaeшьсeя?

Я уже успела пожалеть, что вообще согласилась на эту очередную авантюру Лондон.

— Это мой фетиш, — выплевываю слова Рою в лицо, словно желчь.

— Рой, оставь в покое девочку, может быть, ей так нравится, — произносит девушка лет двадцати шести и подходит к Лондон. Они обнимаются.

— Привет, Джиа, рада тебя видеть.

— И я тебя, Лондон.

А в это время Рой поправляет капюшон моей толстовки, тихонько говоря мне:

— Ну, ничего, сейчас мы из тебя красотку сделаем. Все вокруг будут тебя завидовать.

Меня распирает от смеха. Ощущение, словно я говорю со своей бабушкой. Когда ты уходишь от неё, она всегда поправляет твою одежду, чтобы все было аккуратно, и говорит, что ты самая «бьютифул» девушка на земле.

И тут мне стало немного грустно. Как жаль, что бабушка Сара умерла. Дедушку своего я не знала — он умер еще до того, как я родилась. Но я и не печалилась этому, потому что не была с ним знакома и не могла понять, что он за человек. Хотя по рассказам Тома, он был замечательным.

Я стояла в стороне, пока Лондон, Джиа и Рой просматривали палитру цветов. Они хотели меня перекрасить. Мне не было страшно, как ни странно, ведь я всегда с трепетом относилась к своим волосам. Мне очень нравился их цвет. Летом они никогда не выгорали, а зимой не тускнели. Магия.

Эти трое никак не могли определиться с цветом: один говорил одно, второй другое, третий — третье. Затем Лондон не выдерживает и спрашивает у меня:

— Что ты любишь?

— В каком смысле? — переспрашиваю.

— В прямом. Первое, что тебе приходит в голову, когда я спрашиваю о том, что тебе нравится.

Я, недолго думая, произношу первое, что пришло мне на ум:

— Ну, не знаю. Зима.

— Зима? — спрашивает Рой.

— Снег, — поясняет Джиа.

У них какая-то особая, своя волна, на которую я никак не могу попасть, и потому не могу понять ход их мыслей. Лондон присаживается на диванчик, ожидая начало процесса. Я сажусь на вращающееся кресло, Джиа надевает на меня накидку, а Рой приносит разнообразные бутылочки, кисточки, расчески. Я пытаюсь разглядеть, что на этикетках краски, но не выходит, а затем меня и вовсе разворачивают от зеркала. Теперь осталось лишь ждать конца процессии.

— Что это тут у тебя? — интересуется парень, когда видит, что волосы у меня не одинаковой длины. А затем нащупывает тоненькую белую полоску кожи, на которой так и не начали расти волосы.

— Это шрам, — объясняю я. — Я головой ударялась.

— И висок выбривала, да? — Он ухмыляется.

Оставляю риторический вопрос парня без ответа. И так все ясно. Три четвертых волос на моей голове уже намного ниже плеч, челку я спокойно заправляю за уши — настолько она выросла. А вот оставшаяся одна часть еле-еле доходит до шеи.

На самом деле, мне даже понравилось, как Рой красит мне волосы. Смесь немного щипала голову, и постоянно хотелось почесать её там, где чесотка проявляла себя наиболее сильно, но нельзя было. Рой начал красить волосы, конечно же, от корней. Кисточка так приятно массажировала голову. Я, наверное, так бы и уснула, если парень меня не дернул, сказав, что теперь нужно посидеть сорок минут со смесью на голове.

Меня цвет своих волос, я наивно полагаю, что смогу поменять и свою жизнь.

— Скажи, это будет сильно ужасно? — спрашиваю я Лондон.

— Думаю, тебе понравится. — Она коварно улыбается.

По истечению времени Рой повел меня к раковине. Пока я сидела, закинув голову, шея у меня изрядно затекла, я даже начала жаловаться об этом парню. Но он все смешивал какие-то бальзамы и проявители и наносил все это мне на голову. Затем начал сушить мне волосы и делать укладку.

— У нас еще и визажист есть, не хочешь пригласить его? — интересуется парень.

— Нет, спасибо. Я хочу пожить со своими недостатками.

Единственное, что я понимала, так это то, что Рой накручивает плойкой мне волосы в локоны. Краем глаза я пыталась уловить то, как же выглядят теперь мои волосы, но парень меня одергивал и говорил, чтобы я сидела ровно. Мне было просто до жути интересно.

Затем мы вернулись к Лондон, а та восхищенно вздыхала. Ей очень нравилось моя новая прическа, но и подруга не оставила меня без сюрпризов. Оказывается, пока мне красили волосы, ей делали завивку, и теперь у подруги кучерявые волосы. Я потрогала их. Нет, это не мираж, волосы Лондон действительно мелкими завитками ложились на плечи.

— Ты такая красивая, — произношу я.

— Ты красивее, — парирует Лондон.

А затем Рой разворачивает меня к зеркалу. В зеркале стоит девушка с персиковым цветом лица и голубыми глазами, её волосы кажутся длинными, хотя из-за локонов должно быть наоборот. Она похожа на настоящую героиню мультфильмов, даже несмотря на все недостатки в её внешности, они её только украшают. Я моргаю, но изображение в зеркале не меняется, это, правда, я. Волосы крупными локонами спадают на плечи, при комнатном свете они кажутся чуть желтоватыми, но как только я поворачиваю голову в другую сторону, они начинают отливать платиной. У меня белые волосы. Чисто белые волосы. Я зима!

— Я как зима! — восклицаю я.

Черт возьми, как мне это нравится! Я просто невероятно рада. А затем я бросаюсь к Рою и говорю ему спасибо, огромное спасибо!

— Теперь ты похожа на первую снежинку, — говорит Джиа, и я тоже бросаюсь к ней в объятия. Я всех сегодня обожаю.

Лондон еще немного шепчется с парикмахерами, а затем подходит ко мне и говорит, что они покинули еще идеи на сегодняшний день. Мы выходим на улицу, все вокруг шепчутся и оглядываются, когда я прохожу мимо. Одна девочка даже проговорила своей маме: «Мама, мама, смотри, это королева Эльза». Я не могла не улыбнуться этому. Я снег, зима, я словно снежная королева. И когда мы подходили к следующему салону, я и подумать не могла о таком. В помещении на стенах развешаны множество фотографий клиентов, а также все возможные эскизы и модернизации тела.

— Здравствуйте, — говорит мужчина, у которого все тело расписано. Он даже не удивляется, глядя на мои волосы. — Вы пришли за татуировкой? Или хотите пирсинг? Так же мы занимаемся различным самовыражением: делаем ушки, как у кошечки, вставляем микродермалы в ключицы, можно на спине сделать корсет из лент и креплений, вставляемых в кожу.

— А можно мы осмотримся? — спрашивает Лондон. — Мы еще не решили, что именно.

— Конечно.

Я начинаю просматривать фотографии клиентов, развешанных на стене. Девушки и парни с различными цветами волос, с прическами, с различными татуировками и пирсингами. У кого-то растяжки в ушах, у кого-то обыкновенные плагги. Мой взгляд падает на девушку с непонятной точкой во лбу. Он такая красивая. Волосы серебряные, с голубыми прядями, глаза просто нереально огромные, нос небольшой и аккуратный, а губы пухлые. Между носом и губой и под губой у неё тоже есть пирсинг.

Мне сразу на ум приходят герои старого мультфильма «Сейлор Мун», и я просто загораюсь этой идеей. Мне бы очень хотелось у себя во лбу полумесяц, но я не решаюсь это признать.

Затем перехожу на следующую стенку, где висят эскизы татуировок. Среди всех непонятных роз, оленей, треугольников и надписей, я нахожу два рисунка, которые притягивают мой взгляд. Первый — это паук, у которого лапки остроконечные, а попка представляется прекрасным распускающимся бутонем розы. А второй — это космос. Все планеты всей нашей солнечной системы идут по возрастанию: от солнца до плутония, хотя последнюю давно уже не считают планетой. Останавливаю свой выбор на пауке.

— Я хочу сделать такую татуировку, — говорю мужчине, — только на руке. Вот тут. — Показываю на тыльную сторону ладони. Там её будут видеть все.

— Отличный выбор! А вы у нас совершеннолетние, дамы?

— Конечно, — отвечает подруга и хлопает глазами.

— Что ж, ладно, поверю вам на слово.

Было очень больно, словно кожу раздирают на части, хотя мне и вкололи обезболивающее. Это пояснялось тем, что у меня низкий болевой порог. Меня немного раздражало жужжание машинки. Когда рисунок был готов, примерно, на половину, рука начала сильно кровоточить, но мастер не обращал на это внимания. Он сказал, что нужно закончить, а затем обработает руку. Постепенно на моей руке распускалась роза, а паук начинал протягивать свои лапки к костяшкам моих пальцев. Татуировка была просто прекрасной.

Мастер сказал, какую мазь нужно купить, чтобы тату быстрее заживало. В среднем этот процесс будет длиться от одной до двух недель. Когда корочка слезет, а за ней и небольшая пленка — значит все, рука зажила, татуировка стала окончательно частью твоего тела, и можно больше не мазать её. Если, конечно, она заживет до того времени.

Теперь я зима с пауком и розой на ладони.

Чтобы закончить мой образ мне не хватало красивых глаз. Лондон додумалась быстрее меня. Зайдя в оптику, мы купили три пары линз: первая — голубые (чтобы лучше выразить оттенок моих глаз), вторая — карие (просто для образа), третья — линзы с белой радужкой (чтобы быть необычной). С последней парой линз я вполне могла походить на ПЖЧ*.

— Что еще можно сделать? — спрашивает Лондон.

Я пожимаю плечами и прокручиваю в голове свой список. У меня есть два варианта, но нужно выбрать что-то одно, а следующее сделать в другой раз. И я останавливаюсь на самом легком.

— Хочу напиться, — произношу.

— Портвейн? Виски? Кола? — шутил Лондон.

— Я хочу напиться так, чтобы на утро я ничего не помнила. А если даже и запомню, чтобы меня мучило и хотелось выпить всю упаковку анальгина. Чтобы меня мучило жуткое похмелье.

— Ты хоть знаешь, о чем говоришь? — удивляется подруга.

— В том-то и дело, что нет. Я не знаю, какого это. Только слышана.

— Ну ладно, — отвечает она.

Я никогда не напивалась. Конечно, пить по чуть-чуть — это одно, а пить так, чтобы до беспамятства — это другое. Хотя вообще, мне не нравится алкоголь, не нравится его вкус. Он противный, и нос от него невольно морщится, даже если это вино, дорогущее, вкусное и уже двадцати лет выдержки.

Раньше я не понимала, зачем люди пьют алкоголь и зачем напиваются вдребезги. Но теперь понимаю. Его пьют вовсе не ради вкуса, наслаждения и еще чего-нибудь подобного, — хотя это тоже играет немало важную роль — люди напиваются, чтобы забыть свою боль. Притупить её пьянящим игривым вином или обжигающим горло коньяком. Чтобы дать волю чувствам, а не прятать их где-то в глубине души. Поэтому то, что люди говорят и что делают в легком пьяном состоянии — частенько бывает правдой.

Но это не относится к моему отцу. Он пил по-черному. И его состояние вовсе нельзя было назвать «легким» опьянением, это был уже конкретный годовой запой. И тогда он был просто конкретным мерзавцем. Алкоголь его уже разрушал и уничтожал его душу.

Домой я забежала ненадолго, лишь бы переодеться и снова уйти. На часах пятый час. Мы весь день провели с Лондон в торговом центре. Дом, кстати, был пустой. Кристи, вероятно, на подработке, мама с папой тоже на работе. Одна я свободна. У них у всех есть цель в жизни, а у меня её нет. Единственный мой стимул — это мои желания. Я хочу побыть настоящим подростком, который делает ошибки, наступает по сотне раз на свои грабли, напивается в первый раз и в первый раз накуривается, переживает из-за несчастной любви, сбегает из дома, интересуется чем-то своим, тем, что не будет понятно другим окружающим. И это «что-то» будет твоей сутью, доказывающее, что ты индивидуален.

Но я мыслю слишком серьезно, чтобы быть как все подростки, хоть и стараюсь походить на них. Я слишком грустная. Для таких, как я, возможно, есть отдельный уголок.

Напиться — вот моё желание. Да, пусть часть того, что есть в моем списке, не так наивно и невинно, как у моих сверстников, но я просто обязана все это успеть сделать.

На мне свитер, джинсы и сандалии, сверху утепленная курточка. На улице становится все холоднее, но мы с Лондон не очень тепло оделись — на ней какое-то короткое платье. Незнакомый дом, куда мы сейчас направляемся, манил светом, льющим из окон. Хоть и окна были завешаны занавесками, можно было разглядеть различные тени людей, скользящих по комнате из стороны в сторону. Мы постучались в дверь.

— Лорен Уоррен, которая Лондон, да? — спросил парень в странной шапочке, выглянув из-за двери.

— Не называй меня по имени, — грубо ответила она. — Да, это я.

И нас пригласили войти.

Это была вечеринка. Людей здесь не особо много было, но из-за маленьких размеров комнат казалось, что здесь находится целая толпа. Воздух здесь спирал легкие, потому что он пропах дымом от косяков. Большинство сидело на полу, они передавали косяк из рук в руки по кругу. Чем-то они мне напомнили времена «детей цветов». Лондон толкала меня идти дальше, и вскоре мы сидели возле дивана с банками «Милуоки».

Не люблю пиво, оно пробуждает во мне неприятные воспоминания. Даже после двух баночек я все еще мыслила относительно трезво. Это все объясняется биологической переносимостью: кто-то пьянеет сразу же, сделав даже пару глотков, а кому-то и литры всё нипочём. Поэтому после Лондон принесла стакан коньяка, который, на самом деле, оказался паленой водкой. Сделав всего глоток, у меня в горле все невыносимо зашипало и зажгло, я начала кашлять. Подруга заставила меня съесть половинку огурца, чтобы унять боль, что, кстати, помогло. С горем пополам я допила этот стакан и теперь-то была окончательно пьяна. Мы танцевали, с нами танцевали. Кто-то курил, кто-то смеялся. Все были относительно счастливы.

Не помню, как я добралась до дома, помню лишь наши холодные объятия с унитазом. Помню, как я успела поссориться с сестрой, а затем поползла в ванную. Я так и уснула на коврике рядом с унитазом, пока вновь не проснулась посреди ночи, чтобы прочистить желудок. Затем я кое-как добралась до кровати, и, не раздеваясь, так и легла в постель.

Что ж, Эмили, твоя первая ошибка и твои первые ощущения после выпивки. Все, как ты хотела. Можно еще два пункта вычеркнуть из списка. Осталось лишь вспомнить, что я наговорила сестре, когда вернулась, и извиниться. Большинство подростков так напиваются, я хочу быть таким подростком, не заботясь о том, что скоро умру. Но сейчас я не могу об этом думать, потому что мой мозг отключается, а глаза потихоньку смыкаются. Я засыпаю.

Комментарий к главе:

**ПЖЧ — термин, используемый в сериале «Во плоти», означает принадлежность к людям, страдающим синдромом частичной смерти, т.е. частично зомби.*

Восемнадцать

Все-таки проснуться на утро с головной болью, высохшим горлом и больными мышцами (видно, из-за того, что я поспала на неудобном коврике в ванной комнате) мне явно не хотелось. Говоря о похмелье, я и не думала, что будет так плохо. Отекшее лицо, засаленные и сбившиеся в ком волосы, ужасный запах изо рта — вот последствия опьянения. Я приняла ванну, думая, что расслаблюсь в горячей воде и приду в себя. Жадно глотала воду из крана, чтобы хоть как-то смочить горло, но все это не помогало. Интересно, так и должно быть?

Непривычно видеть в зеркале своё отражение, свои белые волосы. Даже с таким ужасным видом светлый цвет волос приносил какую-то свежесть моему лицу, я выглядела не так уж и плохо. Рука побаливала, но несильно. Я нанесла толстым слоем крем, который купила еще в аптеке вчера с Лондон.

Я была очень удивлена, когда увидела, что родители уже с самого утра у нас дома. А затем поняла, что проспала весь день, и сейчас уже три часа дня. Кристи меня игнорировала.

— Привет, — говорю я, зайдя на кухню. Родители поздоровались.

Я бросилась к чайнику и начала пить воду прямо из его носика. Затем достала из морозилки мороженный горох и приложила ко лбу. Боже, как же у меня болит голова.

— Доброе утро, Кристи, — произношу.

Но она не отвечает. Греет ладони о кружку с горячим чаем и даже не смотрит на меня. Что же я такого ей наговорила?

— Плохо выглядишь. — Я заметила, что у сестры синяки под глазами, и они выражены намного сильнее, чем у меня.

— Конечно, ждала тебя до четырех утра, — говорит она и сверлит меня грозным взглядом.

Затем сестра берет кружку и уходит в гостиную к телевизору. Она садится и обкладывается подушками со всех сторон, включает «Топ-моделей». Родители смотрят на нас, недоумевая.

— Прости меня, я действительно не помню, что тебе говорила, — кричу из кухни.

Но мне ничего не ответили. Затем папа пошел к сестре, чтобы поговорить. Они шептались, обсуждали все, но я ничего не слышала. Я пила чай с печеньями вместе с мамой. Мама рассматривала меня с интересом, она взяла несколько прядей и, намотав между пальцами, смотрела на мой новый цвет волос. Затем она взяла в свои ладони мою руку и осторожно, не касаясь татуировки, словно боясь причинить мне боль, рассматривала рисунок.

В такие моменты я понимаю, что люблю маму. Её терпкий запах кожи, её сухие, жилистые руки и морщинки на лице, когда на нем проявляются эмоции. Её губы, которые касаются и касались моих щек, прежде чем я засыпаю. Её голос, который до сих пор эхом отдается у меня в мыслях, потому что я помню её прекрасный голос, ведь она так часто пела мне колыбельные в детстве. Она пела нам троем. Но моё сердце разбивается на тысячи осколков, когда я вспоминаю о том, как мои родители обращались со мной на протяжении такого большого времени, и я не могу поверить, что моя мама — прекрасная, мягкая и любящая — была той самой женщиной, которая плевать хотела на меня.

Папа приходит, садится рядом на стул и просит маму покинуть кухню, закрыв за собой дверь. У него со мной серьезный разговор.

— Только не нужно лишних слов, пап. У меня и так голова болит, — говорю я.

— Как ты можешь после всего, что сделала для тебя сестра, так к ней относиться? Мы еще могли простить все это: твою татуировку, твои волосы, твои ночные прогулки и то, что ты пропадаешь на несколько дней, никого не предупредив, но это просто край. Я запрещаю тебе общаться с Лорен и вообще с кем-либо, они все на тебя плохо влияют.

— Ты не можешь. — Качаю головой.

Каждое его слово меня только раздражает. Я не могу, начав делать что-то существенное, опустить руки! Я скоро умру, и это не дает мне покоя. Он не может запрещать мне что-то, я буду делать, что хочу. В конечном счете, умрет не он, а я.

— Я могу всё. Я все еще твой отец.

— Ненадолго, — произношу.

Я встаю со стула и ставлю кружку в раковину, она глухо ударяется об неё, и я, не оборачиваясь, быстрым шагом иду в свою комнату. Мельком я вижу, как папа, облокотившись об стол, сидит, закрывая лицо руками. Но мне все равно. Я не хочу вечно сидеть дома с родителями, когда у меня еще есть время, и выслушивать то, как они перебирают различные способы лечения, диеты, которые могли бы мне помочь. Они на мне заиклились и не понимают, что меня не вылечить. Они не могут смириться. Да и как они могут это сделать? Они ведь мои родители. Они любят меня, как бы глупо это не звучало на фоне всех произошедших событий.

Я надеваю мягкий и пушистый шерстяной свитер белого цвета с голубым принтом, который купила вчера с Лондон, джинсы и черные балетки. Мне нужно поговорить с кем-нибудь, с тем, кто сможет понять меня и моё положение в целом.

— Ты куда? — спрашивает меня отец, когда я спускалась по лестнице.

Я сняла с вешалки своё длинное пальто, укутала шею шарфом и ответила отцу:

— Стриптиз танцевать.

— Что? — удивился папа.

— Что? — переспросила я.

— Я спрашиваю, куда ты идешь?

Уже находясь в дверном проеме, я говорю:

— Отрываться. И по полной. — И после закрываю дверь, на ходу застегивая пуговицы своего пальто, больше похожие на леденцы.

Я стою на пороге и смотрю на неё. Девушка даже не замечает меня, она смотрит куда-то в сторону, а её веки тяжелеют и постепенно закрываются. У неё необычная красота, не для каждого, но для меня она просто прекрасна. Мне нравятся её тонкие губы и небольшие глаза, которые так неуместны на её лице с пухлыми щеками, но которые делают её необычной. Думая о чем-то, она морщит лоб, а смеясь — нос. Немного потянувшись на кровати, девушка натягивает до самого подбородка одеяло, устало зевает и, развернувшись на бок, ищет пульт от телевизора.

— Тук-тук, — произношу и стучу кулачком о дверной косяк. Раздается глухой, полый звук.

Девушка протирает глаза от удивления, она не ожидала меня здесь увидеть, ведь я не должна была знать, где она живет. Затем она широко раскрывает глаза и улыбается той самой улыбкой, которую я люблю. Она снова сияет, как звезда.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Ив.

— Пришла к тебе отрываться. — Я улыбаюсь ей в ответ. — Ты как?

— Отрываться? Со мной? — Легонько ухмыляется. — Все хорошо. — Кивает. — Немного слабость осталась. Ты бы видела, сколько в меня влили крови после субботы.

Ив говорит все так, словно для неё это обычное дело. Хотя да, наверное, обычное, ведь неизвестно, сколько таких приступов она пережила за всю историю своей болезни.

Я легла рядом с ней и обняла одной рукой. Ив хотела меня укрыть, но я постоянно одергивала её, мне и так тепло, пусть лучше греется сама. Мы смотрели какую-то программу про путешествия. Сколько разных стран я бы могла посетить, будь у меня деньги и время. Но я не могу забыть, что скоро моя жизнь прервется вот так, на полуслове. Я понимаю, чего хочу и что должна сделать, потому мне чуточку легче. Ведь только признав, кто мы есть, мы сможем сделать то, что хотим.

Одним из моих желаний было путешествие за границу. Мне все равно, куда направиться, лишь бы выполнить своё желание, лишь бы увидеть новые края. Но есть одна большая загвоздка — нет денег.

— Я бы хотела отправиться за границу, — произношу я.

— Я тоже, — отвечает мне Ив.

— Жаль, что не выйдет.

Ив некоторое время не отвечала, видимо, думала, а затем она снова просияла и произнесла:

— Почему же? Думаю, у джинов это выйдет. Ведь у нас есть по одному желанию.

— Желанию? — Недоумеваю.

— У каждого, кто смертельно болен раком, есть одно желание, последнее и абсолютно любое. Джины выполняют их. Мы могли бы попросить, чтобы нам устроили поездку за границу. Но куда?

Я выпаливаю то, что первое приходит на ум:

- Глазго. Там очень красиво.
- Шотландия? — удивляется Ив.
- А почему бы и нет?

Вечером я не находила себе места, потому что Кристи куда-то пропала. Она меня оставила и ушла. Знаю, я не могу постоянно её держать при себе, у сестры должна быть и своя жизнь, но мне становится чуточку ревностно. Папа вел себя, как и всегда, словно забыл про мои слова, а мама пекла кексик с изюмом, которые я так сильно обожаю. После её руки пахли пряностями и выпечкой — не передаваемый запах. Я, когда накушалась, хитрила, расковыривая кексы, чтобы достать оттуда изюм. Кристи не было очень долго, и я еще больше волновалась, чего не скажешь о родителях. А затем почти в одиннадцать вечера нам позвонили в дверь. Я мгновенно пересекла гостиную и оказалась у двери, чтобы открыть её. Делаю глубокий вдох, и легкие наполняются воздухом. Мгновение.

На пороге стоял парень, придерживая за плечи мою сестру, которая чуть не споткнулась о порожек и не упала. Она пьяна.

- Кто вы? — спрашиваю я.
- Бармен в одном пабе, — отвечает он.

Я показываю жестом, что ему нужно довести мою сестру до дивана, и он все понимает. Кристи сразу же ложится на бок и вырубается. До того она напилась. Никогда не думала, что она может сотворить такую глупость. Ладно я — со мной уже все покончено. Но у сестры еще целая жизнь впереди, с чего бы ей напиваться.

— Откуда бармену знать, где живет его клиент? — интересуюсь я, когда провожала парня к выходу.

— Ну, я вообще-то живу во-о-о-о-н там. — Указывает пальцем куда-то в конец дороги. Он живет где-то возле речушки.

— Ясно. Можно сказать, что мы соседи.

— Отчасти. Да я еще и с твоей сестрой в одном университете учусь. — Он пожимает плечами.

— В Лос-Анджелесе? — Удивляюсь. — Что же ты тут делаешь посреди учебной недели?

Парень махает перед моим носом ключами от машины и произносит:

— Я здесь живу и подрабатываю. Каждое утро в город Ангелов и каждый вечер обратно. Мне нужны деньги.

— А разве не дешевле будет жить и учиться в одном месте? = Мне слишком сомнительным кажется этот тип.

— Мне не нашлось места в общежитие, а снимать жилище дороговато. Да и что тут ехать, всего-то два часа на общественном транспорте, а на личном еще быстрее.

Я хмыкаю. Все с ним ясно. Пожимаю плечами и протягиваю руку для рукопожатия. Парень пожимает мою ладонь в ответ. Узнаю его имя — он Джеральд. У него орехового цвета волосы, приятная внешность, да и вообще, по-моему, он очень дружелюбный. И уже идя по дороге, он крикнул мне:

— Думаю, тебе не стоит игнорировать Кристи, она старается для тебя и волнуется за тебя. Подумай и о её чувствах.

И вот снова мне говорят, что я эгоистична. Наверное, так и есть. Я вредный и никого не слушающийся подросток, я просто чудовище, которое заставляет всех плясать под свою дудку. Ну и пусть. Я просто хочу быть живой.

Прежде чем уйти в свою комнату, я еще раз смотрю на свою сестру. Мама сидит рядом с ней, телевизор включен, но очень тихо, на полу стоит тазик. Папа заваривает чай для себя и мамы. Снова вспоминаю Джеральда; чего только люди не расскажут другим, когда они пьяны. Что же еще Кристи взболтнула ему?

А ночью мне не спалось, потому я сидела на лестнице, свесив ноги между перил. Моё место было очень удачным, потому что из другой комнаты меня нельзя было ни за что разглядеть. И я слушала, о чем разговаривают родители. Они говорили о жизни и о смерти, о древней бесславной войне с раком, о лекарствах, о диетах и, конечно, о моем поведении.

— Оливия, она совершенно выбилась из рук, — вздыхал папа.

— Лип, — ласково произнесла она. Я не могла назвать своего отца вот так просто «Лип», ведь он мой отец, и он старше меня. — Мне кажется, что стоит ей позволить делать, что хочет, лишь бы это не было что-то криминальное. Посмотри на неё, она хочется задержать мгновение и остаться здесь, наслаждаясь жизнью. Но время идет, и её время кончается. Разве ты не был бунтарем, когда был подростком?

Но дальше я ничего не слышала, а выглянув, видела, как мама гладит папу по руке, а он ласково теребит её волосы. За свои двадцать с хвостиком лет своей жизни они все так же любят друг друга. Как бы я хотела, чтобы меня когда-нибудь кто-нибудь полюбил также сильно, как любят друг друга мои родители. У меня в груди все сжимается от одной только мысли, как они будут горевать по мне. И мне становится очень больно и стыдно за то, что я к ним отношусь не уважительно.

Сборы в Глазго были почти неделю. Сначала первые пару дней я никому ничего не говорила, ждала, пока они остынут и успокоятся. А затем рассказала и мне разрешили поехать. Врачи тоже дали добро на нашу поездку с Ив: ни ей, ни мне полет в самолете не мог никак повредить, только если нагнать на нас усталость.

Сколько бы раз я не пыталась начать разговор с Кристи, она меня не слушала: просто переводила тему, говорила, чтобы я забыла об этом, что это все ничего. Она была очень странной, задумчивой и рассеянной, у неё быстро менялось настроение — как и у меня — она была то грустной, то веселой. Я бы хотела пошутить по поводу «влюбилась», но, похоже, мои догадки оказались правдой, потому что в один из дней я заметила, как сестра — вся нарядная и радостная — уходит вечером из дома. Проследив за ней, я увидела, что на перекрестке её ждал Джеральд. Они поздоровались друг с другом и куда-то пошли, разговаривая.

Когда я умру, никто не останется один на один с его горем. Родители будут друг у друга, у сестры и подруги — парни. И я думаю, что это самая приятная новость за все время, даже намного приятнее, чем месть.

Компания «Фабрика Желаний» оплатила нам с Ив билеты на самолет туда и обратно, гостиницу и даже экскурсионную поездку. Желание потратила Ив. Чтобы хоть как-то её порадовать еще больше, я надела платье, которое купила еще с Лондон. И первая фраза девушки, когда она меня увидела, была: «Ты что, научилась хорошо одеваться?». И мы смеялись. Лорен, кстати, одобрила мою поездку тоже.

Не знаю, сколько по времени мы летели из Калифорнии в Шотландию, но достаточно долго. Я сбилась со счета. А еще я постоянно хваталась за ручки кресел, когда мимоходом смотрела в окно — я боюсь высоты. Мир кажется таким маленьким и игрушечным с высоты птичьего полета, словно детали для конструктора «Лего». Взять бы пальцами эти крошечные деревья, дома, машины и людей в них и играть с их жизнями.

Мы смотрели фильм на планшете у Ив, затем болтали и дремали. Полет был очень сложным. А из-за смены поясов я устала быстрее, чем положено по времени. В нашу гостиницу мы прибыли в восемь вечера по времени в Глазго. У нас был не очень большой номер, но довольно просторный. Ив и её мама спали в одной комнате, а я в другой. А какой потрясающий вид был из окна! Так бы и любовалась им вечно!

Чтобы хоть как-то проснуться и оживиться, я приняла прохладный душ. Затем надела красное платье с балетками, завязала волосы в хвост и спустилась в холл. Все было так красиво: высокие потолки, множество колонн, стены в роскошных росписях, а на потолке красовалась огромная фреска, изображающая малюток-ангелов. Величественная люстра висела посреди всего зала, а свет, отражаясь от неё, переливался и блестел, и порой можно даже было увидеть радугу.

А когда я вышла на улицу, то сразу же была удивлена. Напротив нашего отеля расположились бродячие музыканты и играли за деньги. Девушка-солистка смотрела на меня и пела песню, играя на гитаре, еще двое парней аккомпанировали ей на ударной установке и еще одной гитаре. Чтобы усилить звук, инструменты были подключены к колонке, которая та, в свою очередь, подключена была к фургону. Видимо, на этом транспорте они приехали и туда складывают все инструменты.

Ив подкралась ко мне неожиданно тихо и положила свои руки мне на плечи. Я вздрогнула, от удивления развернулась, а меня встретили улыбкой. Девушка поманила нас пальцем, но мы так

и остались стоять на своё место. Ив бросила им в шляпу мелочь, и музыканты поклонились. А когда музыка закончилась, то девушка подошла к нам:

— Вижу, вам понравилось наше выступление, — сказала она.

— Да, очень, — ответила Ив.

— Я Кесси, — представилась она.

— А я Эмили. Это Ив.

Кесси окинула нас взглядом. Она рассматривала, во что мы были одеты. Ив была все в том же платье, а я переоделась.

— Вы приезжие? — спросила Кесси. Мы кивнули. — Не хотите вместе с нами посетить одно местечко?

— Смотря, что это будет. — Я поежилась.

Я учусь на своих ошибках и теперь вряд ли смогу доверять новым людям и незнакомцам, особенно если они беспричинно добры к тебе или же приглашают куда-нибудь. Мне хватило истории с Брэдом, после которой я еле-еле пришла в себя.

— Да не волнуйся ты, мы не маньяки какие-нибудь, — сказала Кесси.

У неё пол лица разрисовано. Огромная разноцветная молния. Волосы закреплены заколкой на затылке, на руках множественные браслеты.

— Только если вы вернете нас обратно, мы плохо знаем город.

Мама Ив была предупреждена, что мы уезжаем, так что мы были спокойны. Ребята сложили свои инструменты в фургон и припарковали его в другом месте, и затем мы все вместе пошли ждать автобус. Как объяснила Кесси, автобус — самое дешевое и оптимальное средство передвижения по Глазго; можно будет увидеть много всего интересного из окон транспорта, только вот дожждаться бы его и сесть в автобус с нужным номером.

Дома, высокие, прямые, в пастельных и серых тонах, мелькали, когда мы их проезжали. Они были разные: одни — холодные и неинтересные, другие же словно приветствовали тебя, до того они были светлые и чудесные. С балконами и без, с вьюнками, которые обросли дома, с французскими окнами, с цветами, устроившимися в горшочках на подоконниках, с узорчатыми входными дверьми и забавными узорами на стенах. Многочисленные клумбы и парки встречались на нашем пути, Глазго — город парков. Люди, шедшие куда-то по своим делам, казались такими таинственными и чарующими — неужели этот город придает им столько шарма?

Глазго — суровый, холодный и влажный город. Здесь все ходят тепло одетые, закутанные в шарфы и обутые в сапожки. Тем более, уже последние дни ноября.

— Приехали, — сказала Кесси.

Это были танцы, как в восьмидесятых. Больше половины народа — пожилые и взрослые люди, остальные, скорее всего, были хипстерами или хиппи. Глазго — город для любителей старины. Под легкую, задорную музыку они танцевали. Я не могу сказать точно, какой танец, потому что в их движениях было все: и шаффл, и течение стиляг, и вальс. Музыканты прошли в центр зала, — мы за ними — и там, на небольшой сцене, были инструменты. Мы будем танцевать под живую музыку! Имена парней мы с Ив так и не узнали, да это и не нужно, нам хватало их голосов и голоса Кесси. Они начали играть, и мы с Ив пустились в пляс. Прыгали, делали волны руками, приглашали друг друга на вальс, скрещивали ноги и водили ими в стороны, хлопали в ладоши, кружились. Веселая музыка сменялась грустной и спокойной, усыпляющей и наоборот.

Я дышала так глубоко, как могла, а ноги уже порядком подкашивались, я присела за столик, который стоял у самой стены, и стала наблюдать. Ив танцевала одна, она такая радостная и счастливая, но позже к ней присоединилась Кесси, потому что следующую композицию исполнял один из парней. Только сейчас я заметила, что за клавишными сидит еще один человек, незнакомый нам, и от этого музыка кажется еще более очаровательной.

Отыскиваю ручку в сумочке у Ив, но листочка, к сожалению, там не было, потому я начинаю писать сразу на салфетках.

Это просто суббота,

Но мальчики хорошо одеты.

Думаю, что подожду до половины девятого,

И оденусь просто божественно.

Десять тридцать, а я в лохмотьях.

*Распутный вид, сопровождаемый сомнительными взглядами
Сквозь стробоскопы и дымку. <<...>>*

Гордясь собой и радуясь, что у меня наконец-то появилось вдохновение, я подбегаю к Кесси и прошу прорепетировать еще сырую песню. Я напеваю мотив начала и середины куплета, а также припев, и ребята, быстро поймав ноту песни, начинают её играть. Да, это именно то, чего я хотела! Затем я хватаю Ив и показываю ей то, как должны быть спеты мои стихи, и, к моему удивлению, она тоже быстро схватывает мотив. А на счет три, они начинают играть.

*Just another Saturday
The boys are dressed up fine.
Think I'll wait 'till half past eight
To dress myself divine.
Ten thirty, I'm in rags
A slutty look accompanies my questionable gaze
Through the strobe light and the haze.*

Я восхищаюсь тем, какой голос у Ив. Песня получится просто восхитительная! И в радостном приливе я начинаю еще более энергично танцевать.

*I run away
They're playing a decent song at last
I think I'll have to dance with Cassie
'Cause the dream boy never asked
Shuffle to the left
I kick the boy behind to make a little room
Boogie to the right
Cassie dances madly like a boxing kangaroo
Her little Joey buys the drinks
He's in love more than he thinks.*

На следующий день мы побывали в двух местах.

Первой нашей остановкой в списке экскурсии оказался Ботанический Сад Глазго. Вход туда, конечно же, бесплатный, а на территории сада есть Чайный дом, где можно приятно провести время с чашечкой чая и вкусными пирожными, что, кстати, и делала Ив. Еще мы валялись на бескрайних зеленых газонах на территории Сада, на которых также можно прыгать, бегать, устраивать пикники, игры и многое другое — ничего не противоречит технике безопасности.

Нам рассказали, что Сад был основан в 19 веке в качестве питомника для деревьев и общественного парка под управлением Королевского ботанического института. Коллекция растений разрасталась очень быстро, многие жертвовали деньги и редкие растения, и вскоре Ботанический Сад Глазго приобрел огромную популярность. А сейчас это большой и красивый парк, расположенный вдоль реки Келвин.

В Саду есть несколько оранжерей. Мы побывали во всех, но особенно мне запомнилась главная оранжерея, спроектированная Джоном Кибблом, потому что я постоянно запутывалась в папоротниках и зарослях. А еще там до ужаса жарко и душно, нам с Ив пришлось раздеться до максимума — не пренебрегая культурным правилам, конечно же. Мы видели свадьбу, невеста с женихом фотографировались возле памятников и просто на красивом фоне растений. А позже нам рассказали, что это одна из культурных традиций Глазго — почти все молодые пары приезжают сюда.

Следующим местом была Художественная галерея и музей Келвингроув, находящийся, кстати, тоже на реке Келвин. Нам недалеко пришлось ехать. Галерея построена в стиле барокко и была открыта в начале двадцатого века. Здесь было просто удивительно, если считать, что я просто

теряю дар речи от любого профессионального искусства! Мы с Ив видели множество восхитительным полотен Пикассо, Моне, Ван Гога и многих других художников. Также рассматривали огромные скелеты доисторических животных, объекты искусства Древнего Египта, ряды доспех и орудий; выставки, посвященные историческому наследию Шотландии и Глазго.

Вечером мы с Ив снова встретились с Кесси и парнями и вновь репетировали песни, которые я написала. Теперь абсолютно все, начиная с самых первых, с которыми Ив успела познакомиться. В январе будет фестиваль в Окленде, я очень надеюсь, что мы с Ив выступим отлично. А ребята пригласили нас на своё выступление завтра в клубе "King Tut's Wah Wah Hut".

Мы легли с Ив спать усталые и довольные. Очень надеюсь, что подругу хватит еще на один день, прежде чем она сляжет с хронической усталостью. Она должна получиться от этой поездки все, также как и я.

Утром, перекусив, мы сразу же ринулись в путешествие. Еще одной нашей остановкой был Университет Глазго. Он был просто потрясающим: огромные, величественные потолки, массивные двери, ни один уголок здания не остался без фресок. На территории университета есть четыре музея, театр, кинотеатр и современный спортивный зал с бассейном. Этот университет один из самых престижных вузов нашей планеты. А построен он был еще в пятнадцатом веке.

День был крайне теплым, я бы даже сказала жарким. Мы катались на лодках в кантри-парке Castle Semple, брали в аренду велосипеды, устроили пикник на зеленом газоне вопреки тому, что земля была холодная. Посетили паб "Biddy Mulligans" и отведали там блюда ирландской кухни, к сожалению, на выступление каких-нибудь групп в этом пабе мы не попали. А после музея «Камера-обскура и мир иллюзий» у нас остались просто непередаваемые ощущения. Как жаль, что этот день идет к концу, и завтра нам уже уезжать. Я успела запечатлеть на свою камеру сотни моментов, это самая потрясающая поездка, которая у меня только была. Когда приеду домой, нужно будет распечатать все фотографии.

И на вечер у нас остался концерт. "King Tut's Wah Wah Hut" — самая известная музыкальная площадка для начинающих групп в Глазго. А от одной мысли, что здесь начинали свою карьеру «Мой химический романс», меня просто в дрожь бросает. Мы успели перекусить пару бутербродов и кусочков пиццы с Ив, а также выпили апельсинового сока, пока ждали выступления наших знакомых. И вот они наконец-то вышли, а от их музыки на душе стало так тепло и уютно.

*Ведь солнце светит ярче и теплее,
Чем все твои проблемы,
Чем все твои запутанные слёзы, изнутри
Ты ярче и теплее, чем все твои проблемы, всё хорошо,
Не ври себе, пожалуйста, не ври.*

Мы подпрыгивали, поднимали руки вверх и подпевали словам песни, которые так легко запомнить и которые своей простотой так согревают душу. Волосы разлетались по сторонам, повсюду чувствуются прикосновения других людей, но они не неприятные, они означают, что сейчас, в данный момент ты — часть их. Ноги становятся ватными и ощущение, словно ты паришь в воздухе. Голова кружится и, если ты будешь придерживать за кого-нибудь, чтобы не упасть, никто не будет против. Мы с Ив старались держаться вместе, мы были счастливы даже таким пустяком, как концерт. Все в этом клубе были словно одно целое и дополняли друг друга. В воздухе пахло счастьем, и никто не мог нам помешать. Наверное, это и есть свобода.

Когда я прибыла домой, то сразу же кинулась обнимать сестру и родителей.

— Я вас люблю, — сказала я.

— Эмили, что это с тобой? — спросила Кристи.

— Все хорошо. Я просто вас люблю.

А после взяла фломастер и вычеркнула из списка еще одно слово. Путешествие.

Это была, скорее всего, моя последняя осень, потому что я пишу на стене большими буквами «Ноябрь, прощай». Через несколько дней начнется зима.

Комментарий к главе:

*Песня, которую сочинила Эмили — God help the girl — I'll have to dance with Cassie.
Песня, которую пели бродячие музыканты: Нервы — Ярче и теплее.*

Девятнадцать

Вот и настал декабрь, а зимой так и не пахнет. Все также прохладно, но не холодно. А снега и не ожидается. Это приводит меня в печаль, ведь я так надеялась в последний раз увидеть настоящую зиму. И с первым днем зимы ко мне пришла Фелиция.

— Идем, нужно поговорить, — сказала она, только увидев меня на пороге.

Я, быстро одевшись, выскочила из дома и направилась за девушкой. Она некоторое время молчала, возможно, собиралась с мыслями. И когда я уже хотела начать разговор, Фо заговорила:

— Он тебе напишет, можешь и не сомневаться, — говорит она.

— Кто? — спрашиваю.

— Майки. Он пригласит тебя прогуляться, будет рассказывать о тебе, просить обличить свою душу, с условием, что ты сама не будешь рассказывать ничего о себе. Ему кажется, что ты не такая, как все, необычная, чем-то отличаешься от других девушек. Ну, а я думаю, что ты самая обычная, просто невезучая.

Я вспоминаю о парне. Ведь я не видела Майки с того дня в школе, а это было уже почти месяц назад. Он не появлялся в школе весь месяц.

— Я тебя не понимаю. Зачем Майки рассказывать мне откровения, — как он выразился сам — которые нельзя рассказывать незнакомцам?

— Ты ему нравишься.

Я опешила. За все свои почти семнадцать лет я узнавала, что нравлюсь какому-нибудь парню всего два раза, может быть, три. Но они мне не нравились. И когда я узнавала о скрытых чувствах парней, влюбленных в меня, то я давала по тормозам, избегала их, игнорировала и не замечала вовсе. Не нужно в меня влюбляться. Я чудовище.

Но сейчас мне почему-то не страшно.

Не заметив, что мы покинули район, в котором я живу, я оказалась где-то в другом месте. Даже тот факт, что я живу в этом городе всю жизнь, не мешает мне не знать множество кварталов, районов и нахождения улиц. Я легко могу заблудиться. Мы подошли к старой аптеке, к ней как раз подъехал фургон с лекарствами. Люди начали его разгружать. Мы спрятались за стеной.

— Но вопреки всему ты будешь слушать меня: я запрещаю тебе с ним видиться, с ним общаться. Он мой брат, и я обязана его защищать, — продолжила Фелиция.

— Я его что, убью? — Решила пошутить.

— Может быть. — Фо посмотрела на меня сурово, а затем перевела взгляд на фургон, выглянув из-за стены. — Там один. Иди, отвлеки его, а я возьму то, что мне нужно.

— Ты это украдешь? — удивляюсь я.

— А ты раньше так не делала? — Фо ехидно улыбается. — У меня нет столько денег, чтобы купить это, придется украсть.

Она вытолкнула меня, и я пошла к водителю. Он заметил меня почти сразу, потом насторожился и, поставив руки в боки, ждал, пока я подойду. Это был довольно молодой мужчина — лет двадцати семи — тридцати.

— Здравствуйте, — произнесла я и встала сбоку от фургончика.

Моё сердце колотится, как ненормальное. Сейчас мы нарушаем закон. Стараюсь не выдать дрожь в руках и коленках. Мужчине пришлось развернуться, чтобы ответить мне. Фо, ловя момент, пока водитель ничего не видит, начала прокрадываться к фургону.

— Тебе что-то нужно? — спрашивает он.

Фо скрывается за фургоном. Я уверена, что она в него уже залезла и теперь ищет то, что ей нужно.

— Да, понимаете, я заблудилась. Вы не могли бы подсказать, где я нахожусь, и в какой стороне находится метро?

Мужчина начинает все рассказывать, жестикулируя. Он показывает, куда и как нужно идти. Но я сказала, что не запомню — тогда он полез в кабину и начал искать ручку с листком бумаги. Я следила за тем, как он рисует мне выход отсюда. Затем услышала свист.

— Спасибо большое, вы мне очень помогли, — говорю.

— Не за что.

И я быстрым-быстрым шагом иду, поглядывая на листочек, в направлении, начерченном там. Я боюсь, что он все поймет и начнет погоню за мной, но, к счастью, этого не происходит. А затем скрываюсь за стеной, где меня уже поджидает Фелиция. Она держит в руках несколько пачек каких-то таблеток, я не успеваю прочесть название, потому что девушка, увидев мой взгляд, прячет их в карманы куртки. Она кивает — это её благодарность.

— Так почему же я его убью? — Настаиваю на внятном ответе от девушки.

Она меня поставила в неловкое положение, рассказала то, что заставило меня недоумевать, и она не уйдет от меня без ответа.

— Он не тот, кем кажется. Если ты его отвергнешь — это может вылиться в не лучшем результате.

Фелиция идет впереди и не смотрит на меня. Я не могу видеть её лицо, но уже знаю заранее, какой у неё взгляд.

— Может быть, это его жизнь? Ты заботишься о нем, словно о маленьком ребенке. А этот ребенок должен сам делать ошибки и учиться на них. Тебе должно быть все равно.

Я говорю это спокойным голосом. Возможно, даже понимаю, что не права, но не подаю вида. Я самая младшая в семье — мне не о ком заботиться, ведь я не знаю, каково это иметь младшего брата. Но я знаю, каково это, когда тебя опекают.

Фо разворачивается ко мне, я совсем не ожидаю этого и врезаюсь в неё. А подняв голову, вижу её глаза, полные гнева и отчаяния. Она начинает говорить, шипя:

— Но мне не все равно. Мне не все равно! — выкрикивает она. — Потому что я волнуюсь за него. Ты не знаешь, какого мне было, когда он сидел в комнате, не покидая её пределов несколько дней. Он отказывался ото всего: от еды и воды, от его любимых вкусов. Я навещала его, просила, чтобы он пришел в себя, но он лишь бурчал, чтобы его оставили в покое.

А затем... затем я услышала, как что-то упало, а дверь в его комнату просто оказалась закрытой. Я стучусь, кричу, прошу его открыть её, но никто не отвечает. А затем дверь выломал еще один мой брат. И знаешь, какая первая мысль была, когда я увидела, что он сидит на полу по ту сторону кровати? — спросила Фо, но я поняла, что это риторически. — Я подумала: «Слава богу, он в порядке».

Но потом, подойдя ближе, я увидела нож для бумаги и его всего в крови. Я хватаю его, смотрю в его глаза, что-то кричу на него, но он лишь закатывает глаза и выключается. Брат хватается за него, бежит с ним на улицу, бежит... Но он. Он. — Фо начала заикаться. Она вся в слезах. Я вижу, как они катятся по её подбородку на мои руки, потому что я прижала их к груди девушки. Я её обнимаю. — И по его пальцам... она течет. Такая густая. И тот ковер из комнаты Майки... Я не могу. Я смотрю на него и не могу ему помочь. И скорая...

Я все поняла. Я поняла, как ошиблась, когда посчитала Майки грубияном. На самом деле, он точно такой же, как и я. И он ранимый.

— Пожалуйста, не подпускай его близко и держись от него подальше, — сквозь слезы произнесла Фо.

Я кивнула. Но в мыслях было одно: «Я не могу. Не могу. Прости, Фо».

Это был фестиваль мотоциклов. Он проходит в одном из центральных парков нашего города. Повсюду стояли разнообразные байки, мотоциклы и даже скутера и их хозяева. Все хвастались своим транспортом: одни тем, что накопили денег и купили мотоцикл своей мечты, другие — что собрали и отремонтировали его сами из запчастей, которые выбрасывают на свалку.

Через четыре дня после встречи с Фо мне в чат написал Майки. Он сказал, что извиняется за свое поведение и не понимал в тот момент, почему он так говорит. Я волновалась, как маленькая девочка, и полчаса думала, что же ответить на его сообщение — это со мной впервые. Я не могла отказать ему в приглашении о встрече. А затем всю ночь меня грызли непонятные мысли, почему же он, парень, который приводит меня в бешенство и раздражает, заставляет меня так волноваться.

— Ты серьезно? Ты сам собрал этот байк? — удивленно спросила я у Майки, когда он рассказал мне о своем увлечении в области механики. Майки кивнул. — Я и не знала, что у меня есть знакомый-механик.

— И не узнала бы. — Он пожал плечами. — У меня есть старенький пикап, на котором ездил еще отец, я и его отремонтировал. И хоть он и медленно едет, и постоянно нужно пополнять бак, зато он работает.

Мне хотелось говорить с Майки совсем не о том, о чем мы сейчас беседуем и беседовали двадцать минут назад. Порой мы говорим людям совсем не то, что хотим сказать. Но я не могла себя пересилить, мне просто нравилось, что он со мной беседует и не грубит. Я не могла себя понять, почему же буквально месяц назад я его почти что ненавидела, а сейчас... спокойно с ним беседовала и не желала прекращать этот разговор.

После того, что мне рассказала Фелиция, я смотрела на этого импульсивного и эмоционального парня по-другому. Только сейчас я заметила, что он всегда ходит в рубашках и толстовках с длинными рукавами. Одно лишь меня волновало: почему и зачем он это сделал. Майки вовсе не похож на того, у кого какие-нибудь проблемы в семье, личной жизни и душевные волнения. Но я не спрашивала о причинах, потому что боялась, что снова его разозлю.

Сегодня Майки был спокойным, словно его кто-то подменил. Не было чрезмерной гиперактивности, которую я заметила еще в прошлую с ним встречу, и постоянное молчание не сменялось вдруг разговорчивостью. Словно его душевное состояние привели в равновесие. Он говорит тогда, когда это было нужно, умалчивал то, что нужно было, и просто ничего не говорил, когда не было причины, чтобы отвечать. А когда он сказал, что ему очень нравятся мои новые волосы, и потрогал их кончиками пальцев, мои щеки залились румянцем. Я почувствовала, как кровь приливает к щекам и как горят мои уши, и опустила взгляд, еле заметно улыбаясь. Во мне бушевал ураган.

— Почему мне кажется, что ты такая необычная? — спросил он.

Я не знала, что ответить. Я отвела взгляд в сторону, а затем и вовсе развернулась. Мне было страшно от того, что я услышала, волнение накатывало на меня и захлестывало с головой, словно огромная волна, катимая ветром и прибоем к берегу. Никогда никто не говорил мне что-то подобное. Я сделала замок из рук, потому что они дрожали — и вовсе не от холода, ведь я была в перчатках.

— Майки! — окликнул кто-то и тем самым спас меня от ответа. Но когда я увидела, кто это был, я вообще пожалела, что не ушла. Это было моё прошлое, от которого я все старалась убежать, но сейчас оно меня вновь настигло. — Я так и знал, что увижу тебя здесь, — произнес парень, подходя к Майки, и пожал ему руку. Я сжала губы и молилась, чтобы он меня не узнал.

— Джон! — ответил Майки. — Рад тебя видеть.

Я развернулась на девяносто градусов, делая вид, что что-то рассматриваю, и Майки это заметил. Он свел брови к переносице, недоумевая. Я чувствовала на себе взгляд Джона. Боковым зрением видела, что он сначала смотрел на мой профиль, а затем потихоньку наклонял голову, чтобы рассмотреть меня в анфас. Он хмурил брови, стараясь понять, где же меня видел, а затем поднял их от удивления и, раскрыв рот, произнес:

— Эмили? Эмили Джейн Беннет? Не уж-то это ты? — спросил он. Я закусила губу и повернулась к Джону. Уже нет смысла прятаться. Майки, сложив руки на груди, внимательно наблюдал за нами. Но Джон не ждал моего ответа, ему захотелось меня подколоть: — Я-то уж думал, психиатрия с тобой еще недолго расстанется. — Он усмехнулся. — Да знаешь, весь наш класс так считал.

— Психиатрия? — переспросил Майки.

Я оцепенела. Нет, конечно, я знала, что мой бывший класс теперь против меня был настроен, считая меня душевно больной самоубийцей, но я не думала, что они будут трепаться об этом при каждом удобном случае.

— А ты что, не знаешь, с кем познакомился? — Ухмыльнулся Джон. — Она стащила у меня байк, когда я и еще несколько ребят из нашего класса решили на них прокатиться, а затем специально решила разбиться на нем. — Джон обратился ко мне: — Сумасшедшая.

Да, теперь я вспомнила. Джон был тем самым человеком, который предложил нам покататься. И я разбила его мотоцикл.

Майки смотрел на меня, прищурив глаза, а когда услышал, что Джон сказал мне, посмотрел на него так, словно готов был убить его, словно он готов в любую секунду броситься мне на защиту, подставить свою грудь под пули, лишь бы я оказалась цела. И снова в моей голове было лишь одно: «Почему?».

— Не смей так говорить о ней, — произнес он. Джон опешил, видя взгляд Майки.

— Ладно-ладно, я ведь пошутил, — сказал он. А затем добавил: — Ну ладно, я пойду.

Может, увидимся еще когда-нибудь.

Далее мы молчали. Я понимала, почему Майки сказал то, что сказал. Ведь, если я сумасшедшая, которая решила покончить с собой, то, значит, и он сумасшедший. В некотором роде, мы похожи.

— Почему ты это сделала? — произнес он спустя время. Но я не могла сказать ему.

— А почему ты это сделал? — вопросом на вопрос ответила я и взяла его за руку, легонько прикасаясь к запястью. Я вовсе и не думала делать этого, это получилось как-то внезапно, в порыве чувств. Но, думаю, он поймет, о чем я.

— Это неважно, — ответил он.

— Ты сам ответил на свой вопрос, — сказала я.

«НАРКОТИКИ!» — Набираю на мобильнике я сообщение Лондон. Теперь ровно 1/5 моего списка ей известна. Она мне звонит и говорит, что теперь это действительно что-то стоящее. Лондон перебирает все возможные варианты: мет, кокс, экстази, травка и другие курительные смеси. Но я говорю ей, что не хочу стать торчком или откинуть копыта сразу же после них.

— Тогда грибы, — говорит она.

— Грибы?

— Ну да, это тоже что-то вроде наркотиков, только формально легальных.

Мне нельзя принимать наркотики дома, потому что это может закончиться не очень хорошо, поэтому я иду домой к Лондон. Её родители снова поглощены работой: поздно приходят, рано уходят. И её дом, можно сказать, пустует, если не брать в расчет Гарольда. Но он хороший, он ничего не расскажет.

— А ты уверена, что они не ядовитые? — сказала я, рассматривая светло-коричневые грибы на длинных ножках со шляпкой, похожей на зонтик. Они очень похожи на опята, и целая горстка, наверное, поместилась бы в руке.

— Я же не собираюсь тебя отравить, — говорит она. — Это псилоцибиновые грибы. Они вызовут у тебя позитивные, возможно, даже метофизические ощущения, — говорит она.

— Откуда ты это знаешь? — удивляюсь я тому, какие слова знает подруга.

— В интернете. Я почти что выучила статью про них. — Смеется.

Я легонько улыбаюсь. Грибы на дне прозрачного чайничка начинают подниматься, когда Лондон заливает их кипятком, и разжиматься, словно бутон, распускающийся с утра.

— А немало ли? — спрашиваю я, видя, что подруга налила воды меньше, чем пол чайника.

— В самый раз.

Вода начинает потихоньку краснеть, а сушеные грибы разбухать. Через некоторое время, Лондон разливает напиток в чашки и дает ему немного остыть. Я притягиваю чашку к себе и начинаю смотреть на жидкость — она похожа на крепкий-крепкий черный чай. А пахнет как картон или даже как старый сапог.

— И что произойдет, когда я это выпью?

— Реальность будет чуток изменяться, — ответила Лондон.

На вкус это бурая жидкость также напоминает старый и жесткий сапог, хотя я и не пробовала съесть сапоги, просто такое ощущение. Я зажимала нос и хмурилась, но после пару глотков все стало не так плохо, вкус исчез, и казалось, что я пью обычную кипяченую воду.

Я села на плетеное кресло, стоящее рядом с цветами, и наблюдала за тем, как Лондон допивает свою кружку. Остатки из чайника она вылила в раковину, грибы выбросила в мусорку и всю посуду хорошо помыла.

— И когда они подействуют? — спросила я.

А затем отвлеклась на папоротник, что стоит справа от меня. У него такие острые листья, кажется, что я обязательно порежу себя, если прикоснусь к нему, возможно, мне даже отрежет руку. Я дышу на лист, но не прикасаюсь к нему, он начинает колыхаться от моих глубоких выдохов. Вижу, как он искажается и сужается. Он меня манит. Он явно что-то замыслил. Я, не сводя взгляда с растения, аккуратно встаю с кресла — никаких резких движений, и коварное растение не заметит, что я стараюсь ускользнуть от него. А затем два его листа преобразуются в

пасть с тысячью острыми рубцами, он хочет меня съесть. Я словно кошка: на мягких лапах стараюсь скрыться от преследователя.

— Мне кажется — уже, — говорит Лондон.

Я врезаюсь в стул спиной и поворачиваюсь к подруге. Её волосы развеваются, словно язычки пламени, только не алого цвета. Ощущение, что все, что я вижу, искажается, трясется и колыхнется. Лондон начинает двигаться, а мне кажется, что она ходит как робот — её движения прерывисты. Она садится на пол и начинает рассматривать ковер, трогая его ворс. Я беру из миски с фруктами хурму — она притягивает мой взгляд — и начинаю вертеть в пальцах. Вместе с фруктом я сажусь на стул и стараюсь понять, чего же он от меня хочет. Мне кажется, что коричневатая шляпка у фрукта имеет глаза, и она смотрит на меня. А я смотрю на неё. Становится жутко от взгляда хурмы, и я кладу её обратно в миску.

Хочется пить. Беру чашку, насыпаю в неё растворимое кофе и заливаю водой. Частишки тонут в воде, растворяются и просят меня о пощаде. Мне становится их жалко, и я выливаю все в раковину. На дне чашки остался осадок, он преобразуется в непонятные узоры. Я кручу чашку в своих руках, стараясь разобрать рисунок, но не могу понять, что же изображено. Затем чашка падает из моих рук и разбивается о плитку. Я смотрю на осколки с удивлением. Только что это была целая чашка, а теперь она разбилась, устроив фейерверк от прикосновения с полом. Как это классно! Я чувствую, что испытываю восторг от того, что случилось с чашкой, и мне хочется повторить это снова. Улыбаясь, я беру еще одну чашку и сразу же ставлю её на место. Мне так резко захотелось написать Майки.

— Блин, какой этот ковер классный! — произносит Лондон. Она лежит на белом ковре и гладит его, трется щекой о ворс. Эй, я тоже так хочу!

— Оставь и мне место, — говорю я и иду к своему пальто, которое весит на вешалке в коридоре.

Мы с Майки после встречи обменялись телефонами, но еще ни разу не позвонили и не написали друг другу. Я набираюсь ему сообщение: «Приходи к нам». И отсылаю. А затем вспоминаю, что он не знает, где находится это «мы», и пишу ему адрес. Радуюсь, я возвращаюсь к Лондон.

— Я оставила его для тебя, — шепчет подруга и указывает на кусочек ковра рядом с ней.

Я ложусь рядом. Белый ворс напоминает мне огромное пшеничное поле, колыхающееся под ласковым ветерком. В этом ковре живет целая вселенная.

— Ты это видишь? — спрашивает Лондон, все также шепча.

— Да. — Я тоже шепчу. Мне кажется это забавным. Наверное, это какая-нибудь игра, придуманная подругой. — А почему мы говорим шепотом?

— Чтобы не спугнуть народ, живущий под плинтусом, — отвечает она. — Я их видела, они такие крошечные, что могут поместиться в ладони.

— Давай их отыщем? — предлагаю я.

Мы начинаем ползать по дому, рассматривая каждый уголок, каждую вещь и каждую щель, стараясь найти этих лилипутов. Я вижу пыль, парящую в воздухе, в лучах солнца и стараюсь поймать пылинки, но они исчезают из моих ладоней. Затем я нахожу Лондон, которая сидит на стуле, поджав ноги под себя, и смотрит на ковер, но это не тот ковер, который лежит на кухне.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я и подползаю к ней.

— Осторожно! Ты что, не видишь, сколько игл в этом ковре? — произносит она.

И правда, у этого серого ковра длинный и острый ворс, похожий на тысячи игл. Я понимаю, что на плитках и деревянном полу безопасно, но этот ковер явно таит угрозу. Затем Лондон встает на стул и перепрыгивает на стол, он шатается под ней всего доли секунд, а мне кажется, что он похож на доску для серфинга.

— Эмили, скорее лезь сюда! Лава надвигается!

И я слушаюсь Лондон. Забираюсь на стол и смотрю на приближающуюся лаву черного цвета. Она съедает всё на своем пути, и всё становится таким же темным, а затем останавливается в нескольких метрах от нас. Кто-то звонит в дверь. Наверное, это Майки.

— Майки, мы здесь! — кричу я.

Но он вряд ли знает, где мы. Потому я выкрикиваю это еще несколько раз, чтобы он шел на мой голос. Майки появляется в дверях и смотрит на нас с удивлением. Мы же с Лондон смотрим на лаву, которая снова начала приближаться к нам, с широко раскрытыми глазами.

— Скорее лезь на стол! — проговаривает Лондон.

— Зачем? — недоумевает он.

— Лава приближается, посмотри! — говорит подруга и указывает пальцем на пол. — Она сжигает все на своем пути!

Майки усмехается и произносит:

— Это всего лишь тень. Здесь много окон, а солнце скрывается за облаками.

— Нет же! — протестует Лондон.

Тогда он подходит вплотную к лаве и наступает на неё. Ничего не происходит. Мы с Лондон удивленно переглядываемся и начинаем слезать со стола. С нами тоже лава ничего не делает.

— Ты только представь, мы бессмертны! — радуется подруга.

— Мы не умрем! — отвечаю я. Я чувствую, что теперь я, действительно, не умру. Мне ничего не страшно.

Затем я поворачиваюсь к Майки и смотрю на него. Он улыбается. Но это не Майки. Моё сердце вздрагивает и наполняется теплотой и радостью. Я так счастлива его видеть, как же давно мы не встречались! Я подхожу к нему вплотную и обнимаю, уткнувшись лицом в грудь.

— Том... — Выдыхаю я ему в куртку. А затем поднимаю глаза на брата. — Как же я рада тебя видеть, Том.

— У вас обоих зрачки огромные, — заявляет Том. — Что вы приняли?

— Останься со мной, Том, — произношу я.

Лондон говорит, что мы выпили немного чая из галлюциногенных грибов. А я все тоже твержу брату, умоляя его.

— Останься со мной.

— Я останусь, — говорит брат.

— Ты же теперь не бросишь меня? — как ребенок, произношу.

Том смотрит на меня немного жалостно, поджимает губы и кивает головой.

— Нет, я тебя больше не брошу, — говорит он. — Больше нет.

Двадцать

Небо озаряется красками. Папа зажигает фитиль петарды и отходит на десять шагов. Огонек сжигает фитиль за несколько секунд, затем пропадает, и целая буря красок вылетает в воздух со свистом. Красная, желтая, зеленая, голубая, розовая — в таком порядке одна за другой в небе взрываются искры. Затем папа поджигает еще один фейерверк, и он взлетает ввысь с ужасным писком, оставляя за собой длинный розовый свет, затем потихоньку тухнет и начинает падать вниз. Следом еще несколько штук точно таких же огоньков.

— Ого! — произносит мама и прижимает руку к уху, немного кривясь, но довольно улыбаясь.

На улице пахнет порохом и сыростью. Я вдыхаю этот запах как можно глубже в легкие, хочется его запомнить. Запомнить запах зимы без снега. Задний двор становится темным и мутным, затем я вижу, как начинает появляться туман. Видимо, папа зажег дымовую шашку. Ночью холодно, хотя еще не ночь, от силы часов девять вечера. Чувствую, как тело покрывается гусиной кожей, по нему пробегает холодок, и я еще больше укутываюсь в одеяло, сидя на ступеньках и облокотившись о перила.

Почему-то я вспоминаю, как на днях мы ходили в больницу, где я снова проходила обследование. Ничего не изменилось. Я все еще умираю. Тогда я сидела на краю лавочки, стоящей в коридоре возле кабинета врача, и ждала. Качала ногами туда-сюда, ерзала, шуршала фантиками в моих карманах и шаркала по плитке ботинками. Самое ужасное — это ожидание. Ведь новая диагностика могла показать, что мне стало намного хуже или какие-нибудь метастазы в другие части моего мозга или органы. Но я зря волновалась. Опухоль все еще в правом полушарии и не задевает главную жизнедеятельность моего организма, хотя все-таки уничтожает его.

Я выдыхаю. В воздухе клубится теплый пар, а затем растворяется. Я снова набираю воздух в легкие через нос, чтобы он согрелся внутри меня, и выдыхаю. Мне всегда нравилось, как зимой можно увидеть своё дыхание.

Затем взрывается целый каскад, а в небе распускаются сад блестящих цветов. Я всегда любила этот день — ночь фейерверков, которую каждый год устраивают ровно в середине декабря. Но сейчас на нашей улице фейерверки гремят только в нашем дворе, возможно, в других загремят намного позже или в полночь.

Мама приподнимается со ступенек и идет к папе. Она хочет помочь ему с остальными петардами.

Слышу, как захлопывается входная дверь. Наверное, Кристи вернулась с подработки — она работает в кафе по сменам. Через стеклянную дверь я вижу, как она входит на кухню и ставит пакеты с продуктами на стол. Видимо, сегодня у нас будут гости, хотя я уже знаю кто. Сестра машет рукой мне через дверь, а затем выходит на улицу и присаживается на корточки рядом со мной.

— Ты как? — спрашивает она.

— Все еще умираю.

Сестра тыкает меня под ребра двумя пальцами и улыбается. Затем нахмуривает брови и шепчет мне:

— Мне нужно приготовить ужин. Посидишь одна?

— Боишься, что убегу? — скептически спрашиваю я.

— Да, — говорит она. — Я пригласила Лондон и Ив. Ты же не против? — Я качаю головой.

Ветер колышет ветки деревьев и вечнозеленые кусты. Холодный воздух пробирает меня до дрожи. Я прячу нос и уши в одеяле и продолжаю следить за огнями в небе. Мама звонко смеется, я слышу её смех сквозь скрежет и треск петард. Как они с отцом мне напоминают подростков.

Я не слышу, как стучит нож, который держит сестра, когда она нарезает тонкими полосками морковь и перец, за толстой дверью. Но я представляю этот звук, и он меня успокаивает. Такая некая семейная идиллия: звук ножа, улыбки родных, смех матери. Перебираюсь на кухню и вдыхаю запах овощей, краду у Кристи морковку и, сев в стороне, начинаю грызть её, словно кролик.

Первым приходит Джеральд. Я не знаю, как долго они знакомы с моей сестрой, возможно, они познакомились намного раньше. Но мы с ним знакомы всего месяц. Он целует Кристи в щеку и присаживает рядом со мной.

— Можно? — спрашивает он, указывая на одеяло. Я легонько пожимаю плечами и накидываю на него половину.

Кристи достает из холодильника курицу, которую она приготовила еще вчера, и ставит её в микроволновку, чтобы разогреть. До моего носа доходит чудесный запах жареного мяса. Кит в животе начинает свою песню, а я неловко краснею. Мы с Джеральдом начинаем смеяться, потому что он слышал этот звук.

Постепенно на столе начинают появляться угощения: жареная курица, салаты, пюре, маринованные овощи и свежие фрукты, пирожные, булочки, сладости и соки. Кристи приготовила столько еды, как на праздник, хотя мы всего лишь пригласили парочку гостей к нам на ужин.

Затем приезжает Ив, и мы вместе садимся смотреть телевизор. Еще через время к нам присоединяются Трент и Лондон. Джеральд с кухни выкрикивает нам какую-то шутку, но я все прослушала.

Мне приходит сообщение от Майки: «Выходи на перекресток, я тебя буду ждать». А я пишу: «Нет. Там холодно». Майки: «Я все равно буду тебя ждать». Я: «Жди». А сама улыбаюсь этому, не понимая почему. Просто стало так тепло от мысли, что меня кто-то ждет.

Звон тарелок, голоса дорогих мне людей, их шутки и общие разговоры. Как они стучат вилками о тарелки, как звучат бокалы, когда они друг о друга стучаются. Кто-то произносит шутку, — я подозреваю, что это снова был Джеральд — и мы все смеемся. Папа обнял маму, а мама прижимается к нему. Лондон бросает на Трента взгляды, полные нежности, а Трент отвечает ей тем же. Джеральд целует в лоб Кристи, а та краснеет и заливисто смеется. Мы с Ив сидим, улыбаясь, и болтаем. Её лицо сияет, как и прежде.

Больно. Я не знала, что может быть так больно.

Я умру и больше не увижу всего этого. И больше вообще ничего не будет. Меня поглотит пустота и тьма. А все будут жить дальше, как и жили. Ну, некоторое время погорюют, но все забудется. Со временем все проходит. Даже самое ужасное горе забудется. У Кристи появятся дети — мои племянники, родители станут дедушкой и бабушкой, как я и предсказывала. С Лондон

будет та же самая история, и думаю, её мама и папа будут лучшими бабушкой и дедушкой, чем родителями. Только мы с Ив навеки замрем в своем подростковом состоянии. Мы останемся в памяти, на фотографиях, в обрывках воспоминаний, в памятниках и, возможно, на эпитафиях, но нас не будет.

— Что ты чувствуешь? — интересуюсь я у Ив.

— Наверное, я счастлива. — Улыбается.

Какая же Ив замечательная. Ей так мало нужно для счастья. Она умеет наслаждаться каждым моментом в жизни. Мне тоже нужно ловить каждый миг своей жизни и не упускать возможности.

Мне вновь приходит сообщение: «Все. Я замерз, и раз ты не хочешь меня видеть, то я иду домой».

— А ты? — спрашивает Ив.

— Почти, — отвечаю.

Мои руки дрожат. Нужно набрать сообщение, но это слишком долго. Нельзя терять ни секунды.

— Я сейчас вернусь, — говорю я всем и иду к выходу.

Накидываю своё пальто, обуваю сапоги и выбегаю из дома. Слишком темно, я мало что вижу, даже в свете фонарей. Глаза еще не привыкли к темноте. Я несусь, словно ненормальная, и молю, лишь бы он не ушел. Но силы покидают меня, и приходится переходить на шаг. Всего пару домов и я буду на месте. Я делаю глубокие вдохи-выдохи через рот, и от этого моё горло высыхает. Сглатываю слюну. Как же хочется пить.

— Майки! — кричу я, оборачиваясь по сторонам.

Но никто не отвечает. Я опоздала. Прыгаю на месте, потому что мороз пробирает легкие, ведь я остановилась. Пожалуйста, пожалуйста, будь тут.

— Майки!

Тишина. А затем во дворах начинают греметь хлопушки и фейерверки. Если бы он был рядом, то услышал бы, но теперь что-то кричать бесполезно. В воздухе слишком много разных звуков. Я нахмуриваюсь и иду обратно.

— Легко же ты сдалась, — слышу голос позади себя. — Я-то тебя намного дольше ждал.

Он улыбается, и на его щеках появляются ямочки. Какой у него красивый рот.

— Знаешь, я чуть себе конечности не отморозил, — продолжает он.

Я тоже улыбаюсь. А затем подхожу ближе и толкаю его в грудь:

— Идиот! Я ведь подумала, что ты ушел.

Он берет мои руки за запястья и не отпускает, вероятно, чтобы я больше его не толкала. Сейчас я не противлюсь его прикосновению. Больше нет чувства, что я не могу доверять этому человеку. Я всматриваюсь в его лицо, наконец-то я привыкла к темноте. В его глазах я вижу своё отражение. Они у него янтарного цвета. Я снова краснею от его взгляда.

Глаза Майки дрогнули, будто пламя свечи на ветру. В них я видела нежность, вероятно, захлестнувшую его с головой, и беспокойство из-за того, что я могу уйти, и мы больше не встретимся сегодняшней ночью, и он не будет ждать меня целый час, стоя на перекрестке, и я затем не побегу к нему с мыслью: «Лишь бы не опоздать». И тогда это мгновение будет потеряно навсегда.

Я все это видела в его глазах, потому что чувствовала и думала о том же самом. И моё сердце, рвано бьющееся в груди и уходящее в пятки, биение которого глухо звучало у меня в голове и отдавалось в каждой части моего тела, в каждой его клеточке, выдавало зарождающееся чувство в моей груди с потрохами.

Я опустила глаза и вырвала свои руки из рук парня.

— Останься, — единственное, что я произнесла.

— Я уже говорил, что останусь.

И я вспоминаю, как молила его больше не бросать меня, видя в лице Майки Тома. Я не думаю о том, что может случиться с нами после, что я его, возможно, буду обманывать, что буду слишком эгоистична по отношению к нему, не рассказывая ему о своей участи — но сейчас все это кажется таким ничтожным. Да, будет больно, очень больно. Но ведь больно уже сейчас. А эти мгновения не должны быть потеряны.

Мы идем домой. Ко мне домой. И когда я захожу в дом, то слышу хоровое «О-о-о-о!».

— Это мой друг — Майки, — смущенно произношу, когда мы заходим в столовую.
— Друг? — смеется Джеральд.
— Друг, — утверждаю я, немного наклонив голову и приподняв брови. Возможно, Джеральд бы и поверил моему скептическому взгляду, если Майки не произнес следующее:
— Ну, это она так считает, — шепотом проговорил он, но я все слышала и толкнула его в бок. Все засмеялись.
И снова звон тарелок, веселые голоса людей, находившихся здесь, их смех, их запах, их глаза. И когда Ив снова спрашивает:
— Теперь ты счастлива?
Я отвечаю:
— Да.

Двадцать один

Сто шестьдесят девятый день. Проснувшись, я сразу же подумала об этом. Почему эти дни имеют для меня такое большое значение? Не уж-то я специально отсчитываю их каждый день, чтобы убедиться в том, что это случится не сегодня. И что же будет, если вдруг в один прекрасный день я ошибусь? Что, если это будет как раз тот самый день, но я все еще буду убеждать себя, что нет, не сегодня.

Не знаю, что это меня вдруг потянуло на такие грустные мысли, ведь сейчас Рождество. А до Нового года осталось два дня. Всего два! Поверить не могу! Через два дня перешагну из этого года в следующий, и все мои беды должны остаться позади.

Я вспоминаю уроки истории, где нам описывали, как празднуют Новый год в различных странах. У нас в США, например, предпочтительно встречать его в кругу друзей или семьи, но в пределах дома, в Великобритании — дома с традиционным яблочным пирогом и пуншем; в России — тоже дома с различными угощениями и дедушкой Морозом; в Китае — на площадях с грандиозными массовыми танцами драконов. В любой стране празднуют его по-разному, но все сводится к одному — все с нетерпением ждут его и радуются, когда он приходит.

Я улыбаюсь, когда вспоминаю, как папа с Джеральдом украшали наш дом, как Джер украшал свой, и это было настолько смешно и забавно. Джер постоянно корчился и что-то выкрикивал, стоя на лестнице. Я, сестра и мама подавали украшения: ветки падуба, фонарики, люминесцентные вывески в форме оленей, ленты; в дверных проемах повесили венки из омелы, украшенные ленточками. Поставили искусственную ель в доме, потому что я запретила покупать или срубить живую — я стала защитницей природы и всего живого. В итоге, весь наш дом как внутри, так и снаружи светился огоньками и блестел разноцветной мишурой. И, хоть дом бабушки небольшой, он казался пустыми для нас с Кристи, потому мы попросили почаще приходить родителей и Джера, конечно же.

Мне не хотелось сегодня оставаться дома, а хотелось с кем-нибудь повеселиться, поговорить. После утреннего душа и завтрака я позвонила Лондон, но она сказала, что она занята и что мне нужно заглянуть в почтовый ящик. Затем я позвонила Ив, но она помогала родителям. Наверное, я одна, кому ничего не нужно делать, и от этого становится грустно. А в почтовом ящике я обнаружила письмо от Лондон с пометкой «Счастливого Рождества!». В конверте оказалась банковская карта, как у Лондон, и чек, на котором светилась сумма «5000\$». У меня просто челюсть отпала! А еще внутри была приписка «Надеюсь, ты увидишь свою зиму! Твоя Лондон.» Совсем недавно я рассказала ей, что следующим важным дня для меня пунктом была «Настоящая Зима». Со снегом, холодом, льдом и сосульками. Чтобы нужно было кутать шею в шарф, прятать красные руки в карманы или перчатки, чтобы снег хрустел под ногами. Но в Калифорнии снега сейчас почти нет.

Кстати, еще один плюс зимы: заканчивается первый триместр, и начинаются рождественские каникулы. В этом году они были немного продлены: с двадцать второго декабря по пятое января.

Со скуки я решила отправиться домой к Майки и Фелиции, так как уже узнала, где находится их дом. Написала записку родным, чтобы они меня не ждали, я вернусь нескоро, и я ушла. Фо и Майки живут в бедном квартале, — а я в среднем — дом у них, как и у всех

двухэтажный, но обставлен скромно. Я постучала в дверь и ждала. Слышно было, как кто-то носится по дому с криками «Не догонишь». Это не могло меня не заставить улыбнуться.

— Эй, тихо вам! — проговорил знакомый голос.

И дверь открылась. На пороге стоял Майки: волосы у него были растрепаны, дышал он тяжело, лоб весь потный. Он улыбнулся мне той самой своей улыбкой, и внутри меня кто-то снова отплясывал чечетку. Я улыбнулась ему в ответ и в выдохе проговорила что-то вроде «Привет», но я не уверена, что это было на то похоже, потому что я сказала себе это под нос.

Я слышала, как кто-то кричал в доме, хохотал, так заливисто и звонко. Слышала еще один голос, как кто-то, словно слон, бегал по дому. Но все это было так далеко, что можно было с легкостью не обращать внимания.

И мы так и стояли. Я смотрела на его рот и сходила по нему с ума: какая линия рта, какие контуры губ, как его рот изменяется, когда он улыбается! А эти замечательные ямочки на щеках. Как это может не нравиться?

И в след этой мысли мне пришла другая: наверное, у него было полно девушек, да и, скорее всего, до сих пор по нему многие сходят с ума. Как я наивно буду выглядеть на их фоне! «Нет, мне нельзя влюбляться, — уговаривала я себя». Но я, к сожалению, так и не поняла, что это уже случилось.

А затем к Майки подбежал мальчик лет восьми-девяти и начал бегать вокруг него, моля о том, чтобы он его спас. Майки смотрел на него с такой любовью.

— Майки, Майки! — радостно визжал мальчик. — Спрячь меня!

— Олли, не видишь, у нас гости, — ответил парень.

Мальчик что-то прикрикнул и бросился бежать в другую комнату, я лишь увидела, как он перепрыгивал игрушки и кресла, как кузнечик. А за ним следом несли еще один парень и кричал что-то вроде «Я тебя поймаю».

— Эй, Патрик, будь осторожнее, поскользнешься, — произнес Майки. И тут же Патрик наступает на одну из игрушек, разбросанных по комнате, и шлепается на пол. В комнату вбегает Олли и начинает хохотать так сильно, что у него из глаз прыснули слезы. Мы с Майки тоже смеялись, держась за животы.

— Помог бы, — жалобно проговорил Патрик Майки, еле-еле поднимаясь с пола и потирая место, на которое он упал.

Затем Майки нас представил. Олли — младший брат, ему восемь. Патрик — старший брат, ему скоро будет двадцать, а он ведет себя все еще как ребенок. Как я поняла, следом за Патриком по старшинству идет Фелиция и Майки — им обоим будет по восемнадцать, и они оканчивают школу в этом учебном году.

Майки поинтересовался, какими судьбами меня сюда занесло, ну, а я сказала, что мне было скучно, и я решила навестить его. Мы пили чай все вместе. Правда, Олли дурачился, но это было так забавно: он показывал мне свою коллекцию игрушек, постоянно откусывал у меня печенье и звал смотреть мультфильмы по «Диснею». Олли такой замечательный. А Патрик интересовался, кто я, что собой представляю, как мы познакомились, — словно отец — а еще он сделал мне комплимент: он просто пришел в восторг от моей татуировки и моего цвета волос. Мы с Майки перекидывались взглядами, порой он смотрел на меня пристально, словно я какая-нибудь драгоценность, а я смущалась и отводила взгляд.

— Так что, вы типо встречаетесь? — внезапно спросил Патрик.

— НЕТ! — одновременно с Майки мы произнесли и рассмеялись. Наверное, он тоже стесняется говорить о таком при родных. Я-то уж точно. Сколько раз меня раньше не пытались разговорить на эту тему — все напрасно, я молчу, как рыба, и краснею, как помидорки.

А затем мы сели к телевизору, и Олли просто требовал, чтобы мы включили ему какой-нибудь ужастик. Ну, мы нашли на телеканале «FOX» недельный повтор «Ходячих мертвецов» — где новый сезон — и сели смотреть все вместе. Нужно было видеть выражение лица Олли! Сначала он хлопал в ладоши и радовался, когда появлялись зомби, но как только они начинали кого-нибудь есть, Олли тут же закрывал глаза, а затем и вовсе уходил из зала. Он стоял за стеной и ждал, пока страшный момент пройдет. Мы так смеялись! Патрик пытался его затащить, но мальчик лишь вырывался с криком и визгом.

А затем пришла Фелиция. Она выглядела очень устало. Она поставила сумки на пол и стала снимать кеды, затем развязала целлофановый передник и бросила его к обуви, туда же полетела и кепка с эмблемой паба, в котором — как я поняла — работает девушка.

— Ты мне что-нибудь купила? — спросил подбежавший к ней Олли.

— Ну, а «кит-кат» подойдет под это «что-нибудь»? — спросила она, помахав батончиком перед носом мальчика.

— Две или четыре палочки?

— Четыре, — произнесла Фо и положила в ладонь Олли батончик, перед этим взъерошив ему волосы.

Затем девушка увидела меня и нахмурилась. Нахмурился и Майки, и Патрик, когда довольный Олли вприпрыжку подбежал к телевизору со сладостью.

— А она что здесь делает? — спросила Фо.

Да, ты меня не любишь, Фелиция.

— Она наша гостя, — громко сказал Патрик. А затем шепотом прибавил: — И сколько ты отдала за все это? — парень кивнул головой в сторону пакетов с покупками.

— Эджей разрешил мне занести деньги позже, — также тихо ответила девушка.

Если у нас в семье с деньгами напряг, то что говорить об их семье? Такой вывод я сделала для себя. И мне стало так стыдно за то, что я тратила деньги на ненужный хлам в то время, как некоторые еле-еле находят копейки на пропитание. Хотя я все еще помню, как сама вот так работала и экономила каждую кроху, лишь бы содержать себя и родителей, которые почти не занимались этим.

Майки о чем-то шептался с Фо и Патриком, я их не слушала — подслушивать ведь плохо. Я просто сидела и ждала, пока они решат свои проблемы. А затем ко мне подсел Патрик, очень громко и сильно плюхнувшись на диван рядышком, и, улыбаясь и подыгрывая бровями, начал говорить:

— Нам тут Майки рассказал, что ему рассказала твоя подруга Лондон о том, что ты хочешь увидеть настоящую зиму.

Боги, как же все сложно!

— О чем это ты?

Он толкнул меня в плечо и, потирая ладони, продолжил:

— У тебя с собой карта, которую подарила тебе подруга?

— Да, а что?

Тогда он схватил меня под руку, на ходу взял с вешалки мои вещи и заставил меня кое-как обуться, а затем запихнул на заднее сидение пикапа. Я не испугалась, скорее, мне было не понятно, что это за внезапная активность начала происходить. Я услышала, как Фо попрощалась с Олли и сказала ему ждать родителей, они придут часа через два. Затем произошло вот что: Фо одевалась, шагая к пикапу, затем села на сидение водителя, рядом с ней сел Майки, а ко мне присоединился Патрик. Фо завела машину, и мы тронулись.

— Что это значит?! — Я ничего не понимаю.

— Похищение! — воскликнул Майки

— Ты когда успел бак заполнить? — спросила Фо у него.

— Сегодня, — ответил он и пожал плечами.

— Вы что, оглохли?! — Продолжаю настаивать.

За плечо меня похлопал Патрик и произнес:

— Эй, тише. Ты сама хотела встретить настоящую зиму, так вот он — твой шанс.

— Я не понимаю.

— Мы едем в Чикаго! — объявил Майки.

Я поджала под себя ноги и обхватила колени, кладя на них голову. Сначала было прохладно, но, по мере продвижения, становилось все холоднее. Да, это мне не солнечная Калифорния. В ушах — наушники, музыка включена на среднюю громкость, чтобы я могла услышать, если ко мне будут обращаться. Сначала мелькали многоэтажные здания, затем дома, некоторое время мелькали пустыри, затем снова появлялась городская жизнь. Майки положил мне руку на плечо, и я обратила на него внимание.

— А? — произнесла я, вытащив наушник из уха.

— Ты замерзла? — спросил он. Я поджала губы и кивнула.

Майки покрутил какое-то колесико — я не разбираюсь в машинах и их устройствах совсем — и стал проводить рукой возле обогревателя. Затем снова покрутил и провел рукой.

— Сейчас быстро потеплеет, — сказал он. Я кивнула в знак благодарности.

Я люблю музыку — она для меня действует как успокоительное и как поддержка, а также помогает выплеснуть эмоции. Грустно — послушай песни-надежды, не можешь разобраться в своих чувствах — аудио стихотворения помогут тебе. Музыка может выразить любые твои чувства и эмоции, главное — правильно подобрать её.

Спустя еще пару часов мои ноги затекли. Какие только позы я не пыталась принять: сидела, лежала (на Патрике, правда, но он был не против), задирала ноги к окну — лишь бы их вытянуть во всю длину. Часов в десять вечера мы доехали до какой-то забегаловки, где мы поужинали гамбургерами и картошкой фри. Майки постоянно брал картошку с моей тарелки, и из-за этого мы начали дурачиться. Он бросался в меня жареными картофельными палочками, а я в него палочками в кетчупе. Фелиция смотрела на меня с явным презрением, но её взгляд смягчался, когда она видела, как мы с Майки дурачимся. Патрик, кстати, не присоединился, он сказал, что очень голоден, а наше занятие считает пустой тратой еды.

Только сейчас я поняла, зачем Лондон подарила мне эту кредитку! Путь до Чикаго долгий — полтора суток ехать на пикапе, который, кстати, немало съедает бензина. В ближайшем банкомате я сняла деньги, и мы смогли заплатить за бензин и за наш ужин. Затем мы снова залезли в машину и тронулись.

Я сидела, прижавшись щекой к окну, и смотрела, как на мир вокруг опускается дождь. Дорогу освещали фонари, но их становилось все меньше, а затем освещение и вовсе исчезло. Теперь свет исходил только из фар пикапа. Сначала крупные капли попали в окно, плавно и мягко стекая по стеклу. Я пыталась их ловить своими пальцами на стекле, но это не выходило. Затем дождь начал тарабанить по крыше, в окно он врзался так, словно хотел, чтобы я наконец прикоснулась к нему.

— Ой! — вырвалось у меня, когда я заметила, что окно закрыто не полностью, и вода попадает в машину.

— Окно не закрывается, — сказал Патрик, — давай двигайся, а то намокнешь.

Но я не послушалась: подставила ладонь под капли воды, она вмиг стала мокрая. Ветер задувал в щель, вода заливалась, и становилось еще холоднее. Майки кинул мне какую-то тряпку, чтобы я смогла заткнуть щель, что я, собственно, и сделала.

Через пару часов Патрик сменил Фо за рулем, а Майки пересел ко мне. Мы ехали очень долго, и, наверное, будет ехать еще столько же. Помню, как ребята останавливались, чтобы снова заправиться и купить чего-нибудь сдобного. Дождь к тому времени стал меньше, но продолжал идти. Я вылезла из машины, чтобы хоть как-то разминуться, и попрыгала на месте. Наверное, они думали, что я уснула, потому-то так и долго находилось в этой забегаловке. А затем я нашла их: они сидели в дальнем углу и уплетали свой ужин (или nocturnal), на электронных часах высвечивались цифры: 01:43. Я стояла, уткнувшись носом в шарф, а мои волосы были мокрые от дождя. Я замерзла, но этот холод был мне приятен, словно я всегда его ждала. Когда же сестра с братьями вышли из кафе, то Майки сразу же накинулся на меня со словами, что я заболела. Мне стала вдвойне приятнее от того, что я промокла.

Мы сели в машину. Я повесила промокшую верхнюю одежду на спинки кресел, сняла свои ботинки и закинула ноги на сидение. Меня так жутко потянуло в сон. Майки обмотал мою шею своим шарфом и накинул на меня своё черное пальто: оно было не такое мягкое, как моё, но зато очень теплое. Опираясь о плечо парня спиной, я прижалась головой к спинке кресла и, наверное, так и уснула.

Ехали мы всю ночь. Когда я проснулась, то увидела, что небо затянуто серыми тучами, поэтому не понятно было, день сейчас или все еще ночь. И лишь включенное радио извещала нас о времени. Голос сказал:

— Доброе утро! Сейчас десять часов утра, а некоторые все еще спят, потому давайте разбудим их позитивной музыкой!

И в динамике, по воле случая, зазвучало то, что я крайне не надеялась услышать. В то мгновение, когда заиграла эта песня, мы все сразу переглянулись и, думаю, поняли друг друга. А я улыбнулась. Потому на припеве мы синхронно запели:

*— I'm on the highway to hell!
Highway to hell!
I'm on the highway to hell!
Highway to hell!*

Затем была Азия с её «В порыве страсти!»:

*— Cause it's the heat of the moment.
The heat of the moment.
The heat of the moment showed in your eyes.*

После нескольких композиций ведущий произнес что-то о том, что песня следующей группы стала очень популярна за короткий срок, а сама группа родом из Глазго. А затем я узнала голос Кесси и тех двоих парней из её группы! Я чуть ли не прыгнула к динамику, лишь бы вновь услышать их.

*— О-у-у-е! Я не самоубийца!
Я еду влюбиться в мир.
И мой скейт размочит все лица,
И я остаюсь один наедине с землей.*

Боги, как же я люблю это радио! Определенно люблю! Так всю дорогу мы слушали песни, которые там крутили, не переключая волны. Нам встретилась такая песня... Даже не знаю, как её описать. Она настолько была прекрасна! Сначала по моему телу от слов пробежал холодок, а затем я вся превратилась в одну большую мурашку. И все чувствовали то же, что и я. Наверное, в такие моменты можно понять, что теперь это песня только ваша. И, когда ты её слушаешь, появляется ощущение, словно ты и эта песня — это одна большая вечность. Как жаль, что позже не в тех же условиях, в которых мы сейчас, и с другими людьми, эта песня вряд ли будет вызывать во мне те же чувства. И я подумала: «Наверное, эта песня будет казаться мне нечто большим только при нас четверых. А в остальных же случаях она будет точно такой же, как и все другие».

Я постоянно засыпала, просыпалась, снова засыпала и снова просыпалась. Но по времени прошло всего часа три-четыре. А затем, когда я снова решила подремать, меня за плечо затряс Майки.

— Эмили, смотри! — сказал он и указал пальцем в окно.

Я приподнялась, и от увиденного у меня участилось сердцебиение. Снег! Море снега! Вся местность была укрыта огромным и толстым белым покрывалом. А окна машины покрылись ледовой коркой. И буквально через час нас встречала приветственная табличка «Чикаго!». Озеро Мичиган было сковано льдом, разноцветные блики играли на льдинках от света фонарей. Казалось, будто кто-то разбросал блестки по всему озеру. Дома тоже были украшены, и сейчас, когда солнце уже скрылось за горизонтом, а на небе остались лишь небольшие всполохи последних лучей светила, город горел и переливался яркими фонариками.

— Эй, поехали в супермаркет? — спросила Фо.

— А вы знаете, где он находится? — вмешалась я.

— Да, поехали, нужны же продукты, — сказал Майки.

— Ничего, найдем, — ответил мне Патрик.

И через полчаса езды по городу мы нашли то, что нам было нужно. Двухэтажный супермаркет с различными магазинчиками внутри, но, самое главное, с огромным продуктовым. Оставив машину на парковке, мы вошли внутрь, взяли по тележке, договорились о том, кто и что покупает, и поехали за покупками. Я, одной ногой стоя на тележке, а другой отталкиваясь от пола, шагала по магазину, осматривая, что есть на прилавках. Набрав нужную скорость, я покатила в другой конец зала, где уже заметила продукты. В тележку полетели фрукты, затем красная рыба (чтобы хоть раз почувствовать себя мажором), различные полуфабрикаты, напитки. Проезжая между рядами с музыкальными инструментами и предметами искусства, я где-то там выхватила дешевый фотоаппарат с кассетной пленкой. Отлично, будут еще фотографии! В конце концов, все

мы встретились около кассы. Очередь же тут просто невероятно большая! В тележке Патрика был один алкоголь! У Майки — фейерверки, новогодние шапочки с бубенчиками, мишура и еще разные штучки для того, чтобы мы смогли воссоздать атмосферу дома, ведь до Нового года осталось меньше пяти часов. А у Фелиции были булочки для приготовления гамбургеров, сыр, колбаса, котлетки-полуфабрикаты, сухарики, чипсы и много разного фастфуда.

Остановились мы в мотеле. Удобства все, да и довольно прилично выглядит наш номер, только одна комната, и мы вчетвером должны поместиться в ней. Люди на улице смеялись, говоря о чем-то своем и проходя мимо. Это предновогоднее настроение, оно сегодня у всех! Когда Фо начала готовить вкусности, чтобы мы смогли перекусить, Майки вытащил меня на улицу.

Ночь накрыла город, из окон домов и высоток светились наряженные ели. Снег шел медленно, словно боялся покрывать Чикаго, но его хлопья были огромные. Он так приятно хрустел и блестел под ногами в желтоватом свете луны и фонарей. Я подставила голые ладони и лицо под ветер, они сразу же покраснели, я чувствовала, как мороз пронзал кончики пальцев своими иголками. На щеку приземлилась снежинка и тут же растаяла. И я поняла, что это не сон, это действительно зима!

— Эми! — позвал Майки.

Я обернулась, и моё лицо оказалось засыпано снегом! Он бросил в меня снежок! Я прикрикнула и бросила снежок тоже. Снег был немного мокрым и лепился очень хорошо. Сделав несколько шариков сразу, метала ими в парня, чтобы он знал, как это, связываться со мной! И мы побежали: то я за Майки, то Майки за мной. Я схватила его за край пальто, а он, повернувшись, схватил меня, и так получилось, что мы оба поскользнулись и покатались по снегу. Сначала засмеялся Майки, да так, что, наверное, его смех был слышан до самого озера Мичиган! А затем подхватила смешинку и я.

Мы лежали на снегу, раскинув руки, и делали снежных ангелов. Над нами пронёсся поезд. Майки внезапно подскочил и побежал к столбу. Я осторожно встала, отряхнулась и вытащила из-за шивороты снег. Холод морозил кожу.

— Что ты делаешь? — спросила я, когда увидела, как Майки поднимается вверх по столбу. Он всего лишь помахал мне рукой, мол, лезь за мной. И я полезла: руками и ногами держась за небольшие выступы на столбе. Сверху была небольшая платформа, состоящая из горизонтально приваренных балок. А еще выше, буквально полметра, легла вторая платформа, по которой передвигаются наземные поезда.

Парень осторожно забрался на первую платформу и ждал, пока я долезу до его уровня.

— Перелезай, — произнес он.

Но я не могу. Если я обопрусь одной рукой о балку, а другая соскользнет с выступа, я с легкостью сорвусь. Ну, нет во мне никаких физических данных. Я покачала головой в знак отрицания.

— Руку давай, — сказал Майки и протянул мне свою ладонь. Поджав губы, я снова закачала головой. — Не бойся, я выдержу. — Думаю. — Да тут всего высота как с третьего этажа, может быть, даже второй с половиной. Не бойся.

— Утешил. — Усмехнулась и рискнула.

Я подала ему сначала одну свою руку, затем другую. Майки потянул меня на себя. Бездумно я качала ногами, пытаясь ухватиться ими за что-нибудь. Но мне не было страшно, словно я знала — все хорошо. Почувствовав, что половина моего тела лежит на чем-то твердым, я, немного подтянувшись, вскарабкалась на платформу. Встать здесь нельзя, максимум ползать на коленках — настолько узкое пространство.

— Что мы здесь делаем?

— Увидишь, — сказал Майки и треснул меня кулаком по плечу, по-дружески, конечно. Ну, не могла я это оставить просто так, потому начала легонько колотить его в ответ. Мы засмеялись. Парень толкнул меня и отполз назад, потому я, разогнавшись его поскорее ударить в ответ, не ожидая такого, упала. На Майки.

Он пристально смотрел на меня, будто ожидая чего-то. А я смотрела в его глаза цвета топленого молока, думая, почему они мне так дороги. Почему, когда он смотрит на меня вот так, словно я драгоценность, прекраснее которой нет ничего на свете, я вся таю и превращаюсь в мягкую и тягучую карамель?

Майки опустил взгляд, затем снова поднял, глядя мне в глаза. Я знаю, что это за жест, но я не готова. Парень сначала слегка, а затем покрепче обвинил меня руками — все в доли секунды — и, заложив ладонь за голову, словно хотел потрогать мои волосы, притянул меня к себе.

— Нет, — произнесла я и отвернулась, вытянув руки вперед. — Не нужно, не порть все, пожалуйста.

Я подумала о том, что было с Брэдом. Воспоминания о нем меня уже не пугали так, как раньше — возможно, они затуманились и стали нечеткими, а, может, это из-за того, что он получил по заслугам, и я это знаю. Ведь все проблемы начались из-за того, что Лондон познакомила меня с ним, мне казалось, что мы можем быть друзьями, но Брэд так не думал. Но Майки... Мне не хочется быть с ним друзьями, но и для такого большого шага я еще не готова.

— Извини. — Опустив глаза, произнес он.

Я перекатилась на спину, прижавшись боком к парню. Сверху железные балки и рельсы. Зачем мы сюда забрались?

— Так зачем мы тут? — спросила я.

— Еще семь минут, — ответил Майки, посмотрев на часы.

И мы начали ждать. Руки я отморозила и начала дышать на них, чтобы согреть — карманы не помогали совсем. Тогда Майки засунул свою руку мне в карман и сжал мою ладонь, видимо, чтобы согреть. Но его ладонь тоже была холодная. И я просто снова проигнорировала этот жест, вытащив руки из карманов.

— Знаешь, — начал Майки через пару секунд молчания, — я ведь давно хотел, чтобы ты обратила на меня внимание. Пытался это сделать, узнав, где ты бываешь, что любишь. Я наблюдал за тобой.

— Наблюдал? — удивилась я.

— Я тебе пугаю?

— Наоборот. — Покраснела. — Просто люди обычно такое не говорят.

— Узнав, как ты любишь книги, я начал читать все подряд, лишь бы моё имя оказалось перед твоим в формуляре.

«Майки Б.» — вспомнила я.

— Но ведь твоя фамилия Милкович, не так ли? — спросила я.

— Нет, Блэк.

— Так ты что, действительно тот самый парень?! — Повысила голос.

— А ты кого ожидала увидеть? — также ответил Майки.

Я ожидала увидеть парня, который ни разу мне не нагрубил, который был бы чутким постоянно, а не зависел от своего настроения. Который бы смотрел на меня своими прекрасными карими глазами и улыбался бы. А у него была самая шикарная улыбка. Прекрасный рот, который бы мне нравился. Милейшие ямочки на щеках... Чудесные русые волосы, в которые можно запустить руки... Нет, я никого другого не ожидала увидеть. Я улыбнулась и покачала головой.

Только тебя.

— Знаешь, а ведь твои песни, правда, красивы. — Я улыбнулась. Он мне солгал тогда. Ну и пусть.

Земля начала уходить из-под ног. От испуга я вжалась в Майки, а он засмеялся во все горло. Все шевелилось, качалось и тряслось. А затем... Казалось, что поезд едет по нам, казалось, что он вот-вот переедет нас, адреналин повышается, настроение тоже. Поезд гудит, рельсы скрипят — закрывайте уши, а то оглохните! Ощущение, словно на нас сыплются искры, а свет играет с бликами на наших лицах. И мы кричим во все горло от страха, счастья и смеха.

Катаясь по городу, мы встретили Новый год. Все люди вышли на улицы, чтобы отметить этот праздник. Музыка — на полную. Бутылки скотча и пина колады у нас в руках. Патрик за рулем, потому ему пить пока нельзя, он хлебает газировку. Но даже трезвый вид не дает ему нормально вести машину, он постоянно внезапно сворачивает, неровно едет и прикрикивает «О да!». А мы лишь смеёмся. Еще нам звонили родители и друзья — убедиться, что все хорошо, а также поздравить. Думаю, они слышали, как нам тут весело. Затем все поменялось: я сижу на машине сверху, Фо (она относительно трезвая) за рулем, а Майки и Патрик в кузове. И весь город слышал, как мы, завернутые с ног до головы в мишуру и праздничные колокольчики, — со

звонкими бубенчиками на шапках — смеялись и кричали «Ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-юху-у-у!».

За какие-то пару дней все так поменялось. Все оказалось куда более сложным после того, когда я узнала, что симпатия Майки не просто увлечение. Но ведь и я к нему что-то, да чувствую. Обратную дорогу мы болтали, смеялись, пели песни. Я, положив голову на плечо Майки, сидела, думая о чем-то своем. У Майки такие изящные руки, длинные и худые пальцы, хотя до моей худобы им еще далеко. И я просто сдалась. Моя рука нашла его ладонь, и наши пальцы сплелись. Мы так близко друг к другу. Майки меня обнял, и я не сопротивлялась, уже поздно — я поняла это.

В моих волосах снег, он падает мелкой крупой, но все-таки это снег. В Калифорнии! Майки гладит мои волосы, и снежинки тают от его прикосновения. Он улыбнулся и сказал, что снежинки полностью сливаются с моими волосами. Я вновь покраснела от смущения: у него странные комплименты, необычные, и мне это в нем нравится.

— Ого, мы привезли с собой зиму! — сказала я, когда увидела, что уровень снега чуть выше подошв на ботинках. Не Чикаго, правда, но уже что-то. Кстати, о Чикаго. Перед тем как уехать, мы разрисовали стену под мостом баллончиками. И там теперь красуется надпись: «Эми, Майки, Фо и Патрик. Калифорния. Сегодня — и навсегда!». Приятно думать, что память обо мне осталась в месте, где я была счастлива.

Майки заглянул мне в глаза:

— Нет, это ты зима, — произнес он и обнял меня.

Я, стоя на снегу, немного потопталась на месте и обняла парня в ответ. Уткнувшись в его пальто, я почувствовала такой знакомый запах тела. Наверное, его ни с чем не сравнить. И снежинки засыпали нас с ног до головы, возможно, ожидая, что же я отвечу. А я всего лишь подумала «Да, я твоя зима». И вжалась в Майки покрепче, прежде чем попрощаться.

Комментарий к главе:

Песни на радио: AC/DC — Highway to Hell; Asia — Heat Of The Moment.

Песня Кесс и её группы: Нервы — SK8.

Часть шестая "Dreams.Lust.Losses"

Двадцать два

Сегодня проснулась я слишком поздно. Осознав, что школу я проспала из-за сериала, который смотрела допоздна, — не в силах оторваться от просмотра — со спокойной душой приняла душ и начала расчесывать свои волосы, наполовину высушенные феном. Они немного завивались, что казалось странным, но выглядело это очень мило — пушистые, объемные, чуть волнистые. Белый цвет, к счастью, ничуть не потускнел, но вот корни уже начали отрастать — но это не портило всю очаровательность моей новой прически, к которой, кстати, я еще так и не привыкла.

Почему-то сегодня мне хотелось выглядеть привлекательной и... женственной что ли. Из недр своего шкафа я достала платье, которое еще не одевала ни разу — повода не было, да я и не то чтобы их любила раньше. Голубое с золотисто-желтым принтом в форме листьев и закругленных цветов, длиной чуть выше колена — одним словом, чудесное. Надела колготки, носочки с совушками, платье и море браслетов на руки. Как всегда, я только причесалась. Не люблю косметику. Мне нравится естественность, а также безумно нравятся мои небольшие синяки под глазами.

— Ты снова прогуляла школу, — сказал папа, когда я спустилась вниз по лестнице.

У него сегодня выходной, потому он присматривает за мной. Мама на работе, а Кристи на учебе, скорее всего. Странно, что он меня не разбудил.

— Мог бы быть моим будильником. — Пожала плечами.

— Тебя не разбудишь. — Усмехнулся. — Я пытался.

Я улыбнулась. Обула полусапожки, надела пятнистое пальто, которое купила с Лондон, и пошла на встречу с Ив. Сегодня у нас репетиция, последняя перед концертом, и, если честно, я очень волнуюсь. Сегодня Эллис будет проверять наш номер, она полностью доверилась мне, поверив на слово, что Ив споет просто замечательно — я не могу подорвать её доверие. Да и что мы будем исполнять, словом, она тоже не знает. Все на мой цвет и вкус.

Репетировали мы в специальном месте. Здесь было все: акустические гитары, бас гитары, ударные, клавишные, даже духовые и смычковые инструменты были. И, конечно же, были те, кто играет на этих инструментах. Я быстро напеваю мотив мелодии, чтобы они смогли уловить ритмы, а Ив вспомнить мелодию. Она держит в руках листы с напечатанным на них текстом, глаза пробегаются по словам, а сама девушка улыбается. Ей понравилось, это точно.

— Давай ты. — Указываю на ударника. Он начинает отбивать ритм, я попросила его убавить темп и прибавить немного звука тарелок. Затем время гитары. — Раз, два, три, — говорю я. И парень вступает. — Смычковые! — Произношу. А затем: — Сейчас ты. — Указываю на Ив. И она начинает петь.

*— Приходи в понедельник вечером, мы включим телек для того,
Чтобы послушать тишину.
Свет исходит из его пределов.
Если бы можно было поймать его
И прикрепить на стену.
Тогда ты будешь спать намного крепче,
Малыш, ты будешь спать намного крепче,
Быть может, ты будешь спать крепче.**

Единственное, что мне оставалось — это слушать прекрасный голос Ив и танцевать. Девушка тоже пританцовывала и пела, не прикасаясь к микрофону, словно боялась сломать всю композицию. Когда мы закончили репетировать второй круг всех песен, сзади послышались восхищенные хлопки. Эллис хлопала в ладоши и подходила к нам:

— Вау! — сказала она. — Я и не думала, что ты сможешь найти такой прекрасный голос.

Ив выдохнула — она рада. А затем сказала «Спасибо». Меня тоже отпустила дрожь; если понравилось Эллис, то, думаю, понравится и остальным.

— Фест будет проходить в Окленде, — начала Эллис, — в шесть часов, а затем будет концерт: не знаю, какие группы примут там участие, но, кажется, Green Day. В любом случае, не волнуйтесь, если мы не победим, главное ведь — участие. — Она улыбнулась.

— А что за приз? — поинтересовалась Ив.

— Я разве не сказала? — удивилась девушка. — Ой, забыла! Приз — это кубок школе, памятные награды победителям и какие-то подарки от Гринов!

Потрясно! Green Day, конечно, не моя самая любимая группа, но множество их песен я знаю наизусть, а уж встретиться с ними вживую — ну, разве это не удача?

После репетиции мы решили заглянуть с Ив в кафетерий. Вновь сели у окна, как мы и любим, и стали разговаривать о том, о сем. Я уплетала мороженое за обе щеки, хоть и холод на улице, а Ив пила газировку. Если бы я была случайным прохожим, я бы и не заметила изменений на лице девушки, но я не прохожий, и я помню черты лица Ив прекрасно. Сейчас оно немного осунулось, щеки впали сильнее, а скулы стали еще резче выделяться; под глазами синяки, — хотя у кого их сейчас нет — но даже под легким слоем пудры видно, как глубоко посажены глаза девушки; а губы потрескались, стали сухими и бледными. Нет, это не та Ив, которая была раньше, хотя и внешне похожа. Она улыбалась своей прежней улыбкой, но видно было, как она ей тяжело дается.

— А что там Майки? — еле спросила она, и я отвлеклась от своих раздумий. Я вновь покраснела.

— Что? — Переспросила. — С ним все хорошо вроде бы.

— Перестань, — Ив тоже немного покраснела. — Я же видела, как вы смотрите друг на друга.

— Это еще ничего не значит. — Пожала плечами. — Мы просто друзья.

— Надолго ли? — Она заулыбалась шире, словно зная какую-то тайну.

Я ничего не ответила, лишь улыбнулась в ответ и запихнула в рот очередную ложку фисташкового мороженого. Мне нужно спросить у неё кое-что, но я боюсь задеть её своими расспросами. Сделав замок из рук, чтобы они не мешали мне и не отвлекали, я решила.

— Ив, как давно ты перестала лечиться?

Она явно не ожидала от меня этого и опустила взгляд на стол. Повертев в руках банку содовой, она посмотрела в окно на проходящих людей, сделала пару глотков, чтобы промочить горло, и ответила:

— Восемь месяцев назад.

Восемь месяцев — это большой срок. Значит, я не ошиблась. Ей, действительно, хуже.

— Что сказал доктор? — Спрашиваю.

— Все плохо. — Она побелела. — Пожалуй, я пойду домой, Эмз. Я устала, а впереди еще целый день.

Я кивнула. От дурных мыслей, лезших мне в голову, я сильно-сильно закусила щеку, вкус крови во рту привел меня в чувство. Проводив до остановки подругу, я почувствовала себя разбитой. Черт... Восемь месяцев — это очень долго. Мало кто с лейкозом без лечения выживает больше года, это я точно знаю. Ив уехала, а я так и осталась сидеть на лавочке наедине со своими мыслями. А тут еще, как назло, пошел дождь. Но я даже была рада ему, ведь он помог скрыть слезы, выступившие на моих глазах. Смахнув их ладонью, я побежала дожидаться другого автобуса на следующую остановку.

Возле паба «Ведьмин котел» мы ждали, пока придет наша очередь. Сегодня здесь играет какая-то классная группа, вот и людей много. Мы нашей компанией — Я, Лондон, Трент, Фелиция, Майки и Патрик — решили посетить это место, ведь сегодня здесь будет горячо! Только вот Майки почему-то еще не появился. Ив слегла в постель, видимо, снова хроническая усталость. Как-то раз она мне снова напомнила слова Стефана, руководителя группы поддержки, что, может быть, нужно просто верить в какие-нибудь высшие силы. Я не перестала придерживаться своей позиции в этом вопросе, но все-таки каждый вечер я проговаривала про себя, словно молила кого-то, чтобы с Ив все было хорошо.

Сегодняшний дресс-код — стиль гранж, потому на мне длинная футболка с изображением кровавого кролика, черно-белые в полоску легинсы и ботинки. Волосы завязаны в два высоких хвостика с дульками, а на глаза спадают пару голубых прядей — результат старания Фо. Она

сказала, что волосы у меня, конечно, чертовски крутые, но нужно разбавить этот цвет чем-нибудь веселеньким. Потому в тот же день я обзавелась еще и голубыми волосами, Фо покрасила несколько прядей тоникой, сказав, что цвет смоется сразу же. У самой же девушки были малиново-оранжевые пряди. Лондон просто обошлась укладкой «ежик», от чего её волосы торчали по сторонам, но выглядело это славно.

Мы заняли свободный столик у стены. В центре была площадка — танцпол, наверное, потому там ничего не было. А у другой стены стояли инструменты. Мне принесли шипучку — странный напиток для такого заведения, но алкоголя мне совсем не хотелось.

Я думала о Майки: не видела его всего пару дней, но, черт возьми, так соскучилась. Да, я соскучилась. На самом деле, совершенно не понимаю почему. Просто сидя здесь со всеми, но без него, я вдруг поняла это и вспомнила о нем. Подумала, как бы было здорово увидеть его улыбку, и улыбнуться в ответ. Я представила, как касаюсь ладонью его щеки, а он бы взял мою ладонь в свои руки и не отпускал. Но, черт возьми, это просто мысли.

— Встречайте: Crystal Castle!

На сцену вышли участники группы, внимание моё привлекла девушка — она такая необычная. Никогда раньше не встречала эту группу, но от первой песни по моей коже побежали мурашки.

— Hi!

Scars will heal soon

You shrug it off

Except that you don't. **

А затем наконец-то появился Майки. Он сел напротив и тоже начал слушать музыку. Нам не нужны были слова, чтобы поприветствовать друг друга. Он протянул свою руку к моей. Внутри меня зацвели чертовы фиалки, и мурашки побежали по коже; орхидеи стали распускаться где-то под ребрами; зеленовато-голубое море огромными волнами захлестывать к берегам, оставляя за собой след из морской пены; а вселенная застывать на века, когда кончики наших пальцев соприкоснулись.

И я поймала на себе его взгляд. Его глаза были такими нежными, они были полны эмоций и любви, что я закусила нижнюю губу. Никто ни разу не смотрел так на меня.

Не нужны мне люди, когда он рядом. Пусть вселенная остановит свой бег, лишь бы это мгновение длилось вечно. Пусть время остановится, и тогда у нас будет миллионы лет, проведенных вместе.

Только жаль, что их все же не будет.

Комментарий к главе:

* — *перевод God help the girl — Come Monday Night*

** — *Crystal Castle — Alice Practice*

Двадцать три

Возле дома Лондон стояли фургоны с продуктами и мебелью. Повсюду шныряли грузчики с раскладными стульями и столиками, с множеством уличных фонарей и флажков. Когда я, стоя у двери, уже хотела было постучать в дверь, услышала знакомый голос лучшей подруги.

— Черт, извините меня, конечно, но вы что, не понимаете?! Я же сказала, как расставить столики и стулья, нельзя было сразу сделать все правильно? Я просто хочу, чтобы все было идеально! — выкрикивала она.

Я не смогла сдержать улыбку: вот она, та самая беззаботная Лондон, которая любит держать все под контролем. Держа в руках коробочку, перевязанную синей лентой, я направилась в сад семьи Уоррен. Мне всегда нравился задний дворик их семьи, большой, просторный, с личным выходом к реке. Дом огорожен невысоким и светлым заборчиком, под которым с приходом весны расцветают цветы — а особенно милые и простенькие мускари, всегда приводящие меня в восторг.

Лондон стояла посередине двора и указывала, куда что поставить и как украсить сад. Заметив меня, она бросилась ко мне.

— Эмили! Я так рада тебя видеть! — Крепко обняла.

— С днем рождения, Лори, — ласкового проговорила я. Она ничего мне не сказала, даже не возразила такому приветствию, лишь сильнее стиснула в объятьях. — Прости, что такой невзрачный подарок, но я действительно старалась. — Немного смутившись, я протянула ей коробочку. — Только не тряс.

Развязав ленту, Лондон приоткрыла коробку и увидела то, что я ей приготовила. Выражение её лица стало таким милым, таким добрым и благодарным. «Мне никто ничего подобного не дарил», — сказала она. «Это самый дорогой подарок, что у меня когда-либо был, хоть он и съедобный», — захихикала. Я весь вчерашний вечер вместе с Кристи трудилась над съедобным сюрпризом для Лондон. Мы испекли торт, украсив глазурью и рисунком из сливок. На нем, хоть и коряво, но были изображены я, Лондон и кот-Мартин, а также сделана надпись «Навеки».

Лондон, плюнув на все, потащила меня в дом, чтобы попробовать на вкус мой подарок. Сначала она, конечно же, на память запечатлела сам торт, а затем позвала семью, чтобы все вместе полюбоваться на рукотворное чудо.

— Комплименты шеф-повару! — проговорила Лондон. — Это очень вкусно, Эмз. — Она чмокнула меня в щеку. Остальные подхватили её слова.

— Вот, я выполнила своё обещание, — сказала я. Покрутившись, показала то самое платье, в котором обещала подруге прийти на её восемнадцатилетие. Лондон радостно хлопала в ладоши и сказала, что я выгляжу прекрасно.

Лондон расчесала мне волосы, которые, кстати, снова были чисто белые, и немного меня накрашила. А также она подобрала подходящую к моему платью обувь – балетки.

— Тебе нужно корни осветлить, — произнесла она. Я кивнула.

Вопреки тому, что сейчас только январь, а время на часах почти семь часов, было очень тепло, почти пятнадцать градусов по Цельсию. Народ медленно тянулся на вечеринку в честь восемнадцатилетия моей подруги. Лондон просто отлично потрудились: небольшие фонарики стоят у забора, а от дерева к дереву переплетаются ленты и гирлянды. Выглядит это очень волшебно.

— Где же он, где же... — бубнила себе под нос Лондон, ища глазами в толпе кого-то. Хотя и догадаться было нетрудно, определенно Трента. — Он обещал, что придет.

— Если обещал, придет. — Попыталась её как-то успокоить.

А затем на Лондон налетели какие-то люди и стали поздравлять её с днем рождения. Она только и успевала говорить им «Спасибо. Спасибо большое. Мне очень приятно». И я решила прогуляться вокруг дома, потому что вся эта суeta и суматоха утомляли меня. Вечеринка длилась всего час, а пьяные девицы уже еле ногами передвигали, хватаясь за всё, что попадалось под руки, лишь бы удержаться в равновесии. Все выглядели напыщенно, а на девушках была тонна макияжа, который начинал плыть сразу же, как они начинали танцевать или выпивать, ведь температура тела в миг поднималась.

Я присела на лавочку возле дерева и стала смотреть на реку. На другом берегу бежал поезд, видно было, как из трубы клубился пар и как из вагончиков льется свет. А сама река переливалась отблесками фонариков.

— Привет, красавчик. — Послышалось где-то сбоку от меня, и я развернулась.

Пьяная девушка с потекшей тушью заговорила с Майки. Он попытался как-нибудь от неё отвязаться, но она не отставала. Вот же липучка, честно.

— Извини, но меня ждут, — сказал Майки.

— Ой, да ладно. — Девушка обняла руку парня. — Позвонишь мне?

— Да, конечно, но позже.

Майки, скорее всего, понимал, что от этой девушки никак по-другому не отвяжешься, поэтому так и сказал.

— Тогда вот мой номер. — Она начала писать циферки на руке парня ручкой, которая взялась не пойми откуда. — Обязательно позвони!

— Конечно. — Майки ответил ей, а та послала ему воздушный поцелуй. И он направился ко мне.

Я усмехнулась в ладошку, и парень это заметил. Действительно, как он может кому-то не понравится? Он присел рядом и сказал «Привет». Я тоже произнесла «Привет».

— Что тебя сюда занесло? — спросила я.

— Ну, я заметил, что девушка с белыми, как луна, волосами одна сидит на скамейке и скучает. И я подумал, быть может, присоединиться к ней и развеселить? — Я улыбнулась. — Оторвемся? — спросил он и показал бутылку дорогого коньяка.

— Ты что, украл её?

— Нет, ты что, я просто взял её взаймы. — Так искренне сказал, что я не смогла удержаться от смешка.

Здесь слишком шумно. Мне захотелось уйти отсюда, остаться наедине с собой или с Майки. Я встала со скамейки и медленно направилась к калитке, ведущей к берегу реки. Парень бесшумно следовал за мной. Мы спустились по склону к реке. Мне, если честно, было плевать на это дорогое платье и на туфли, потому я просто села на песок, поджав под себя ноги. По очереди мы делали глотки из бутылки, мне алкоголь ударил в голову сразу же, и я почувствовала, как по телу расплывается тепло. В горле неприятно жгло, но настроение, которое было сейчас, моё окружение и данное место — все это сглаживало это ощущение, давая ему приятный привкус.

И я, наверное, сошла с ума, но мне захотелось совершить какой-нибудь безбашенный поступок. Не такие, которые мы делали с Лондон, а что-нибудь по своей воле. И я подумала: «Черт возьми, будь сумасшедшей! Будь странной! Не бойся того, что подумают о тебе люди. Тебе давно пора было понять это, Эмили!».

— Что ты делаешь? — удивленно спросил Майки.

Я сняла балетки и стала стягивать с себя колготки, затем на очередь пришло платье. Расстегнула с боку молнию и сбросила платье с себя, оно плюхнулось на песок, и я осталась в одном фиолетовом нижнем белье. Ветер пронизывал каждую клеточку моего тела.

— Эм... что ты? — Майки широко раскрыл глаза от удивления.

Мне стало немного неловко, вовсе не из-за чувства стыда перед парнем, нет, это чувство притупил алкоголь. Я почувствовала себя не в своей тарелке из-за скользкого взгляда Майки по моему телу. Он заметил их, мои шрамы. Они тоненькими беленькими полосками пронизывали мой живот, мои ноги, — особенно колено — мои руки и спину. Я чувствовала их каждый раз, когда намыливала тело в душе, и вспоминала, как они ужасно щипали и болели в первое время. Самый ужасный — это от скальпеля на животе. Забудь об этом, Эмили. Если не будет никаких вопросов, то не нужно будет придумывать и ответ. Будь что будет.

— Иду купаться, — твердо, немного игриво произнесла я.

Подойдя к кромке воды, я попробовала водичку — она была просто ледяная, что я сразу же одернула ногу. Я вся покрылась гусиной кожей, и волоски на теле встали дыбом. Подул ветер, и стало холоднее в несколько раз. Сжав ладони в кулаки, я решалась на этот шаг.

— Ну, бежим? — спросил Майки. Он тоже снял с себя одежду и сейчас, потирая себя за плечи от холода, подпрыгивал на месте. — Давай вместе.

Он взял меня за руку, чтобы я не убежала, и на счет три мы прыгнули в воду. «Черт!», — заорали мы, когда ледяная река коснулась нашей кожи. Мы дружно начали кричать, потому что холод был невыносимый. У меня ногу свела судорога, и я с возгласом плюхнулась в воду. «Мы как моржи», — пришло мне в голову.

— Ну что, тепло? — с иронией спросил Майки.

— Да! — выкрикнула я.

Но, проведя в воде всего пару минут, мы уже привыкли к её температуре, вода даже стала казаться теплой. Я стала играть с водной гладью, вода по ней ладонью из стороны в сторону. Майки следил за мной, не сводя глаз. Я видела это.

— Ты так же чудесна, как лунный свет, — произнес он.

Уши мои загорелись. Я всегда краснею, когда кто-то обращается ко мне с ласковыми словами. Сейчас Майки казался таким милым, хотя он всегда такой, но сейчас... словно лунный свет преображал его. Он закусил нижнюю губу, а моё отражение в его глазах дрогнуло, как пламя; и я готова поклясться, что что-то внутри меня перевернулось. Он стоял настолько близко, что казалось, будто он выдыхал моё имя из пяти слогов мне в губы.

— Давай же, — проговорила я.

— Ты же этого не хочешь. — Такого ответа я не ожидала. — Я так посчитал тогда, под путями.

— Забудь про все это и живи мгновением, которое у нас есть сейчас. — Внезапно произнесла. Его взгляд был настолько проникновенен, в нем чувствовалось столько тепла и любви, что мне, в буквальном смысле, хотелось поселиться внутри него. — Меня безумно тянет к тебе, но я боюсь. — Призналась.

— Попроси меня, но так, чтобы я поверил тебе. — Коварно улыбнулся.

— Поцелуй меня, — выпалила я.

Но Майки не тронулся с места. Уголки его губ приподнялись, он словно говорил мне, что не верит. Тогда я приблизилась к нему так близко: что вот они, его губы, я чувствовала их тепло.

— Поцелуй меня, пожалуйста, — выдохнула.

Руки Майки сплелись у меня за спиной, он нежно притянул меня к себе. Ладонью гладил мою щеку и убирал мокрые пряди с глаз. И его мягкие губы коснулись моих губ. Мне никогда не было так сладко: внутри все переворачивалось и приятно потягивало, его дыхание смешивалось с моим дыханием, и наши языки танцевали страстное танго. Моя рука запуталась в его русых кучеряшках. Я притягивала парня к себе ближе и ближе. Мне хотелось стать с ним единым целым, стать Майки и больше никогда не отпускать. Мы прерывались лишь для того, чтобы сделать глотки воздуха, на некоторое время мне казалось, что я смогу существовать и без кислорода, пока я не начинала задыхаться. Мне плевать. Его губы — мой воздух. Майки покрывал поцелуями мои губы, мои щеки, мою шею. Я клянусь, я бы сорвала с него чертову одежду, если бы она была на нем.

— Я влюблен в тебя, я был влюблен в тебя с самой первой нашей встречи. И я тебя не отпускаю, — шепчет он, — ты слышишь? Теперь я тебя никогда не отпускаю. — И снова мягко целует мои губы.

Вода ласкает мою кожу, мне уже все равно, что я замерзла до чертиков и что я вся точно-точно посинела. Мне слишком горячо от прикосновений этого парня.

— И не нужно, — шепотом на шепот отвечаю я. — Я твоя.

Когда мы, мокрые с ног до головы, стали подниматься по склону к дому Лондон, мы смеялись и толкались, как дети. Вода стекала с нас ручьем, и нас била трясучка, зуб на зуб не попадал, но нам плевать. Лондон, увидев меня, сразу же накинулась с воплями:

— Ты что, сдурела?! Хочешь воспаление легких получить? — Она набросила на меня чье-то пальто или куртку — я не разглядела — и повела в дом. — Что ты этим хотела доказать, а?

Кстати, краем глаза я заметила Трента, он все-таки пришел.

— Мне нужно было понять, — ответила я. — Я поняла.

— И что же ты поняла? — со скептизмом в голосе спросила Лондон.

— Что нужно жить сейчас, — произнесла я.

Минус еще пару записей «Встретить восемнадцатилетие Лондон» и «Парень». Следующим идет «Память».

Двадцать четыре

— Живее, живее, собирайтесь! — восклицала Фелиция.

Олли бегал по дому и радовался новой игрушке, которую я ему подарила — что-то вроде запоздалого подарка на рождество или Новый год. Он носился с игрушечным самолетиком, держа его в руке, и делал вид, что управляет им. При этом он постоянно имитировал звуки самолета, что у него не очень получалось.

— Вжи-и-и-и-у, вжи-и-и-и-у, — говорил мальчик.

В доме стоял ужасный гул, все суетились, собирали вещи и продукты в дорогу. Это даже забавно, ведь мы совершенно не собирались, когда ни с того ни с сего поехали в Чикаго. А тут всего лишь Окленд в нескольких часах езды, но собираем вещи мы в десять раз дольше. К тому же, сейчас с нами едет Ив и Олли, наверное, из-за этого получается накладнее с дорогой.

С Лондон ничего известно не было, она почти две недели не связывалась со мной — сразу же после её дня рождения. Как-то раз я зашла к ней домой, но дворецкий сказал, что подруга чувствует себя неважно, вероятно, простуда, и не может спуститься.

Обойдя дом по кругу, — мне нужно было тихое помещение, чтобы позвонить Лондон — я зашла в чью-то комнату. Нельзя было сказать, на первый взгляд, чья это комната, ведь здесь стояли две кровати, но, тем не менее, я предположила, что здесь живет Фо. Меня привлекла фотография в рамке, одиноко стоящая на тумбочке. На ней были запечатлены обнимающиеся Фо, Олли и еще кое-кто. Девушка, лет двенадцати на вид, с темными волосами, как у Фелиции, и с карамельными глазами. Знаю, что любопытство — это плохо, но не понимаю, что на меня нашло в тот момент. Аккуратненько открыв рамку и достав фотографию, я прочла надпись, сделанную на обороте. «Фелиция, Джудит и Олли. 24 апреля 2010». Затем вставила фотографию обратно и положила на место.

Еще мой взгляд привлекла книга, а точнее торчащая в ней закладка-фотография. «Убить пересмешника», — прочла я название книги про себя. Фотография была потрепанная, уголки её загнутые, а сама она пожелтела, но я четко могла различить девушку, вылитую копию Фо, и парня, стоящего рядом с ней. На обороте была дата: 1987г. Безусловно, это были родители Фелиции, видно и невооруженным взглядом.

— Что ты делаешь? — Я обернулась от испуга и выронила книгу из рук.

— Эм... я просто искала уединения, — присев, быстро захлопнула книгу, вложив туда фотографию, и начала бубнить себе под нос, — мне нужно было позвонить, а в доме так шумно.

— Ясно. — Патрик пожал плечами. — Но ты лучше ничего не трогай, а то сестрица будет в бешенстве. — Он кивнул в сторону книги, которую я, как думала, незаметно положила на тумбочку.

Закусив губу, я кивнула, и Патрик ушел. Присев на край кровати, я стала искать в мобильнике номер Лондон. Гудки, гудки, гудки... Затем набираю снова, но подруга не берет трубку.

— Да? — На пятый раз я услышала голос Лорен. Он был хриплым, измученным и заплаканным что ли.

— Привет, это я.

— Угу, — произнесла она и закашляла. Вероятно, она по правде очень заболела.

— Хочешь, я приду как-нибудь к тебе? — Спрашиваю.

— Нет, не нужно. Развлекайся, пока есть время, — хрипло произнесла Лондон.

— Ты не поедешь на фест? — спросила я, на что мне, конечно же, сразу пришел отрицательный ответ. — Тогда ладно, выздоравливай, до встречи.

Спустившись на первый этаж, я увидела, как Патрик хвастает ключами от машины. Не знаю, откуда он их взял, одолжил, скорее всего, но в эту машину все вместе мы должны были поместиться. Времени еще было вдоволь, потому я решила поискать Майки. Выйдя через черный выход, я заметила его, сидящего на ступеньках и облокотившегося об перила. Он покуривал косяк, смотря на темное небо. Нет, дождя сегодня быть не должно, прогнозировали солнечную погоду. Я присела рядом, уткнувшись в его плечо, и стала вдыхать терпкий запах сигарет и тела Майки. Вся толстовка парня пропахла запахом его тела и духов, а теперь еще и табаком. Но мне нравился этот запах.

— Я видела фотографии в комнате Фелиции. Кто такая Джудит? — Спросила.

Майки сделал глубокий затаг, выдохнул, и с сигареты упал пепел.

— Помнишь, я говорил, что у меня фамилия Блэк? — задал вопрос парень. Я кивнула. — Фелиция — моя сводная сестра, а Олли — брат. Это было давно. Наша с Патриком мать умерла, а родители Фо развелись. Все закрутилось так, что однажды мать Фо и мой отец встретились, а затем мы все и породнились. С тех пор у нас такая большая семья. — Он пожал плечами.

— Но кто же для вас Джудит? — настаивала я.

— При разводе все дети должны были остаться с матерью Фо, Лесли, но Джудит — средний ребенок в семье — из-за недавней ссоры с матерью решила остаться с отцом. Фелиция, Олли и Лесли переехали сюда, а Джудит с отцом остались в Сан-Франциско. После они переезжали из одного города в другой, и Фо потеряла связь с младшей сестрой. С тех пор прошло пять лет. Мне кажется, их отец специально это сделал, чтобы они никогда больше не встретились. Несколько раз в год от Джудит приходят открытки без обратного адреса.

— Как печально, — только лишь и сказала я спустя короткое молчание. Я не всегда знаю, что сказать. Слова как-то не приходят. И, пожалуй, это один из тех случаев.

Действительно, сколько бед и переживаний может быть в одной семье. Я сидела и думала, как мы с ним похожи: наши семьи тоже потеряли кого-то. Если честно, никогда бы и не подумала, что где-то в мире есть семья или человек, жизнь которых была бы так сильно схожа с моей. И не представила бы, что на свете найдется хоть один человек, который мыслить будет так же, как и я.

Из кармана толстовки Майки я вытащила пачку сигарет и зажигалку. С каждым вдохом-выдохом горло прожигало все больше, я кашляла, а в разуме освобождалось свободное место. Майки засмеялся:

— Паршиво, когда не привык к сигаретам, да? — Я пихнула его локтем.

— Я уже два месяца не экспериментировала с этим, дай хоть вспомнить это чувство, — с таким же смешком произношу.

Майки обнимает меня одной рукой и целует в лоб. Почему при каждом прикосновении и поцелуе я начинаю таять, как ванильное мороженое на солнце? Каждый миг, проведенный с этим парнем, для меня словно первый в жизни. И я снова задаюсь себе вопросом, почему сначала я его так невзлюбила, а затем просто влюбилась. Или, быть может, он мне понравился сразу же, а вся наша ненависть была заблуждением? Пусть все будет как есть, влюблены ли мы или же ненавидим друг друга.

— Ты что, шутишь? — спрашивает Майки у Патрика, когда увидел, на чем мы поедем в Окленд.

— Что? Отличный фургончик! Зато мы все поместимся, в отличие от твоей колымаги. — Он постучал кулаком по машине.

— Мне кажется, что этот фургон вернет нас во времена хиппи, — заметила Фо, закидывая сумки с продовольствием вовнутрь.

Мы с Ив, стоя в сторонке, ухмылялись этой забавной картине. По-моему, очень забавный фургон, да и какая разница, на чем ехать? Лишь бы добраться туда и обратно. Из дома выскочил Олли в курточке и развязанных шнурках.

— Ох, воу! — произнес он. — Это даже круче, чем в «Скуби-Ду»! — И оббежал фургон несколько раз по кругу, рассматривая его.

Мальчика поймал Патрик, а тот чуть не упал из-за головокружения. Мы по очереди залезли в фургон: впереди сидят, как всегда, Патрик и Фо, позади — все остальные. Сидеть с Олли — это просто нечто! Он постоянно нес какую-то ахинею, смеясь, корча рожицы и жестикулируя — одним словом, баловался. Рассказывал про различные мультфильмы и фильмы, который посмотрел на днях. Иногда его рассказ был последовательным и внятным, а иногда повествование перескакивало с одной мысли на другую, из-за чего сложно было уловить суть. А еще мальчик постоянно тоскал из сумки бутерброды, сладости и чипсы, запивая это кока-колой. Продуктов у нас было навалом, — каждый принес по чуть-чуть — но никто не ел, кроме Олли, потому мы не жадничали.

За всю дорогу мы с Ив съели шоколадку и выпили газировку — нам нужны силы для предстоящего дня, а особенно Ив. А силы — это энергия, а энергия — это сахар. Я пыталась заставить Ив съесть еще что-нибудь из сладкого, — уж больно у неё нездоровый цвет лица — но девушка отказывалась, говоря, что все в порядке, это пройдет.

С Майки мы не обмолвились не словом — они нам не нужны. Мы постоянно переглядывались. Бросали взгляды друг на друга украдкой или же специально, чтобы увидеть поддержку и нежность в глазах. Говорят, любовь предается во взгляде. Думаю, это правда. Чтобы понять, как человек относится к тебе, достаточно посмотреть, как он смотрит на тебя в тот момент, когда он думает, что ты не видишь этого.

Никто не знал о том, что случилось на дне рождения у Лондон. Я так думаю, ведь я никому не рассказывала. Мне не нравится, когда люди делают все напоказ, лучше уж, когда никто ничего не знает о тебе.

Окленд — прекрасный город! Я видела, как за длинным мостом, который проходит через залив, виднелся Сан-Франциско. Видела также и очертания острова-тюрьмы Алькатрас. Когда-нибудь позже я обязательно побываю в городе моей мечты, но это будет не сегодня.

Огромная площадка, на которой сегодня должно поместиться море людей. Ведь фестиваль почти что бесплатный, а кто откажется от бесплатного концерта? Возле сцены, высота которой

около метра над землей, стоит ограждение. Неужели кому-то придет в голову забираться на сцену, мы ведь не какие-нибудь рок-звезды.

На протяжении нескольких часов площадка заполнялась народом, а к началу концерта там уже было не протолкнуться. Я не могла найти своих друзей в толпе. Ив трясло, меня трясло тоже, но подруга смогла себя успокоить и взять в руки, а я вот нет. У меня ужасная боязнь сцены. Как хорошо, что выступаю не я, потому что я бы и слова сказать не смогла!

Послышались крики и аплодисменты, кто-то выкрикивал имя того, что первым вышел на сцену. Свисты и возгласы. Затем началась песня. Всего выступление занимает от десяти до пятнадцати минут. Можно сыграть песен, сколько угодно, лишь бы уложиться в это время. Перед выступлением Ив я поцеловала её в макушку со словами «У тебя все получится. Помни, я верю в тебя» и спустилась вниз, в толпу.

Люди толкались, танцевали и не давали мне прохода. Я шла рядом с ограждением, нужно было занять хорошую позицию, чтобы видеть Ив и чтобы она увидела меня. Меня окликнули, но я не разобрала, откуда шел звук. Затем меня схватили за плечи, и я подпрыгнула от удивления.

— Эмз! — воскликнул сквозь гул толпы Майки. — Идем.

Мы стали напротив центра сцены, напротив того, кто сейчас выступал там. В то же место должна будет выйти Ив. Я не знаю, какие песни она будет петь, ведь у неё был выбор из множества тех мелодий, что мы репетировали; девушка очень быстро выучила каждую из них наизусть.

И вот настал тот момент. Брюнетка выходит к микрофону, её скулы напряжены, она глазами ищет меня в толпе и находит, наши взгляды пересекаются; девушка улыбается и крепче сжимает микрофон.

— Добрый вечер, — говорит Ив. В её голосе слышны нотки волнения. — Начнем с лирики. — Жестом она показывает, что пора начинать.

И земля начала уходить из-под ног. Я вцепилась в ограждение, чтобы не упасть, а Майки приобнял меня за плечи. Вероятно, он почувствовал моё настроение. Я прильнула к нему, чтобы почувствовать запах «Фанты», которую парень случайно пролил на свою толстовку, когда мы ехали в фургоне, и табака. Мне нужны были в этот момент объятия, как никогда раньше, ведь сейчас обличали мою душу. А Ив все пела:

— *Where did you go?*
Where did you go, my mystery.
You left me alone.
You left me to drown in misery.
I can't feel no pain.
I can't feel nothing but memories.
So Where are you now?
Why would you want to leave me to.
Go sleep in the clouds and dream.
Still shine and down on me.
*And pieces underneath.*¹*

И картинки, как при просмотре фильма, мелькают перед моими глазами. Том. Я продолжаю улыбаться подруге, которая смотрит на меня, на нас. Где-то поблизости я слышу голос Олли. Тихо. Очень тихо. По конец песни почти ни одна душа, слушающая голос девушки, не смела произнести ни слова. Многие включили экраны телефонов и махали ими из стороны в сторону. Со стороны это выглядело, как сотни огней в воздухе. А Ив заканчивала:

— *Baby please wakes up.*
Baby please wake up for me now.

И все захлопали. Черт возьми, все!

— Это она придумала? — не унимался Патрик, указывая на меня. — Че, серьезно она? — Фелиция кивнула. Олли просто хлопал в ладошки. — Ачешуеть!

Затем была вторая песня:

— *Come Monday night the day of work is done.
Tuesday morning looms the grey of ordinariness.
Start by putting off your chores
And all the crushing bores,
Say your morning prayers,
Sing a rousing song.
Then sing it on the long walk home.* *²

Ив улыбалась. Море аплодисментов сыпалось со всех сторон. Да, они хлопали ей и её голосу, но также они хлопали и моему труду! Люди запомнят эти песни, она запомнит и исполнителя, и автора. Это и есть та самая память, о которой я так грезил.

Последние две песни были веселые. Слова песен люди подхватывали быстро и подпевали, танцую и жестикулируя. Только мы с Майки стояли, не двигаясь, словно гипнотизировали Ив. От шока и радости, конечно же.

— *You have been warned,
I'm born to be contrary.
Backward at school
I wrote from right to left.
Teacher never cared for me
Preacher said a prayer for me
"God help the girl,
She needs all the help she can get".* *³

Ив пританцовывала, её движения были уверенными и ловкими. Она сияла. Девушка посмотрела на меня так, словно умоляла «Ну же, потанцуй со мной». И я не выдержала, на последней песне я перелезла через ограду и забралась по ступенькам на сцену. Никто меня не остановил, и никто не последовал моему примеру. Майки облокотился, улыбаясь, об ограждение — я видела. Встав рядом с девушкой, я подпевала с ней припев и танцевала вместе с ней тоже. Зрители повторяли движения танца за нами.

— *I run away
They're playing a decent song at last
I think I'll have to dance with Cassie
Cause the dream boy never asked
Shuffle to the left
I kick the boy behind to make a little room
Boogie to the right
Cassie dances madly like a boxing kangaroo
Her little Joey buys the drinks
He's in love more than he thinks.* *⁴

— Ого! — произнес ведущий под свист и восхищенные выкрики толпы. — Кажется, кто-то уже завоевал любовь зрителя. Знакомьтесь: перед вами выступала Ив, — парень указал на брюнетку, — а это Эмили — автор песен! — Люди залились аплодисментами.

Уйдя за сцену, мы с Ив обнялись. Еще, конечно же, мы попрыгали от переполнявшей нас радости и поделились впечатлениями: я — как девушка смотрелась на сцене, а Ив — как чувствовала себя со сцены. Эллис с восторгом похвалила нас, сказав, что мы разорвем их всех в клочья!

Мы с Ив спускаемся вниз, к ребятам. Настала очередь следующего участника. На сцену выходит девушка, у неё длинные черные волосы, в которые вплетены искусственные пряди разного цвета. На ней кожаная куртка и длинная белая футболка с каким-то принтом. Черная юбка с хорошо выделяющимися на ткани молниями по бокам, сделанными для украшения, и

Комментарий к главе:

1* — *Emily Browning — Half of me*

2* — *God Help The Girl — Come Monday Night*

3* — *God Help The Girl — God Help The Girl*

4* — *God Help The Girl — I'll Have To Dance With Cassie*

5* — *Green Day — American Idiot*

Двадцать пять

Время идет, список уменьшается, а значит, скоро и моё время придет. На самом деле, все, что раньше казалось для меня важным, уже почти не имеет смысла. Я была не права, когда думала, что ничто не сможет изменить мою жизнь. Однако, друзья, родные и Майки, как это не может заставить меня переосмыслить мои жизненные ценности? Но мне нужно все выполнить, я обещала себе. Еще чуть больше дюжины пунктов. Всего дюжина... Я не смею умереть, пока не выполню их все. И сегодня выполню самые глупых и легкие, на мой взгляд.

— Эй, ты чего задумалась? — спросил Майки.

— Осмысливаю свою жизнь, — ответила я.

— В ней что-то не так? — Он сидел рядом со мной, держа между пальцами сигарету.

Звуки колес и скрежета оглушали. Кто-то включил в буфере музыку. На улице моросил дождик, потому лучшим местом для нашей прогулки была площадка, находившаяся под крышей. Одна её часть была специально сконструирована для роллеров: там находился ринк; а другая для скейтеров. Мы сидели возле большой рампы, пол там был специально поднят по бокам, чтобы кто-нибудь, как мы, мог посидеть рядом, не мешая катающимся — создавалось ощущение, словно препятствие вырезано в полу. Патрик проделывал на скейте много разных трюков: на склизах, пирамидах, полурампах; Фелиция была тоже где-то здесь.

— Все отлично, — соврала я. А может, и не соврала. Я ведь, правда, счастлива. — Поможешь мне выполнить пару целей, которые я наметила сегодня?

— Например? — Майки нахмурился, а на его лбу выступили три складочки — морщинки. Возможно, он думал, что я попрошу что-нибудь такое, чего он не сможет сделать.

Я рассмеялась. Майки все также хмуро смотрел на меня, но теперь к его выражению лица прибавилось еще и недоумение.

— Да не волнуйся ты так, — произнесла. Дотронулась до его лба большим пальцем, как бы стараясь разгладить выступившие морщины. Выражение лица парня смягчилось, и он хмыкнул, снова сделав затяжку. — Я хочу это. — Я показала пальцем на скейт.

Как бы глупо это ни звучало, но я никогда не каталась на скейте, и никогда у меня не было велопогулки (хотя все-таки на велосипеде я каталась). А еще мне хотелось бы прыгнуть с парашютом. Интересно, придумает ли кто-нибудь мне альтернативу, похожую на моё желание?

Майки улыбнулся уголками губ, а у меня внутри все сжалось, словно кто-то специально стягивает кольцо. Хотя нет, не кто-то, а Майки. Он потушил окурок о пол и выбросил бычок куда-то в сторону; привстал и начал спускаться к основанию рампы.

— Эй, ты идешь? — спросил он, обернувшись.

И я начала спускаться следом. Удачно, что сегодня я надела джинсы, толстовку и кеды, а волосы собрала в хвост. Отличная сноровка, чтобы заниматься спортом.

— Эй, Пэти, одолжи мне свое оборудование. — Парень обратился к брату и получил сильный толчок, из-за которого отпрянул на пару шагов. Я засмеялась. Пэти — это ведь так мило и забавно.

— Ты достал, еще и Олли научил меня так дразнить, — проговорил Патрик с обидой в голосе.

— Да ладно тебе. — Майки махнул рукой. — Я ведь не со зла, просто не знаю, как тебя более ласково называть.

Он взял в руку скейтборд, который к нему подъехал, когда брат ткнул его ногой, и подозвал меня к себе. Я выжидающе смотрела на него. Мы вышли на свободное пространство, чтобы никто нам не помешал; Майки поставил доску на пол.

— Становись, — сказал он мне и подал руку.

Я попробовала встать одной ногой на доску, но она сразу же уезжала из под моих ног, а я шарахалась назад. Майки ухмылялся. Иногда я его просто не понимаю, то он чересчур нежен, то немного посмеивается надо мной. Но я не обижаюсь. Как ни странно, эта его переменчивость и делает парня особенным. Это же насколько сильно нужно влюбиться в человека, чтобы нравились даже его недостатки?

— Давай так, ты все-таки доверишься мне, дашь свою руку, а дальше все пойдет, как по маслу? — поинтересовался Майки.

Я кивнула. Черт, Эмили, перестань трусить. Встав одной ногой на доску и крепко держась за руку Майки, я старалась найти точку равновесия. Майки, сделав несколько шагов вперед, потянул меня за собой, а я зачем-то спрыгнула, и доска уехала вперед.

— Отталкивайся от земли свободной ногой, затем просто двумя ногами становись на доску и поезжай, — пояснил парень.

Еще одна попытка. Уже лучше, но все также неумело и неуклюже. Затем я попробовала сама без помощи парня, но выглядело это так глупо, что Майки смеялся, сидя на корточках и следя за моими успехами.

— Bravo, bravo, bravo. — Саркастическим тоном произнесла Фо, появившаяся откуда ни возьмись. Она хлопала в ладоши. — Майки, из тебя учитель, как из меня танцовщица — совершенно никудышный.

Она взяла свою доску, совершенно плавно подъехала на ней ко мне и, сказав, чтобы я взяла в руки свой скейт и шла за ней, отправилась на улицу. Выбравшись на подъездную дорожку, где, кстати, не оказалось ни одной машины, девушка остановилась. Фо встала на доску и подала мне руку, я поняла её и без слов, нужно делать всё то же самое.

— На счет три отталкивайся, — предупредила Фелиция.

И она начала отсчет. Одновременно оттолкнувшись от асфальта, мы обе поехали. Держась за руки и постоянно ускоряясь, мы катались по улицам. Ощущение было, словно я птица: руки в стороны, ветер в лицо, только чувство пустоты под ногами не хватает. Я улыбнулась. Впервые Фо делает что-то для меня по своей воле, и мне от этого становится намного теплее. Затем девушка отпустила мою руку, и я без чьей-либо помощи смогла преодолеть целую улицу! Ощущение просто ништяковое!

— Я рада, что Майки счастлив, — сказала Фелиция, когда мы были на обратном пути. — Если честно, я никогда не желала тебе зла, а за последнее время даже привязалась как-то к тебе, Эмз.

— Спасибо. — Фо удивилась, словно не понимая меня. — За доверие, — пояснила я. Девушка улыбнулась, но тут же стала серьезной.

— Не подорви его. Я могу быть еще той стервой, когда дело заходит о моей семье, — произнесла она. Мурашки по коже. Я её поняла. Только боюсь, узнав, как обстоят дела в моей судьбе на самом деле, она просто убьет меня. Быстрее, чем это сделает опухоль.

Майки вышел из здания, вместе с ним Фелиция, держащая в руках скейт. Сидя в кафе напротив, я думала о словах брюнетки. Черт возьми, что я делаю? Ведь то, что со мной случится, просто убьет Майки. А что будет с моими родителями... и с Лондон, и с Ив. Я очень надеюсь, что последняя переживет меня, не хочу видеть, как еще один близкий мне человек умрет.

А я все чаще задумываюсь, почему я такая. Мысли о смерти сделали из меня еще большую эгоистку, чем я была, когда думала, что ничего не сможет изменить мою жизнь, что суицид — это единственный выход. Я забываю о том, как переживают за меня мои родители и друзья, как они волнуются, и я совершенно наплевала на чувства Майки, которые одолеют его после моей смерти.

И что же мне делать сейчас, когда я так сильно в него влюблена? Время назад не повернуть, не изменить свои ошибки в прошлом — потому нужно делать правильные вещи сейчас. И чтобы потом не жалеть об утраченном шансе или попытке, о недосказанных чувствах к кому-то, нужно действовать, пока есть возможность. В конечном счете, под конец мне нужно будет все ему рассказать — так будет легче принять мою смерть. Ведь если я не расскажу, будет в сто раз больнее.

— Алло! Луна, Луна, прием! — Перед моими глазами махал руками Патрик, а я даже не обратила на него внимания.

— Снова здравствуйте, — произнесла я после короткого молчания — осознания действительности.

Майки сел напротив, Фо рядом со мной. Все молчали, лишь Патрик похрумкивал чипсами. Мы уставились на него, а он с забитым ртом начал что-то бубнить, что — было мне не разобрать, но Фелиция перевела. «Он сказал: чего уставились? Подумаешь, ем десять раз на день. Я люблю покушать», — произнесла Фо. За это в её лицо полетела салфетка со стороны брата, который недовольно надулся и дразнился. Мы рассмеялись — видимо, это был не совсем точный перевод. Я вертела в руках свою чашку и думала о том, как же сказать Майки правду.

— Что следующим? — наконец-то задал вопрос Майки. Я сразу же поняла, о чем он.

— Сделаем велопрогулку по пересеченной местности? — спросила.

— Угу, — произнес он. — По-моему, это будет забавно. — Я улыбнулась парню в ответ.

Почти три часа мы катались с Майки на велосипедах. За городом есть большая местность, засаженная деревьями — идеальное место для прогулки или пикника. Между деревьями можно очень долго прокладывать свой путь, ведь их там, наверное, тысячи, и все они сейчас стоят голые, иссушенные. А еще возвышения и склоны, которые усложняют путь и в то же время делают его более интересным. У нас не было какого-то конкурса или цели, мы просто наматывали круги, объезжая все. Ветер бил в лицо, развевая мои волосы — сегодня они были с розовыми прядями. Небольшая усталость в ногах, но и некая легкость во всем теле. Чувствую себя свободной, как птица. О, как же это прекрасно! Под ногами ломаются палочки, и трещит сухая земля. Сейчас очень тепло, почти двадцать градусов тепла по Цельсию, но через неделю обещают долгожданное похолодание, а там, гляди, и снег пойдет, хотя бы маленький. Да, зима кончается, но я счастлива, что уже видела зиму. Мою последнюю. Я чувствую.

Возле центрального моста столпилась большая толпа народа. Каждый хочет почувствовать, как адреналин будет растекаться по венам. В чем плюс того, что никто не знает о том, что у меня растет в голове? Никто не будет останавливать меня, бояться за меня, когда я делаю что-нибудь подобное. Стоя на краю моста, я чувствовала, как ветер бьет в лицо; инструктор привязывал к экипировке канат, натягивал его, проверял на прочность. Там, внизу, журчит река, берега которой очень далеко друг от друга, она глубокая. Приятная сине-зеленая вода блестела на солнце, которое уже приближалось к горизонту. Скоро река окрасится цветами заката. У меня голова начинает кружиться, когда я смотрю вниз. Не бойся, Эм. Не бойся.

Это придумал Майки. Кто же еще? Я сказала, что хочу спрыгнуть с парашютом или сделать что-то наподобие этого, а ему в голову правильная мысль пришла сразу же. Банджи-джампинг или тарзанка. Высота моста, да и нынешняя погода вполне позволяют провести это мероприятие. Оно, пожалуй, самое распространенное в нашем городке. А еще это удовольствие здесь не очень и дорогое.

Поджилки трясутся, внутри нарастает чувство страха, опасности и азарта. Трос привязали к ногам, потому двигаться сложновато, но для прыжка самое то. Майки, как всегда, стоял в стороне, облокотившись о железную балку моста, и наблюдал. Его лицо не выражает никаких эмоций, но я знаю, что у него на уме.

— Ты готова? — спрашивают меня. Я кивнула. — На счет три ты должна прыгнуть. — Я снова кивнула.

На «три» я прыгаю. Руки в стороны — я птица! За несколько секунд я преодолеваю десятки метров, от чего сердце уходит в пятки. Сейчас нет ничего — только чувство адреналина. Не замечаю, как начинаю кричать то ли от радости, то ли от страха. Ветер больно бьет по лицу, но мне это нравится. Волосы растрепаны, но кого это сейчас волнует? Когда я достигаю максимальной точки растяжения каната, он «рвет» меня обратно — вверх! Невероятное чувство свободного падения! Я вновь кричу, но теперь точно знаю — это от счастья.

— Куда мы теперь? — после всего случившегося спрашиваю я у Майки. Прячущееся за линией горизонта солнце отбрасывает очень яркие лучи, последние в сегодняшнем дне.

— У меня есть одно место, — говорит парень, — оно типо секретное, но я хочу его тебе показать.

Мы всего за несколько минут езды на автобусе добираемся до райончика, в котором живет Майки. Он берет ключи от своего пикапа, мы садимся внутрь и после уезжаем куда-то. На часах всего лишь пол шестого, а город скоро накроют сумерки. У меня резко обострилась ностальгия по длительным и жарким летним ночам. Солнце заходит, а значит, и температура воздуха понижается. Мурашки уже пробегают по телу от легкой прохлады.

Ехали мы по дороге, которая ведет из города — на самом деле, таких дорог много, но лишь эта уже давно закрыта. Мост, который перекинут через реку, давно ремонтируют, но никак не закончат его реконструкцию. Доехав до ограждения, объявляющего о конце дороги, мы просто проигнорировали его и продолжили путь дальше. Мост, по правде, лишь на одну треть был разобран, остальные две его части были в целости. Остановившись на безопасном участке, мы вышли из машины. Ждать было не долго.

Забравшись на крышу пикапа, мы наблюдали за закатом. Вода стала отливать золотом, затем побурела. Глаза начинали болеть от того, что очень внимательно следила за заходом солнца. Когда я начинала замерзать, Майки достал из кабины одеяло, и мы укутались в нем. Парень подвинулся к краю, чтобы я поместилась, и я положила голову ему на ноги, свои поджав под себя. Он перебирал пальцами мои волосы.

— Очень красиво, — произнесла я, все еще наблюдая, как день заканчивался у меня на глазах.

— После закрытия сюда никто не ходил, кроме меня. Да и вообще, сюда редко кто ходил понаблюдать за закатом или рассветом, хотя место здесь очень красивое.

— Да, — подтвердила я.

Майки все еще перебирал левой рукой мои белые и розовые пряди волос, которые в закатном свете казались и золотыми, и пурпурными, и серебряными. Правую руку он положил мне на талию, я накрыла её своей рукой. Теперь он всегда будет со мной, а всегда буду с ним: шепотом листвы, дуновением ветра, первой снежинкой или первой весенней птицей.

Я счастлива. Черт возьми, как я счастлива. Чувствуя тепло человека, в которого я влюблена, который обнимает тебя, совершенно ничего не говоря, — да слова для чувств и вовсе не нужны — смотря на теплый-теплый закат, я подумала «Вау, кто бы мог подумать, что это возможно — быть счастливой».

Небо стало фиолетово-синим, а река вновь обрела свой темно-синий цвет. Тишину нарушает лишь ветер, шевелящий ветки деревьев, и журчание воды. Темно — фонарей здесь нет. А из-за напозвизгавших откуда ни возьмись серых тучек выглядывает молодая луна. Никто не нарушит красоту этого дня, и никто не помешает нам. Это самая прекрасная тишина и темнота в моей жизни.

Двадцать шесть

Я не люблю этот день, никогда не любила. А может, и любила, но это было так давно, что уже и не правда. Что мне родители подарили в этот день за последние два-три года? Только боль, разочарование и еще большее отчаяния. Но ведь сейчас должно быть все по-другому. Надеюсь.

Меня начали посещать странные сны — воспоминания о прошлом. Они ужасно красочные и эмоциональные, что после них я просыпаюсь вся в холодном поту, а слезы бурной рекой стекают по щекам и подбородку. Такие сны снятся почти каждую ночь, и мне постоянно приходится менять простыни и наволочки; простыни потому, что пот льется с меня ниагарским водопадом и проступает даже сквозь футболку, а наволочки из-за того, что они все пропитываются моими солеными слезами. Самое страшное в таких снах — их красочность, они настолько кажутся мне правдоподобными, что после пробуждения не могу разобрать, где правда, а где вымысел.

Сегодня мне снился отец. Пьяный. Он вновь и вновь избивал меня, бормоча что-то про Тома. Он хватал меня за волосы и отбрасывал в сторону, к стене, по которой я без сил скатывалась на пол. Только что полученная ссадина на лице щипала, а из разбитой губы шла кровь. Я не могла шевелиться от страха. Каждый такой его приступ наводил на меня бурю ужаса. Он хватал меня за ноги, хотел подтащить к себе поближе, чтобы вновь ударить, а я пыталась ухватиться за что-нибудь, хоть за что-нибудь. Когда на мою спину пришелся удар ремнем, я вскрикнула; ноющую боль в спине я старалась заглушить новой: соскребала пол ногтями, раздирала руки в кровь. А мама сидела на кровати в соседней комнате, закрыв руками уши, чтобы ничего не слышать, она

бормотала себе что-то под нос и смотрела на фотографию Тома. Снова удар и еще один мой крик...

Проснулась я из-за того, что Кристи трясла меня. Я снова кричала во сне. Мама уже по обычаю стояла в двери, держа постельное белье. А затем, когда вся суматоха закончилась, я лежала в холодной кровати и смотрела на кусочек неба, который был виден через мое окно. Сон совершенно покинул меня, а душа болела из-за неприятных воспоминаний. Это, конечно, не первый мой кошмар, но и не последний. Я уже привыкла не спать ночами, потому что именно ночью возвращаются эти ужасные воспоминания. Смотря на пустую сторону кровати, я удивлялась — сколько же всего я могла ему рассказать, если бы он лежал рядом со мной.

Заснула я только под утро. Радует то, что, если я чувствую себя нехорошо, могу прогулять школу. Родители все устроят. Таким образом, за неделю я посещаю школу три-четыре раза. Сегодня я вновь осталась дома, да и проснулась я всего ничего в три часа дня. Спустившись по лестнице, увидела, что на диване сидит Джер. Он смотрел какую-то передачу по ТВ. Мама сидела на кухне и попивала кофе — вероятно, тоже плохо спала. Кристи, безусловно, была где-то в доме, ведь Джеральд не пришел бы к нам домой, если бы моя сестра была вне дома. А вот папа, скорее всего, работает.

— Доброе утро, дорогая, — произнесла мама, когда увидела, как я спускаюсь вниз.

— Утро? — удивилась я. Скорее всего, вечер. — Ничуть оно не доброе, — буркнула я.

— Как же не доброе? — удивился Джеральд. — А мы тут подарки приготовили. —

Подмигнул он.

— Не стоило этого делать. — Возмутилась. — Кристи разве не сказала? Я не хочу отмечать!

— А мы и не собираемся праздновать, — сказала только что появившаяся сестра. Она была в душе — волосы у сестры мокрые и собраны в небрежный хвостик. — Мы просто хотим сделать тебе приятно, подарив подарки. Не больше.

Я насупилась. Как бы мне хотелось, чтобы никто, совершенно никто, не знал про сегодняшний день, даже я сама. Но, тем не менее, я ждала от него чего-то. Не знаю... Быть может, перемен?

— А вот и наш подарок! — воскликнул Джеральд.

Он взял в руку коробочку, внезапно появившуюся ни откуда, и поднес её ко мне. Кристи держалась за его руку. Длинная, продолговатая коробочка была обернута подарочной упаковкой. Посередине красовался маленький белый бантик.

— Что это? — спросила я, аккуратно держа подарок на ладони, словно боясь сломать его.

— Я знаю про твою одержимость различными вещами с атрибутикой звездного неба и планет, — проговорила сестра, — а также про твою любовь к Дейенерис Таргариен и кхалу Дрого...

— Ты выучила их имена, неужели! — перебила я, и мы рассмеялись.

— Да... Надеюсь, тебе понравится, — продолжила Кристи.

— Сделали на заказ, — вмешался Джер, — это половина всего комплекта. — Улыбнулся.

Мне не хотелось портить подарочную обертку, потому я аккуратно, чтобы не порвать её, начала расклеивать по краям. Сняв её, я увидела, что у меня в руке оказалась бархатная коробка. Все внутри сжалось от неимоверной благодарности, ибо я уже поняла, что это будет что-то крайне дорогое. Открыв её, увидела тоненький серебряный браслет, собранный из маленьких частичек-чешуек, по своей форме напоминающих полумесяцы. А также внутри были сережки-гвоздики в форме полумесяца, тоже сделанные из серебра.

Я почувствовала, как глаза наполняются слезами. От чего я плачу? Черт возьми, от чего? Подняв взгляд на сестру и её возлюбленного, я улыбнулась, хоть у меня и потекли слезы. Я так растрогалась тем, что ко мне проявили внимание, ведь никто давно не вспоминал про мой день рождения. А о подарках так вообще и нечего было грезить. Но он, Джеральд, который знает меня всего-ничего, тоже сделал мне подарок, что удивляло еще больше.

— Ты что? — недоумеваю, произнесли оба.

— Спасибо, — тихо сказала я и, прикрыв коробочку, бросилась их обнимать. — Не нужно было, это дороговато, — сквозь слезы, говорила, шмыгая носом.

— Пустяки, — произнес Джер.

Затем я попросила застегнуть на моей руке браслет и надела сережки. Я не могла нарадоваться такому прекрасному подарку, но меня ждал еще один. Мама стояла рядом и улыбалась, следя за мной. У неё тоже была маленькая коробочка в обертке.

— Вторая часть. — Она все улыбалась. — Хотели, конечно, с отцом вместе подарить, но раз тут такое дело. — Пожала плечами.

Внутри второй коробочки оказался медальон. Он был круглый, позолоченный, на его верхней части была выгравирован серебряный полумесяц и сделана надпись «Моя луна». Он был тяжеловат, на первый взгляд, но немного подержав в руке, я привыкла к весу медальона.

— Открой, — посоветовала мама.

И я открыла. Как я была удивлена тому, что случилось! Вероятно, внутри медальона был какой-то механизм, потому-то он и был такой тяжелый. Открыв его, заиграла музыка! Внутри была звезда, на которой было написано еще одно слово: «Всегда». Смотря на подарок в упор, я удивилась: да ведь это почти что крохотное чудо!

— Спасибо, мама! — воскликнула я и надела медальон. — Я с ними не расстанусь. — Держа руку на медальоне и смотря на Джера и Кристи, на маму, говорила я.

— Тут еще кое-что есть. — Джеральд ушел в прихожую, а затем вернулся с большой коробкой в руках. — С утра принесли.

Раскрыв записку, которая была привязана к ленточке, я прочла то, что было в ней написано вслух:

— Прости, что не провожу с тобой этот день. Но ведь ты знаешь, как дорога мне, да? Это то, чего ты так давно жаждала, я знаю. Лорен. — На имени подруги мой голос дрогнул. Что могло такого случиться с ней, чтобы она собственноручно написала его?

— А что с ней? — поинтересовалась Кристи. — Вы снова поссорились?

— Нет. Она болеет.

Поставив подарок на кофейный столик, я принялась его раскрывать. Это был граммофон... Лондон смогла отыскать такую старинную вещь и купить ради меня! Я была безгранично счастлива!

— Ух ты! — Издала восхищенный вздох мама.

Я схватила эту довольно нелегкую вещицу и понесла в свою комнату. Поставив граммофон на столик, принялась искать пластинку, которую хотелось бы послушать прямо сейчас. Дэвид Боуи — определенно, это то, что нужно. Пластинка началась с композиции «As the world falls down». Я плюхнулась на кровать и стала смотреть в потолок, изредка, на самых любимых моментах песен, я закатывала глаза и представляла себе различные картинки. Музыка этого певца меня очень вдохновляла и успокаивала. Я даже совсем забыла о ночных кошмарах. Я вставала лишь для того, чтобы перевернуть пластинку другой стороной или вовсе поменять её на другую, и снова погружалась в свои мечты.

Меня разбудил телефонный рингтон. Кто-то звонил. Оказывается, я ненадолго уснула. Взяв трубку, я услышала тот самый голос, который будоражит моё сознание только при одной мысли.

— Давай сбежим вместе? — произнес он.

— И куда же? — задала вопрос я.

— В еще одно моё тайное место.

— Я согласна.

Сбежать — это значит уйти из дома так, чтобы тебя никто не заметил, чтобы никто не знал, куда ты ушла и где ты сейчас. Мне пришлось вылезти из окна своей комнаты, иначе меня бы, безусловно, увидели. А лезла я по трубе, которая была рядом с окном. Было очень страшно, ведь она могла не выдержать моего веса, но нет — все обошлось. Свои белые волосы, которые я, кстати, на днях снова решила покрасить, я собрала в небрежный хвост, несколько прядей падали на лицо — но это не страшно. В бледном свете луны волосы отсвечивали нежно розовым цветом. Похолодания не было, а если и было, то не слишком значительное, ведь сейчас за окном почти двадцать градусов Цельсия. Довольно душно. Зима в этом году выдалась очень теплой. Потому я надела бежевое гипюровое платье длиной ниже колен и накинула на себя сверху кардиган, обула оксфорды. Телефон я решила оставить дома. Знаю, если родители не обнаружат меня дома, они будут очень волноваться, и я оставила на столе записку, что все хорошо.

Было пять часов вечера. Майки уже ждал меня, когда выбралась из дома. Мы, по обыкновению, направились куда-то на его стареньком пикапе.

— И куда мы? — спросила.

— В одно не менее красивое место, чем мост, — ответил Майки.

Вся поездка была не очень продолжительной, от силы минут тридцать. Но Майки успел завязать разговор сразу же.

— Знаешь, я давно не видел твою другую подругу. Ну, блондинка которая.

— Лондон, — произнесла я.

— Да. Что с ней? — задал вопрос парень.

— Не знаю, говорит, что серьезно заболела. — Я пожала плечами и поежилась. Нужно будет на днях навестить её.

— Понятно. — Минутное молчание. — А почему именно Лондон? Ведь это не её имя, так?

— Нет, конечно. — Я слегка улыбнулась и вновь пожала плечами. — Просто в сложный для неё период в жизни она посетила Лондон. Этот город круто изменил её, и, чтобы начать все с чистого листа, она придумала себе другое имя.

— А почему она, девушка, у которой богатенькие родители, общается с такими людьми, как мы, а не с элитой, более подходящей ей? — Майки задал еще один вопрос.

— Ты думаешь, что она похожа на них? — Я взглянула на Майки, чтобы увидеть его реакцию, но ничего... в его глаза ничего не отражалось. Он не ответил, и я продолжила: — На самом деле, она не любит, когда вокруг неё вертятся лишь те, кто хочет воспользоваться её положением. — Я ушла в воспоминания. — Мы с ней познакомились в средней школе, попали в одну группу. Первое время мы совсем не общались, у меня было немного друзей, но больше мне нужно было, вокруг Лондон же вертелось много-много людей. Мы выросли, Лондон все больше разочаровывалась в своем окружении, а я в своем — ибо они хотели быть популярными. И после мы сошлись с ней. Стали защищать друг друга и горой стоять. Все её проблемы были моими, а мои — её.

— Тогда с такой поддержкой как так получилось, что ты попала в больницу? — Такого вопроса я не ожидала. — Или, быть может, такая подруга не смогла прийти тебе на помощь в нужный момент? — Он спросил это как-то грубо, что мне не понравился его тон.

— Нет! — твердо возразила я. — Она бы помогла мне, если бы я попросила! Но она ничего не знала о моих проблемах, я не говорила, не хотела, чтобы меня жалели. — Опустила голову вниз, смотря на свои острые колени. Я схватилась за край платья и сжала его, от чего оно еще больше приподнялось и оголило мои колени. Я очень разозлилась. Зачем он портит такой приятный день своими вопросами?!

— Прости. — Он положил руку на мою. — Я не хотел портить тебе настроение. — А затем: — О, вот мы и приехали!

Майки привез меня к морю. Белый-белый песок хрустел под ногами. Темно-зеленое море маленькими волнами накрывало берег, принося с собой маленькие ракушки, водоросли и прозрачных медуз. Оно шумело так громко и одновременно так тихо, хотя, возможно, это от того, как сильно я обращала внимание на шум прибоя.

Мы расстелили небольшое покрывало и смотрели, как солнце снова скрывается за горизонтом. Мой второй закат с Майки. Сумерки сгущались над морем. Погуляв по берегу, мы отыскивали несколько больших ракушек, в которых слышится море. Еще мы слепили кривой и не очень аккуратный замок из песка, умыли себя грязью, а затем окатили морской водой друг друга.

— Эй! — воскликнула я. — У меня же кофта промокла!

— Сейчас все исправим. — Майки взял меня за руку, и мне пришлось бежать следом за ним. Впереди был дом, как видно, пустой, возможно, заброшенный. Там мы и остановились на крыльце.

— Мы что, просто так вломимся туда? — удивилась я, видя, как Майки ищет способ, как же попасть внутрь.

— Ну, формально — да. Хозяева милые люди, — сказал он, — приезжают сюда только летом, потому волноваться не о чем. Да и сигнализации здесь нет. — Он увидел открытую форточку и воспользовался случаем: просунул руку и нажал на защелку. Спокойно открыл окно и пролез в дом, затем открыл дверь изнутри и пригласил меня войти.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я здесь частенько бывал, вот и познакомился с хозяевами. — Пожал плечами.

Дом был небольшой, хоть и двухэтажный, но из-за того, что здесь отсутствовала какая-либо мебель и декор, он казался просто огромным. Огромным, мрачным и пустым.

— Может быть, здесь найдется что-нибудь из еды? — спросила я.

— Не знаю, поищи на кухне. Я спущусь в подвал, вдруг там есть дрова. — Сказал Майки и скрылся за дверью.

Нет, все-таки дом был не совсем пустым, кое-где была мебель, но лишь та, которую нельзя забрать с собой. Например, найдя кухню, я увидела, что плита и тумбы там есть. Хотя плита и не будет работать — здесь нет электричества или газа. Раскрыв шкафчики, я удивилась, когда обнаружила там пару баночек с консервами. Быть может, те, кто здесь живут, подумали, что это и забирать с собой не стоит, а может, просто забыли. Две стеклянные банки тушенки, у которых еще не истек срок годности. А внизу, у раковины, я обнаружила немного картошки, она, конечно, была уже немного вялая и вся покрылась ростками, но еще сгодится в пищу. Все свои находки я принесла в большую комнату, которая, скорее всего, служит гостиной. Там у стены стоял небольшой пыльный камин. Майки вернулся совсем быстро. Он бросил пару бревен рядом с камином, произнеся: «Немного отсырели, но сгодятся», и пошел в машину за спичками. Также он нашел пару восковых свечек и принес с собой немного бумаги для того, чтобы развести огонь.

Майки разровнял угольки, лежавшие в камине, скатал бумагу и положил на угли, сверху поставил тоненькие бревнышки шалашиком — как бы мини-костер. Он поджег только краешек бумаги, а через пару секунд она вся вспыхнула, угольки стали загораться вслед, а из сырых дров уходить влага, совсем скоро и они загорелись.

Мне нравилась атмосфера, которая стояла здесь и сейчас. Когда Майки сказал, что нужно просушить одежду, а то я простыну, я послушалась. Мы сняли ботинки и поставили рядом с огнем, чтобы они просохли. Рядом разложили наши носки. Принеся из соседней комнаты старый стул со спинкой, я поставила его рядом с камином и повесила на него кардиган. Теперь я осталась в одном платье. На Майки же была футболка и джинсы, его скомканная куртка лежала рядом. Зажженные свечи мы поставили на камин, чтобы они освещали комнату, хотя и света, исходящего от огня тоже хватало. Мы согрелись и начали шутить, говорили о всяких вещах: о море, о солнце, о траве. Затем огонь начал потихоньку утихать, и мы бросили в него картошку — просто так — и банки с тушенкой, крышки которых предварительно были сняты нами с помощью ножа. Если все получится, то на ужин будет картошка в мундире с тушенкой.

Пока мы ждали, я легла на деревянный пол. Дерево пахло очень приятно, запаха затхлости, гнили или сырости не было совсем, лишь приятный запах хвои. «Как странно», — подумала я. Майки лег рядом, не прикасаясь ко мне, словно боялся нарушить мой покой. И я вновь смотрела на небо, которую ночь оно чистое, и я могу наблюдать за прекрасными звездами. Шкворчание прослойки жира, которое было на самом верху банки, меня успокаивало — звук дома. Я смотрела на Майки украдкой, а он не замечал этого — увлеченно следил за тем, как готовится наш ужин.

Банка нагревалась, жир в ней начинал закипать, а значит, и само мясо в целом потихоньку разогревалось. Через некоторое время мы проткнули клубень вилкой, которую я нашла на кухне — вроде бы приготовились. Выкатив из костра клубни картофеля, кожица которых почернела и кое-где полопалась, мы стали ждать, пока они остынут. Банки с тушенкой мы достали с помощью какой-то железяки, которую где-то достал Майки.

— Здорово, да? — восторгалась я, когда чистила картошку от кожицы. Руки, правда, были все в саже после, но ведь это пустяки.

— Угу, — сказал он. — И съедобно.

После мы сидели рядом и просто молчали. А возможно, каждый из нас боялся что-то сказать и нарушить эту атмосферу. Я-то уж точно. Внезапно Майки придвинулся ближе и положил голову мне на плечо, стал слушать моё дыхание и прерывающееся сердцебиение. Я же смотрела как его волосы блестят, когда на них падает свет костра. Потянувшись, чтобы поцеловать меня, Майки немного привстал, опираясь на руки. Когда наши губы соприкоснулись, я почувствовала себя наркоманом. Медленно, очень медленно я шла ко дну; падала в бездну; срывалась с утеса — так сильно я была влюблена.

Внезапно мне показалось, что я ничего не боюсь, ничего больше так не важно, как он. Я позволила себе коснуться кончиками пальцев его живота; они вспыхнули, и я почувствовала, как кровь приливает к моим губам, щекам, к кончикам ушей. Наши глаза были темнее самой ночи, так

сильно мы были поглощены друг другом. Такое громкое и частое дыхание. Такие горячие прикосновения, что внутри меня разгоралось пламя.

Я расхохоталась, легонько, чтобы не напугать Майки. Это ситуация показалась мне такой забавной. Черт возьми, кто бы мог подумать, что я буду тонуть от чувств, испытываемых к этому парню. Ведь я совершенно не думала, что вообще смогу влюбиться. Я на секунду остановилась и задумалась: «А что было бы, если бы я не встретила этого человека? Какой была бы тогда моя жизнь?». Безусловно, совершенно другой.

Я утопала, и течение уносило меня все дальше от берега, все глубже в море; и ничто и никто не в силах мне помочь. Это все он, тот самый странный парень, так действует на меня. И я, всего лишь бедная девушка Эмили, которой нужна была помощь, сейчас так сильно притягиваю его, что он не может оторваться от меня.

— Как бы я хотела всегда быть рядом с тобой, — внезапно для себя произнесла я.

Мы вновь заглянули друг другу в глаза, в них сияли звезды. Поцеловав меня, мягко, нежно, Майки стал расстегивать мое платье. Я вздрогнула, но не заставила себя убрать его руки. В первый раз в жизни мне этого хотелось, хотелось, чтобы он расстегнул моё платье.

Да, раньше до всех этих событий, которые перевернули мою жизнь, я даже и не целовалась с парнем. А затем я впервые попробовала, что же это за ощущение. Если бы я знала, что он появится в моей жизни, я бы никогда ни к кому не прикоснулась. Да, возможно, у меня и должна быть какая-нибудь особая фобия к близости после того, что чуть не сделал Брэд. Но ведь я сбежала, а это значит, что я должна сейчас забыть о том, что кто-то может существовать кроме нас двоих.

— Майки... — прошептала я. — Я никогда... — и остановила себя на полуслове.

Он целовал меня в шею, спускаясь ниже к ключицам, в ямочку между ключицами, осторожно переходя на плечи, целовал еле заметные белые ниточки на них. Его совсем не заботило, насколько я костлява, насколько я уродлива или искалечена; вероятней всего, он думал, что я совершенство в то время, как я уже считаю его своим идеалом.

— Мне остановиться? — услышав мои слова, спросил он.

— Нет. Я не хочу останавливаться, — я выдохнула эти слова в его волосы.

Майки встал на колени передо мной, и я сделала то же самое. Взяв мои руки в свои, он поцеловал их. Я не могла сейчас ни о чем думать, внутри меня все глухо звучало.

— Уверена? — задал вопрос парень. Я кивнула.

Майки поцеловал меня в губы, а затем протянул свои руки за мою спину и полностью расстегнул молнию, спустил рукава моего платья. Дальше мы вместе его сняли. И вот на мне осталось всего ничего: две вещи. Бледно-лиловый кружевной лифчик и точно такие же трусики.

Я снова коснулась его живота и почувствовала, как парень вздрогнул. Он боится спугнуть меня, боится сделать что-то не так — такой вывод я сделала для себя. Провела пальцами по его ребрам, по спине и коснулась пряжки его ремня на джинсах. Аккуратно, легонько я начала его расстегивать. Так, словно я никуда не тороплюсь. Хотя куда мне торопиться? Следующим был черед футболки. Парень слушался меня, как мальчишка, и мне это очень нравилось. Я задрала его футболку, а он поднял руки, и я сняла с него эту вещь. Меня охватывало желание.

Не знаю, как описать то чувство, когда он касается своими губами моих плеч, а его распыленное дыхание жжет мою кожу. Когда я прикасаюсь к нему, а он вздрагивает, и я чувствую, как он тает из-за моих прикосновений.

Мне хотелось, чтобы ему было приятно, и я целовала его шею, гладила спину. Я чувствовала его сердцебиение, оно было похоже на звук барабана — такое же глухое и частое. И я знала, что дальше выбор только за мной.

Сняв джинсы, Майки остался в трусах. Он присел рядом со мной, и меня охватило жгучее желание показать ему свою грудь, хоть и у такой худышки, как я, её почти нет. Расстегнув лифчик, я позволила парню его с себя снять.

Теперь он всегда будет для меня первым; ничто, даже забвение, этого не изменит.

Мы одновременно улыбнулись. Казалось, что мы две половинки, выточенные так, что идеально подходили друг другу, как ключ к соответствующему ему замку. Мы дополняли друг друга. Мы одно целое. Мы — это Майки. И Мы — это Эмили.

— Ты плакала, — произнес Майки и коснулся моей щеки, стирая с неё уже почти высохшие слезы. Я кивнула и поджала губы.

— Не нужно было? — Закрыла лицо ладонями.

— Я совсем не это хотел сказать... — он опешил.

Жмурясь от неловкости своих фраз, я почему-то спросила еще кое-что. И за это мне стало в двойне стыдно.

— Был ли ты так близок с другими девушками? — Лицо Майки как-то изменилось. Мне показалось, что это ответ на мой вопрос. И я почувствовала, как что-то меня укололо. Где-то внутри. Глубоко-глубоко. — И много их у тебя было? — Неожиданно произнесла я следом.

— Что? — Удивился. — Нет, немного.

— Прости. Я просто глупая. — Прикрыла глаза и мысленно укоряла себя за свою глупость.

Я замолчала. Майки немного привстал и поцеловал меня. Я взяла его руку и в полутьме пыталась разглядеть его красивые пальцы, длинные и тонкие, как у музыканта. Еще у него были изящные запястья. Огонь погас в камине, лишь красненькие угольки трещали. Я коснулась белой полоски, которая проходила вдоль запястья; парень посмотрел на меня, как будто ожидал вопроса и уже прокручивал в голове, что же ответить, но я молчала. Просто положила голову ему на грудь и стала искать место, где же сильнее всего будет слышно его сердце.

— Что ты делаешь? — задался вопросом Майки.

— Хочу слышать, как ты дышишь. И знать, как бьется твоё сердце. — А билось оно неровно, прерываясь, словно спотыкаясь обо что-то. Я знала этот звук — таким же ритмом бьется моё сердце.

Он провел своей рукой по моему боку, останавливаясь лишь на шрамах, ведь они очень сильно выделялись на моей гладкой коже. Затем погладил кончиками пальцев спину, и я полностью растворилась в нем, в его ласках. Он спускался по спине все ниже и ниже и, не дойдя до ягодиц, остановился.

— Мне нравятся твои ямочки на спине, — выдал он. И я смутилась.

А затем через некоторое время он вновь спросил:

— Расскажешь мне о своих шрамах?

— Если ты расскажешь мне о своих вшах.

— У меня их немного, всегда два. — Он взял мою руку и провел моими пальцами по шрамам на своих запястьях.

— Это из-за какой-нибудь девочки? — Задала вопрос. Я так подумала, потому что Фо очень сильно стоит за него горой, и она не хотела, чтобы мы общались.

— И да, и нет, — ответил он. Я не совсем поняла, но того, что я услышала, было достаточно.

Я села перед ним, а Майки привстал на локтях. Но когда я попросила его руку, ему тоже пришлось сесть. Кончиками его пальцев я провела у себя по животу, затем прижала его руку к спине, плечам; провела ею по ногам, обвела пальцами коленку; затем указала на руку и прижала его ладонь к голове. Нащупав у меня на голове еще один шрам, Майки удивился.

— Мотоцикл, — произнесла я. На большее я не решилась. Незачем ему знать о том, как бил меня отец. Ведь что было, то прошло. Не стоит держаться за прошлое. Важно лишь то, что происходит здесь и сейчас.

Майки поцеловал меня в лоб, его губы коснулись моих век и подбородка. Волна мурашек прошла по моему телу.

— Пожалуйста, не останавливайся, — прошептала я. — Поцелуй меня.

И он поцеловал меня. Везде.

«С днем рождения, Эмили», — проговорила я про себя.

Я знаю, что еще рано говорить о чем-то подобном. Наши чувства еще не зрелы, мы-то знакомы всего три месяца. Но я чувствую это всем сердцем. Да, этого еще не произошло, но произойдет. В скором будущем. Любовь.

Мне нужна тишина. Я хочу полнейшую тишину. Как же невыносимо слушать, как кто-то внизу так сильно топает ногами. Я сворачиваюсь клубочком на кровати и надавливаю пальцами на виски. Когда так делаешь, то боль проходит — всего на пару секунд, правда, но это что-то.

Сколько времени прошло с того момента, как я тут разлеглась? Не знаю. Час? Два? Сутки? А может быть, даже и десяти минут не прошло? Зарываюсь лицом в одеяло. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, прекрати меня мучить, боль. Но она меня не слушает, а лишь с каждым мгновением усиливается — кажется, что моя голова вот-вот взорвется. Руки сразу же застыли.

Я поворачиваюсь на другой бок, чтобы лечь поудобнее — вдруг голова перестанет болеть? Но это не помогает. Как только я делаю малейшее резкое движение, пронзительная боль поражает меня. Я всхлипываю. Это не выносимо... Пожалуйста, пожалуйста... И снова всхлипываю. Начинаю плакать, сама того не осознавая. Почему не может быть легче? Почему это должно быть так больно?

Аккуратно, не поворачивая голову, стараясь вообще не делать даже малейших движений ею, я начинаю шнырять рукой по прикроватной тумбочке. Где-то здесь должны быть таблетки... Открываю первый ящик, который высовывается со скрипом, — я морщусь от такого громкого звука — и стараюсь нащупать пузырьки. Вот он! Но открыв пузырек, я прихожу в еще большее отчаяние: он пуст. Иного выхода нет...

— Мама! — кричу я, и из глаз приснули слезы.

Я кривлюсь и хватаюсь руками за волосы. Больно! Но на самом деле, я не кричала. Мне так показалось. Сейчас любой звук у меня в голове усиливается во много раз.

— Мама... — шепчу я, а мне вновь кажется, что из меня вырывается ужасный утробный крик.

Это невозможно. Мне нужны таблетки, иначе эту боль не остановить. Уж лучше бы умерла сразу, чем терпела такие пытки! Держась за голову, я медленно встаю с кровати. Та скрипит, и я что-то мычу себе под нос. Мелкими шажками я приближаюсь к двери, хватаясь за все возможные вещи, держась за них, чтобы не упасть. У меня совсем нет сил, словно эта головная боль высасывает из меня жизненную энергию. Толкаю дверь, но она заперта, нужно повернуть ручку. Опершись головой о дверь, я стараюсь собрать все силы, чтобы правильно отпереть дверь, а то она может заблокироваться, и я уже совсем не выйду отсюда. Руки, потные, соскальзывают с гладкой поверхности. Один поворот по часовой стрелке, второй... Щелк. И кто-то протыкает мою голову насквозь, я тихо взвизгиваю и успокаиваюсь. Толкаю дверь и выхожу из комнаты. Но впереди еще более страшная вещь — лестница. Стоя у самого края, держась за перила, я произношу:

— Мама... — мой голос похож на шепот. Половицы скрипят, я жмурюсь, но продолжаю идти. — Мама!

Одна ступенька. Вторая. Я шагаю так медленно, словно стараюсь научиться ходить, как в младенчестве.

— Мама, — вновь проговариваю.

— Эмили? — я слышу её голос с кухни. Она меня услышала наконец-то. Но меня пронзает боль — слишком громко. Сразу море звуков накатывает на меня: голос, скрип половицы, сильный ветер за окном, чьи-то шаги.

— Мама... — Я становлюсь на следующую ступеньку, но нога подгибается. Я не выдерживаю. Чувствую, как дерево больно вонзается мне в спину и руки, голова кружится еще больше. Звук — он настолько громкий, что я не могу ничего слышать. Уйдите, оставьте меня умирать! Споткнувшись, я скатываюсь кубарем по лестнице и падаю лицом на пол.

Слышу, как мама подорвалась с места и очень быстро — вероятно, бежит — приближается ко мне. Шум. Моё лицо все зареванное, я не могу сдержать поток соленой боли.

— Эмили! — Я слышу в её голос страх. Она подбегает и трясет меня за плечи, а я хватаюсь за голову, ничего не говорю, но, думаю, мама все понимает.

Мама помогла мне подняться и усадила возле лестницы. Что-то внутри разрасталось и приносило мне невероятную боль.

— Сейчас, сейчас... — шептала мама, убирая с моего лица налипшие волосы. — Они уже едут.

Затем она принесла мне стакан воды и горстку таблеток, но мне ничуть не стало легче. Когда за окном послышался звук сирены, я еще больше расплакалась и, кажется, потеряла

сознание, потому что кроме носилок я больше ничего не помню.

Две недели. Целых две недели я пролежала в больнице — пол февраля. И самое странное — никто меня не посетил, кроме родных: ни Майки, ни Лондон, ни Ив. Неужели я ошиблась в этих людях? Нет. Быть такого не может. Значит, у них есть причины.

— Ну как, тебе лучше? — спрашивает папа, который сидит рядом. Я киваю. Голова не болит, что еще можно просить?

По коридору бегают дети... Какой ужас! Кто бы мог подумать, что в онкологическом отделении в нашем городе может быть так много детей. Доктор задерживался.

— Привет, — говорит подбежавшая ко мне девочка. У неё большие-большие серо-зеленые глаза. — Ты тоже болеешь? — спрашивает она.

— Да. А ты? — Девочка кивает. — Серьезно?

— Доктор сказал, что у меня девяносто процентов на то, что я поправлюсь. — Она улыбнулась. Её золотые растрепанные волосы шевельнулись.

— А вот у меня нет шансов. — Почему-то я делюсь с этой маленькой девочкой всем. Почему? Не знаю. — Сколько тебе лет?

— Мне восемь. А тебе?

— Семнадцать.

— Ого! — восклицает она. Затем подбегает к своим друзьям, берет у них из рук фломастеры и бежит ко мне. Хотя мне и безумно жаль этих детей, я рада, что они могут радоваться. Им можно рисовать на стенах специальными фломастерами, которые после смываются; у них есть специальные наклейки на стены в палату; а еще им дают бусы — чем бусы длиннее, тем больше шансы на поправку. У этой девочки бусы довольно длинные. — Ты похожа на принцессу из мультика, — произнесла она. — Можно я нарисую что-нибудь? — Девочка уже приготовила фломастеры.

— Можно, — я кисло ей улыбнулась.

Девочка нарисовала на моей щеке снежинку, немного корявенькую, но она очень мне понравилась. А на другой щеке нарисовала солнце. Также она успела осмотреть мои украшения, музыкальный медальон ей безумно понравился, и потому к солнцу дорисовала еще и луну.

— Поправляйся, — на прощание сказала девочка и убежала.

Еще минут через десять пришел доктор. Он извинился за то, что задержался; сегодня он дежурный доктор, нужно было сделать обход. Я, мама и папа сели на стулья возле стола. Доктор Фитч разложил бумаги перед собой, стал смотреть их, перебирать. Не нужно было слов, чтобы понять этот жест, он тянул время, хотел собраться с мыслями. Затем он положил руки на стол, глубоко вздохнул; снял свои очки и стал протирать тряпочкой, которая лежала рядом, вновь одел их и пристально посмотрел на нас.

— В общем, как я и говорил раньше, опухоль будет прогрессировать. Звездчатые клетки глиобластомы перешли на ствол мозга, — проговорил он и выдохнул.

— Что это значит? — спросил папа.

— Помимо нарастающей головной боли будут частые головокружения, тошнота. Через некоторое время будет наблюдаться нарушение координации. Возможны нарушения слухового и зрительного центра. Но самое главное — это то, из-за чего ты, Эмили, вновь пролежала здесь так долго. Голова. Из-за увеличения размеров опухоли, боль будет просто невыносимой, и с каждым разом она будет все сильнее, словно кто-то будет бить в бубен у тебя в разуме. — Он вновь поправил очки.

Что ж, я ничего другого и не ожидала. Даже думала, что будет намного хуже. Но меня волновал другой вопрос.

— Сколько еще? — твердо спросила я.

Маму передернуло от моего вопроса. Она в первый раз со мной в больнице. В прошлые разы со мной была Кристи и один раз — папа. Она должна знать, какова реальность, даже несмотря на её ужасную боязнь больниц. Ничего не мешало ей сидеть с отцом, когда тот был болен, теперь пришла моя очередь.

— Не думаю, что стоит говорить об этом, — ответил доктор Фитч.

— Мне кажется, я должна знать сроки. У меня еще есть незаконченные дела.

— Понимаешь, я считаю, что надежда — это лучше, что можно было придумать в мире. Это самое эффективное лекарство. Не стоит отнимать её у пациента. — Доктор Фитч взял бумаги и стал их складывать в ровную стопку. — Тебе стоит верить в лучшее, Эмили.

— Всех нас ждет одно, доктор Фитч: все рано или поздно закончится. Пожалуйста, доктор, — умоляла я.

— Эмили, не стоит, — жалобно произнесла мама.

— Нет, пусть скажет. — Папа сжал кулаки. Он тоже хотел знать.

— Пожалуйста, — повторила я. — Это моя жизнь.

Доктор снова снял очки и посмотрел куда-то вниз. Всегда тяжело выносить посмертный приговор, верно? Он встал и подошел ко мне, положил руку на плечо и произнес:

— Не больше трех сезонов.

И вот тут меня как громом ударило. Не больше девяти месяцев. Как мало.

Мама не выдержала и разрыдалась. Папа обнял её. «Вы сильные, — думала я. — Вы справитесь. Вы должны». А у самой сердце разрывалось на кусочки.

— Ну, что, тебе еще недельку тут побыть, чтобы мы убедились, что приступа не повторится, и домой поедешь, — сказала медсестра. Она так приветливо улыбалась, что, на самом деле, было очень противно. К чему это фальшивая приветливость?

— Ага, — произнесла я. И девушка ушла.

Но я не собиралась сидеть здесь просто так. Я одна, никто ко мне не приходит. И я должна выяснить, почему. Беру рюкзак, который еще давно привезли мне родители, и собираю туда все вещи: запикиваю, не следя аккуратно или нет, лишь бы поскорее справиться. Снимаю с себя больничные вещи и надеваю свою одежду, привожу в порядок волосы и накидываю на плечи сумку.

Выйдя из палаты, я подумала, что, скорее всего, в таком виде уйти отсюда мне не удастся. Но другого способа у меня не будет. Я оббежала центральный коридор, оглядываясь по сторонам, — не заметил ли кто меня — и направилась к запасному выходу. Там есть пожарная лестница. По ней я спустилась вниз и уже спокойно продолжила свой путь.

Стоя у дома Лондон, я ждала, пока мне откроют. Сейчас, скорее всего, родители подруги на работе, следовательно, здесь только она и дворецкий. Я еще раз нажала на кнопку звонка. Дверь открыла Лорен, но она не была похожа на себя: засаленные, сбитые в комок волосы, мешковатая одежда и тапочки. В руках она держала платок. Когда она увидела меня на пороге, то попыталась что-то сказать, но вместо этого высморкалась в платочек и прокашлялась. Она болеет уже так долго, не уж то никто не может её вылечить?

— Привет, — произнесла я.

— Привет, — прохрипела подруга. — Я же просила: не нужно приходить; я в порядке.

— Да я вижу, — смотря на ботинки, ответила я. Интересно, она слышит сарказм у меня в голосе?

— Прости, но я не могу тебя пригласить, вдруг заражу тебя. — Её голос был такой усталый и грустный.

Я кивнула. Нет, ей не до моих проблем, по крайней мере, сейчас. Я не винила Лорен за то, что она не может мне помочь; у каждого человека могут быть сложности в жизни, и сейчас такие трудные времена у нас обеих.

— Угу, — произнесла я. — Мне просто хотелось тебя увидеть. Выздоровливай. — И, отвернувшись, я зашагала прочь. Лондон тихонько захлопнула дверь.

Еще один дом. Я стучусь в надежде, что хоть здесь мне поднимут настроение. Черт возьми, послушайте меня хоть кто-нибудь! Но нет.

— Майки болеет, — твердо сказала Фелиция, как только увидела меня на пороге. У неё в глазах было что-то такое... Не знаю, как объяснить. Словно она снова хочет меня за что-то отчитать.

— Ты врешь. — Я нахмурилась.

— Зачем мне лгать? — Она удивилась. — От тебя не было вестей две недели, и тут ты заявляешься, как ни в чем не бывало. Откуда тебе знать, правду я говорю или нет?

— От Майки тоже не было вестей, — упрямылась я.

— Я тебе говорю: болеет он! — грубо ответила Фо.

— Можно мне с ним поговорить? — Настаиваю.

— Пожалуйста, только учти, он спит. — Девушка отошла в сторону, уступая мне дорогу.

Я поднялась на второй этаж и повернула налево. Первая комната справа. Я стучусь. Тихо. Тогда приоткрываю дверь и тихонько захожу в комнату. Майки лежит на кровати, закутавшись в одею. Его грудь тихонько приподнимается и опускается, он сопит. На столе стоит стакан с водой, еда и упаковки лекарств. Нет, Фо не лгала, он правда болеет. Тогда ясно, почему он тоже не мог навестить меня...

— Убедилась? — спросила брюнетка, когда я закрыла за собой дверь. Я кивнула. — Тогда можешь идти. — И я молча стала спускаться вниз.

Домой мне нельзя идти, пока нельзя. Шагая по улице, где люди даже не замечали меня, мне становилось еще более одиноко. Я пинала ногами камушки, которые попадались мне на пути, от чего мои кеды еще больше пачкались — недавно был дождь, и на улице ужасная грязь.

Доктор сказал, что из-за того, что опухоль поразила правое полушарие, у меня могут быть проблемы с общением, да с самим социумом в целом. Я только начала привыкать к людям, и вот они снова покидают меня. Лондон, Майки... Они не виноваты, но это мысль все равно не радует меня.

Зайдя в телефонную будку, я облокотилась об ее стенки и села. Положив голову на колени и обхватив их руками, я старалась не расплакаться. Не стоит, Эмили, ты чего. Вот выздоровеют они и помогут мне, как бы плохо мне не было сейчас. Стоит всего немного потерпеть. Я стала искать монетки в карманах и нашла несколько центов, вставила их и набрала знакомый номер.

— Абонент не отвечает, — говорит оператор, — продолжать набирать?

— Да.

Гудки, гудки, гудки. Снова те же слова, и я снова отвечаю «Да». На четвертый раз кто-то снимает трубку.

— Ив! — восклицаю я. — Ив, как же я соскучилась.

— Извините, но у телефона не Ив, а её мама, — звучит женский голос.

— Что? — Я в смятении. — Это Эмили, её подруга.

— А-а-а, Эмили, добрый день, — произносит мама Ив.

— Здравствуйте, а можно позвать Ив?

— Эмили... — Она вздыхает, и это слышно в трубке. — Мы в больнице.

— Что?! — Меня словно ударяют в самое сердце.

— Все плохо, Эмили. Приходи, пока еще есть время.

— Я уже в пути, — выкрикиваю.

Вылетаю из кабинки, неся в руке рюкзак, и очень быстро, как никогда, бегу на остановку. «Слишком долго, — думаю я, когда увидела расписание». Выбегаю к краю тротуара и начинаю голосовать, авось подвезет кто-то. И я не ошиблась. Рядом со мной остановилась машина, в которой находился мужчина средних лет и еще один — пожилой. Вероятно, это отец и сын.

— Можете меня до городской больницы довезти? — Мужчины переглядываются между собой. — Пожалуйста, мне очень срочно нужно туда попасть, моя подруга умирает! — Пожилой что-то сказал своему сыну, и тот открыл дверь.

— Присаживайся. Мы постараемся поскорее туда попасть, — сказал водитель.

— Спасибо, огромное спасибо! — Закидываю рюкзак внутрь и сама залезаю на задние сидения. Хорошо, что есть еще добрые люди на свете.

Я спешу, Ив. Дождись меня, пожалуйста.

Двадцать восемь

Говорят, что когда человек на грани, когда у него остаются последние минуты жизни, перед его глазами проносятся вся его жизнь. Я думаю, что это возможно. В моей голове проносятся тысячи образов — воспоминаний о прошлом, но я еще не умираю, хотя чувствую, как внутри груди что-то с огромной силой давит на меня. Смерть близко, но не моя, наверное, поэтому-то меня и мучают все эти отрывки из жизни.

Вспоминая о прошлом, я думаю о Томе. В детстве он частенько играл со мной и Кристи, постоянно проявлял заботу и любовь. Но так как я была младше Кристи, забавы брата радовали меня больше. Мне кажется, Том и любил меня больше, хотя у него с Кристи было много общего, ведь у них всего лишь в три года разница; у меня с Кристи — четыре, а с Томом — семь. Уткнувшись лбом в стекло, я все вспоминала. Мы с братом постоянно играли в прятки и салочки, а с Кристи мы любили читать различные книги. Том учил меня кататься на велосипеде и приводил домой, когда я разбивала коленки. Помню, он доставал из аптечки зеленку и неуклюже пытался её открыть, а открыв, запачкал руки; дуя на мои ранки и приговаривая детские скороговорки, он аккуратно мазал мои коленки, а я морщилась и взвизгивала от боли. Тогда приходила Кристи, садилась рядом и говорила успокаивающие слова, стирая с моих щек слезы. И в конце они оба обнимали меня.

Затем это воспоминание сменяется следующим: папа, схватив меня под мышки, поднимает вверх в воздух, подбрасывает, и на мгновение мне кажется, что я лечу, расставив руки в стороны; сильные руки отца вновь ловят меня, и, прижимая к своей груди, он начинает щекотать меня. Мне пять, и я безумно смеюсь от счастья.

О, я запомнила, как в первый раз пошла в школу, как за одну руку меня держал отец, а за другую — мать; впереди шли старшие в семье дети, и я, безусловно, знаю, как родители были горды своими отпрысками. Помню прощальные речи, когда Том и Кристи заканчивали школу. Тому как прилежному ученику и капитану футбольной команды была представлена возможность сказать речь за всех. Мне было одиннадцать, и я тогда еще не понимала всю глубину его слов. А вот заключительная речь Кристи меня очень тронула, сама же сестра расплакалась, читая её; а еще она плакала, прощаясь с учителями и своими друзьями; родители тоже не смогли сдержать эмоций, а мы с Томом, улыбаясь, смотрели на всю эту картину. В то лето, когда мне было четырнадцать, брат был еще жив. Но к концу июля... Одним словом, наша счастливая жизнь была закончена. И я осталась одна.

Помню, как некогда черные волосы отца покрылись легкими перышками седины, хотя ему всего-то было сорок семь лет — в самом расцвете сил. А глаза матери покрылись прозрачной пеленой боли, лицо — глубокими морщинами. И порой её состояние напоминало кататонический приступ: глаза становились круглыми то ли от испуга, то ли от горя, лицо было бесстрастным, и она, не двигаясь, смотрела в одну точку — настолько могла обезуметь от горя. Иногда же она была похожа на сумасшедшую женщину: постоянно что-то нашептывала себе, смотрела часами на фотографии Тома, проговаривая эпитафию снова и снова, снедаемая внутренней болью и поглощенная ею настолько сильно, что совершенно не замечала никого и ничего вокруг себя, сколько бы я ни пыталась привести её в чувства. Хотя нет, она была больше похожа на слишком молодую старушку в сорок пять лет; и где-то в боку, чуть-чуть левее виска, у неё тоже легонько прокрадывалась седина.

И только осознание собственной вины по отношению ко мне, понимание, что это их ошибка, привели родителей в чувства. Хотя это не их вина — не напрямую, но отчасти.

В груди все неприятно кололо от нахлынувших под конец воспоминаний. Мне, если честно, захотелось немного понюхать, выплеснуть эмоции, но я подумала, что это еще не самое худшее — впереди ждут еще более сильные испытания. Да и к тому же, вряд ли те добрые люди, которые согласились подвезти меня до центрального мемориала, смогли бы меня понять. Моё сердце вновь упало, когда я вспомнила об Ив.

— Думаешь, жизнь специально преподносит тебе испытания, да? — мысленно я спросила сама себя.

— О нет, жизнь и есть испытание, — ответил мой внутренний голос.

А теперь мои родители, которые кое-как оправались от потери после стольких лет горя, (Мама стала вновь улыбаться. И от неё снова приятно веяло запахом мускуса и ванили — её любимыми духами. А руки её так сладко пахли свежей выпечкой. Папа же вновь устроился на работу и постоянно хлопотал по дому, ища, что же можно еще починить или же отремонтировать.) снова должны столкнуться с тем же горем — с горечью потери.

Мне казалось, что в раздумьях я провела много времени, но, на самом деле, нет — мысли очень быстро сменяли друг друга, хотя, в действительности, мне показалось, что я тону в бесконечности. Но те двое, сын и отец, не тревожили меня до самой остановки, видимо, заметили на моем лице бесстрастное выражение. И вот я стою перед мемориалом, откуда сбежала сегодня

утром. Черт возьми! Если бы я знала, что Ив находится совсем рядом, я бы, безусловно, пришла бы её навестить сразу же. Какая ирония.

Больница состоит из нескольких корпусов — я сбежала из центрального. Но Ив, вероятно, лежит в отделении для безнадежно больных, доживающих свой век и вот-вот собирающихся отойти в мир иной. Иными словами — хоспис. Стоп! О чем я думаю?! Ив не умрет, нет, ни за что! Я же дала себе слово опередить подругу!

С жутким сердцебиением я направилась к правому корпусу. Интересно, поймут ли меня, если узнают во мне сбежавшую пациентку? Хотя навряд ли. Ведь я и так в скором времени должна была быть выписана.

— Здравствуйте, я к Ив Одэйр. В какую палату мне пройти? — спросила я у регистратора, немного замявшись у стойки.

— Добрый вечер. А кем вы, собственно, ей приходитесь? — ответила молодая девушка.

— Близкая подруга.

— Хорошо, палата 213. Поспешите, время посещения на исходе! — предупредила она.

Поприветствовав миссис и мистера Одэйр, я стала переминаться с ноги на ногу. Волнение брало надо мной верх, и я ничего не могла с этим поделать.

— Иди, она давно ждет тебя. — Легонько подтолкнула меня мама подруги.

И я пошла. Лишь на мгновение задержалась в дверном проеме, чтобы взглянуть, как она там, и чтобы заранее быть готовым к увиденному. Хотя, в действительности же, мне было все равно, как выглядела подруга, лишь бы она была жива. Меня страшил страх смерти. Не столько своей, как чей-то.

Ив была бледна как никогда раньше. На выразительном лице теперь не осталось ничего, что раньше могло бы показать жизнерадостность данной девушки — лишь глубоко посаженные глаза в обрамлении иссиня-черных ресниц придавали хоть какие-то эмоции её лицу. Впалые щеки еще больше выделяли контуры широких скул, а некогда кругловатый милый подбородок заострился, придавая лицу Ив форму сердечка. Девушка лежала под несколькими одеялами — вероятно, сильно мёрзла. Понимаю её: когда смерть поджидает за любым углом, невольно чувствуешь это, и тебя начинает пробирать немыслимая дрожь.

Увидев меня, она улыбнулась, а её губы, такие же бледные, как и все лицо, теряющиеся на фоне этого цвета, растянулись тонюсенькой ниточкой; и я боялась, что они вот-вот и лопнут, настолько тонкой казалась её кожа в этой смертельной бледноте.

Раньше её лицо было приятного нежно-персикового оттенка, как румянец на её щеках. Она была похожа на нежный лепесток лилии с озорным, вселяющим надежду в людей, очень живым и жизнелюбивым огоньком в глазах. Сейчас же от прежней лилии ничего не осталось, кроме еле-еле заметной, угасающей искорки во взгляде девушки.

Присев рядом с постелью подруги на стульчик, я взяла её за руку — ужасно холодная! — и принялась растирать её между ладонями. Быть может, если я её согрею, хоть чуток, ей станет лучше?

— Привет, — кисло произнесла я.

— Я ждала тебя постоянно. Особенно после звонка, — пролепетала Ив.

— Прости, если бы я знала, пришла бы раньше. — Мне хотелось рассказать ей обо всем: о моём дне рождения, о Майки, о головных болях и ухудшении. Но потом мне в голову пришла мысль, что все-таки не стоит забивать головушку подруги моими проблемами. Они только мои — ничьи больше.

Кивнув, как бы намекая, что она прекрасно это понимает, девушка продолжила:

— Я копила силы для этого разговора, — еле слышно проговорила она. — Если начну засыпать или, быть может, отключусь, толкни меня, пожалуйста.

— Ив, не стоит...

— Послушай: не перебивай меня, хорошо? — серьезно спросила она. Я кивнула.

И Ив начала свой монолог:

— Спасибо тебе, Эмз. Спасибо за всё. Ты дала мне насладиться последними лучезарными днями жизни, помогла осуществить мою заветную мечту. Знаешь, и чтобы ни говорили другие по поводу твоего характера, ты чудесный человек.

— Я ужасный человек, Ив. — Внезапно перебила её я, но ни сердитого взгляда, ни какого-нибудь возмущения по этому поводу я не услышала. Лишь ответ.

— Я не верю... — Она легонько потрясла головой. — Как человек, который создает такие прекрасные песни, может быть ужасным?

Но я ничего не ответила, лишь смотрела в упор на подругу и чувствовала, что вот-вот расплачусь, разревусь белугой. Неприятный комок подкатывал к горлу, а глаза начинало щипать от слез, которые я сдерживала.

— Я знаю тебя. Я узнала тебя так глубоко за короткий промежуток времени. Знаю, Эмили, как ты будешь убита этим, но, пожалуйста, прислушайся. Начинай жить на полную катушку, пока еще есть время, делай то, что хочешь, исполняй желания, твори невозможные вещи, которые только могут прийти в твою голову, получая от этой жизни все. Да, пусть тебе, возможно, будет стыдно за эти поступки, но знаешь, жизнь стоит того, чтобы их совершать. Делай всё, что только сможешь, и не бойся этого; все что ни делается — все к лучшему. Плюнь на мнения людей, на страхи, на запреты; только прошу тебя, не потеряй себя и свою прекрасную душу в таком ритме жизни. Живи нормальной жизнью: так, как живут обычные люди. Будь счастлива, как все люди. Люби. Будь свободной. Живи так, словно в тебе две жизни — твоя и моя, потому что я всегда буду в твоём сердце. И забудь про свою чертову болезнь, не морочь себе ею голову. Когда придет твоё время, ты это поймешь. И, пожалуйста, не сваливай всё на судьбу. Не нравится твоя судьба? Ну же, сотвори другую! Ты сама меня научила этому, Эмз, вспомни. Сражайся за жизнь, за любовь, за дружбу... и надежду. Ведь если нет надежды, то зачем тогда жить? — Ив приостановилась после столь длинной речи, сглатывая слюну, чтобы хоть немного промочить пересохшее горло. А я почувствовала, как на мою руку закапали слезы. Оказывается, я уже давно реву. — И я люблю тебя, Эм. Я так сильно тебя люблю. Моя любовь даже сильнее чувства благодарности к тебе, которое меня переполняет.

— Ив... — хмыкая носом, пролепетала я. — Ив! А я-то как тебя люблю!

Я уткнулась лицом в её ладонь, которую держала в руках, и старалась унять накачивающую на меня с новой силой боль. Другая её рука легонько легла мне на голову и ласково стала поглаживать волосы в надежде, что это успокоит меня.

Сняв со своей руки браслет, который подарили мне на день рождения, я сунула его в мокрую ладошку девушки, сжав её в кулак.

— Возьми это, прошу, — умоляла я.

— Я не могу это принять, Эми...

— Сохрани его до следующего моего прихода и обещай, что не умрешь. — Требовала. Хотя прекрасно знала, что этого требовать невозможно.

Ив кивнула и раскрыла ладошку, поднеся её к лицу, стала рассматривать подарок.

— Красиво. — Она измученно улыбнулась.

Когда же Ив уснула, я, разбитая, направилась домой. Никто не спрашивал меня о причинах побега, или где я была весь этот день, или почему ничего не сообщила, ведь они так волновались. Я подумала, что домашние не стали устраивать мне разнос, видя моё состояние.

Зайдя в свою комнату, я просто плюхнулась на кровать и зарылась лицом в подушку. Волосы липли к моему мокрому лицу и шее. Мне казалось, что я теряю себя. Нет, точно теряю. Без Ив эта жизнь больше не будет казаться мне такой яркой. Но мне нельзя убиваться, я обещала — не словами, но мысленно.

Не знаю, сколько прошло времени. Казалось, оно замедлило свой ход, и я часами лежала на кровати и просто плакала. Плакала, потому что разваливалась на кусочки. Плакала, потому что понимала: прежней жизни не будет. Не знаю, слышал ли меня кто-нибудь, но, зарывшись глубоко в одеяло и уткнувшись в подушку, я позволила себе хмыкать, выть и скулить так сильно, как у меня скребло в груди. Меня била просто ужасная трясучка; хотелось кричать. Кричать так сильно, чтобы услышал весь мир. Но даже когда я потихоньку начала успокаиваться, с собой ничего поделать не могла — я просто лежала и чувствовала, как слезы медленно стекают по щеке, и живот сводило от таких страданий.

Я молила, чтобы с Ив все было в порядке, и она поправилась.

В моменты отчаяния, как бы человек ни верил в высшие силы или же отвергал их, каждый молит о помощи кого-то незримого в надежде, что его услышат и ему помогут, когда уже никто не может помочь ему, даже когда человек не может помочь сам себе.

Каждый день я ходила в гости к Ив, и каждый день я вновь и вновь повторяла, чтобы она сохранила мой браслет до следующего моего прихода. Однажды, мне даже удалось уговорить подругу примерить его; браслет так и остался на её запястье. Каждый день я говорила всем, что всё хорошо, старалась быть сильной ради родителей, ради Ив, даже ради самой себя. Но каждый день я ломалась и плакала во сне, пока во мне еще были слезы.

Так продолжалось в течение еще двух недель. И однажды Ив улыбнулась мне своей улыбкой, очень трудно дающейся её теперь, в последний раз. И, наверное, её рука обмякла, свисая с края кровати, а может, она спокойно покоилась на её груди. Ив растворилась в обезболивающем и во снах.

В последний день февраля её не стало.

Часть седьмая "Осколки воспоминаний"

Двадцать девять

Дождь. В окно бьются искоса летящие капли, ударяясь об стекло с таким громким звуком, что только уши и закрывай. Раньше это могло бы действовать мне на нервы, но сейчас... Мне все равно. Молния сверкнула и исчезла в тучах, озарив светом на мгновение всю комнату. Еще секунда, и грянул гром, такой сильный и раскатистый, что казалось, будто сам Зевс посылает на Землю свой гнев. А быть может, не гнев, а сожаление. Сожаление об утрате.

Дверь в комнату вовсе не заперта, но никто не решается войти, наверное, потому, что думают, будто я буду вне себя от злости или от горя. Но нет... Казалось бы, что я за те две недели, что готовили меня морально, уже выстрадала своё, что я выплакала весь запас слез, который был во мне, что мне должно быть чуточку легче. Но мне не легче, но и не тяжелее. Как будто внутри меня что-то сгорело. Перегорел фитиль свечи, что озаряла меня светом, и я вновь впадаю в отчаяние и безразличие.

Я перегорела. Мне кажется, что я перегорела. Это когда тебе уже абсолютно все равно, что скажут за твоей спиной. Когда у тебя не осталось никаких чувств, кроме пустоты, необъятной, пожирающей, лелеющей мечты о крепких с тобой объятиях, чтобы погубить тебя. Это когда ты хочешь плакать бесконечно сильно и долго, но вместо этого ты просто сидишь, смотришь в одну точку и ничего не можешь с этим поделать. Когда все, что ты любил раньше, становится бессмысленным. Когда тот человек, который вселял в тебя надежду, сам померк, а ты даже не можешь в день его похорон присутствовать на кладбище, чтобы почтить его память, потому что боишься, что тебя поймут не правильно. Потому что ты не можешь выразить никаких чувств. Черт побери, как я ненавижу это: когда не понимаешь, что ты чувствуешь!

Тук-тук. Цок-цок. В воздухе звенят маленькие бусинки, бьющиеся друг о друга — чьи-то сережки. В дверь стучат кулачком, — просто из приличия — не решаясь войти, хоть и знают, что она открыта. Звук цокающих каблучков затих прямо у двери. Легонько приоткрыв её, стараясь не скрипеть ею и не издавать никаких лишних звуков, в комнату заходит Кристи. Она останавливается у дверей и складывает руки замком у груди, медленно опуская их вниз. Вновь этот жалостливый взгляд. Её глаза такие грустные, она постоянно волнуется за меня и за моих друзей, словно это её собственная жизнь. Я ненавижу её, я ненавижу их всех за этот взгляд! Неужто они не понимают, что их жалость мне к черту не нужна?! Даже их сочувствие мне не нужно! Пусть лучше посочувствуют семье Ив, им оно больше пригодится, чем мне.

— Пора, — говорит сестра и, подойдя, поглаживает меня по плечу. Я вздрогнула, словно её прикосновение как тысячи иголок по моему телу. И уходит.

На приоткрытой дверце шкафа, на вешалке, висит мой костюм: черное платье, как у сестры, с открытыми плечами, черный пиджак, свисающие через плечико вешалки утепленные колготки и ботинки, одиноко стоящие у ножек шкафа. Я не могла смотреть на эти вещи, она навевали еще большую тоску, так же, как и поход на похороны Ив. Это значило бы, что я её отпускаю, что я её забываю и прощаюсь с ней. Но я не хочу с ней прощаться, я хочу, чтобы она внезапно оказалась жива, а все, что было раньше, оказалось страшным сном!

Закрыв глаза и прижав к себе колени, обхватив их руками, я легла на кровать. Я не могу пойти... Я не хочу, чтобы она уходила. Но, если я не приду на её похороны, это означало бы, что Ив ничего для меня не значит. Это была бы самая большая грубость, которую я могла бы совершить за свою жизнь. Самая ужасная и непростительная. Нет, такого неуважения к Ив я не могла проявить. Потому что я заставила себя встать с кровати и одеться.

Я видела в зеркале себя — только это была не я. Да, черный цвет определенно мне шел, он не старил меня, как многих, а наоборот, делал еще моложе. Но мои растрепанные волосы, которые я не стала приводить в порядок, — пусть будет, как будет — моё бледное, мертвое лицо и такие же бесцветные глаза, все это делало меня ужасной. Но мне было плевать.

Застучав мелкими каблучками на ботинках, я спустилась вниз, где с букетами цветов уже стояла вся моя семья. Бледные, белые полевые цветы в букетике, отдельно лежащие на столике, предназначались мне, точнее я должна была их понести. В глазах матери, отца, сестры и даже в глазах Джеральда, который стал нам как родной, виднелось сожаление. Мама легонько кивнула

головой мне, а я ответила тем же. Это, в своем роде, было нашим «Все хорошо? Да». Кристи коснулась своей рукой моей руки и сразу же отпрянула, это тоже был один из наших с ней жестов. Папа, опечаленный, стоял у комода, облокотившись об него, и кисло улыбнулся мне. Я прильнула к нему; мне так хотелось именно сейчас, в эту минуту, отцовской любви, хотелось вновь оказаться маленьким ребенком, видящим весь мир в ярких, живых тонах, не замечающим пороков общества и не знающим боли. Душевной, конечно же. Ведь самая большая боль, которая мне встретила в детстве — это разбитые коленки.

Но однажды, на пути к счастливому будущему, ребенку может встретиться первая настоящая боль. Боль, которая разрушит все его детские жизненные ценности, снимет с него розовые очки и распотрошит все его надежды. Боль, которая изменит всю его жизнь, за один миг превратив в не по годам взрослого ребенка. Это самое мгновение, изменившее всю его жизнь, ребенок будет помнить всегда, как и первую боль, ведь вещи, встретившиеся в человеческой жизни впервые, всегда запоминаются крепче всего.

И этим ребенком буду я. А этой первой болью будет смерть брата.

Мне так хотелось упасть и расплакаться в объятьях отца, матери, сестры. Но я не могла себе этого позволить. Я должна быть сильной, это было моим обещанием Ив.

— Все ок'ей, все ок'ей, — произносила я.

Я встала в сторонку и приоткрыла дверь, позволяя себе отпустить еще некоторое время на то, чтобы успокоиться. Ветер залетел в дом, принося с собой капли дождя, которые с шумом плюхались на деревянный пол. Если бы дерево не было покрыто специальным лаком, — да и вообще, это ведь специальные пласты, которые предусматривают такие вещи, как вода — оно бы вмиг промокло, и в воздухе завис бы прекрасный запах дубовой коры; а затем, спустя время, оно бы начинало плесневеть и гнить. «Бум!», — это открылись с хлопком зонты. На улицу вышел папа, затем мама и Джер. Мы с сестрой еще пару минут постояли в дверях, она держала меня за плечи, поглаживая по ним, а затем просто прижала меня к своей груди. Я уткнулась ей в шею — от неё так приятно пахло малиной и персиком — и все еще продолжала повторять «Все ок'ей, все ок'ей. Ок'ей».

Послышался хруст гравия, из которого сделана дорожка, ведущая к нашему дому. Сестра еще раз легонько похлопала меня по спине и заставила меня выпрямить спину. Когда она вышла на улицу, прихватив с собой букетик цветов, предназначавшихся для меня, а я осталась одна в доме, я увидела *его*. Он стоял, недоумевая, почти что возле почтового ящика и не мог пошевелиться. *Его* толстовка промокла, а волосы, которые почти всегда легонько *завивались*, сейчас лежали гладкими прядями из-за того, что намокли. Со лба к подбородку стекали мелкие ручейки воды. Руки он, как всегда, держал в карманах кофты. Я глядела на *него* в упор своим потерянными, измученным взглядом, который теперь очень часто можно было увидеть на моем лице, и мяла края моего платья, затем, поежившись, накинула на себя куртку с капюшоном, сложила руки на груди и вышла из дома, закрыв дверь на замок. Развернулась и вновь стала смотреть на Майки, который так и не сдвинулся с места. Меня опять кто-то похлопал по плечу, и если бы я узнала, кто это был, то непременно взорвалась бы, вымещая все чувства на этом человеке. Как меня достала их жалость!

— Мы будем ждать тебя в машине, — сообщил папа и, склонив голову, зашаг вперед. На миг он остановился очень близко к Майки и что-то сказал ему тихо-тихо, что я не расслышала. И пошел дальше. Когда дверца такси захлопнулась за последним человеком, который должен был в неё сесть, кроме меня, конечно же, Майки пошел вперед и остановился в нескольких шагах от меня.

— Эмили... — начал он, сморщив лоб. На его лице читалось сожаление. Но какого черта! Еще один нашелся!

— Тебе лучше уйти, Майки, — сквозь зубы произнесла я.

— Эмили, прости меня. Я знаю, это было подло с моей стороны; я пропал без вести на такое количество времени, ты волновалась, но я, правда, ничего не мог сделать с этим. — Он тараторил себе под нос, разводя руками, а я лишь качала головой из стороны в сторону.

— Ты не ответил ни на одно моё сообщение, — бесстрастно произнесла.

— Я не мог. Прости, Эм, прости! — Подойдя ко мне, он взял меня за руки, но я вмиг одернула его.

— Уходи! Я не хочу никого видеть сегодня! — Я пошла напролом к машине, ни разу не повернувшись к Майки, чтобы посмотреть, как он отреагировал. Только сидя в машине, я краем глаза взглянула на свой дом, а Майки так и стоял там в такой позе, при которой я покинула его. Завелся мотор, который заглушал все звуки извне, но я слышала. «Черт!», — воскликнул парень и со всей силы пнул булыжник, лежащий у него под ногами. А затем его силуэт полностью скрылся в сливающихся темно-зеленых пятнах вечнозеленых растений, растущих в качестве заборчиков у большинства наших соседей. И у меня так защемило в груди. Да, он был не прав, что ни разу не ответил на моё сообщение, что не оповестил меня, но я видела его состояние, он, и в правду, был сильно болен, а я с ним так обошлась. Не следовало... Не нужно было так ему отвечать, он не заслужил такого отношения. Черт побери! Любили ли вы когда-нибудь кого-нибудь до боли, которая заставляла бы вас плакать и жалеть о словах, которые случайно вырвались из ваших уст в порыве злости? Но осознание того, что Майки мне, действительно, очень и очень дорог, не сильно уняло злобу, затаенную на него в глубине моей души.

Я знала всю церемонию почти что наизусть, но от этого не легче. Каждый раз, когда ты теряешь кого-то, все происходит одинаково: прощальная церемония, где каждый видит покойника в последний раз прежде, чем его гроб накроют метрами могильной земли, слова священника всегда те же, только меняются имена и причины возможной гибели, одинаковые речи знакомых и незнакомых людей тоже, которые только и говорят «Этот человек был прекрасен. Мы будем помнить его вечно. Покойся с миром». Только ответит ли мне кто-нибудь, насколько сильно они знали этого человека? Знали ли они его привычки, мечты, надежды? Верно, ни черта они не знают! Это даже выглядит немного лицемерно, с одной стороны, но с другой — выразить сочувствие (Именно сочувствие, а не жалость!) даже незнакомой семье, узнав об их трагедии, это очень благородно.

Сначала было прощание в церкви. Каждый подходил к гробу, чтобы сказать пару слов, а затем приободрить родственников; это было похоже на круговорот — все повторялось по кругу, только менялись действующие лица. Заплаканные лица семьи Одэйр задевали струны моей души, мне так хотелось подойти к ним и обнять, ничего не говоря — слова здесь не нужны совершенно. Но вокруг них вертелось так много людей, что я решила выждать.

Это было дежавю. Картинки менялись одна за другой. Гроб из белой древесины и мягкой зеленоватой обивкой внутри — это так похоже на Ив. А затем темный гроб с серебристой обивкой. Лица родителей Ив заменялись лицами моих мамы и папы. Но я так и оставалась на одном и том же месте, только менялся мой возраст: четырнадцать — семнадцать, семнадцать — четырнадцать. И я поняла, что невольно нахожусь на том же месте, которое я занимала в прошлые похороны, на которых прощалась с Томом. И Кристи точно также стояла, обвинив мою руку и удерживая меня на ногах, хотя этого и не требовалось — я сильная, устою. Это являлось жестом внимания: я не одна. Но, тем не менее, так одиноко мне еще ни разу не было.

Речь священника была заурядной и настолько сухой, что мне хотелось бросить в него стулом. Как он может так говорить о *моей* Ив?! Она не простая девочка, умершая от лейкемии после долгих лет борьбы, она была воплощением надежды, она была одинокой горящей звездочкой среди темных туч, укутавших небо! Я сжала кулаки, проклиная про себя каждого человека, который также сухо отзывался о нашем горе, потому что Ив этого не заслужила. Но ведь ни один из находящихся здесь людей не знал её так близко, как я, как её родители, а значит, и не могли о ней они отзываться более эмоционально. И меня вновь била злоба. Как можно было ни разу не заметить, как пылала душа этой девушки, если даже я в самую первую нашу встречу увидела это?!

Когда церемония закончилась, а гроб вот-вот должны были загрузить в катафалк и отправить на кладбище, я очнулась. Ив была бледной, как в последнюю нашу встречу, а её губы были покрыты розовой помадой — её любимой. Как ни странно, ей, даже мертвой, макияж был к лицу. Я взяла её руку, чтобы проверить пульс. Но нет. Ничего. Холодна, как лед. Облокотившись о края гроба, я приложила ко лбу её руку, заключенную между моими ладонями, а затем поцеловала её. Браслет на левой кисти легонько звякнул, когда я опустила её руку.

— Я люблю тебя, Ив, — шепнула я ей.

А затем я подошла к Одэйрам, и они обняли меня, как если бы я была их еще одной дочерью. И я еще больше расклеилась: пришлось искать носовой платок.

— Ты помогла ей еще больше полюбить жизнь, — говорили они.

- Скорее наоборот, — отвечала я.
- Ты осуществила её мечту, — вторили они.
- Это были наши мечты.
- Ты была ей очень дорога. Она любила тебя, — продолжали говорить они.
- Я знаю это. — Я тоже люблю тебя, Ив.

Среди множества могильных плит, покрытых легкой зеленью, которая начала пробиваться сквозь землю мелкими перьями (Весна же.), и мхом, находилась одна пока что пустая могила. Но вокруг уже было множество венков и искусственных цветов, которые украсят свежую землю. За то время, что мы находились в церкви, дождь прекратился, и теперь повсюду ужасная грязь. Впереди шел священник, неся в руках молитвенник, за ним — те, кто нес гроб Ив, ближайшие родственники, далее — родители Ив и я, а еще дальше — мои родители и все остальные. В церкви было много народу, но сейчас остались единицы. Те, кто относительно близко знали усопшего.

Под молитву священника гроб начали опускать в землю. «Тот, кто уверовал в меня, но думал, что мертв. Узревший Господа продолжит жить», — твердил тот. И вот с каждым словом, сказанным служителем церкви, Ив становилась все дальше и дальше от меня. Когда гроб опустили на самый низ, можно было положить в могилу вещь, которую бы ты хотел, чтобы мертвый забрал с собой в мир иной. Опустившись на колени и запачкав их в грязи, я кое-как умудрилась бросить на гроб листы бумаги, чтобы они не рассыпались по сторонам, а также бросила туда цветок, что так любила Ив носить в волосах. Пусть читает их и вспоминает обо мне, решила я для себя. Кто-то положил её портрет, на скорую руку нарисованный на обычном альбомном листе; кто-то бросил книгу, которую Ив зачитывала до дыр. А родители Ив, как ни странно, бросили туда целую банку кока-колы — их дочь просто обожала этот напиток вопреки всем запретам. Закончив читать молитву, священник сказал: «Теперь вы можете бросить горстку земли на гроб». И каждый по кругу бросал горсть, произнося пару слов на прощание. Снова дежавю. Я не проронила ни слова, хотя и подумала «Пой мне, пока я не усну». И земля укрыла её от меня навеки.

Я все еще надеюсь, что мы встретимся, когда я умру.

Все присутствующие были приглашены домой к родителям Ив, чтобы почтить её память. На столе в холе стояла фотография, на которой Ив улыбалась своей прекрасной улыбкой, вся рамка была увита белыми цветами. Ради приличия я взяла со стола один единственный сэндвич, хотя мне и кусок в горло совершенно не лез. В комнате играла классическая мелодия, от чего настроение ухудшалось еще больше. Если бы играла какая-нибудь веселая песенка, моя душа не так сильно и болела бы. Хотя кто его знает, быть может, болела бы и еще больше. Ведь это было бы так похоже на Ив: забавляться на собственных похоронах. Ради неё, да и ради всех живых, я умру в веселье.

— Ты как, нормально? — спросил подошедший сзади Джер. Я узнала его голос.

— Хватит уже задавать такие вопросы.

— Все волнуются за тебя.

— Я в порядке. В порядке. — Это было больше похоже на то, что я убеждала в этом саму себя, а не других. Ведь вовсе все было не ок'ей. Я готова была разрыдаться, но не могла, словно что-то держало меня. От этого у меня мурашки бегали по телу, но одновременно было и прекрасное холодное чувство. Наверное, оно и сковывало все эмоции, находящиеся внутри меня.

Устав стоять весь день на ногах, я присела на кресло и, откинувшись, закатила глаза. Тошнота подкатывала к горлу. Это конец. Ив больше нет, она ушла навечно. Её засыпали землей лопаты, и цветы укрыли её сверху. Совсем скоро рядом с её небольшим могильным холмиком поставят мраморную плиту с какой-нибудь красивой эпитафией, и этот самый холмик со временем сравняется с уровнем земли, и какой-нибудь человек случайно наступит на её могилу, не заметя этого, и пройдет дальше, хотя, быть может, удивится, почему это здесь похоронена такая молодая девушка. Но ему будет совершенно плевать, и уже к вечеру он совсем забудет о случившемся и об имени, которым он прочел на могильной плите.

Ив была младше меня всего на год, но намного проницательнее, живее и умнее меня. Порой мне казалось, что она была моим духовным наставником, моим сенсеем. А теперь я одна, и я должна, во что бы то ни стало, следовать всему, чему эта девушка научила меня. Я должна быть сильной, наслаждаться каждым подаренным мне жизнью мгновением, даже если это будет простая

прогулка по саду или чтение книги за чашечкой кофе, ведь почти во всем есть своё некое очарование.

С Ив ушла частичка моего сердца, наполняя его всепоглощающей мертвой пустотой. Но я знаю, частичка Ив живет и у меня в груди. Она будет заставлять меня верить даже в самый последний миг.

Тридцать

Иногда мне кажется, что вся моя жизнь — сплошная глупость, что мне не стоило её вообще начинать. Но затем ко мне приходит образ Ив, она словно приказывает продолжать мне жить дальше. Парадокс: как можно продолжить жить, если тебе осталось так мало времени? Вообще, как можно жить, зная о своей скорой гибели? Но ведь люди как-то живут: заставляют себя вставать утром с кровати, идти на работу, крутиться в колесе однообразных дней, и они не жалуются на это. Или, например, взять солдат, которые воевали, защищая свою Родину. Они знали, что, возможно, умрут, а некоторые и точно знали — это их последний бой, и они не боялись смерти; они смотрели в глаза страху и продолжали бороться, пока их сердце не остановит свой барабанный стук. Значит ли это, что я должна точно также смотреть страху в лицо и провести остаток времени так, чтобы потом не жалеть об утраченных днях? Определенно, да. Но смогу ли я? Это уже другой вопрос.

Я вела двухголосый монолог у себя в голове, рассматривая и взвешивая все «за» и «против». И даже не замечала, сколько времени трачу на такие мысли. За окном вновь стемнело, да и, к тому же, небо снова заволокло тучами. Лежа на кровати в позе эмбриона, я клацала по экрану телефона, переключая композиции в проигрывателе. Музыка не доставляла мне удовольствия и наслаждения как раньше, я слушала её со скуки. Ни разу после похорон Ив я не проронила ни слезы, и во мне зарождалось какое-то иное чувство, совсем непохожее на все те чувства, которые я испытывала раньше.

Где-то между отрезками времени ко мне заходили родители, хотели что-то узнать, но я рывкнула на них, выкрикнув какую-то грубость, и они ушли. Когда же заходила сестра, я её просто-напросто игнорировала. Мне так хотелось остаться одной в своей комнате, и чтобы никто меня не тревожил, и чтобы все люди на планете внезапно исчезли и не нарушали тишину в моей комнате, чтобы солнце не вставало, и тогда не будет исчезать приглушенная ночная темнота.

Но Кристи решила вновь нарушить мой покой:

— Эмили! — Стучала она в дверь. — Эмили, открывай! — Ну, разве мне стоит отвечать на такие очевидные слова? — Ты четвертый день не покидаешь комнату, Эм. — Серьезно? — Ладно, сиди там! Только вот Ив этого не одобрила бы!

И тут меня вновь охватила волна того непонятного чувства. Это была смесь горечи и ярости. Зачем она так мне говорит?! Мне и без того плохо!

— К тебе тут пришли. — Сообщила сестра, и я услышала, как она стала спускаться по лестнице, а вслед ей были и параллельные шаги. В дверь еще раз постучали.

— Откроешь? — кротко спросил мужской голос, который был знаком мне до боли.

Отчего-то я вскочила с постели, прижав к груди ладони, и испуганно посмотрела на дверь. Зачем он пришел? Я, кажется, просила оставить меня в покое! О, как же бьется от волнения сердце в моей груди! Но на меня нахлынула и еще одно чувство: я винила его за то, что он позволил мне остаться в одиночестве.

— Эмили, я тебе уже сотню раз повторял: да я был не прав, но я не виноват.

Кровь вскипала. Как он может так говорить?! Кто виноват?! Казалось, что я не контролирую себя, хотя так и было. Я выхожу из себя. Он прислал мне сотни смс, в которых писал одно и то же; он звонил мне десятками раз на день, но я не брала трубку. Мне не хотелось говорить ни с кем, даже с ним.

Я встала рядом с дверью, прикоснувшись к ней ладонью на том уровне, где должно было бы быть лицо Майки. Мне не хотелось его видеть, но хотелось к нему прикоснуться, намотать его немного жестковатые волосы на свои тонкие пальцы и прорисовывать витки в воздухе; хотелось дотронуться до щеки, очертить линию его скул и заглянуть в его карие глаза. Только вот, если это случится, то я не выдержу, честное слово, я не выдержу. И весь мир полетит к чертям, если я почувствую его прикосновение. О, черт! Почему я так беспомощна, когда дело заключается в нём? Я облокотилась спиной о дверь и села на пол, положив голову на колени.

— Эмили...

Я поняла, что он сел точно также, только намного шумнее меня: я слышала хлопок его спины о дверь и почувствовала легкое содрогание пола. Интересно, как он узнал об этом?

— Майки, уходи. — Мой голос содрогнулся, когда я произнесла «Уходи», словно это был приговор.

— Ты же знаешь, что никогда, — тут же следовал мне ответ.

Но больше я не говорила. Парень пытался заставить меня отпереть дверь, и я в один момент уже было согласилась, но тут же передумала. Как бы мне ни хотелось его обнять, сейчас у меня не то душевное состояние, мне не хотелось бы, что он видел меня такой разбитой. И лишь одна фраза, последняя фраза заставила меня всю дрожать, как если бы я попала под ледяной дождь. Он сказал: «Даже если ты станешь затворницей, я буду тоже затворником, лишь бы рядом с тобой». Его голос звучал так, как если бы это было признание в любви. И я не смогла удержаться: моё сердце запело тысячами свирелями еще на один миг. Мне так хотелось сказать ему то, что давно лежит у меня на душе, хотелось произнести «Я тебе доверяю» и рассказать всё-всё-всё. Но звук захлопнувшейся входной двери известил меня о том, что гость покинул дом. И моё сердце упало.

Тем не менее, я вспомнила об еще одной причине, о которой говорила Ив, чтобы жить дальше.

И я открыла дверь, спустилась вниз, на кухню, к сестре, которая, скорее всего, слышала весь наш разговор, а может, и нет, ведь мы говорили почти что шепотом. Она была крайне удивлена меня увидеть, а я бросилась в её объятия. Я уже целых четыре дня не чувствовала чьей-то ласки. Не знаю, что на меня нашло, но, увидев взгляд сестры, я поняла, что это для неё было намного мучительнее, чем для меня, что это было равно моей смерти, ведь я, действительно, всего лишь на время, но умерла. И я поняла, что она чувствует ко мне. Наконец-то поняла, какое душевное состояние у неё будет, когда умру я. И меня прорвало. Та стена, которую я возводила так долго и тяжело, чтобы легче перенести смерть подруги, испарилась, и на меня обрушились все те эмоции, которые я скрывала. Рыдая навзрыд, я упала на пол, но Кристи меня поддержала.

— Ну-ну, — приговаривала она и гладила мои волосы, держа в объятиях.

Когда же меня немного отпустило, она проводила меня до дивана, и я плюхнулась на него сразу же, ведь ноги не держали совершенно. Кристи заварила мне чай с ромашкой и грушей, что так хорошо успокаивает нервы; и, успокоившись окончательно, я начала засыпать от изнеможения и от того, что уже наплакалась вдоволь. Твердо решив, что нужно (Обязательно нужно!) жить дальше, я провалилась в царство Морфея. Завтра я обязательно выйду к людям.

Сидя под деревом, я смотрела на раскинувшиеся прекрасные просторы: зеленые поля, на которых виднеются разноцветные пятна, словно небрежные кляксы на картине искусного художника, знающего, что сейчас эти кляксы — просто кляксы, но позже они превратятся в цветущие луга. Я вертела в руках стебельки различных полевых растений, цветы которых были от нежного розового до глубокого синего цвета. На лицо мне падали зеленые листья. Ветер усиливался, и листья начали с большей силой врезаться мне в лицо, оставляя на коже длинные красные следы. Я вскрикнула и, чертыхнувшись, отползла назад, после чего упала в яму между корнями дерева. Вокруг летали шкафы, кровати, тумбочки, даже пирог, разрезанный на равные части пролетел мимо меня. Мне все это казалось до боли знакомым, только вот где я с этим встречалась раньше?

Когда я упала на мягкую перину, которая отпружинила и отбросила меня в сторону, после чего я сразу встала на ноги, я взглянула вверх. Следом за мной падала мебель. Глубокий, длинный туннель — я не видела, где же он начинался. Но когда я оказалась в комнате, в центре которой стоял столик, а нем лежал пузырьёк «Выпей меня», я все поняла. Это была кроличья нора!

А затем картинки стали меняться. «Ты не Алиса!» — восклицали хором животные. «Совершенно верно, я не Алиса», — отвечала я. «Так в кого превратился ребенок Герцогини, в поросенка или гусенка?» — спрашивал Чешир. «Ну что, отгадала загадку?» — вторил Шляпник. «Нет, но мне кажется, что я могу, если захочу». — Пришла к такому умозаключению я. «Вы сумасшедшие!» — говорила я. «Если бы ты была в своём уме, то не оказалась бы здесь», — заключил Чешир.

Я пила чай со Шляпником, Мартовским кроликом и Мышкой-соней. Пела песни с говорящей черепахой Квази. Рассказывала историю своей жизни гусенице, курящей кальян.

Сыграла партию в шахматы с Белой Королевой. Но самый мудрый совет мне дал Чеширский кот. «Котик, Чешир! Расскажи мне секрет этого чудесного, счастливого места?» — задала вопрос я. «Просто мы все здесь не в своём уме», — ответил он. А я все еще спрашивала: «Но как мне быть, что мне делать, если конец в любом из случаев будет один и тот же?». Тогда Чешир произнес: «Раз итог все равно будет один, тогда и все равно, что делать».

Это был один из тех самых красочных снов, что снились мне так часто, только вот сегодня, к удивлению, этот сон был очень приятным. Если вдуматься в слова Чешира, то он прав. Сидеть ли мне взаперти дома или же хорошо проводить время — все равно я умру. Так лучше уж проводить остаток дней так, чтобы было о чем вспомнить в предсмертной агонии!

Проснувшись, я с содроганием спустилась на кухню, где у плиты стоял отец. Он неумело переворачивал яйца, жарившиеся на сковородке, и бекон — видимо, готовил для меня завтрак, ведь только я одна в семье ем глазунью, обжаренную с двух сторон, но при этом яйцо внутри должно остаться немного жидким.

— Доброе утро! — с улыбкой произнес он.

— Доброе, — ответила я, потирая глаза рукавами пижамы. — Чего это ты встал ни свет ни заря?

— Завтрак! — с энтузиазмом проговорил отец и поставил на кухонную тумбу дощечку, а на неё — сковородку. Затем взял кофейник и плеснул напиток в мою кружку, по краям которой мелкими каплями расплескался кофе. От напитка за клубился беленький пар — горячий.

Я натянула края кофты до кончиков пальцев и села за кухонную тумбочку. Облокотившись об неё, положила голову на руку, а другой водила над кружкой, чтобы уловить горячее дыхание кофе. Как ни странно пальчики были ужасно холодные, и я стала греть их о кружку. Завтрак был немного подгорелый, но вполне сносный. Папа никогда не научится жарить даже жалкую глазунью, зато руки у него самые что ни есть золотые.

Поблагодарив отца за такое кушанье, я пообещала ему завтра сама приготовить что-нибудь, а то он так когда-нибудь дом спалит, помыла посуду и направилась в ванную, где приняла освежающих душ. Разглядывая себя в зеркале, понимала, как же жалко я выгляжу: растрепанная, с опухшим лицом, унылая. Поэтому пришлось припудрить лицо, иначе бы люди точно подумали, что я зомби. Надев беленькие колготки, юбку и длиннющий свитер, я начала собирать учебники и тетрадки. Странное волнение охватывало меня, неизвестно с чем связанное. Можно было бы подумать, что это что-то о Майки, но нет — на его счёт я совершенно не волновалась. У меня в голове уже был построен план действий, как вести себя, если я его встречу, и я твердо уверяла себя, что смогу его сдержать, хотя небольшое сомнение всё еще оставалось. Ведь это я, Эмили, еще та трусиха.

Весной веяло в воздухе. На самом деле, весна началась еще в феврале, но у меня не было времени насладиться ею, столько всего навалилось. Но сейчас я замечаю всё: как летают мелкие букашки, как опадают лепестки вишен и как ветер их подхватывает, неся куда-то вдаль. Всё небо заволочили розово-белые листики, по форме напоминающие мелкие сердечки. Пахло только-только распускающимися цветами, в основном, маками и тюльпанами, а также цветущими деревьями, росой, молодой травой и после дождевой свежестью. Солнце светило мягко, лаская теплыми лучами каждого, словно говорило: «Эй, сними с себя эти тяжеленные куртки, искупайся в моём тепле». Вся эта атмосфера воодушевляла — я люблю весну, она прекрасна. Хотя я люблю каждое время года, ведь все они прекрасны по-своему.

Радуюсь теплоту солнечному дню, учащиеся вышли из душного здания школы и расположились на уже позеленевших газонах. Травка, хоть и казалась острой на первый взгляд, была мягче пера и приятно щекотала кожу — я специально гладила её ладошками и не могла оторваться от этого занятия, какое бы глупое оно не было. Мне на какое-то время показалось, что сегодня будет прекрасный день и что ничто не сможет его испортить. Но это было, конечно же, не так.

Самое удивительное, что произошло со мной в этой школе — это то, что люди теперь узнавали меня. Когда я зашла в здание школы, по школьному радио уже крутили записи песен Ив. Её голос, прекрасный, нежный, волнующий и радостный, заставил меня вспомнить то чувство горечи и обиды. На глаза навернулись слезы. Мне хотелось броситься в зал, где руководят

трансляцией песен по радио, что-нибудь крикнуть им, что-нибудь разбить. Мне хотелось крушить и убивать.

На первом и втором уроке всё шло гладко, многие в коридорах подходили ко мне, восхищались, а я лишь смущенно отмахивалась — на самом деле, все заслуживает Ив. И постоянно, как только включали хоть одну песню подруги, меня охватывала тоска и злоба.

Но на большой перемене всё изменилось.

Так как я не видела в здании ни одного своего знакомого, то решила, что обедать в столовой не буду. А затем и вовсе отказалась от этой затеи — совсем кусок в горло не лез.

— Эй, привет! — Передо мной появилась Лейла, каким-то образом нашедшая меня в толпе однообразных людей. Она шла вперед спиной, постоянно оглядываясь назад, чтобы не столкнуться с кем-нибудь или не споткнуться обо что-нибудь. Хотя у меня создавалось впечатление, что она не хочет, чтобы я что-то увидела.

И, правда, люди в коридоре переменили своё отношение, как ни странно, именно ко мне, словно их всех подменили. Теперь они постоянно бросали взгляды на меня и перешептывались. Точно так же, как тогда, в ноябре. Мне вновь стало не по себе, и я поёжилась. «Смотри! Сейчас что-то будет!», «Эй, это она!», «Интересно, она уже знает?!» — такие фразы слышались в сперва непонятном шёпоте. Натянув свитер на кисти, я сжала кулаки, поправляя рюкзак и держа в руке методички и тетради по истории, которые только что достала из своего шкафчика. Если честно, то всю эту неделю я подумывала бросить школу. Вновь.

— Слушай, может, обойдем этот коридор с улицы? — Не унималась Лейла. Она постоянно лепетала что-то в этом роде. А затем я увидела Бриттани; всё произошло очень быстро: девушка в наглуую прошлась рядом с нами, хорошенько задев плечом Лейлу, — та отскочила на пару шагов в бок — а затем Бриттани рывкнула «Шестерка!» и скрылась в толпе.

— Ты в порядке? — поинтересовалась я, глядя, как блондинка потирает ушибленное плечо. По какой-то причине меня тянуло в конец здания, туда, куда засасывает и всех остальных. Ведь что-то же привлекло их, но что?

— Эмили, я прошу тебя, давай обойдем? — жалостливо проговорила девушка.

— Да ладно тебе. Что может случиться?

И я двинулась вперед, сливаясь с потоком людей. Было очень шумно, и все волновались — от этого у меня с непривычки разыгрывалась мигрень. Приближаясь к точке, я заметила какую-то группу людей, столпившихся полукругом возле окна. А когда я подошла ближе, то увидела её. Она скалилась, предвкушая моё поражение; мне кажется, она уже давно ждала моего появления. Лейла схватила меня за запястье, оттягивая, пока не поздно, назад; но уже было поздно.

— Эмили! — закричала на всю школу та самая девушка. — Эмили Джейн Беннет! Как давно мы не виделись. — Снова этот её оскал. Она стучала своими дорогими туфлями, шагая медленно, хитро, расчетливо, и мне казалось, что она когда-нибудь поцарапает школьный паркет своими шпильками.

— Здравствуй,... — произнесла я, сглатывая слюну, — Стейси. — Просто так без всяких фамильярностей типа «Имя, Фамилия» поприветствовала блондинку.

«Зачем она вернулась?» — вертелось у меня в голове. Но я её не боялась, у меня все еще есть компромат на эту девчонку. Да и не думаю, что Стейси настолько глупа, чтобы рисковать своей репутацией. Но, чтобы не было сомнений, я задаю вопрос:

— Что тебя сюда привело? Мы, кажется, договорились. — Большинство голосов стихло, здесь уже не стоял прежний гул; лишь немного голосов говорило что-то, все остальные прислушивались.

— Не волнуйся, — сказала она. Стейси была от меня в нескольких шагах. — Я просто провожала друга. — Она проходит совсем рядом со мной, а когда же мы сравниваемся, то останавливается, склоняется надо мной и шепчет мне на ухо: — Я говорила, что мы с тобой ещё поквитаемся, сучка?

Мне стало не по себе. Испуганно я уставилась в одну точку, куда-то в толпу, глядя перед собой. Пока Стейси шептала мне эти слова, я стояла, как окаменелая, а по телу бежали мурашки.

— Удачного дня, Эмили! — бросила она мне в спину и залилась хохотом.

Кольцо вокруг окна всё никак не разжималось. Там что-то происходило, какие-то действия. А затем я услышала слабый голос из толпы, заикающийся и неуверенный. «Эмили? — спрашивал он. — Мне... мне... кажется это знакомым, — прозвучала ещё фраза». Люди начали медленно

расступаться перед человеком, искавшим путь наружу. И я выронила учебники из рук. Трясущимися руками начала собирать принадлежности, рассыпавшиеся по полу, ничего не соображая. Как это возможно?! Как это могло произойти?!

Парень шёл, *прихрамывая*, прямо ко мне. Его *пепельно-золотистые* волосы блестели в лучах весеннего солнышка. Он был точно таким же, как и раньше — ни единого шрама или изъяна *после аварии*, кроме прихрамывания. Я не могла понять, как он так быстро оправился. Всего за четыре месяца! Наклонившись, парень произнес:

— Я... Меня зовут *Брэдли Уайт*. Мы раньше не встречались? — Голос его, дрожащий, измученный, с заиканием, таил что-то в себе. По нему одному я сразу поняла — теперь передо мной стоит совершенно другой человек. Человек, который боится. Человек, который умеет сочувствовать. Человек, который начал новую жизнь с чистого листа.

До меня не сразу дошло, что он обращается ко мне. Всё было словно во сне. А затем я поняла: он ничего не помнит, совершенно ничегошеньки. Ведь если бы он помнил хоть какие-нибудь моменты, связанные со мной, то задумался бы: подходить ко мне или нет. Да и я думаю, что он бы придумал что-нибудь, чтобы отомстить мне. Но сейчас он был похож на чистое, немного запуганное, непорочное существо.

— Д-да, — пролепетала я испуганным голосом. — Мы были знакомы.

— Я... Я думаю. — Брэд скривился и потер двумя пальцами висок. — Ты мне что-то напоминаешь. Воспоминания. — Его фразы звучат отрывисто, с большими паузами, от чего сразу становится ясно — речь ему даётся с трудом. — Ты... Ты не могла бы мне что-нибудь рассказать?

Мне хотелось ударить себя, залепить пощечину, чтобы я очнулась. Это сон, просто очередной сон. Зачем я с ним разговариваю, ведь он даже не достоин этого? И почему сейчас весь страх улетучился? Я не чувствую себя в опасности, даже после всего, что сделал этот человек раньше. И мне жаль. Мне его очень жаль. Он теперь калека, хоть и отчасти. Видимо, та девушка, которая сообщила нам с Лондон новость об аварии, была, действительно, права: у Брэди Уайта мозги сварились, и теперь он ничего не помнит, говорит, словно отсталый, хромает. Не удивлюсь, если и еще какие-нибудь явные дефекты в нем обнаружатся.

И я почувствовала укол совести. А ведь он теперь точно такой же, как и я.

— Прости, но я не могу. — Что-то на душе лежало. Тяжелое и одновременно вязкое. Оно тяготило меня, и я увязала в этой тяжести. Я не могу кого-нибудь спасти, как и не могу помочь, ведь я сама жду помощи. И поэтому я быстро ушла прочь, не оглядываясь, идет ли по моим пятам Лейла.

Вероятно, Брэд весь день искал со мной встречи, потому что я постоянно видела его рядом, хотя и с кем-нибудь из его друзей: в основном, это *был Гарри*. Теперь Брэдли Уайту, одному из лучших футболистов, одному из самых богатых и популярных учащихся школы, отлично успевающему за школьной программой ученику, приходится ходить с сопровождающим, который помогает ему во всех его потребностях. Брэд даже сам нормально держать вилку с ложкой в руках теперь не может, не говоря уже о ручке. Хотя, как я поняла, зрительная и слуховая память сейчас у него довольно хорошо развита, пусть он и не помнит много из прошлого.

Я знала, что он старается поговорить со мной, выудить хоть малую долю той информации, которую он забыл. Но я не понимала в чем проблема. Разве он не может расспросить обо всем у других? Как по мне, то люди знают обо мне больше, чем я сама, ведь их всех так интересуют сплетни и жизни других.

Урок физкультуры вызывает у меня море неприятных воспоминаний. Чувствовала я себя не очень хорошо, — голова кружилась, немного подташнивало — потому посетив лазарет, я получила освобождение от занятий физкультурой на сегодня.

Сидя на стадионе, я смотрела, как остальная группа наматывает круги, они готовятся к кроссовому зачету. Ветер дул довольно сильно. Прохладно. Мне не очень нравилась погода в городе, где я родилась и выросла, ведь здесь, грубо говоря, всего три времени года: лето и весна с осенью, хотя последние друг от друга отличить почти нельзя. Но вопреки всему мне очень нравилась ранняя весна в Калифорнии: на деревьях появляются почки, если долго нет похолодания, сюда раньше всех прилетают перелетные птицы, и травка часто-часто начинает всходить на газонах.

Я думала о том, что раз вишни уже зацвели, то к концу марта или середине апреля они и вовсе все отцветут. А тополя в этом году начнут обрастать пухом еще в мае, если ни раньше.

На одной из перемен я сидела на газоне перед школой и смотрела, как что-то странное происходит на пришкольном участке. И спросила у кого-то: «А что происходит?». Ученики, надев форму бойскаутов, бегали туда-сюда, кто с лопатой, кто с хворостом, кто со свернутой в рулон тканью — только позже я поняла, что это палатка. Одни учились ставить палатки, другие — рыть ямы для костров, третьи занимались подготовкой к эстафетным состязаниям. У каждого было своё определенное задание. Было очень приятно наблюдать за их суетой, за тем, как виднеются искорки только-только зажженного костра и как клубится пар из чей-то кастрюльки. И кто-то мне ответил: «Это ежегодный турслет. Да и заодно наши ребята к предстоящему походу в лес готовятся». Во мне что-то загорелось: огромное желание стать частью этой суеты. Понимая, что в этом мероприятии у меня уж точно нет возможности поучаствовать, я все равно записалась в клуб бойскаутов в надежде, что что-нибудь мне выпадет.

И вот я все также сидела на стадионе, смотря в одну точку, и грезилась о запахе костра, о тепле чьего-либо тела в одной палатке со мной, о тяжелых рюкзаках с провизией. Но самое главное — о лесе. Я всегда любила лес. Иногда мне кажется, что стоило мне родиться каким-нибудь лесным зверьком: волком или лисой, к примеру. И тогда лес всегда был бы рядом со мной. Наверное, я бы так и продолжала мечтать об этом, если бы меня не выдернули из прекрасного мира грез.

— Можно? — спросили меня. И я обернулась на голос. Брэд. Он стоял передо мной в какой-то неестественной позе, как сломанная кукла, и он был один. Не зная, что ответить, я просто кивнула в знак согласия. Вроде бы в этом нет ничего особенного.

Я чувствовала себя опустошенной несмотря на прекрасные думы о лете, о лесе, о природе. Как бы мне хотелось отвлечься и не вспоминать обо всех напастях, пришедших на мою долю. Но я постоянно возвращалась к ним. Возвращалась к своей болезни, которая прогрессировала с каждым днём; скоро она разрастется и убьёт меня. Возвращалась к мыслям об оставшихся пунктиках в списке. Возвращалась к осознанию того, что нужно всё рассказать Майки, ведь кто, если не я, это сделает? И возвращалась к Ив. На последних мыслях меня постоянно охватывала злость, сковывавшая моё сердце подобно льду.

— Я... не-не... не помню, что со мной произошло за последний год. — Так начал разговор Брэд. Он всё ещё заикался, от чего мне становилось жаль его. Где-то в подсознании мне приходила мысль, что это я виновата, ведь если бы я не рассказала его отцу, парень бы не сбежал и не попал бы под машину. Но одновременно я понимала, что это моё решение было правильным. Что было бы, коль я не сделала бы этого? Какая-нибудь очередная наивная девушка попала бы в его сети? Нет, этого я не могла позволить. — Я не помню многих, но ты мне к-к-кажешься зна-знакомой.

— С чего это? — резко произнесла я. Это случайно вырвалось, хотя я всего лишь просто-напросто подумала об этом. Мысли вслух.

— Я думал, что ты расскажешь. — Он сел рядом со мной и внимательно следил за моей реакцией. В его глазах было что-то необычное, что-то сломленное. А затем я поняла: это я. Я так выглядела: сломлено, жалко, убито.

— Не желаю об этом вспоминать. — Я держалась холодно.

— Я сделал что-то... что-то... — Он приставил ладонь ко лбу и очень сильно зажмурился. — Забыл, — произнес он. — Я забыл это слово.

И только сейчас до меня дошло истинное положение дел. Ему намного хуже, чем мне. Он пытается собрать свою память по осколкам, что разбросаны по чертогам его разума или же совсем позабыты. Он и сам один из пропащих осколков.

— Да, — ответила я на не совсем произнесенный вопрос парня. Теперь мой голос звучал мягче. — Давай не будем об этом?

— Эм-Эмили? Тебя ведь так зовут?

— Угу. — Я кивнула и легонько улыбнулась ему.

— Не знаю, что я сотворил, но... но я у-уже не тот человек. П-прости, если это было ч-что-т-то ужасное.

— Ужасное... — вторила я.

И я кивнула. Произнесла что-то вроде «Да, я знаю», но ничего рассказывать о себе не стала. Какой в этом толк? Он меня не помнит, он не помнит, что сделал, и, пожалуй, это хорошо. Парня не будет грызть совесть, когда он узнает, что я умерла. Только представлю, как он, прежний Брэдли Уайт, узнает о том, что девушка, которую он хотел обесчестить, скончалась от опухоли

мозга. И он такой: «Черт, да она же с самого начала была больна». А хотя... быть может, ему было бы плевать.

Я просто рассказала некоторые отрывки из своей жизни, где появлялся Брэд, самые цензурные и неприметные. И когда нас увидели вместе, да еще и разговаривающими, все удивились, словно увидели призрака. Мы стояли, болтали у стены в коридоре, а я рассказывала момент, как Лондон состязалась со Стейси, и Брэд внимательно слушал, хмуря брови, от чего у него на лбу появлялись морщинки. Где-то между слов он улыбнулся и произнес «Да, я вспомнил это!», и его лицо, действительно, озарила радостная улыбка. Камень с моей души упал, теперь, наверное, ничто не будет терзать меня, а еще одним кошмаром меньше...

Однако же, мне было интересно, почему Стейси посчитала, что это будет считаться её мстью? Быть может, она думала, что я буду рада его смерти, а узнав, что он в относительной норме, впаду в депрессию или еще что-нибудь в этом духе? Быть может, она думала, что ему кто-нибудь вобьет в голову, что то, что с ним случилось, было по моей вине, и он мне бы мстил? Если это так, то Лоуренс еще большая идиотка, чем я думала.

А затем откуда ни возьмись выскочил Майки и налетел на Уайта со словами «Мерзавец». Последний очень испугался и отвернулся, скаля от страха зубы; его всего била волна дрожи. Майки замахнулся; я уже предвидела, как его кулак со всей силы попадет в челюсть Брэду, в нос, и по губам засочится алая кровь, но не могла этого допустить. «Перестань!» — выкрикнула и встала между кулаком Майки и лицом Брэда. Майки был сам на себя не похож: глаза горели адским пламенем, огромная ненависть была в них, и даже когда я вмешалась, эти эмоции не испарились. Я скривилась в ожидании удара. Кулак Майки остановился в нескольких сантиметрах от моего лица, его руку начала бить дрожь. Складывалось ощущение, словно он боролся сам с собой: ударить или не ударить, и это привело меня в ужас. Как он может думать о том, чтобы ударить меня?

Мгновения спустя его лицо прояснилось, а глаза задрожали, но я уже была разочарована в нем. Еще одна струна у меня внутри порвалась. От чего-то на глаза навернулись слёзы. От разочарования? Когда парень опустил кулак, я оттолкнула его со всей мочи и убежала прочь, тря рукавом мокрые глаза. Меня трясло, я боялась и боялась именно Майки. Его ненавистный взгляд, глядящий куда-то внутрь и пробирающий насквозь душу, его рука, которая не опускалась до последнего, его мысли, о которых я не знала, но это было и не важно, ведь видно, что он не думал обо мне — всё это пугало.

Мне нигде не было места, нигде я не могла уединиться, потому что повсюду шныряли любопытные человеческие носы, и мне, впрочем, как и обычно, пришлось забежать в туалет. Закрывшись в одной из кабинок, я начала хныкать, словно маленький ребёнок. Почему? Что я ему сделала? По какой причине он посмотрел на меня так, будто я зачинщица всех бед на свете? Неужели все так думают? Странное ощущение сдавливало мою грудь, от чего хотелось плакать еще больше, рыдать, захлебываясь в слезах, кричать, раздирать в кровь грудь. Как бы хотелось выдернуть из груди это чертово сердце, эту треклятую душу, ведь вся боль из-за них.

Скрип. Кто-то крутил кран, и затем зажурчала вода. Ничего страшного — это ведь туалет. Сквозь маленькую щелку между дверью и стенкой можно было видеть тонюсенькую полоску происходящего за стенами кабинки. Затем послышался хлопок — это захлопнули входную дверь. И следом: «Эм?». Я поджала под себя коленки, чтобы не было заметно, в какой из кабинок я спряталась, закусила костяшки на руке, чтобы не так сильно было слышно мои всхлипы, и постаралась успокоиться.

— Эмили? — спросил Майки.

И сразу же послышалось:

— Извращенец! — заверещала девушка, которая мыла руки. — Это женский туалет!

Сквозь щель я увидела, как девушка схватила пластмассовую швабру и замахнулась на Майки. Хлопок — это она ударила его пластмассой по голове. «Э-э-эй! Ничего такого даже в мыслях не было!» — воскликнул парень. Две пары ног носились туда-сюда, — я видела — пока девушка не запыхалась и, бросив швабру куда-то в сторону, выбежала из туалета, громко хлопнув дверью. Ноги Майки оказались у стены.

— Эмз, я знаю, что ты здесь, — произнес он.

— Проваливай! — рявкнула я, и меня вновь всю начало трясти.

— Мне очень жаль о том, что случилось с твоей подругой, с Ив.

— Не смей! Не смей говорить о ней! — кричала.

При любом упоминании об Ив в разговоре, в мыслях, да даже в чертовых песнях меня начинала пробирать злость. Она была совершенно беспричинной. Но я чувствовала, как ненавистны мне воспоминания о ней. Ярость подкатывала к горлу.

Молчание. Довольно продолжительное молчание. И мои всхлипы. Слёзы. Мои яростно сжатые кулаки. Я стараюсь стереть с лица все слезы рукавом кофты, но они всё льются и льются, словно им нет предела. И это меня тоже бесит. Внезапно, совершенно невпопад, Майки произносит:

— Эмили. Я больше чем влюблен в тебя.

Эта его фраза взбесила меня ещё больше. Эмоции теперь требовали, чтобы я выпустила их наружу, чтобы я позволила им овладеть собою, и я это сделала. Чуть ли не выбив дверцу, я твердым шагом подошла к парню и начала кричать на него: «Нет! Да как ты посмел вообще сейчас говорить об этом! Ты не имеешь права! Не имеешь!». Я со всей силы, со всей злости, со всех эмоций, чтобы копили во мне все эти недели, замахнулась на Майки, «Ты не смеешь! Я тебя ненавижу! Я ненавижу всех людей!» выкрикнула и ударила его кулаком в грудь. И ярость ненадолго отступила. Майки не шелохнулся, даже не отошел ни на шаг, а наоборот, делал шаги мне навстречу. Я широко распахнула свои глаза, удивляясь от поступка, что совершила, а слезы все ещё лились непрерывным потоком. Парень обнял меня, прижав к груди, вопреки тому, что я его ударила. Дрожь била меня, подкашивая колени, и казалось, что я вот-вот упаду в пропасть, в которую уже лечу давно.

Теперь вся действительность была, как в тумане. Всё закрывала пелена печали, горя и ярости. Мне казалось, что я разорвусь от всевозможных чувств, наполняющих меня. Я не могла держаться, мне хотелось прекратить всё: бесконечный поток слёз, чувство вины, ярость и гневные порывы крушить всё на своём пути. Хотелось прекратить своё существование сейчас, чтобы больше ничего не чувствовать.

Сначала Майки осторожно вёл меня под руку, потому что я самостоятельно не могла передвигаться — уж чересчур слабой я была в те минуты, но затем силы потихоньку стали ко мне возвращаться, и ярость вновь переполняла меня. Я начала вырываться из объятий парня, но он меня не отпускал, словно преследовал какую-то цель, словно специально вёл меня куда-то. А от злости мне хотелось задушить его. Различные голоса доносились со всех сторон, а затем рядом появилась Фелиция и Джудит. Майки запихнул меня на заднее сидение своего пикапа и попросил Фо, чтобы она села за руль. «Я не знаю, что с ней делать, она словно из ума выжила», — произнес Майки. Тогда Джудит неожиданно для всех подала голос: «Мне очень знакомы её нынешние переживания. Отвезем её на кладбище». И как бы Майки не старался меня унять, всю дорогу я чувствовала себя загнанным в клетку зверем.

Хоть я и совершенно не знаю Джудит, она от всего сердце старается мне помочь.

Стоя рядом с могилой Ив, я глядела ошарашено на надгробную плиту. Джудит взяла моё лицо в ладони и что-то говорила мне, но я не слышала. Она всеми усилиями пыталась привлечь моё внимание, но я как будто была в параллельной вселенной. Затем она, немного зажмурившись от осознания того, что сейчас сделает, скривилась и залепила мне затрещину, от которой я наконец-то пришла в себя. И я услышала то, что она мне твердила:

— Послушай, я знаю, что ты чувствуешь. Ты ненавидишь её за то, что она оставила тебя, так? Только зачем злиться на весь мир? Она здесь, перед тобой, расскажи ей всё, что ты о ней думаешь.

Взглянув на могилу Ив, ту самую могилу, которую я так люблю и так ненавижу, почувствовала, как слезы вот-вот снова хлынут из моих очей. Упав рядом с плитой, я начала колотить кусок мертвого камня, изливая Ив всё то, что я переживала в течение этих нескольких недель.

— Как ты могла?! Как ты могла нарушить наши обещания! Ты не должна была умирать раньше меня! Я осталась одна, теперь я осталась одна, я ненавижу тебя за это! Как ты посмела оставить меня одну! Я ненавижу тебя... ненавижу. Вернись ко мне! Прошу, вернись ко мне...

Ив каждый день делала вид, что чувствует себя прекрасно, пока я же, наоборот, напрямую говорила, как мне хреново. Она каждый день строила из себя сильнейшего воина, а я же говорила о

том, как слаба. Она умерла первой — хотя была так полна жизни, и теперь мне вновь приходится тащить на себе эту ужасную ношу.

Этим вечером я осталась ночевать в доме у Майки со всей его семьей, и никто, даже родители парня, не задавали вопросы, что я здесь делаю, вероятнее всего, они всё знали. Весь вечер меня старались сначала успокоить, затем развеселить, но всё было напрасно. Только уснув, я смогла найти умиротворение. Теплота объятий Майки и его нежное, теплое, прерывистое дыхание на моей шее нагоняли на меня сладкую дремоту.

Тридцать один

Мне не снились кошмары, и я была этому рада — не хотелось, чтобы Майкишний раз за меня волновался, ему и так хорошенько досталось вчера. Я просыпалась несколько раз и все эти разы не могла позволить себе раскрыть глаза, словно боялась вновь сойти с ума от действительности. Мне очень нравился тот мир, что мне снился, и не хотелось покидать его. Потому я так и лежала с закрытыми глазами, думая обо всём на свете, чувствуя тяжелую, но одновременно легкую руку Майки, пока тот не стал меня будить. «Как же ему тяжело со мной», — подумала я.

Мыслями я была далеко-далеко, но все они были сосредоточены вокруг двух событий: смерти Ив и моей. Не могу принять, что девушка, которая так светила, умерла; она была надеждой, светом в моей жизни, и, если честно, я и сама не хочу жить без этого света. Мне было больно. Очень больно. Но я понимала — нужно следовать наказам Ив, а значит, пора надевать маску, чтобы скрыть свою боль. А еще я понимала, что нельзя больше затягивать с признанием — мне стало еще хуже, и скоро Майки и сам догадается, что что-то здесь не так.

Он легонько расталкивал меня, стараясь не разозлить, не зная, что я уже давно не сплю, а затем опять опустился на кровать и стал ждать, видя, как я ворочаюсь из стороны в сторону. Повернувшись к нему лицом, я решила открыть глаза. Блики света играли на волосах и на лице Майки, его глаза были полны нежности и сострадания, а ещё в них было полным-полно любви. И это меня очень умилило. Невольно я улыбнулась и протянула ладонь, чтобы дотронуться до широких скул парня. Когда он смотрит на меня вот так, когда его глаза вздрагивают, так по-детски волнуясь, когда он легонько, уголками губ улыбается, то совсем смахивает на четырнадцатилетнего мальчишку. И это тоже мне в нём нравится.

— Привет, — произнес он шепотом.

Я дотронулась кончиками пальцев до его щеки — теплая — и растаяла. Все грустные мысли улетучились, остались лишь мы вдвоем и любовь. «Привет», — отозвалась я. И еще некоторое время мы так и лежали, глядя друг на друга, словно видимся в последний раз или же, наоборот, в первый раз в жизни. А затем зашёл Патрик со словами «Эй, голубки, там Фелиция уже рвёт и мечет из-за того, что вы к завтраку не спускаетесь», а затем прибавил шепотом, когда Майки подошёл к нему, «Ну как, она в норме?», и тот кивнул.

Только сейчас я заметила, что уснула в одежде, не раздеваясь и даже не расстелив кровать, но, тем не менее, кто-то принес мне ещё одно одеяло, дабы укрыть меня, хотя подо мной уже было одно. Если бы меня немного растолкали, то смогли бы вытащить одеяло из-под меня, однако, этого никто не стал делать. Майки, стоя у приоткрытой двери, сказал, чтобы, как буду готова, спускалась вниз. Не знаю, что на меня нашло в этот момент, но мне показалось это мгновение подходящим для правды.

— Майки! — окликнула я его. — Я хотела сказать... — и замолчала. Сжала кулаки. Потупила взгляд. Правда — она горькая. Во рту появился привкус крови из-за того, что я резко и очень сильно закусилась щеку.

— Ась? — спросил он, сделав пару шагов назад, потому что уже собирался уходить из комнаты. И вновь его глаза. Этот взгляд, полный тревоги и нежности. Черт возьми, как же ему будет больно!

— Спасибо, — вымолвила я. И всё. На большее я не способна, не сейчас.

— Не за что. — И он спустился на первый этаж.

По-новому заправив мягкую постель, чтобы не было ни единой складочки, я подошла к окну. Уже прошел почти месяц после того, как доктор Фитч ещё больше укоротил мне время, которого и так много не было. Допустим, он был прав. Допустим, три сезона — девять месяцев. Тогда мне

осталось жить всего-ничего — чуть больше полугода. Но проблема в том, что он сказал не больше, а это значит, что и девяти месяцев я могу не прожить. В любом случае я умру уже в этом году, как бы мне не хотелось пожить подольше. Не стоит тратить время на пустые иллюзии. И еще это значит, что я уж никогда не выполню все пункты в своём списке, потому что одним из пунктов является моё восемнадцатилетие.

Пол марта прошло. Скоро апрель. Где-то начнёт цвести сакура — одно из самых прекрасных растений в мире, по моему мнению. А у нас здесь цветут вишни и персики — своего рода заменители. Кто бы мог подумать, что у Майки из окна открывается такой прекрасный вид на сад вишни вопреки тому, что его дом находится в не очень благоприятном квартале. Хотя, конечно же, есть районы ещё ужаснее, разрушенные, зловонные и заброшенные, — кварталы трущоб.

Внизу меня встретила приятная суета, разгоняющая грустные думы. Сойдя с лестницы, я чуть было не навернулась на разбросанных игрушках Олли, а затем столкнулась со спиной Фо, которая умудрилась меня отчитать за опоздание. «Родители уже съели свои завтраки и отправились на работу, а вы, ленивые балбесы, еще и школьный ленч себе не собрали», — говорила она. Патрик что-то сказал о своей работе, он, похоже, сегодня в ночную смену будет дежурить в магазинчике.

— А мы с Эмили сегодня прогуляем занятия, — поделился со всеми Майки, жуя тост с вареньем. Фелиция, молча, кивнула, вероятно, понимала, что мне следует развеяться. Только вот я была очень удивлена таким заявлением, хотя и была не против прогулять сегодняшний день — совсем не охота сидеть в школе.

— Я тоже не хочу в школу! — заявил Олли.

— А ну-к, вот именно тебе этого нельзя! — Фо дала подзатыльник братцу с улыбкой на лице. — Знаешь, Майки, у нас-то скоро выпускные экзамены, не забывай об этом. — Майки кивнул и угукнул, прекрасно понимая, о чём говорит его сестра. Да, я приношу много-много проблем ему, и если он из-за меня не наберет нужное количество баллов, потому что его голова забита вовсе не учёбой, то я же сама себя простить не смогу.

Даже в такой приятной атмосфере мне совсем не хотелось кушать. Застав себя проглотить один тост с джемом и выпив кружечку ароматного кофе, я облегченно выдохнула. Я чувствовала, что потихоньку начинаю вновь пробуждаться, но не так, как встаю каждый день с кровати, а словно вновь начинаю просыпаться для жизни. Ив больше нет, но наши обещания остались. Вся моя злость на неё испарилась после вчерашнего, когда я смогла высказаться. Да, не стоит держать чувства в себе, иначе тебе же самому будет хуже во сто крат. На душе грусть, но я не одна, как думала раньше.

Да, возможно, люди, которые тебе дороги и которым дорог ты, не могут находиться с тобой все двадцать четыре часа в сутки. Они не всегда могут уделять тебе внимание, они могут не писать долгое время, не звонить или вовсе с тобой не связываться; но если это, действительно, твой человек, то он все равно будет с тобой рядом.

То же самое с Лондон и Майки. Они не могли находиться рядом со мной, когда я нуждалась в них, потому что они сами нуждались в чьей-то помощи. Это так получилось, что именно тогда у них не было возможности поддержать меня, от чего мне было ужасно тяжело, но сейчас они снова будут рядом. Я уверена.

Наконец отойдя от своих чересчур частых и длительных раздумий, я вернулась в настоящее и спросила:

— Так чем мы займемся? — Слишком томительно было его молчание, когда он смотрел на меня с легкой ухмылкой. Он определенно хотел разжечь во мне интерес.

Дом оказался пустым и одиноким, когда его все, кроме нас, покинули. И в тишине я могла слышать шорох молодых листиков на деревьях, пение птиц, а еще я могла слышать, как глубоко вздыхает Майки.

— Так что? — Я просто сгорала от нетерпения.

Майки встал и подошел ко мне, элегантно подал руку, а я вложила свою ладонь в его и пошла следом за ним. Только сейчас он ответил на мой вопрос, улыбнувшись и сказав «На самом деле, я просто хотел провести с тобой больше времени, и потому расписал весь день».

Когда мы подошли к торговому центру, я была немного удивлена тем, насколько обычен был его сегодняшний план. Потянув меня за руку, Майки со счастливым выражением лица

скользнул меж одного прохода, другого, а я всё следовала за ним и следовала, но парень слишком быстро шел, потому через пару минут таких блужданий моя рука выскользнула из его ладони.

Торговый центр был такой большой, что заблудиться в нем не составит труда.

Осмотревшись, я поняла, что оказалась в Икее, в отделе, где продают различную мебель. Шагая из стороны в сторону, осматривала интерьеры комнат: в готическом стиле, в стиле современного рока, модерне и многих других. Стены были сделаны из плотного каркаса и разделяли примеры интерьеров между собой, чтобы они не сливались в одно целое и чтобы покупателям было понятно, что это — один стиль, а следующая огороженная такими стенами комната — совершенно другой. Меня до жути привлек пример комнаты в стиле рок: стены окрашены в темно-синий цвет, справа от меня на ней висела электронная гитара и большая полка для книг и CD, рядом было металлическое кресло и столик, сделанный из черного дерева. На другой стене были развешаны постеры и картины в рамках, в основном, известных групп «The Beatles», «The Rolling Stones», «Pink Floyd» и других. А с другой стороны к стене была приставлена кровать на втором ярусе, а на первом расположился пуфик и ноутбук. На всю следующую стену расположилось зеркало, и разместился шкаф.

Я подумала, что это прекрасная, удобная и вполне практичная комнатка, раз в таком маленьком пространстве можно одновременно поместить столько вещей. И она сама по себе очень классная. Внезапно появился Майки и плюхнулся в тот самый пуфик, нагло задрав ноги и смеясь.

— Что ты творишь?! — возмутилась я.

— Да мы же сюда для этого и пришли, — ответил он и, приподнявшись, резко потянул меня на себя, отчего я плюхнулась прямо на парня.

И мы засмеялись. Откинув у меня с лица волосы, он аккуратно взял моё лицо в ладони и поцеловал. Легко. Мягко. Нежно. Но у меня в животе все равно приятно заныло.

Если бы кто-нибудь спросил у меня, и чем же мы занимались в икее с Майки, то я бы с радостью ответила, что мы дурачились, словно малые дети. Мы бегали друг с другом наперегонки, шныряли между разными «комнатами», прыгали на кроватях, наряжались в костюмы, что тоже были выставлены для примера, и «устраивали» чаепитие на кухне с пластмассовой посудой. Мы пытались прочесть книги, которые покоились на полках, только вот толка от этого не было — все они были на иностранных языках. А позже мы нашли «комнату» для развлечения, где покачались на веревочных качелях, подрались причудливыми подушками друг с другом, играли в классики. Я ухаживалась, словно сумасшедшая, когда Майки пытался залезть сначала в детское кресло-яйцо с верхом, способным закрываться, а затем в палатку, сделанную явно для детей трех-четырёх лет. Он просто-напросто не помещался в них! Постоянно у него торчали или ноги, или руки, или он залезть-то залезал, а выбраться обратно ему было намного сложнее. Тогда я просто сидела на полу рядом и дразнила его, а он грозился мне отомстить. А еще я смогла поехать на милой божьей коровке, а Майки попрыгал на детском батуте, правда, опять же, он из-за своего возраста и размера несчастного батута чуть ли не улетел.

Я ни на секунду не забывала об Ив, но мне казалось, что, если она знает о том, что сейчас здесь происходит, то, безусловно, улыбается. Ей бы это понравилось. А вот Лондон, скорее всего, посчитала бы это глупой тратой времени. Они такие разные, но обе так дороги мне, ведь у каждой был свой особый подход ко мне.

Затем мы зашли в отдел цветов, и я любовалась различными видами орхидей, фиалок и роз. На самом деле, мне кажется, что живые цветы намного лучше тех, которые срывают для того, чтобы поставить в вазу. Ведь отчасти цветы — это тоже живые существа. А сейчас, после осмысления всех своих жизненных ценностей, я не хочу никого убивать, даже если это будет какая-нибудь мелкая букашка или сорванный цветок.

А следующим нашим шагом была наркомания. Мы перенюхали, наверное, десятки различных ароматизированных свечей и гадали, какой же запах лучше всех, внюхиваясь в них снова, и снова, и снова. Я бы не покидала этот отдел со свечами никогда, но, пожалуй, мы с Майки уже занаркоманились на несколько лет вперед.

В отделе с компьютерной техникой, Майки решил подшутить надо всеми. И каким-то образом через Bluetooth подключил свой телефон к колонкам, а через пару минут по всему залу разразилась песня Rolling-ов. И мы, конечно же, словно совершенно не причем здесь, прошли мимо волнующихся консультантов, которые пытались выключить музыку, а сами же легонько

ухмылялись, стараясь удерживать смех. Только покинув данный зал, мы смогли рассмеяться во весь голос.

После мы направились в MacDonald's, где Майки под предлогом, что мы все ещё дети, выпросил у сотрудников шарик для меня и корону принцесски для себя. И, словно бы по волшебству, в этот час, где в макдаке было полным-полно людей, для нас специально освободился столик в центре зала. И я, как маленькая девочка, с дурацкой улыбкой на лице попивала свой коктейль, пока Майки вел себя, как принцесса Пупырка: строил из себя сверхважную персону и с изящной грацией поедал свой гамбургер.

Сегодня Майки был чересчур гиперактивен, и я это заметила — я всегда замечаю подобные вещи, но я так привыкла к такому странному поведению парня, что смирилась с тем, что для него это нормально. Одно время он может быть крайне дружелюбным, нежным, гиперактивным и порой даже каким-то маниакальным по отношению к каким-нибудь идеям, но всё из-за того, что он безумно хочет это совершить. А другое время он бывает немного грубым, грустным или раздражительным, что, конечно же, не могло не приводить меня в замешательство: уж чересчур резкий контраст между двумя его личностями.

Выйдя на стоянку, где, в основном, останавливались автобусы, а реже машины, Майки огляделся — нашего автобуса еще нет, а может, его уже нет. Решив скоротать время, он начал бродить туда-сюда, а затем его глаза вновь вспыхнули — что-то пришло ему на ум. Он схватил ближайшую тележку, которую оставили предыдущие покупатели после того, как выгрузили свои покупки в багажник своей машины, и подкатил ко мне.

— Запрыгивай, — продиктовал он, улыбаясь.

Ну, разве кто-нибудь сможет устоять против такой улыбки? Держа покрепче свой шарик, я залезла в тележку, поджав под себя колени, и приготовилась. Майки начал двигаться медленно, постепенно ускоряя свою скорость, и через пару мгновений мы уже носились между колоннами. Никогда бы не подумала, что Майки способен так развить свою скорость! Мы неслись так быстро, что корона спадала на лицо парню, и ему приходилось её постоянно поправлять. Тележка дрожала, и мои ноги дрожали ей в такт, а ветер бил в лицо. После пары минут таких катаний Майки запыхался, а корона свалилась с его головы, и он со словами «Фух! Передохнем» остановился, чтобы поднять её.

За всем нашим времяпрепровождением я и не заметила, как незаметно подступил вечер, потому вернулись мы домой к Майки часам к семи. Несколько раз мне звонили родители, спрашивая, всё ли у меня в порядке, а я с теплотой в голосе отвечала им настолько искренне, насколько могла. Ведь, правда, сейчас всё в порядке. Спасибо, Майки.

— Это ещё не всё, — проговорил он, когда мы переступили порог дома, и загадочно улыбнулся. Что же он еще такого придумал?

Меня оглушил звонкий крик и громкий топот детских ножек. Олли, который несся со всех ног к нам, радостно визжал. Мальчик прыгнул к Майки на руки, а парень подхватил его и прижал к себе.

— Привет, привет, — произнесла я и, всклокотав светлую шевелюру на голове парнишки, поцеловала его в лоб. Олли поморщился, а затем довольно улыбнулся. Он уже так привязался ко мне.

Мне велено было ждать, пока все приготовления не закончатся, но я так и не могла понять, о чем это говорит Майки. А затем он, и Патрик, который, кстати, все-таки не работал сегодня, и их отец вместе стали вытаскивать довольно-таки старый и потрепанный диванчик на задний двор. И после что-то еще там делали, но мне уже не было видно, чем именно они занимались, потому, немного уняв свой интерес, я стала помогать Фо и её матери готовить ужин.

Кстати говоря, родители у них очень добрые и милые. Они относятся ко мне так, словно я еще одна их дочь. Возможно, им сообщили, что случилось у меня в жизни, почему я так часто провожу время у них в доме, и они понимают моё положение и относятся терпеливее. Но, по крайней мере, я могу сказать, что они всегда рады меня видеть, к счастью.

Когда мы поужинали все вместе за одним столом, то на душе у меня стало еще теплее. Ах, если бы здесь были все: и Лондон, и Ив, и моя семья, и Трент, о котором, между прочим, я уже давно не слышала никаких вестей, и в школе его почти не видела, а если и встречала, то мельком — там уж не до разговоров.

И тут Майки наконец-то решил открыть передо мной завесу своего сюрприза. Мы — совершенно одни — вышли на задний двор, где уже уместился диванчик, а на нем подушки и несколько одеял, чтобы холодно не было.

— Садись, — велел он мне, и я послушалась.

Закуталась в теплое одеяло, словно в кокон, и стала внимательно следить за Майки. В темноте, по правде, ничего не разберешь, а еще, как назло, в уличном фонаре лампа перегорела. Я лишь видела, как у кудрявого парня в руках что-то засияло; он резко пробежался по кругу и отбежал ко мне. И в небо устремились свистящие цветные заряды, которые взрывались, разукрашивая темноту разноцветными, сияющими брызгами. Я в восторге захлопала в ладоши, а Майки с нежностью смотрел то на меня, то на фейерверки.

Мы еще долгое время вместе лежали под одеялом, вглядываясь в ночную темноту, считая звезды на небе. Когда я замерзала, Майки прихватывал скомканное в ногах дополнительное одеяло и накидывал на нас. Я чувствовала себя огромным полярным медведем под несколькими слоями пуховых одеял.

— Ты всё еще дрожишь, — проговорил Майки.

А я просто хмыкнула. Не могла же я признаться, что замерзла до чертиков, и разрушить атмосферность данного вечера, ведь, я уверена, тогда бы он загнал меня в дом. Но Майки словно бы читал мои мысли, и он понял, что я не хочу уходить с улицы, даже не смотря на стужу, стоящую на улице, и тому, что уже давно за полночь. Он снял с себя свой безразмерный свитер и прильнул ко мне еще ближе, сжимая в объятиях. От него так и пышет жаром. Я не могла удержаться от смешка, потому что ситуация эта меня очень забавила, а затем опустила взгляд, чтобы не выдать раскрасневшиеся щеки. Внизу живота расстиралось приятное, теплое чувство, наполнявшее всё тело, подобно солнечным лучам, прогревающим землю.

Мне хотелось прижаться к нему ближе, обвить шею своими руками и зарыться в волосы; хотелось чувствовать, как он покрывает поцелуями мою шею, спускаясь ниже и ниже; хотелось скользнуть рукой по его разгоряченному торсу, бедрам; мне хотелось лежать с ним вот так, под открытым небом, и смотреть на звезды, считая каждую маленькую и каждую большую вновь появляющуюся звезду (или не звезду вовсе); хотелось говорить обо всем на свете, говорить о чувствах, говорить о весне, о животных, о лесе, о море, о рыбах, открывающих и закрывающих рот, о красных томатах, о кухне, которая в каждой стране разная; мне просто хотелось быть с ним каждый день, каждую ночь, каждый час, минуту, секунду, не выпускать его из объятий, не останавливать поток мыслей ни на секунду, рассказывая о том, что первое взбредет в голову, болтая без умолку; не делать паузы в словах, не делать паузы между предложениями, не ставить запятые в предложениях, не-ставить-пробелы — когда ты влюблен, всё это ни к чему.

У меня в голове был фонтан мыслей, который я просто-напросто не могла остановить, разве что лишь сонливость потихоньку разбавляла их, сливая в одно неразборчивое пятно. Я вновь усмехнулась своим мыслям — никогда не думала, что смогу влюбиться так сильно. Потому я просто-напросто заставила Майки получше укрыться одеялом, раз уж он решил греть меня собственным теплом, ведь смириться с тем, что он может замерзнуть я не могла.

Не знаю, пролежали ли мы так до утра, или, быть может, Майки сразу перенес меня к себе в комнату после того, как я уснула, но, тем не менее, это была одна из лучших ночей в моей жизни.

Весь следующий день мы провели у меня дома, чтобы никто из домашних не волновался за меня. К тому же, на улице внезапно ухудшилась погода, а к полудню небо стало затягиваться тучками — будет дождь.

А дома меня ждал ещё один сюрприз от Майки! Он никак не мог простить себя и решил загладить свою вину маленьким подарком. Со словами «Чтобы тебе больше не было одиноко!» он вручил мне небольшой белый комочек с длинными ушами и красными, как кровь, глазами. Секунды я не совсем понимала, что же происходит, а затем осознала. Мягкий комочек чуть жестковатой белой шерсти двигал своим носиком, обнюхивая нового для него человека. Этот подарок для меня был самым удивительным из всех! Никто никогда еще не дарил мне белого кролика! А когда Майки спросил, как я его назову, то я решила, что этому нежному белому, как снег, кролику, который на вид выглядит так невинно, нужно какое-нибудь забавное имя, но я так и не придумала какое.

Мы с Майки сидели у подножия дивана, поедая различные вкусности, что были в холодильнике, постоянно подшучивая друг над другом, и смотрели «Игру престолов». Кролик, еще не освоившийся в новой обстановке, довольно спокойно сидел рядом с нами, — он вообще был крайне спокойным — но на всякий случай мы надели на него специальный ошейник, чтобы не убежал. Я частенько запускала свои пальцы в его шерсть, животное вздрагивало, но через некоторое время уже привыкло.

Мои родители нас не беспокоили, они находились где-то на втором этаже и тоже смотрели телевизор, а сестры и вовсе не было дома. Вообще, создавалось ощущение, словно только мы одни с Майки дома.

К вечеру разразился гром, и полил дождь. Кристи, наскоро прибежавшая домой с подработки, сидела на кухне и грелась, попивая горячее какао. Её вымокшая одежда была засунута в сушилку, а мокрые волосы, как и всегда, собраны в небольшой свободный пучок, чтобы не мешались. Сестра была крайне удивлена необычному подарку Майки и усмехнулась, когда услышала имя, которое я ему дала.

Когда в дверь кто-то постучал, я удивилась. Дождь льет как из ведра. Кого могло принести в такую погоду? Мы с Майки переглянулись, а Кристи из кухни выкрикнула: «Мне открыть?». «Нет», — произнесла я и встала, направляясь к двери.

Повернув ключ в засове и открыв дверь, я широко раскрыла глаза. Светлые волосы толстыми слипшимися сосульками свисали на лицо гостя. Вся одежда была промокшая насквозь. А под глазами у гостя находились жирные разводы от потекшей туши. Само же лицо девушки было красным, опухшим, а в глазах всё ещё были слёзы. Она стояла, приобняв себя за плечи, и грустно смотрела на меня своими большими глазами.

— Л-Лондон? — немного заикаясь, спросила я. Я совсем не ожидала её увидеть в таком состоянии, и это меня жутко обескуражило.

— Эмз, скажи, что это за чувство? — задала вопрос Лондон. — Словно ты падаешь в пропасть, а внезапно появившийся вихрь подхватывает тебя и несет куда-то. Твоё дыхание замирает, и сердце начинает останавливаться.

Я легонько выдохнула. Так и знала, что это когда-нибудь снова её настигнет. И твердо, и уверенно произношу:

— Любовь. Это любовь.

Тогда Лондон не выдерживает и начинает реветь во всё горло, она подходит ко мне, а я её обнимаю и стараюсь убаюкать. На плач Лорен сбегалась вся моя семья. Закрыв дверь, провела Лондон в свою комнату, где стала ей помогать переодеваться в сухую одежду, а та всё еще безутешно рыдала. Сев рядом с подругой, я уложила ей голову себе на колени и начала что-то приговаривать, что-то успокаивающее, а затем спросила:

— Что случилось, Лорен?

Сквозь всхлипы и заплаканный голос сложно было разобрать что-то, но я поняла.

— Трент. Он уехал учиться в Германию. Так велели ему родители, — сказала она.

— Ну и что же? Это же прекрасно, у него впереди хорошее будущее будет, а вы можете по скайпу общаться, — проговорила я.

Тогда Лондон начала мотать головой и лепетать «Нет, нет, нет». И еще один мощный всхлип, а после она сказала то, что повергло меня в парализующий шок.

— Я беременна.

Тридцать два

Я и Майки сидели на кухне. Наверху, в моей комнате, уснула Лондон после долгих рыданий, никто не мог успокоить её, — ни Кристи, ни Мама, ни даже сама я — пока папа ни принес мои пилюли со снотворным и ни заставил её выпить их. Я никак не могла успокоиться, как же это её, дурёху, угораздило так вляпаться? Мешая чай ложечкой, я нервно звякала ею о кружку, даже не обращая внимания на это, — так сильно увлеклась собственными мыслями — а вот Майки заметил это и скривился.

— Эмили, я так облажалась.

— Всё будет хорошо, всё наладится, успокойся, — говорю я.

— Он уехал! А я беременна! Какого черта все наладится?! — Голос Лондон звучит жалостливо, даже несмотря на то, что фраза сама по себе довольно гневная.

А затем истерика её совсем накрывает, и я не могу обойтись без чьей-то помощи. Майки ждал внизу, потому я спустилась к нему, давая шанс остальным членам семьи успокоить девушку. У них это бы точно лучше получилось.

Ещё минута. И ещё. Один малюсенький кусочек сахара уже давно растворился в кружке, но я все равно продолжала настойчиво его размешивать. Меня волновало сразу несколько вопросов. Во-первых, это, конечно же, какой у неё срок и оставит ли она ребенка. А во-вторых, это Трент. Рассказала ли она ему? Если нет, то почему, а если да, то по какой причине он уехал, ведь я бы на его месте, узнав такое, совсем бы об учебе не думала. Я считала, что Трент относительно порядочный парень, по крайней мере, с моральными качествами у него все в порядке. И, в-третьих, знают ли её родители? Пожалуй, это единственные люди, чью реакцию предугадать я не могу.

С каждым новым мгновением звон ложки отдавался мне все ярче в голове. Нет, только не сейчас! Мало того что у меня и так из-за всех этих мыслей голова болит, так не хватало еще чертово приступа. Майки внимательно наблюдал за мной, словно бы оценивал мою изменяющуюся реакцию.

— Знаешь, — он пожал плечами, — я думаю, что всё к этому и шло с самого начала. Этого и следовало ожидать.

Я кивнула. Он прав. Это было предопределено — они вместе как два пламени, как искры, как молнии, которые сразу же вспыхивают неистовым огнём. Их страсть ни к чему хорошему не привела бы. А уж неосторожность... Что толк теперь разглагольствовать об этом?

Потерев виски пальцами, я вновь принялась за свой уже остывший чай.

— Ты в порядке? Голова разболелась? — разволновался парень. — Где у вас аптечка?

— Да всё в порядке, — внезапно звонко засмеялась я после того, как была удивлена его реакцией, — просто мысли покоя не дают.

Сегодня была одна из самых обеспокоенных ночей. Пожалуй, если бы я составляла список таких вот ночей, то эта ночь стояла бы где-то в начале. Мысли пугали. Мысли копались во мне. Мысли не давали мне уснуть. Почему всегда то, что больше всего волнует нас, что днем мы пытаемся забыть, с чем справиться, всегда всплывает в разуме по ночам? Если бы можно было не думать об этом, забыть или вовсе стереть, то было бы прекрасно, но никак не выходит.

Майки остался на ночь. Он спал у подножья дивана, на матрасе, который папа принес откуда-то, охраняя мой сон, ведь я спала на диване — моя кровать уже была занята. За всю ночь мы не обмолвились ни словом, только слушали неровное дыхание друг друга, как оно сбивалось и как выравнивалось — явный признак волнения.

Я слышала, как папа тихо спускался по ступенькам. Его походка никогда не была такой мягкой, можно было лишь гадать, от чего же это, но думаю, это всё из-за изнеможения. Кристи постоянно бродила по дому туда-сюда, то заглядывая на кухню и прихватывая с собой новый полный кофейник, то заглядывая в мою комнату, то просто бродила без цели от угла к углу. Всех нас волновало поведение Лондон, и все хотели бы знать подробности, хотели бы знать о том, как она дальше поступит. Моя мама спала с ней наверху, потому что она понимала отчасти её чувства. Да и к тому же, она мать, она знает, как быть в такой ситуации, знает, как успокоить ребенка, какие слова нужно подобрать.

Всё не могли дожидаться утра, которое принесет с собой облегчение и скроет печальный след ночи.

Часов в десять утра я позвонила семье Одэйров, чтобы узнать, как у них дела. Разговоры с ними после смерти Ив мне всегда казались жутко длинными, но одновременно и короткими. Мы могли висеть на телефоне целый час, а сказать за это время всего-ничего. Но это не было признаком, что всё плохо, наоборот, это значило, что мы понимаем друг друга. Молчание было знаком сочувствия. Не знаю зачем, но каждый раз я старалась говорить радостным, жизнерадостным голосом, я рассказывала им о том, что случилось, или просто немного лгала, фантазировала, чтобы порадовать их, я постоянно произносила, что должна сиять также ярко, как Ив, ведь это был её завет.

Я, мама, Кристи, Майки, папа и кроль позавтракали. Только мы, люди, съели немного шоколадного торта, чтобы поднять настроение, а кролику были выдан корм. После завтрака Майки извинился и поспешил отлучиться по семейным делам. А Лондон спала до самого вечера, хотя, быть может, и не спала вовсе, а лишь притворялась. Но тот самый промежуток времени, пока мы ждали её пробуждения, был мучителен.

И я решила взять всё в свои руки.

— Вставай! — произнесла я и бросила в подругу подушкой.

Лондон повертелась в кровати и, накинув на голову одеяло, отмахнулась. Что ж, раз она не хочет по-хорошему, то будет по-плохому. Я запрыгиваю на кровать и пытаюсь расшевелить подругу, вытаскиваю из-под неё одеяло, расталкиваю, стараюсь столкнуть с кровати, но та лишь ещё больше сжимается в комок. Она сжимается и начинает вновь еле слышно рыдать. И тут я понимаю, какая же я дура.

— Лондон, — произношу.

Она не отвечает. Тогда я ложусь рядом с ней и обвиваю её тело руками. Вот так просто. Чувствую, как её трясёт от рыданий. Но я не могу ничего сделать.

Я вспоминаю, что почти всегда она меня успокаивала. В первые месяцы после того, как я узнала о болезни. Когда я заходила в истерики. Когда меня избила Стейси. И когда меня чуть не изнасиловал Брэд. Всегда. Почему я ни разу не могла её утешить? Почему я не могу подобрать слов сейчас?

Лондон плакала, а я все ждала, пока она успокоится. Я не знала, как выразить ей своё сожаление.

Как она будет жизнь без меня? Нет, не так. Как я буду жить без неё там, в пустоте? Или, быть может, где-то ещё, куда после смерти попадают души людей, если они и попадают, конечно. Я не могу представить свою жизнь, свою смерть без неё, без Майки, без моей семьи. Потому, порывшись у себя в воспоминаниях, я нахожу, пожалуй, единственные правильные слова:

— Я, правда, не хочу тебя терять. — Эти слова Лорен говорила мне всегда, когда я начинала заводить разговор о своей кончине. Она всегда их мне произносила.

— Я, правда, не хочу тебя терять... — эхом отозвалась Лондон.

Она развернулась ко мне лицом и стала рассматривать мои черты. У подруги такие несчастные глаза. Заплаканные, красные, опухшие. Я её не узнаю. И дело даже не в том, что она расплакалась, что она снова не накрашена и что она оказалась беременна. А, скорее, в том, что та весёлая Лондон, всегда подбадривающая меня, испарилась. Исчезла та девушка со скептическим взглядом на жизнь «Любви нет», которая вечно повторяла фразу «Смотри не влюбись» и смеялась чувствам в лицо. Пропала. Ушла. Умерла. И всё это из-за того, что она полюбила ещё раз, открылась Тренту.

Все мы кажемся сильными, пока не находим человека, который делает нас слабыми.

Хотя нет, не совсем так. Мы сильные, пока с нами те, кто нас поддерживает: друзья, родные, любимые люди. Но как только кто-нибудь из них нас покидает, мы становимся настолько слабыми, что вряд ли можем устоять на ногах под давлением всех чувств, внезапно обрушившихся на нас. Мы слабеем из-за того, что доверяемся.

А слабость — это не всегда хорошо. Она даёт свои собственные производные: нерешительность, трусость, робость, заниженное самомнение. А ведь все наши беды из-за собственной слабости. Я понимаю это, как никто другой, ведь я слаба; я боюсь признаться Майки во всём, боюсь, что он уйдет, боюсь разбить его свои признанием, боюсь причинить ему такую сильную боль, что он не выдержит. Да и я сама не вынесу. Мне будет больнее во много тысяч раз.

Но Лондон — это совершенно другое. Её слабость — это страх потерять меня, который, к сожалению, неизбежен.

— Расскажи мне, как такое произошло, — прошу я.

— Я не знаю. Болела гриппом и ничего не замечала, то спихивала всё на лекарства, то совсем забывала. Затем поняла, что у меня довольно долгая задержка. Купила тест и... — Она замолкла, сглатывая слюну. Её голос сорвался. Как же её тяжело говорить об этом.

— И? — подытожила я.

— Положительно. Он показал положительный результат. Я долго не верила, приходила в себя, старалась собраться с силами. И я хотела бы рассказать об этом Тренту, но он... сообщил мне

о том, что уезжает, возможно, навсегда. И я просто не смогла. А затем я поплелась куда-то, и через время оказалась у твоего порога.

— Ясно. — Только и смогла выдавить я. Больше ничего. Как мне реагировать на всё это?

Мы выдохнули. Вместе. Одновременно.

— И что будем делать? — спросила я.

— Мы? — удивилась она.

— Да, мы. — Мы — семья. Я, она — мы как составляющие этой семьи. Конечно же, «мы», а не просто «она». Лорен не останется одна.

— Я не знаю. — Лондон закрыла лицо ладонями.

— А срок ты уже знаешь?

— Нет. Я ничегошеньки не знаю.

— Значит, больница.

— Больница, — вторила она.

И мы обе поняли всё. Завтра мы пойдем в больницу. Вместе.

Я попыталась растормошить подругу, привести в чувства, и думаю, что хотя бы немного, но вышло. Для начала мы спустились вниз, где я заставила Лондон съесть хотя бы пару кусочков омлета, чтобы у неё были силы. А затем сели у телевизора у меня в комнате, чтобы поболтать. Когда Лондон наконец-то начала улыбаться, я поняла — теперь всё хорошо. Она была чертовски умилена кроликом, что подарил мне Майки. И пока она рассматривала животное, сидящее в клетке на моем письменном столе, я решила, как бы невзначай, спросить то, что меня гложит весь день:

— Лондон, — пауза, — ты уже решила, что будешь делать с ребенком?

— Не знаю. Это сложно. Я не хочу портить себе жизнь, Эм.

Я поняла. Она не собирается его оставлять. Если будет возможность, если ещё не поздно, то она сделает аборт. В любой другой ситуации я бы, наверное, поняла её, но не сейчас. Как она может думать об убийстве чей-то жизни, даже ещё не сформировавшейся, ещё не появившейся на свет, пока её подруга, наоборот, теряет ту самую жизнь? Как бы я хотела родиться заново. Здоровой. Как бы я хотела прожить полноценную жизнь и не быть обрывком чьих-то воспоминаний. Но я так и буду осколками воспоминаний людей. Я буду осколком в их памяти.

И я злюсь. Я чертовски злюсь на неё за то, что она хочет отнять жизнь у своего ребёнка.

Хватаю подушку, которая была у меня под боком, и со всей силы швыряю её в Лондон.

— Эй, ты чего? — возмущается она.

А я хватаю другую подушку, подбегаю к подруге и начинаю колотить её. Сильнее, сильнее. *Пойми же, как мне больно! Пойми же, что я не хочу, чтобы ты убивала его!* Но, видимо, Лондон принимает это за ещё одну непонятную мою забаву, она тоже подхватывает подушку с пола и начинает отбивать мои удары. Она смеется. А мне настолько больно, что хочется плакать. Почему она не замечает, как я мысленно подаю ей сигналы? *Не убивай его! Не убивай своего ребенка!*

Когда мы запыхались, то сели на пол. Мне стало легче. Злость вновь отступила куда-то вдаль — я выместила свои чувства в ударах. Иногда я не могу разобраться в себе, точнее в своих эмоциях. Они словно накатывают откуда-то на меня, внезапно, скачкообразно, словно вспышки на солнце. Сейчас я могу быть спокойной, но в следующую секунду могу рвать и метать со злости, еще через секунду уже могу рыдать белугой, а еще через две буду заходиться в безудержном смехе. Что это? Почему весь калейдоскоп эмоций может показаться всего за какие-то несколько мгновений?

Лондон прикасается к медальону, что весит у меня на шее. Открывает — а оттуда в воздух устремляется музыка. Это мелодия напоминает мне о Майки. Почему? Не знаю. Просто всегда, когда она звучит, у меня в голове вспыхивает его образ.

— Удивительная вещь, — произносит Лорен. А затем добавляет: — Расскажи, что произошло за тот промежуток твоей жизни, из которого я выпала?

Рассказать? Что мне ей рассказать? Память словно рассыпается, она не дает мне ухватиться за любое воспоминание — вот такая вот беда. Не могу сконцентрироваться. Теряюсь. Я слишком много волнуюсь. Слишком много думаю. Я кривлюсь.

— Просто расскажи.

И я рассказываю всё, что произошло, в основном, правда, плохие моменты. Но, как ни странно, не роняю ни единой слезы. Лондон выдыхает: «Прости, что меня не было рядом». Я лишь киваю.

Атмосфера немного накаляет, и я решаюсь её разбавить чем-нибудь. А затем мне в голову приходит замечательная идея.

— Держи. — И я протягиваю подруге второй фломастер.

— Чего?

Я встала у стены и жестом показала, чтобы Лондон нашла и себе свободный, чистый кусок стены, не исписанный моими ненормальными фразами или желаниями. Я слишком люблю записывать на стене всё, что чувствую. Но Лондон к этому привыкла, она видела несколько из них, но она не видела мой список. Забавно, знаю.

На стенах громоздилось несколько новых фраз настолько тяжелых, что я не знаю, как только кусок камня может их выдержать. «Не умирай, не сегодня». «В последний день февраля Ив не стало». «Пусть она живет ещё много, много лет». «Зима забрала её с собой». «Привет, душитель-март». Последняя была намеком на мои чувства после смерти Ив, ведь первые дни марта петлём весели на моей шее — настолько мне было тяжело смириться с её смертью.

— Пиши на стене всё, что ты делала в своей жизни. Безумные поступки. Совершенно ненормальные, — твержу я. — А затем мы сравним наши списки.

— Ока-а-а-й, — протягивает она и начинает что-то чертить.

Я тоже вывожу буквы. Интересно, а когда я умру, мама с папой перекрасят стены? А какая у них будет реакция на всё, что здесь написано? Ещё слово. Ещё один поступок. Ещё один вычеркнутый пункт списка.

— У меня всё, — произносит подруга.

— Сейчас, — твержу я и стараюсь вспомнить еще моменты своей жизни.

Когда мы закончили, то всё должно было распределяться таким образом: она говорит свой один поступок и поясняет его, затем говорю я.

— Пожалуй, самое безумное в моей жизни, — говорит Лондон, — это беременность.

И мы почему-то смеемся. Но почему? Что здесь смешного? Это, скорее, неожиданно, чем безумно. Хотя, может быть, одно другому сродни.

— Прыгала с моста на тарзанке, — говорю я.

— Что? — удивляется Лондон. — Когда успела?!

— Майки подтолкнул.

И мы вновь смеемся. Мы словно подхватили какую-то пушинку смеха. Ещё один поступок от Лондон, один от меня, и мы уже почти что катаемся по полу со смеху из-за ситуаций, при которых они происходили. Так и продолжалось, пока по крупице, по кусочку я не выложила ей все, что произошло со мной с тех пор, когда я решила, что буду наслаждаться жизнью, пока есть возможность, а Лондон — то, что произошло с ней за всё время. Конечно, у Лондон список оказался чуток больше, но она была крайне удивлена, что я почти что догнала её по количеству безумий за такое короткое время. Ну, когда тебе остается жить не очень много, и не такое устроишь, да?

Пусть я и чувствую, что во мне что-то не так, но мне, если честно, не кажется, что я умираю. Просто словно кто-то включает и выключает некоторые кнопки, отвечающие за тошноту, головную боль и эмоции, у меня в голове. А, быть может, мне *теперь* не кажется, что я умираю? Быть может, я настолько *почувствовала* вкус жизни, что смерть *отступила* на задний план? А может, это просто небольшое затишье перед большой бурей.

— Так значит, вы это сделали. И как он, твой первый раз? — поинтересовалась Лондон.

Я пожала плечами.

— Мне показалось, что я влюблена в него. А может, и не показалось.

— Ты его любишь? Говори прямо, ведь мне интересно! — Да, вот она, бесстыжая Лондон, которая ставит свои интересы превыше других. Она снова начала проявляться в этой грустной девушке.

Но я ушла от ответа, сказав, что очень уж устала за весь день. А завтра нам еще в больницу ехать. Нужно как следует выспаться.

Люблю ли я его? Не знаю. Слишком рано судить о чем-то подобном. Но одно я знаю точно, мои чувства к Майки — это не просто привязанность и, скорее всего, даже не просто

влюбленность. Это что-то более глубокое и сильное.

Мне снился ребёнок — милый малыш с золотистыми кудрями и глазами точь-в-точь как у Лорен. Всё его личико было усыпано медными веснушками. Кожа молочно-белая. Пухленькие розовые щечки. Я держала её на руках и поднимала выше к небу, играясь. Девочка заливалась звонким смехом, она пускала слюнки, которые я постоянно подтирала слюнявчиков, посасывала свои пальчики, затем переходила на мои пальцы. Девочке безумно нравились мои волосы, потому она постоянно наматывала их себе на маленькую ручку с крошечными пальчиками; мне было больно, когда она со всей силы дергала пряди, но я не подавала виду, а лишь ещё больше улыбалась.

Когда я проснулась, то у меня в груди щемило ещё больше.

Джеральд вызвался нас довезти до больницы: меня, Лондон и мою маму. Совершенно недавно он смог накопить нужную сумму денег и купить наконец-то себе личный транспорт, а то старый конфисковали, теперь проблем с поездкой из дома в университет совершенно не было, и такое путешествие выходило почти в два раза короче, чем на поезде, электричке или же автобусе.

Хоть маме и на работу сегодня, она все-таки поехала с нами, сказав, что прекрасно успеет вовремя. Папа уже ни свет ни заря ушел на работу. А вот Кристи дома, и она ждет нас с новостями.

— Лондон... — заныла я, когда мы подъехали к больнице. — Прости меня. Можно я... я посижу здесь, в машине, на улице?

— Но почему?

— Я не могу зайти в здание, там всё пахнет *ею*, — пояснила я.

И правда, Ив слишком долго пролежала в больнице. Совсем скоро, ближе к своей кончине, она совершенно пропахла ею: простынями, лекарствами, едой. И теперь этот запах у меня всегда ассоциируется с ней. Возможно, позже я свыкнусь, но пока что не могу. Прости меня, Лондон.

— Ею? — переспросила Лондон. А потом, закусив губу, кивнула. Вероятно, вспомнила.

Я видела, как она, держась за мою маму, шла к входу в здание. Её всю трясло, и она грызла ногти. А затем они открыли дверь и вошли внутрь.

— У вас что-то серьезное? — поинтересовался Джеральд. И я кивнула.

Мы сидели в машине всё то время, что требовалось. Долгие полтора часа тянулись словно сутки. И с Джеральдом мы не обмолвились больше ни словом; он просматривал веб-страницы в телефоне, я же раскинулась на задних сидениях и смотрела в крышу машины, полностью погруженная в свои мысли. Я думала о девочке из сна, какая же она красивая... Как бы я хотела, чтобы у нас с Майки были точно такие же дети.

— Эй, идут! — окликнул меня Джер, и я тут же поменяла своё положение — села.

Лондон, радостная и почти что счастливая, села на заднее сидение с другой стороны, моя мама — рядом с водителем.

— Шесть недель, — выдохнула Лондон. — Я еще могу это сделать, Эмили!

Кровь хлынула к моим кулакам, и я их сжала. Чему она радуется? Тому, что она убьет только-только зарождающуюся жизнь в себе? Тому, что она будет убийцей? Да, быть может, с точки зрения биологии, это еще не сформировавшийся человек, — всего шесть недель — и это не убийство. Но, с моей точки зрения, это ещё как убийство! Это то же самое, как если бы она убила меня!

— И тебе совсем не страшно? — холодно спрашиваю я. — Не будешь жалеть потом об этом? Знаешь о последствиях?

— Эмили, я же тебе объяснила — я не хочу губить свою жизнь. Если мои родители узнают, я не представляю, что со мной будет. — Она выдохнула. Снова. И снова. Она не радостная, мне так показалось, она волнуется, но определенно она отчасти рада слышать, что ещё может сделать аборт.

— Лорен, хорошенько подумай, пожалуйста.

— Эмили, я не...

И я её обрываю, чувствуя, что не выдержу того, что она хочет мне сказать. Я не могу этого выдержать. Во мне всё кипит, бурлит, вырывается наружу.

— Джер, можно на минутку сесть на твоё место? — спрашиваю я его. — Давно хотела кое-что попробовать.

— Эм-м, да. Я не против, — произносит тот, но я вижу, как он достает ключи, чтобы машина не завелась. Это меня весьма забавит, но я ведь не собиралась устраивать здесь черти что. Я никогда не поставлю чью-то жизнь под угрозу.

Открываю дверцу и сажусь на сидение водителя. Обхватываю руками руль. Достāju телефон и включаю «My Darkest Days – Save yourself». Пару секунд тишины, а затем начинает играть песня. И как только солист выдает свой первый крик, я хватаюсь за руль и начинаю колотить его, словно ненормальная, ногами, руками. Я бью панель ладонями, нажимаю на руль со всей дури, ударяю кулаками. Всего пару секунд. Всё один крик. И я прекращаю.

Открываю дверь и выскакиваю из машины, слышу, что кто-то выкрикивает мне вслед моё имя, но мне плевать. Я бегу, не останавливаясь, не оборачиваясь; бегу, что есть мочи, петляю между улицами, чтобы меня не нашли, и стараюсь удержать в себе всё, что чувствую. Если бы у меня сейчас была возможность, я бы разрушила этот гребанный неправильный мир. У меня внутри разрастается целая буря, перерастая в шторм, в ураган, в смерч, сметающий и рушащий всё на своём пути, а на самом-то деле я просто продолжаю бежать. Я чувствую, что вот-вот упаду, что ноги заплетаются, что у меня больше сил нет сделать ни шагу, что мне в горло кто-то засунул раскаленное железо, мне тяжело дышать, мне больно, но я всё равно бегу, и бегу, и бегу.

Дом тихий и пустой, словно в нём совершенно нет жизни. Да, я дома. Я измождена и чувствую себя отвратительно, но у меня получилось — я сбежала от собственной боли, выбив её из себя физическим изнурением.

Открываю дверь и захожу внутрь. Ноги подкашиваются — нужно скорее добраться до кровати и упасть на неё. Я присаживаюсь на пол, разуваясь, чтобы перевести дух, а после не могу встать. Странная тошнота подкатила к горлу. Сияясь, я поднимаюсь на ноги, опираясь о стену, но меня одолевает ещё и головокружение. Всё вокруг ходит ходуном. Всё навалилось на меня одновременно.

Я делаю шаг, но моя болезнь сильнее меня, и, мучаясь от пляшущего перед глазами пространства, я падаю на пол, слишком сильно ударяясь головой. Замелькало красное пятно, и что-то теплое расплылось у меня под щекой.

Кто-то снова переключал кнопки «Вкл./Выкл.».

Тридцать три

Слушать одно и то же от всех посетителей мне крайне не хотелось, но я понимала их — они волнуются за меня, им важно знать о моём самочувствии. Но всё же они словно бы выучили одну и ту же речь наизусть.

— Эмили! О боже, что случилось? Ты в порядке? — спрашивали они.

А я, улыбаясь, даже смеясь, отмахивалась:

— Э-э-э, да всё отлично! Спасибо. Просто голова немного закружилась, и я упала. Пустяки!

Я была в больнице, мне даже выделили отдельную палату. Вновь. Мне до жути был неприятен запах больниц, аж мурашки по коже пробегали, и мне как можно скорее хотелось покинуть её. Я не могу выдержать этого. С больничным запахом связано слишком много воспоминаний. Но кое в чём есть плюс — через некоторое время ты привыкаешь к нему и совсем его не чувствуешь.

Я сильно ушиблась головой. Как только я упала, на шум прибежала сестра и, как она сказала, обнаружила меня в луже крови. Мне пришлось зашивать разбитую голову — шрам останется ужасный, и я уверена, каждый встречный будет смотреть на меня и при возможности решится спросить, что же такое со мной случилось. И я, конечно же, не отвечу, ведь это весьма неприятно. Первые несколько дней я ходила с перебинтованной головой, и иногда шов расходился, а кровь пропитывала бинты, но затем рана стянулась.

Доктор Фитч сказал, что как раз это он и имел в виду, когда говорил, что будет только хуже. Вроде бы безобидные приступы эти: головокружение и тошнота, но могут привести вот к таким вот последствиям.

Ко мне навевались все: и Лондон, и Майки, и Патрик, и Олли, и даже Фелиция была. Также ко мне приходили родители Ив — совершенно не знаю, как они узнали. Все желали мне скорейшего выздоровления. С Лондон мы не перемолвились ни словом о том, что произошло,

потому что мы никогда не оставались наедине, а может, она просто избегала этого. Пока она скрывает от меня правду, меня изводят мысли об её решении. Но, по правде говоря, я думаю, что знаю, какой выбор она сделала. А Майки сказал, чтобы я поправлялась к первой неделе апреля, он строит на это время уже какие-то планы. И я рада, что он глядит в будущее и видит в нём нас двоих, что строит планы и что заранее решает всё за меня. Ну, это словно его своеобразный способ говорить, что я обязательно поправлюсь.

И, действительно, в первых днях апреля меня выписали. А через два дня после выписки Майки в восемь утра пришел ко мне домой в гости и сказал, чтобы я поскорее собиралась. Мы идем на ранний сеанс в кино!

Неважно, на какой фильм мы ходили, как и не важно, о чём он был. Важнее то, как мы провели время. Как ни странно, нашлись тоже такие же умные люди, вероятно, посчитавшие, что если пойти на ранний сеанс, то людей в кинозале почти не будет, и вот они сидели на последнем ряду — «ряду для поцелуев» — и весь фильм нам мешали. Но это было весьма забавно. Мы словно смотрели две мыльные оперы одновременно: одну — на экране, одну — в жизни. Мы смеялись с того, насколько сильно были слышны отвратительные причмокивающие звуки, с того, как они все повторяли называть друг друга зайками, котиками, пуФФыстиками. Но самое смешное — это, пожалуй, то, что они не стеснялись этого. Не то, чтобы это плохо, но видели бы они себя со стороны — мы с Майки со смеху покатывались, глядя на то, как тучная девушка в буквальном смысле чуть ли не съедает парня. В общем-то, я мало чего понимаю в таких вот выражениях чувств, возможно, я вообще не понимаю, как их выражать, но думаю, что умерить свой пыл им бы стоило. Хотя как там? На цвет и вкус...

Когда фильм закончился, вторая упаковка попкорна кончилась, а бутылка с кока-колой почти что опустела, мы вышли из зала, и я сразу же была втянута в другую авантюру. На этот раз Майки потянул меня в дельфинарий!

Мы сидели почти что на первых рядах очень близко к бассейну. Мне всегда казалось, когда в детстве меня водили сюда же, что когда-нибудь дельфины, словно специально, обрызгают меня с ног до головы. А ещё в детстве это место мне казалось весьма забавным. Но сейчас мне животных немного жаль, ведь они живут не в естественной для своего проживания среде. Хотя опять же — с какой стороны глянуть, ведь здесь им не угрожает никакая опасность, и они могут спокойно себе жить, сыто и здорово.

Я всегда поражалась тому, как у людей получается дрессировать животных? Каким способом у них удастся научить животных таким замысловатым трюкам? Дельфины по команде подпрыгивают и, сделав какое-то непонятное сальто в воздухе, ныряют снова в воду. Морские котики ходят на ластах, могут держать на носу мячик, как и дельфины, — а те вообще мастера по трюкам с мячиками — могут танцевать и ходить в обнимку друг с другом. Как это возможно? Я, наверное, никогда не перестану этому удивляться. Кстати, такое представление просто чертовски умиляет!

По окончании представления я на радостях понеслась к бассейну. Дельфин издавал свои звуки, похожие на мурлыканье котиков, а я гладила его гладкую мордочку. Божечки, какое же это все-таки милое создание!

Но, как я и думала, одному из дельфинчиков не понравилось, что я слишком долго глажу его напарника (или напарницу), и он, подпрыгнув высоко-высоко, приземлился рядом с нами, окатив меня и Майки волной воды. Я выкрикнула «Э-э-э-й!», а Майки смеялся этому. И я подхватила смех. Черт, ведь это, правда, очень смешно!

Из-за того, что мы оказались полностью промокшими, нам пришлось возвращаться домой, дабы переодеться и просушить одежду. Но получилось так, что по пути домой мы почти что полностью высохли, — солнце-то печет, как в июле — потому, не дойдя до моего дома, Майки резко поменял направление движения, выводя нас на мини-площадь сразу за школой. Там частенько проходят какие-нибудь мероприятия, типо митингов, концертов или студенческих забастовок. И сейчас там тоже что-то проводилось.

— Эй, а разве праздник красок не летом должен проводиться? — спрашиваю я парня, немного недоумевая от увиденного.

Повсюду стояли небольшие палатки, в которых можно было купить пакетики с краской всех цветов радуги, бродили люди, играла музыка, туда-сюда шныряли пару человек в масках. Вообще, атмосфера была приятная: заводящая музыка, позитивные руководители и веселые чуваки

в масках, которые постоянно вытаскивали кого-нибудь из толпы людей, чтобы потанцевать с ними; где-то компании уже сами по себе начали веселиться и обсыпать друг друга сухими красками, а где-то люди ждали, пока не начнется общий выброс красок.

Пожалуй, мы с Майки были и теми, и другими.

— Да, по идее, фестиваль красок проводится летом, но в этом году они почему-то решили устроить его в апреле, — ответил мне он.

Когда мы купили пакетики с краской, то Майки сразу же без раздумья начал обкидывать меня ею.

— Эй! — выкрикиваю я и бросаю в него шепотку голубой краски. На его щеке сразу появилось цветное пятно.

— Получи! — В ответ бросает в меня ярко малиновую, от чего половина моего лица и волосы сразу же заиграли красными оттенками.

Так и получилось, что раньше времени мы уже стали пятнистыми и разноцветными. Мы смеялись, словно дети, откашливались, если порошок попадал в рот, носились друг за другом, пытаясь догнать. Один раз я догнала Майки, а после он должен был носить меня на спине, пока мне это не надоест. И мы вовсе никак не выделялись среди всех людей, что там были, ведь все они были немножечко сумасшедшими, как и мы, все находили способ себя развлечь.

А затем произошел общий выброс красок. Весь воздух заполнился разноцветными тучками пыли, которые оседали на головы, на лица, на тела. Никто не мог остаться чистым — все обязательно должны были быть разноцветными. Майки был в этой толпе, а я нет, потому что решила остаться в стороне и заснять всё это на камеру телефона. Как он мне кривлялся — это нужно было видеть! Все фотографии, на которых он был, получались или безумно милыми, потому что он улыбался так искренне и не наигранно, (у него всегда красивая улыбка) или дурашливыми, ведь он постоянно показывал мне язык или козу.

— Я их распечатаю и заполню свой альбом воспоминаний! — твердила я.

— Внатуре? — удивился Майки. — Тогда у нас должно быть хотя бы одно непонятное, но общее фото!

И он так резко накинулся на меня и сделал селфи, от чего я рассмеялась. Черт!

— А я его распечатаю. Хи-хи! — воскликнул он и отпрыгнул от меня, чтобы я не успела его схватить за рубашку. И мне показалось, что он ведет себя как ребенок. Хотя нет, не показалось, так и есть.

— Что ещё за «хи-хи»? — Толкнула его в плечо. — Удали, это ужасно!

— Хи-хи! — И мы рассмеялись.

До моего дома мы добирались весьма долго, а всё из-за того, что Майки не мог идти спокойно, ему нужно было постоянно выдать какую-то странную, непонятную и до жути смешную вещь. Он рассказывал мне, что в соседнем городе, недалеко, совсем скоро будет открытие парка аттракционов и что мы просто обязаны там побывать! А еще мы в такси звонили, говорили, что пойдем пешком. Рассыпали по тропинкам остатки порошковой краски и вместе голосили песню, которую знали наизусть.

Дети в преддверии теплых и солнечных дней, которые, собственно, у нас почти всегда, вышли из домов и смотрели на нас, как парочку каких-то идиотов. Дети-то в наше время, уж, сильно продвинутые пошли. А нам было всё равно, мы продолжали петь ту самую песню и веселились так, словно мы выпили пару лишних бутылок абсента, и ветер разносил в стороны звуки наших голосов, лепестки розовых деревьев и просто запах весны. Запах апреля.

Зайдя в дом, я сначала не поняла, что происходит. Повсюду были развешаны праздничные шары, стол накрыт, и на нем, по большому счету, алкоголя было больше, чем еды. Но затем всё встало на свои места.

Кристи в праздничном костюме выбежала ко мне, следом за ней Джер, а за ним мои родители, которые уже всю отмечали знаменательное событие.

— Эмили! — воскликнула сестра.

— Что происходит? — спросила я, немного не понимая, в чем же тут дело. А Майки тоже в недоумении переминался с ноги на ногу у порога.

— Мы помолвлены! — восклицает сестра и показывает мне свою руку, на которой уже находилось милое аккуратное золотое колечко с маленьким камушком. — Эмили, мы поженимся!

— Черт! — точно также воскликнула я и побежала обнимать сестру и моего будущего брата. — Поздравляю!

— Выпьем же! — откуда-то донесся голос моего отца, и мы рассмеялись этому.

А вслед ему были слова моей матери: «Не напивайся, дурень! Я слежу за тобой!». И мы вновь рассмеялись.

Кто бы мог подумать, что всего небольшая компания людей может так быстро выпить весь запас алкоголя у нас в доме? Не прошло и двух часов, как на столе ничего не оказалось. Все были уже поддатые, но безумно довольные и радостные. Конечно же, ведь это их помолвка! Они поженятся! Как же я рада! А затем кто-то предложил пойти в паб, чтобы отметить там, и, конечно же, моя семья сразу же поплелась пьяной оравой туда. Я знаю, там есть друзья у Джера и знакомые у Кристи, ведь почти всегда там собираются все студенты из нашего города, обучаются ли они здесь или где-то за его пределами, а Джер так вообще там подрабатывает.

— Эй, мы идём? — спрашивает Майки, когда все уже скрываются за входной дверью. Как же быстро настал вечер — на улице уже потемнело.

— Мы их догоним, — говорю я.

Я пьяная и совершенно не контролирую себя, но, пожалуй, в этом даже есть плюс, могу дать волю своим чувствам. Я пьяная, и я чувствую, как алкоголь бурлит в моей крови, пьяня разум. Как распыляется моё желание. И как гормоны растекаются по венам.

Легонько ногой я поглаживаю ногу Майки под столом, и он поднимает на меня глаза. Я знаю, что он понял меня. И я знаю, что он хочет этого же не меньше, чем я. Потому, накрыв его руку своей, я встаю и тяну парня за собой, наверх, в свою спальню.

Когда мы заходим в комнату, он сразу же видит мои исписанные стены, но не задаёт никаких вопросов: просто окидывает их взглядом, читая надписи и улыбаясь. Я запираю дверь и разворачиваюсь лицом к парню. Он хотел что-то произнести, но я его сразу обрываю, приставив палец к губам. Маню его пальцем, чтобы он наклонился, а то уж слишком высокий, и он меня слушается. Пристально вглядываюсь в черты его лица, а затем делаю неуверенный шаг.

Прикрыв веки, я поцеловала его в уголок губ и сразу же отпрянула. Это раз. Тянусь и целую его в шею с другой стороны. Это два. Целую его веки. Это три. Повторяю всё то же самое, но уже покрывая поцелуями щеку, шею и веко с другой стороны.

Затем указываю пальцем на свои губы — и он целует правый уголок; поворачиваю голову, обнажая шею с левой стороны — целует шею за ухом и плавно переходит на мои закрытые веки. Касается их губами.

Я расстегиваю его рубашку, медленно перебирая пуговички — спешить мне некуда, а Майки наблюдает за движением моих рук. Затем он задирает мою футболку и помогает мне от неё избавиться. Проведя ладонью по торсу, касаюсь пряжки ремня — снимаю его. Майки расстегивает молнию на моих джинсах. И мы вместе их снимаем. Я прижимаюсь к нему сильнее, так близко, насколько это возможно, и он, обхватив ладонью мою щеку, целует меня в губы.

Семь месяцев. Если расчеты верны, то мне осталось жить всего семь месяцев.

Тридцать четыре

Звонит телефон. Он меня резко будит, от чего я подпрыгиваю в собственной постели, а затем я стараюсь выровнять своё дыхание и бешенно колотящееся сердце. Звук мобильного вырывает меня из мира грёз, но я не сразу могу сориентироваться, проснулась ли я или нет. Мне вновь что-то снилось, что-то безумно реалистичное, словно бы галлюцинация наяву. Но что именно, я уже вспомнить не могу — слишком резко произошло моё пробуждение.

Пытаясь подняться с кровати, я поняла, что запуталась в одеяле. Простынь и подушка снова мокрые от пота из-за кошмаров. Что же такое мне снилось? И странно, что я не кричала во сне и не будила никого своими криками.

А телефон всё звонит и звонит...

Гляжу на часы — почти пять утра. Кому, черт возьми, нужно что-то от меня в такой час?! Ищу телефон, а найдя, гляжу на то, кто же до меня дозванивается. Лондон. Как странно.

— Чего? — заспанным хриплым голосом произношу я. Надеюсь, она услышит недовольство у меня в голосе, ведь разбудить человека в пять утра — это очень жестоко.

— Спускайся, — требовательно говорит она. И бросает трубку.

Мне бы хотелось сказать «Что? Какой «спускайся»? Ты о чём?», но я не успеваю. Что она имела в виду под этим «спускайся»? Не понимаю. Потому я сажусь на кровать и накидываю на себя одеяло: я в берлоге. То ли у меня, действительно, галлюцинации, то ли я всё ещё сплю, но мне кажется, что кто-то стучит мне в окно. Но ведь моя комната на втором этаже! А затем мне кажется, что кто-то зовет меня снаружи. А н-нет, не кажется.

Выглянув из окна, я обнаружила Лондон, стоящую у двери и бросающую в моё окно камушки, параллельно зовя меня. Как только она увидела моё сонное лицо в окошке, то специально бросила ещё один маленький камушек, но я ни капельки не испугалась. Подруга развела руками.

— Ну чего? — спрашиваю я у неё, приоткрыв окно. Тут же меня обдул дикий холод, и я ещё больше завернулась в одеяле.

— Поднимай свою тощую задницу и выходи на улицу! — рявкнула она.

Я замечаю, что она одета не по погоде, собственно, как и всегда, но на ней всё те же мешковатые одежонки: слишком большой свитер и слишком свободные для неё спортивные штаны. И толстовка в придачу. Глядя на неё, мне так и хочется спросить «Тебе не холодно?». Бр-р-р. У самой по коже пробежали мурашки.

— Да ну тебя, на улице холодно.

— Значит, бери с собой одеяло! — недовольно произнесла она, а после добавила: — И мне прихвати одно.

Я закрыла окно. Вот ещё! Чтобы в пять утра, когда на улице ещё даже не светлеет, выйти «погулять» по такому холоду, укутавшись в одеялах — это край безумия. И тут во мне что-то щелкает. Точно, это безумие!

Я снимаю с себя пропотевшую пижаму и надеваю джинсы со свитером. Собираю в охапку своё одеяло и из комода достаю еще одно для Лондон.

На улице пахнет свежестью — это легкий утренний апрельский мороз, смешанный с ещё не сошедшей росой, ещё не поднявшимся солнцем и едва заметным ветерком. Небо багровеет и словно наливается цветом крови. Фонари тускло освещают улицы.

— Держи. — Пихаю одеяло Лондон в руки.

— Спасибо.

И мы вместе накидываем их на себя, сильнее укутываясь, чтобы холод не пробирал всё нутро.

— И куда мы теперь? — спрашиваю я её.

— Идём на стадион. Там тихо. — Её голос спокойный и нежный, но одновременно такой волнующийся. Я просто киваю и иду следом за девушкой.

Тихо. Нет ни воя собак, ни шума машин. Только ветер свистит над головой, да раскачивает провода на столбах. А ещё едва уловим шелест листьев на деревьях. Впереди совсем скоро откроется вид на реку, а там, на другом её берегу, будет роща. Ещё темно, потому, наверное, там сейчас будут своры маленьких желтовато-белых светлячков. Затем, прислушавшись, я обнаруживаю для себя новый звук — звук поющих сверчков.

Где-то в груди зарождается прекрасное теплое чувство: единение с природой. Словно бы не я сейчас иду по урбанизированному городу, в котором, как казалось бы, не должно быть подобной близости природы, но это не так. Природа — она вокруг нас. Всегда и везде. Просто не для каждого глаза, слуха или обоняния. Её нужно заметить.

И чем больше проходило времени, тем дальше она от нас становилась; солнце поднималось, просыпался город и заглушал все звуки. Но и в просыпающемся городе тоже есть некий шарм. Пожалуй, всё-таки нужно иногда вставать ни свет ни заря, чтобы насладиться этим чувством: когда вокруг тебя потихоньку пробуждается весь мир.

Сначала мы с Лондон пришли на стадион и уселись на лавочки. Но что-то подругу не устраивало, она то и дело повторяла «Нет, всё не то, не то». Пока она там разбиралась в себе, я развалилась на лавочке, свернувшись калачиком — уж очень сильно мне хотелось спать, глаза сами собой слипались.

Но не успела я уснуть, как Лондон вновь меня куда-то потянула. Пришкольный стадион построен так, что рядом с ним, буквально перед носом, расположен школьный закрытый корпус с бассейном. Если забраться на самый-самый верх трибун, то оттуда легко можно будет забраться на крышу этого корпуса, до чего, собственно, и додумалась Лорен.

— Знаешь, мне кажется, что эта лестница чересчур подозрительно шаткая, — неуверенно произношу я. — Я не хочу вновь оказаться в больнице, если она сорвется.

На стене корпуса расположена пожарная лестница, которая как раз ведёт на крышу, по ней и вздумалось подруге забраться на самый верх. Она перебрасывает через плечо одеяло и, держась за края лестницы, становится ногой на балку. Затем другой — на следующую. Затем другой — ещё на следующую. И поднимается всё выше и выше.

«Что ж, вроде бы крепкая», — сделала я вывод для себя и поспешила повторять все действия за девушкой.

На крыше здания я почувствовала себя птицей, богом или даже создателем. Посмотрите! Вот же он, этот мир, этот город! Он чуть ли не лежит у моих ног! Мне кажется, что отсюда он с легкостью бы поместился у меня в ладонях. А небо потихоньку меняет свой цвет с кроваво-красного на нежно-розовый, с ярко-оранжевого на золотисто-желтый.

Мы так и сидели на крыше в пять часов утра, в начало шестого, укутавшись в одеяла, чтобы не замерзнуть, и наблюдая за тем, как восходит солнце, как просыпаются люди, дома, улицы, город.

Наверное, самые прекрасные вещи делаются как раз в это время, в пять или шесть утра, когда всё вокруг кажется таким мирным и спокойным, дружелюбным и терпеливым, что и у тебя самого волей ни волей душа оттаивает от холодного льда будней. В это время всё кажется возможным; а внутренний голос словно бы говорит «Смотри, ты способен на это! Ты сможешь всё. Ты можешь сделать даже больше, чем думаешь».

Город в пять утра прекрасен — в нём вновь зарождается жизнь с первыми лучами солнца, отгоняя темноту и мертвенную бледность огней, оставляя позади серость и блеклость красок, заполняя его пением птиц, жужжанием пролетающих мимо насекомых, запахами раскрывшихся бутонов, голосами сонных людей и заводящихся машин, пролетающими самолётами, солнечными зайчиками на стенах, бликами света и просто чисто голубым небом с белыми пушистыми облаками.

— Я сделала аборт, — внезапно сказала Лондон.

И все мои мечты обрушились. Вмиг погасли все те живые звуки и краски, что только что были для меня важными. И я обнаружила, что мне ужасно больно; в груди всё сжимается, ноет, колет. Руки словно бы налились свинцом — настолько они тяжелыми показались в тот миг, когда Лондон это произнесла. Я еле-еле сдерживала себя, чтобы не залепить ей такую пощечину, от которой у неё искры из глаз посыпались бы. Но вместо всего этого я лишь ужасно холодно произношу:

— Я так и знала.

Молчание. Вдох Лондон. А затем снова её голос.

— Ну, давай, накричи на меня. Я ведь вижу, как ты этого хочешь, — произнесла она.

— Нет.

— Давай, давай! Я это сделала, потому что я — эгоистка, меня заботит лишь своя будущая жизнь, я не хотела губить её, не хотела обременять себя. Да, чёрт возьми, Эмили, ты должна понимать меня как никто другой! Ведь это ты, наплевав на всех, решила убить себя, потому что тебе было сложно рассказать о своих проблемах другому, и ты решила, что умереть — это самый лучший способ, ведь никто не может тебе помочь. Да ты сама не хотела решать эту проблему! Ты сидела, сложа руки, терпя всё и оправдывая, ты жалела себя, как маленькую девочку! Тебе было легче ничегошеньки не делать, даже не искать поддержку, ожидая, пока тебя саму спасут — но никто это не делал, ведь никто ничего не знал. Как кто-то мог помочь тебе, если ты сама не просила о помощи?! И, конечно же, ты решилась на это не потому, что тебя довели, а потому, что ты хотела сделать легче самой себе, не думая о других. И что теперь? Что?! Твоя жизнь катится под откос, когда она только-только началась! Ты умираешь, хотя могла бы жить себе дальше, если бы ты, хотя бы один гребанный раз, рассказала мне о своей проблеме! Ты трусиха, Эмили! И ты боишься жизни, как никто другой.

И тут моя рука сама собой замахивается и со всей силы даёт Лондон пощечину. Слезы. Они широким потоком льются по моим щекам, перетекая с подбородка на шею, от чего воротник свитера становится мокрым. Как же меня трясёт со злобы. И я кричу на неё:

— Да! Да, я это сделала, потому что жалела себя, потому что не могла найти в себе силы жить дальше! Потому что я трусила принять жизнь такой, какая она есть! Потому что я боялась

жить! Но посмотри на меня — я получила сполна. Мой мозг медленно жрут опухолевые клетки, клетки рака, творя с моим сознанием какие-то немыслимые вещи, и кто знает, к чему это приведёт, ведь уже сейчас чем дальше, тем хуже. Ты думаешь, я не ненавижу себя за содеянное? Я нашла всё, что мне было нужно, но я должна буду вас всех оставить по своей же гребанной вине! Как, черт возьми, после всего этого я могу себя не ненавидеть?!

Лондон хотела что-то сказать, она вот-вот откроет рот и что-то произнесёт, но я обрываю её, не даю начать.

— По крайней мере, я убила лишь одного человека — себя! И я спрашивала мнение этого человека, когда только-только начинала медленно разрушать его, хоть даже это мнение и изменилось после. Но скажи, ты спрашивала, хочет ли жить твой не родившийся ребенок? Нет! И как ты вообще можешь отнимать жизнь у кого-то, когда кто-то, наоборот, ужасно стремится к ней? Вспомни об Ив, которая так хотела жить, но жизнь не спрашивала её мнения и забрала её. Да, черт возьми, на меня посмотри! Я — другая. Посмотри, как я хочу жить! Посмотри, как я хочу прожить долгую жизнь с Майки, как я хочу, чтобы мы поженились, чтобы у нас были дети, чтобы мы дожили до глубокой старости вместе! А как я хочу побывать на свадьбе сестры и в будущем увидеть своих племянников! Ты хоть знала, как я хотела подержать на руках твоего ребёнка! Но ничего этого не будет. Теперь, уж, точно не будет. Посмотри на меня — мне осталось жить не больше семи месяцев, ты думаешь, я не жалею об этом, да?! Посмотри же на меня! Посмотри!

Но Лондон отвела взгляд.

Как же меня бьёт истерика.

Я падаю на колени и начинаю неистово рыдать. Как же мне больно, черт возьми! Как же я себя ненавижу. Меня бьёт дрожь то ли от страха, то ли от холода. А скорее — от всего сразу. Руки Лондон ложатся на мои плечи, а затем обнимают меня, сжимая в тисках.

— Прости меня, — шепчет она. — Я, правда, не думала, что тебе будет от того так плохо. Я совсем не думала, с чем это будет у тебя ассоциироваться.

— Мне страшно, — еле дыша, пролепетала я, заикаясь от душащих слёз. — Я не хочу умирать, я не хочу покидать всех вас. Я не хочу причинять вам ужасную боль. Я не знаю, как дорогие мне люди будут жить с этим, как будут переживать и переживут ли. И я не знаю, что меня ждёт за чертой. И от этого мне страшно. Мне так страшно...

— Так и должно быть. Все люди боятся смерти, когда у них, действительно, есть ради чего жить.

И я вновь захожусь в сильнейшей истерике. Наконец-то я могу расплакаться так, чтобы обнажить всю свою душу, ведь Лондон я могу рассказать всё. Наконец-то я могу кричать о том, как мне больно. Наконец-то могу рассказать, как хочу жить и не хочу умирать.

Часть восьмая «Эхо души, разбивающейся на части»

Тридцать пять

Конец апреля. Мы уже отпраздновали пасху: украшали дом лилиями, покупали плетеные корзинки и украшали их живыми цветами, бантами, лентами, красили яйца и посетили грандиозное костюмированное уличное шествие. В наиболее посещаемых и больших парках устраивались игры для детей: пасхальный кролик прятал в траве или в кустах яйца из пластмассы, наполненные конфетами, а дети должны были их отыскать. Ну, разве я не отношусь к детям? Поэтому вопреки всему я тоже бегала с ними, ища эти угощения. В эту пасху я наелась шоколадных яиц до отвала. А после мы все вместе устроили ужин в кругу семьи (я, моя семья и родители Ив, у всех остальных уже были планы), набивая животы сладостями, фруктовыми салатами и печеным картофелем.

Мне часто снятся кошмары. Почти каждую ночь. Снова и снова. Вновь и вновь.

Вновь и вновь...

И я уже не знаю, где реальность. Там ли она, в моих до жути странных снах, после которых разум затуманен? Где меня избивают, калечат и сердечно ранят, где умирает мой брат, где всплывают самые яркие, самые прекрасные моменты моей жизни, где появляется Ив, и мир словно бы обретает краски. Или же реальность здесь, рядом с *ними*, в которой я умираю?

Ив снится мне на фоне вишневых деревьев. Улыбается и машет. Сияет так ярко, как никогда раньше. Она будто бы пришла оттуда, где всегда весна. Она и есть весна.

Мне становится хуже. Тут даже гадать не стоит, относится данный симптом к последствиям опухоли или нет. Конечно, относится.

Сегодня я не могла встать с кровати. Я пыталась заставить свои ноги двигаться, но они не слушались; посылала сигналы от мозга к конечностям, но они не отзывались, словно на том конце кто-то просто-напросто оборвал связь. Я двигала руками, пыталась стащить своё тело с постели, но успехов было мало. Меня одолел приступ страха. Тогда я в отчаянии начала рыдать, хватаясь руками за голову и выкрикивая мольбы о помощи.

Почему я не могу двигаться?! Почему я не чувствую свои ноги?! Почему?!

— Кристи! — кричу я, заливаясь истерическими слезами. — Мама! Папа!

Но первым в комнату вбегает Джеральд, его сразу же ошарашило моё состояние. Он, в растерянности оглядевшись по сторонам, не зная, как поступить, всё же подбежал ко мне. Я знаю, как я выглядела: вся красная, зареванная, по губам стекают сопли. Джер подбегает и мечется между решением, что же со мной делать.

— Я не могу встать! — истерю я. — Помогите мне!

Тогда он наклоняется ко мне и говорит, чтобы я цеплялась за него. В эти минуты в мою комнату вбегают все остальные.

— Что случилось? — волнуясь, проговаривает мама.

Я цепляюсь за плечи Джера, и он помогает мне сесть в кровати. Я откидываюсь назад, руками хватаюсь за ноги, пытаюсь их заставить работать, массирую их — но ничего. Я даже не чувствую, как прикасаюсь к ним. Мои ноги холодные.

— Я не чувствую ног... — лепечу под нос. — Почему я не чувствую ног! Мама!

— У неё паралич, — резко произнесла Кристи. — Я читала об этом. Я звоню доктору Фитчу! — И сестра выбегает из комнаты.

— Мама, — рыдаю, — что со мной?

— Всё хорошо. Всё обязательно будет хорошо. — Она пытается меня успокоить, садится рядом, прижимает к себе и гладит по голове, откидывая назад мои волосы. Я, уткнувшись лицом ей в грудь, продолжаю рыдать.

Но я знаю, что ничего не будет хорошо. Совсем.

Папа стоит у стены, глядя на меня и держа одну руку у головы. Скорее всего, он снова думает, что он всё виноват, что это его вина. Джеральд что-то у него спрашивает, но я не

расслышу что — уж слишком тихо, а ещё мама мне напевает убаюкивающую колыбельную. Папа кивает, его взгляд отрешенный, он словно покинул этот мир и отправился куда-то в свои мысли.

Джер закатывает рукава своего свитера и слишком громко вздыхает, а затем выходит из моей комнаты навстречу Кристи. Я знаю, теперь от него что-то скрывать — бессмысленно. Он только что стал свидетелем того, что ему не нужно было видеть, и теперь Кристи остается лишь всё рассказать ему.

Я всё ещё продолжаю истерически плакать, мой голос срывается, непонятные утробные звуки издаются из моего горла, дыхание прерывается; чувство страха полностью овладевает мною.

Когда прибыл доктор Фитч, то он сразу же сказал, что нужно ехать в больницу, и из-за этого я на него закричала. Я не вернусь в больницу! Я не хочу больше её ни разу посещать! Я ненавижу больницы! Меня никто не затащит туда по собственной воле. «Ладно», — отвечал он.

— Почему я не чувствую ног? Почему я не могу встать!

— Видимо, поврежден пирамидный путь. Успокойся, всё наладится, это временно. Я сейчас вколю тебе лекарство, и ты уснешь, а когда проснешься, то снова сможешь ходить, ладно? — Доктор Фитч говорил как можно убедительнее и спокойнее, но я не верила его словам.

— Вы лжете. Вы все лжете. Ничего не наладится! — Закричала я и попыталась вырваться из рук матери, но из-за неработоспособных ног я упала на пол и, рыдая, свернулась калачиком. Я вырывалась так сильно, настолько была сейчас способна. Папе пришлось держать меня за руки, чтобы я не двигалась, и тогда доктор Фитч сделал мне укол, от которого мне сразу же захотелось спать.

Меня вновь уложили на кровать и накрыли одеялом. Доктор Фитч начал всё пояснять моим родителем, вероятно, думая, что я уже давно в отключке. Но я ещё была в сознании и всё слышала. Он говорил, что меня нужно отвезти в больницу, чтобы больше такого не происходило. К тому же, нужно вновь сделать диагностику, ведь мы её уже так давно не делали. Но сквозь эти пропадающие из моего сознания голоса я попыталась выкрикнуть «Нет! Никаких больниц, я не вернусь в больницу!». Я понимаю, что если сейчас сделаю диагностику, то это совсем сломает всех, ведь обязательно что-нибудь да выявится. И, скорее всего, это будет что-то серьезное. Я не могу так поступить с ними, ведь всем и так сложно далось осознание моей смерти. И я не смогу сдержаться. Правда, не смогу. Вся моя броня, которую я возводила так долго, разрушится, а мне ещё нужно обо всём сообщить Майки.

«Это похоже на гемиплегию. Это пройдет, но, возможно, будут ещё похожие приступы. И такое не остается без следа. Скорее всего, скоро Эмили понадобится помощь в передвижении», — говорил он. Тогда Кристи произнесла:

— Но я же читала... — Она умолкла, стараясь подобрать слова. — Все не должно так происходить, не так. Если у неё и поражено правое полушарие, то паралич должен приходиться на конечности с левой стороны.

— Да, так и есть. — Доктор Фитч сделал глубокий вдох. — Значит, скорее всего, опухоль поразила уже почти весь головной мозг, и из-за этого паралич пришелся полностью на нижнюю часть тела. У неё ведь совсем недавно было нарушение координации, и она вновь ударилась головой, помните? Это всё тоже влияет.

Затем тишина. Я слышу, как доктор складывает свои профессиональные вещи в чемоданчик, а затем закрывает его — звякает защелка. Скрипят половицы от того, что все переминаются с ноги на ногу. Они тоже глубоко вздыхают и, скорее всего, следят за движениями доктора.

— А Эмили раньше жаловалась на какие-нибудь нарушения? Дрожь в конечностях, неспособность их контролировать? — задает вопрос доктор.

— Дрожь была, — произносит отец.

Да, действительно, было такое однажды. На протяжении часа у меня непроизвольно дергалась левая нога и правая рука, словно они вместе были на одной волне. Я сначала испугалась и не поняла, в чём дело, но затем подумала, что это из-за нервов или, быть может, судорога. Мы даже не обратили внимания на такой пустяковый симптом, думая, что должно быть что-то более серьезное, а оно вот как.

Скоро я не смогу двигаться, значит, нужно скорее заканчивать со своим списком.

Доктор Фитч согласился на то, чтобы я проводила время дома. Он сказал, что, возможно, скоро мне понадобится серьезная помощь, и дома с этим могут не справиться, но я отвечала, что всё в порядке, я про это знаю.

Действительно, после того, как я уснула и успокоилась, паралич прошел, правда, не сразу и не полностью. На протяжении нескольких часов я могла не чувствовать отдельные участки на ногах, меня постоянно били болезненные судороги, от которых я выворачивалась в постели, и когда я пыталась самостоятельно встать, то или падала из-за слабости в ногах, или спотыкалась, потому что они меня все ещё не слушались.

Три дня я проваливалась в постели, говоря всем, что у меня дела, но, чтобы никто за меня не волновался, постоянно отвечала на звонки и сообщения. Все то и дело порывались прийти ко мне домой, чтобы убедиться, что всё в порядке, но я просила этого не делать. «Всё хорошо, просто немного занята, правда», — убеждала я.

А на четвертый день, убедившись, что я смогу твёрдо стоять на ногах, отправилась в школу. Лондон, стоящая у крыльца и оглядывающаяся по сторонам, завидев меня, сразу же бросилась ко мне. «Ты точно в порядке? Ты же знаешь, мне можно рассказать», — говорила она. А я все также отвечала: «Всё в порядке. Правда, ничего не было». Мне было неприятно лгать подруге, но и не хотелось грузить её своими проблемами: если она узнает, какие последствия у моей опухоли, то совсем сойдет с ума, хватит с неё и простого осознания моей смертности.

Фелиция, Майки и даже Брэд тоже интересовались, как у меня дела. Не знаю, почему именно Брэд посчитал, что теперь со мной можно свободно общаться, но я, на самом деле, не против, ведь теперь он другой человек. Теперь я его не боюсь.

Перемена в лице Майки, когда Брэд подошел ко мне и стал разговаривать со мной, была видна сразу. Он сжал свои кулаки и нахмурил брови, а затем вовсе отвернулся. На мой вопрос «Эй, ты чего так реагируешь на него?», он отвечал, что терпеть не может этого выскочку. «Даже тот факт, что он ничего не помнит, не изменяет всего того, что он натворил в прошлом», — говорил он. — И вообще, может, я ревную? — Смеюсь».

После занятий мы решили с Майки прогуляться по весеннему городу. Мы сидели на лавочке в парке и наблюдали за рекой, чьё медленное течение уносило с собой расслабленно плавающих уток. Некоторые бросали в воду хлеб, и утки сразу же набрасывались на угощение.

Мне так не хочется возвращаться домой, потому что там, определенно, все будут волноваться за меня. Они будут жалостливо смотреть на меня. Особенно Джеральд, который только-только узнал всю правду обо мне. Кристи будет сидеть на кухне и учить конспекты, забывая мысли учебой. Мама будет печь кексы. А папа все также будет сидеть в интернете, ища информацию о том, как же меня вылечить или как хоть на немного, но увеличить мой срок. Он надеется на то, что я ещё могу выздороветь, даже после всего, что произошло. Он просто безнадёжен.

— Знаешь, мне бы хотелось сейчас прыгнуть в автобус — все равно какой — и уехать куда-нибудь, где никто меня не знает. — «И где никто не знает, о том что я больна, где никто не будет жалеть меня, где все будут проходить мимо, абсолютно игнорируя моё существование». Это мне ещё хотелось добавить, но я не смогла.

— Так в чём проблема? — задал вопрос Майки.

Он схватил меня за руку и потащил в метро, мы высадились через несколько остановок у станции «Автостанция». Когда мы подбежали к кассе, то уже объявляли о том, что какой-то там маршрут вот-вот будет отбывать.

— Нам два билета на первый попавшийся автобус! — проговорил парень.

— Первый попавшийся? — удивилась женщина и косо посмотрела на нас. — Хорошо. — Пожала плечами. — Сан-Франциско. Уже отправляется, — произнесла женщина и указала на автобус, двери которого вот-вот закроются.

Майки схватил два билета и мою руку и помчался к транспорту. Двери закрываются перед нашим носом, от чего мы смеёмся, но тут же открываются, когда водитель видит, что мы стоим с билетами.

— Спасибо, — произнесли и сели на свободные места.

У нас не было с собой ничего, кроме денег, но мы не тосковали. Мы обсуждали то, как же могли совершить такой сумасбродный поступок, чем займемся в Сан-Франциско и просто глядели

в окно. Меня внезапно одолел смех с ничего: я стала смеяться, словно ненормальная, а Майки смеялся, глядя на меня, и постоянно спрашивал, чего это я. Но я не знаю. Мне просто в один момент стало жутко смешно, и от этого я рассмеялась.

Сан-Франциско нас встретил приветливо: без пробок. Огромный красно-ржавый мост «Золотые ворота» приветствовал нас. Из-за ветреной погоды, он раскачивался из стороны в сторону, и, даже сидя в транспорте, можно было почувствовать некую вибрацию ближе к середине моста. Дух захватывает! Выглядывая из окна, я могла видеть прекрасную панораму города: бухты, пляжи, холмы Сан-Франциско, а внизу, в море, уже раскачивались на волнах отважные сёрферы, которых не пугали ни акулы, ни подводные течения.

Когда мы прибыли в место назначения, то сразу же побежали на автобус, чтобы попасть к пирсу №33 на тур к Алькатрасу. Ко времени нашего прибытия один тур уже отправился, и через полчаса должен был быть второй заход, поэтому мы просто бегали по пристани, оглядывая местность, и смеялись от счастья, словно сумасшедшие. Когда же пришло время, то мы сели в катер и поехали к острову, где нас ожидала экскурсия и аудиотур. Девушка-гид ещё в катере начала рассказывать историю тюрьмы.

Из её рассказа я выудила много нужной и полезной информации. Тюрьма Алькатрас, расположенная на острове близ Сан-Франциско, ныне бездействует. Остров, на котором она находится, словно бы специально создан для тюрьмы строгого режима: ледяные воды Тихого океана с сильными течениями обеспечивают ей естественную изоляцию. Многие пытались сбежать из данной тюрьмы, но все они или погибли от выстрелов охранников, или захлебнулись в холодных водах.

«Если ты нарушаешь законы, ты попадаешь в тюрьму. Если ты нарушаешь тюремные законы, то ты попадаешь в Алькатрас», — такую фразу я сразу же запомнила из повествования гида. Данная тюрьма была пристанищем самых отъявленных преступников с 1933 по 1963-й год, в которой сидели люди с самыми странными и пугающими прозвищами: «Автомат Келли», «Ужасный Джарвис» и другие. Даже сам Аль Капоне когда-то здесь сидел! И еще немало мафиозных «шишек», главарем которых являлся Фрэнк Моррис.

Однажды арестанты как-то умудрились совершить побег: они разобрали бетонную стену с помощью самодельной дрели, построили плот из тридцати резиновых плащей и уплыли подальше от острова. Никто так и не смог их отыскать. Данному «подвигу» голливудцы даже посвятили фильм.

Слушая рассказ гида о судьбе и истории Алькатраса, мы бродили между тюрьмами, камерами и столовой. Везде, где мы побывали, что-нибудь происходило, и это не могло не потрясать! Нам даже разрешили потрогать наручники, в которых когда-то заковывали самых ужасных преступников.

Наконец, через почти два часа экскурсии мы вновь отбыли в город. С острова Алькатрас открывался восхитительный вид на залив Сан-Франциско и мост «Золотые ворота», а еще там было жутко холодно и ветрено, от чего я и Майки десять раз пожалели, что не прихватили с собой куртки.

Оказавшись на пристани, мы сразу же отправились к знаменитому аквариуму города. О, как же дух захватывает то, что мы увидели! Огромный прозрачный туннель буквально встроен в океан, и складывалось ощущение, что в «аквариуме» находимся мы, посетители, а огромные медузы, пучеглазые крабы и прочие морские обитатели залива разглядывают нас! Мы могли ближе рассмотреть подводный ландшафт или обитателей вод в специальные телескопы, а также могли понаблюдать за тем, как люди кормят морских чудовищ.

День двигался к завершению и, чтобы поскорее подобраться до следующего пункта в нашем путешествии, нам пришлось запрыгнуть на канатный трамвай, который, к счастью, довозил нас почти до нужного места. Мы запрыгнули на подножку трамвая и покатались по головокружительным горкам Сан-Франциско, попутно разглядывая и сам город, и всё его окружение. Проехав по живописному маршруту, я и Майки так и спрыгнули с подножки, не заплатив, и тут же убежали. Ха, зайцы!

Мы как раз успели до заката попасть в знаменитый заповедник Мьюир Вудс! Лес из древних секвой был просто невероятно красив: громадные коричнево-красные деревья вершинами чуть ли не упираются в небеса! Как же я была удивлена, когда узнала, что большей части секвой уже тысячи лет. К тому же, мы сумели дойти до главной достопримечательности парка Мьюир

Вудс — громадного пня. Это огромный пенёк, который отлично справился с ролью сцены, когда на нём однажды устроили вечеринку. Его никак нельзя пропустить, но легко спутать с обыкновенной землей под ногами, если увлечься осмотром местности!

А затем мы побывали в маленьком кусочке Японии с чайными пальмами, пятиярусными пагодами, бронзовой статуей Будды и чистейшими прудами, в которых безмятежно плавали карпы, не опасаясь о том, что их могут выловить. Зеленые газоны, рощи карликовых деревьев, в которых прыгают проворные белки, журчащий мини-водопад и японские храмы — всё это можно найти в японском чайном саду, находящемся в знаменитом парке «Золотые ворота».

И, наконец, осталось ещё одно место нашего маршрута. Сумерки сгущались над Сан-Франциско, но от этого город становился лишь ещё краше: зажигались огни фонарей, включались лампы в домах, загорались фары автомобилей и вывески «Такси». Мы успели на последний автобус, ведущий к двум холмам-близнецам «Твин Пикс». Доехали мы до него уже тогда, когда город накрыла ночь, и это оказалось просто как нельзя кстати. С холмов открывается умопомрачительный вид на Сан-Франциско, особенно сейчас, ночью: весь город, подобно новогодней гирлянде, сиял всевозможными огнями. А затем мы стали свидетелями великолепного зрелища: как Сан-Франциско накрывает пелена тумана. Он словно бы потихоньку подкрадывается к городу, укутывая его плотным белым дымком, забираясь всё дальше и дальше, облепляя своим дымом весь-весь город.

А затем нам с Майки пришлось долго добираться до следующей станции, на которой ещё ходят автобусы, чтобы приехать к автостанции и отправиться домой. Нам хотелось взять такси, ну, уж слишком мало денег осталось — только на обратную дорогу, поэтому мы звонили таксистам и, заливаясь смехом, говорили, что пойдем пешком.

Ещё один невероятный день, проведенный с Майки. Этот человек делает меня невероятно счастливой лишь одним своим присутствием в моей жизни. И я не просто благодарна ему за это: я благодарна ему за то, что, действительно, чувствую себя живой, что я, действительно, живу.

Тридцать семь

Сезон кошения позеленевших газонов настал. Папа вытащил из гаража старую газонокосилку и стал сдвухать с неё пыль, что-то приговаривая себе под нос. Я лежала на нескошенной траве, на покрывале, и, закинув голову, внимательно наблюдала за отцом. Он старался завести машину, дергал за шнурок, но та никак не работала, тогда отец зашел в гараж, взял оттуда какие-то принадлежности и, разложив их у косилки, стал думать, что же с ней делать.

Надо мной пролетали птицы, звонко щебечущие свои песни; надо мной проходил ветер, легонько касаясь моих волос. В траве ползают маленькие божьи коровки, перелетая с одного перышка травы на другой; почти у всех на крыльях очень много черных пятнышек — по детским сказкам, значит, что живут уже долго. Я глядела на мир вверх тормашками, это ничуть не портило его, наоборот, даже приукрашало.

Папа наконец-то смог завести машину, и она стала издавать очень громкие звуки, напоминающие мне рык дикого животного. Да и сама косилка походила на хищника: вот у неё длинные и острые клыки, вот глаза, вот утробный звук. Она, подобно льву, также быстро двигалась, настигая свою добычу — траву.

Папа стал ходить кругами, постригая газон, и мне в нос ударил приятный запах свежескошенной травы. Помню, как в детстве Том рассказывал о том, что он постоянно просил дедушку дать ему самому постричь зелень, когда наступал этот сезон, и что он радовался, когда дедушка наконец-то позволил ему это сделать впервые. Я любила этот сезон раньше, и сейчас я люблю его не меньше, но после долго пребывания в некоем коматозном состоянии при жизни я почти что забыла все эти ощущения. Сейчас я переживаю всё заново, впервые.

— Эмили, детка, поднимайся, ты мне косить не даешь, — попросил отец.

Но вместо того, чтобы уйти, я просто перекатилась на то место, где трава уже острижена, и прихватила с собой покрывало. Папа ухмыльнулся моей находчивости.

— Пап, ты мамины цветы, главное, не состриги, — произнесла я, — а то она тебя сама потом хорошенько пострижет.

И папа рассмеялся этому моему замечанию. Он произнес «Хорошо» и принялся дальше за работу. Мама была в саду, на заднем дворе, и пересаживала цветы в другие горшки. Её руки

покрывались слоем земли, и земля оказывалась под ногтями, но мама что-то напевала себе под нос и улыбалась — ей доставляло удовольствие возиться в саду. Недавно она занималась посадкой цветов перед домом, а теперь они, принявшись, поднимали свои цветки к солнцу. Позже они с отцом обещали приняться за стрижку зеленых кустов.

А я, раскинувшись на покрывале, стала смотреть в облака, рассматривая и находя в них некие сходства с животными, людьми и вещами, грезя о счастливом будущем, в котором я окончу школу и поступлю в университет, побываю на свадьбе Кристи и Джеральда, отпраздную собственную свадьбу с Майки, подержу на руках ребёнка Лондон; в котором у нас с Майки будет собственный ребенок, а точнее все четверо: Кaleb, Саймон, Вивьен и Феликс.

Чем больше я чувствую себя живой, тем больше я верю в то, что мои мечты исполнятся. Как глупо.

— Ребзя! — громко сказала Лондон и плюхнулась на стул, поставив на стол свой поднос с ленчем. Шум людей в школьной столовой заглушал наши голоса, поэтому нужно было говорить чуть громче обычного. — Недалеко от города открылся новый парк аттракционов. Может быть, поедem туда как-нибудь?

— О, да, я слышала об этом от Майки, — произнесла Фелиция. — Я только «за»!

Майки пожал плечами и посмотрел на меня, а я, улыбаясь, ответила «Конечно! Выходные наши!».

Мы договорились, что отправимся в парк в субботу сразу же после занятий. И будем все мы: Майки, я, Лондон, Фо и Патрик. Фелиция оставила Олли дома из-за того, что он в чем-то провинился. По окончании занятий мы схватили свои сумки и запрыгнули в старенький пикап Майки, а затем отправились в путь.

Всего полчаса пути, и мы уже у цели. Огромный парк развлечений раскинулся между рощами и озером. Патрик припарковал машину на стоянке, и когда мы вышли из пикапа, то удивились, сколько же здесь народу — проходу не давали! Перед входом расстился прекрасный ковер из цветов в виде кролика, естественно, что по нему нельзя было ходить. Повсюду стояли палатки с угощениями, игрушками и прочими сувенирами, и каждый продавец выкликивал свою собственную зазывалку, чтобы привлечь ещё больше народу.

— Ну же, давайте! — проговорила Лондон и, схватив всех в кучу, щелкнула фотоаппаратом.

«Клик!» — раздалось из него.

Я не могла узнать Майки, его глаза буквально горели. Он стоял, оглядываясь по сторонам, и улыбка не сходила у него с лица. Он чуть ли не боготворил данный парк!

— Ой, гляньте! — прокричал он. — Крыса-переросток! — И указал пальцем на человека, одетого в костюм. — Как ми-и-и-ило!

И мы всё рассмеялись, особенно громко — Патрик. Он подошел к брату и стал смеяться над ним, по-доброму, конечно. А затем они стали толкать друг друга, как дети.

— Чой-та с ним? — поинтересовалась Лондон.

— Да так, неважно. — Фо пожала плечами.

— Да ну тебя! — бросил Майки и ушёл.

Через пару минут парень вернулся с картой-путеводителем. Он сказал «Ладно, ребятки, мы должны прокатиться на всех аттракционах в парке, закупить сувениров, наесться сладостей и дожить до церемонии завершения сегодняшнего дня!». Произнося это, он был крайне возбужден, а затем помахал картой у нас перед носом и понесся выбирать первый аттракцион.

Огромные машины в форме чашек носились по электрическому полу, сталкивались друг с другом, разворачивались, снова сталкивались; и те, кто был на данном аттракционе, заходились в хохоте и кричали от радости. Майки рулил, он словно бы специально наезжал на других на бешеной скорости, от чего мы вскрикивали во все горло, а водитель лишь смеялся от счастья.

— Уху-у-у-у-у! — визжал он, жмурясь.

— Майки-и-и, пожалуйста, полегче!!!

— Их-а-а-а!

— Да мы можем разбиться в любую секунду, Майки-и-и!

Но тот игнорировал любые наши просьбы и продолжал делать своё дело — развлекаться так, что у нас волосы дыбом встают. Но, соглашусь, такое вот необычное чувство адреналина —

это как раз то, что нужно. Только после окончания нашего времени, все поняли, что это было очень круто.

— На чём ещё прокатимся?! — восторгаясь, произнёс Майки.

Мы прокатились на американских горках, визжа от радости и волнения; побывали на «Вихре» — это когда огромное колесо раскручивает множество сидений, прикрепленных к нему железными цепями, от чего кажется, словно ты паришь в воздухе; посетили колесо обозрения; побывали на горках страха; наелись огромным количеством мороженого и купили всякий бесполезный хлам. Когда Майки и Патрик примеряли ушки Микки-мауза, их невозможно было узнать! Словно их подменили на детей пяти-шести лет. Фелиция пыталась заработать огромного слона, швыряя мячи в стоящие домиком кегли; Лондон играла в автоматы, а я покупала карамельные яблоки, как напоминание об Ив.

Когда мимо нас проходил человек, переодетый в костюм неизвестного животного, немного смахивающего на хомяка, мы переглянулись. И Майки закричал «Эй! Постой!», а затем побежал к нему, махая нам рукой.

— Ну же, давайте! Где фотоаппарат? — кричал он.

Мы нашей маленькой компанией побежали следом, а Лондон, которая постоянно все снимала, отдала прохожему фотоаппарат с просьбой сфотографировать их.

— Эй, ты посмотри, как классная фотография! — восклицала я.

Хомяк-переросток стоял в центре и махал рукой в кадр. Справа от него был Майки, который обнимал человека в костюме и строил гримасу, словно малый ребенок. А еще там была Лондон. С другой стороны находились я, Патрик и Фелиция, которую обнял человек в костюме.

Фо, которая все время скептически относилась ко всем этим переодетым людям, глядя на фотографию, внезапно произнесла «Черт! Да ведь этот хомяк был реально крутым!», на что мы сразу же хором среагировали «Серьезно?!».

И вот тут вот понеслась. Мы обошли все сувенирные лавочки, перемерили и осмотрели всё вещи, которые там были. Переиграли во все игры и посетили все самые крутые аттракционы. К концу вечера у нас в кармане не было ни гроша, зато все руки были заняты выигранными игрушками и пакетами с сувенирчиками.

Когда настала глубокая ночь, пришло время электрического парада! На площадке у озера танцевали и показывали трюки гимнасты, чуть поодаль было огненное шоу, на котором фаершики жонглировали факелами с огнем, выдували, и глотали огонь, и делали множественные трюки; устроили маленький спектакль актеры трупы; играли на африканских музыкальных инструментах музыканты. А по озеру прошёлся небольшой пароход в форме старинной коляски, выглядывая из которой, всех приветствовал и махал рукой ещё один переодетый в костюм животного актер.

Ох, это просто превосходное окончание дня!

А затем небо озарили салюты, свистящие и устремляющиеся высоко-высоко в небо. Все посетители хлопали в ладоши и яро обсуждали прошедший день, и мы не были исключением. Лондон всё также клала все возможные моменты, чтобы не упустить ни одного.

Я отошла от компании, чтобы лучше разглядеть концерт на другом пароходе, и встала у края площадки, облокотившись об ограждение, но затем выпрямилась. Почему-то мне стало грустно, пусть и день прошел замечательно: внезапно в голову пришла мысль, что я этого больше не увижу, не увижу их улыбок и не услышу смеха, и мне стало очень грустно.

Чья-то ладонь коснулась моей руки, и наши пальцы переплелись. От неожиданности я повернула голову, чтобы разглядеть, кто это был, и увидела *его* глаза. Майки наклонился, — его взгляд был серьезен и немного суров, но он чем-то пленил меня — и под свист салютов парень поцеловал меня.

Тридцать восемь

Начало июня. Учебный год в школе закончился. Все сдали переводные экзамены, а выпускники получили свои табели с баллами на поступление в высшие учебные заведения. Совсем скоро у них будет выпускной балл. И я очень волновалась. Майки пригласил меня на свой выпускной балл. Пригласил в качестве партнера! Что в этом страшного? На самом деле, ничего. Но меня просто беспокоила атмосфера, что там будет. Во-первых, там будет присутствовать Брэдли Уайт и, скорее всего, приведет с собой Стейси Лоуренс, потому что кроме неё у него особо друзей

больше нет, да и, как я знаю, их семьи между собой дружат, он ей доверяет. А все остальные люди, которые пытались с ним сблизиться, просто-напросто хотят вырасти в своем положении в иерархии школы. Думаю, Брэд это видит, но почему же он не может разглядеть, какая же гнилая эта его Стейси? Не понимаю.

Совсем скоро школа получит готовый ежегодный альбом, а Майки и Фелиция — по своему собственному выпускному альбому. Я помню, что Бриттани специально для этих альбомов запечатлела меня с Майки вместе, хоть я того и не хотела.

Лето в самом разгаре. Хотя у нас лето началось уже в мае.

Моё вступление в клуб бойскаутов еще в начале весны не прошло даром! Мистер Стивенсон, психолог и заодно человек, отвечающий за наш класс, недавно ошарашил нас новостью: 11 и 12 классы по желанию через неделю идут в поход в лес на целых четыре дня! Тот, кто был бойскаутом, естественно, сразу же согласился, ведь у них уже есть хоть какой-нибудь опыт в этом. У меня не было опыта, но меня за несколько уроков научили ставить палатки, разжигать костры, вязать различные узлы. Конечно же, я согласилась на такое предложение, ведь это же поход! В лес! Я давно об этом мечтала!

В целом, доктор Фитч ничего против такого вот похода не имел. Сначала он дико волновался и говорил: «А что с тобой будут делать, если тебя вновь накроет паралич?», но затем я его уверовала, что это лишь моё дело. Какая разница, умру ли я там или здесь? Всё одно. И пообещала, что если что-то подобное случится, то обязательно не буду паниковать, а просто успокоюсь и буду лежать, ждать, пока паралич пройдет, ведь в моем случае он вспышкообразный и прекращается вскоре после проявления. По крайней мере, думаю, за четыре дня похода я точно не умру. И, скорее всего, лес мне даже пойдет на пользу — чистый горный воздух, тишина, нет городской суеты и токсинов. Однако же, сразу после похода я должна вновь прийти в больницу, чтобы снова сделать полную диагностику. Вообще, её нужно делать раз в месяц, но мне сейчас не до больниц. Я настолько чувствую себя живой, я настолько поглощена жизнью, что мне не до воспоминаний о моей болезни. Я и не заметила, как меня съела жизнь.

Сразу же после того объявления я с улыбкой и с криком «Мам, пап, Кристи! Я иду в поход!» внеслась в дом, радуясь всему на свете: бликам света на стене, радуге, исходящей из вазы, шуршанию, который издавал кролик, неаккуратно сложенным на столе учебникам и разложенным по полочкам вещам (сверху светлые рубашки, снизу темные свитера). Я не знала, что со мной происходит, все казалось крайне восхитительным: соседский рыжий кот, который постоянно пробирается к моему окну, прыгая по крышам, а я уже так к этому привыкла, что стала оставлять блюдечко с молоком у открытого окна; яблоня, росшая у нас в саду, и томаты — семейная реликвия; меня безумно воодушевляли цветы, которые мама сажала у тропинки, под ногтями у неё постоянно оставалась грязь, но зато на душе так тепло и светло становилось от цветных газонов. А еще я любила небо, сейчас оно было таким глубоко синим и чистым, без единого облачка, словно бы и не небо вовсе. Мне нравилось представлять, что небо — это огромный океан, и в нём тоже есть свои киты, медузы, рыбы, только особенные, умеющие летать.

Чем больше я принимала жизнь, тем лучше мне становилось. Хотя иногда моё поведение настораживало родителей, им казалось, что я чересчур счастлива. Иногда я начинала что-то говорить невпопад, иногда я смеялась с ничего — просто вдруг в голову приходила какая-то мысль, и становилось очень смешно. А иногда я смотрю на ситуацию по-другому, вроде бы ничего забавного нет, но если рассмотреть под другим углом её, то кое-что смешное можно найти. И это тоже очень настораживало родителей.

Первые несколько дней мы собирали информацию о том, сколько человек пойдет в поход, затем собирали различные бумаги (такие как страховые полюса), чтобы нам дали разрешение отправиться в лес на свой страх и риск, но, конечно же, со страховкой. Ещё один день мы потратили на составление и расчет количества необходимых продуктов, на примерную оценку того, сколько же денег нам сдавать на покупку этих продуктов. А плюс к этому нужно же что-то вкусное купить к чаю.

Я не участвовала в покупке продуктов. Мы с Майки были заняты жизнью, наслаждались ею как только могли: творили безумные вещи, запускали воздушных змеев, съездили к морю, а также побывали у нас в роще, попробовали там березовый сок и понаблюдали за птицами. С Майки я проводила почти всё своё свободное время; и дни, и ночи; мы провожали закатное солнце и вместе встречали рассветы.

А еще Лондон тоже частенько заходила к нам на чай — я до сих пор не могу себя простить за то, что так накричала на неё, не знаю, что на меня нашло. Словно это была не я, словно кто-то захватил мой разум всего на некоторое время. И я понимала, почему она так сделала — она не хотела губить свою жизнь, ведь ей только восемнадцать.

На распределении продуктов присутствовало примерно тридцать человек — все, кто собрался отправиться в поход. Так как доктор Фитч выписал мне специальную справку, в которой указывал максимальный вес, что мне можно было унести, мне выдали самый минимум продуктов. Эти продукты были не лично мои, они были общие, но ведь до места нашей остановки нужно чтобы их кто-то нес, потому всем вот так их распределяли. Девочкам до восьми килограмм продуктов, мальчикам — кто как унесёт. Ну, а я исключение — мне досталось очень мало продуктов и гитара. Если честно, я не понимаю, зачем в поход брать гитару, ведь все и так нагруженные?

А еще нам выдали рюкзаки, коврики и спальные мешки, а мальчикам вновь самое трудное — котелки, палатки, спицы к ним и многие другие тяжелые принадлежности. Каждый получил по листику, на котором написано, какие личные вещи нужно с собой взять. Времени на сбор рюкзаков немного — всего оставшийся день и ночь, а в пять утра — на вокзал, к перронам, к электричке, которая унесет нас вдаль.

Майки проводил нас с Лондон до моего дома, помог донести вещи и даже не сказал ни слова тяжело ли ему или нет. Хотя я и так знала — тяжело, но вида он не подавал. Чуть позже, после вечернего чаепития, за Лондон приехали родители, и в доме стало тихо — родители вернутся позже с работы, а Кристи, вероятней всего, с Джеральдом, они готовятся к предстоящей свадьбе. Потому мне ничего не оставалось, как наконец-то разобрать пакеты с продуктами и разложить все это в рюкзак. Я включила музыку и с удовольствием принялась за дело.

Итак, на самый низ отправляются: свитер, пару футболок, шорты и пижама, несколько пар носков, купальник и две пары обуви, которые я заранее положила в пакетики, — шлепки и тряпичные кеды. Затем кладу полотенце и некоторые туалетные принадлежности, предварительно всё завернув в целлофан. Уж очень я пунктуальная, но так лучше, чем после искать вещи, перерывая весь рюкзак — достал и всё. Следом в рюкзак ныряют пару банок консервов и банка тушенки, пакетик сгущенки и немного сладостей, особенно я заметила казинаки — божественная сладость. А сверху в пакетике я кладу две булки хлеба. В боковые кармашки засунула средства от комаров, фонарик и мелкие принадлежности: прищепки, бельевая веревка, в спичечном коробке соль. В отдельный карман были засунуты медикаменты на всякий случай. В оставшееся в рюкзаке место я положила спальный мешок и хорошенько затянула ремешок на рюкзаке, проверила все молнии, каждый карман должен быть закрыт, чтобы ничего случайно не вывалилось в процессе. Затем закрыла его сверху и к верхним лямкам прикрепила свернутый в трубочку коврик. Готово!

Сам процесс складывания вещей меня очень воодушевлял, после него оставалось какое-то тепло на душе, словно с упаковыванием вещей все мои мысли в голове сложились по порядку. Весь оставшийся день я ходила очень взволнованная: проверяла по сто раз поставила ли я будильник и на сколько, затем включила еще десять по всему дому, чтобы встать уж точно; ходила от стены к стене, представляя, каким же будет этот поход. Я легла довольно рано. Настолько — чтобы выспаться и легко встать в четыре утра, а к пяти уже быть на вокзале с вещами.

Перед тем как уснуть, все мои мысли были о лесе — побродить вечером по прохладным лесным тропинкам, не утоптаным ранее человеческой ногой, прикоснуться с мягкому, влажному мху у реки, походить по скользким речным камням, покрытым илом; посидеть на берегу реки, послушать шепот вод, песни птиц, посмотреть на прекрасный лесной закат и на низкие звезды.

Итак, день первый.

— Эмили-и-и-и, подъем! — протянул кто-то.

Расслышав это, я, как ошпаренная, соскочила с кровати и быстро начала бегать по дому, надевая вещи, в которых собиралась поехать.

— Что?! Я что, проспала?! Почему будильник не сработал!

Никогда еще так быстро я не собиралась! Запрыгнула в шорты и накинула на себя футболку, сверху толстовку надела, чтобы не замерзнуть, натянула носки и запрыгнула в кеды. Мама стояла у кровати, сонно потягиваясь, и смеялась, глядя на меня.

— Что смешного, давай скорее, мы опоздаем! — волновалась я.

— А ты на время погляди, — улыбаясь, произнесла она.

Подойдя к столу, где на зарядке стоял мобильник, я нажала на кнопку, чтобы засветился дисплей. 3:45. Что?! Так вот почему будильник не сработал, еще даже четырех утра нет!

— Мама, за что ты так со мной? — жалостливо произнесла я и села на пол, выравнивая дыхание.

— Просто я проснулась почему-то и решила, почему бы тебя не разбудить всего на пару минут раньше? — Она вновь улыбнулась. — Я же не думала, что у тебя будет такая реакция.

— Ну, м-а-а-а-ам. Догадаться же можно было, — выдохнула.

— Ладно, спускайся вниз, сейчас соберем тебе паёк в дорогу и перекусим чего-нибудь, — скомандовала она и скрылась за дверью.

Успокоившись, я подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Волосы по-быстрому в спешке я собрала в растрепанный хвост, пряди постоянно свисали по бокам. А еще я задом наперед надела футболку! И, правда, это так забавно — и я рассмеялась сама себе.

Выпив кружку кофе, чтобы не уснуть в пути, и съев пару крекеров, я вполне наелась. Мама собрала мне небольшой пакетик печенек, достала бутылку минералки из холодильника, а также немного фастфуда, который я купила на днях: чипсы, сухарики, различные крекеры. Всё это мы аккуратно засунули в свободные места в рюкзаке, все равно это нужно съесть в дороге.

Затем я просто слонялась вокруг да около, ожидая заветных циферок на часах и заранее вызванное такси. Солнце уже поднималось: небо из иссиня-черного потихоньку превращалось в фиолетовое, красное, розовое, оранжевое.

На перроне я оказалась одна из первых. поприветствовав всех присутствующих, сняла с себя рюкзак и села на лавочку в ожидании остальных членов группы. Приятная утренняя свежесть и прохлада радовала меня. Хотя меня радовало и волновало абсолютно всё. С каждой минутой присоединялось всё больше и больше людей к нашей компании, повсюду теперь были слышны разговоры и приветствия. Моя семья сидела рядом со мной, они что-то обсуждали между собой, но я не обращала внимания. Меня очаровывала неизвестность.

— Эмили! — растянула гласные подруга. — Доброе утро! — поприветствовала Лондон меня и всех остальных.

— Доброе, — отозвалась я.

— Как настроение? У меня просто потрясное!

— Да, у меня тоже. Я жду не дождусь, когда мы наконец начнем свой путь!

А затем к нам присоединились Майки и Фелиция. А еще чуть позже подъехали учителя, которые будут нас сопровождать — мистер Стивенсон и миссис Кэрридит. В 5:30 утра мы сели в электричку, а в 5:45 тронулись с места. Все родители, что пришли отправить в путь своих детей, стояли на перроне и махали вслед уходящему транспорту.

Все из рюкзаков достали то, что они взяли с собой в дорогу поесть, а также то, чем можно себя занять в пути. Мы ехали почти четыре часа до конечной станции, но это был еще не конец — нужно было пересаживаться на другую электричку, которая отвезет нас в ближайшую точку к нашей остановке.

Все то время, что провели в пути, мы развлекались, как могли: играли в карты, в покер, слушали музыку, читали книги, разговаривали между собой, перекусывали. Не знаю, как это еще описать — было крайне душевно вот так сидеть и болтать обо всем. Мы с Майки, в основном, перекидывались парой фраз, а затем лицезрели мелькающие виды из окна.

— Вам не кажется, что становится душно? — спросила Фо.

А мы лишь пожали плечами.

— А мне вот кажется.

Она встала с сидения и подошла к окну, нажала на щеколду и стала поднимать окно. Фо раскрыла его до максимума и вновь нажала на щеколду, чтобы зафиксировать его положение.

— Ну вот, дышать легче стало!

И правда, сразу потянуло таким чистым воздухом, и ветер подул в лицо. Фо высунула голову из окна, и ветер тут же принялся развеивать её волосы, когда же ей надоело так вот стоять, она приняла прежнее положение. Волосы у неё ужасно растрепались и запутались, но брюнетка лишь отмахнулась и рассмеялась этому.

— Попробуйте, это нереально круто! — проговорила она.

И мы вчетвером мигом ринулись к свободным окнам! Деревья проносятся так быстро, что я не успеваю их рассматривать. Только если фокусируюсь на одном каком-нибудь листике или кусте, тогда смогу разглядеть их. Звук колес и легкое пошатывание из стороны в сторону меня успокаивали. Я приоткрыла окно и высунула голову из него. Ветер сразу же обдул все моё лицо, развеивал волосы.

Боги, этот запах трав и деревьев! Никогда еще никуда не ездила по рельсам. Новые территории, пейзажи и рельеф будоражили моё сознание. Я не могла налюбоваться природой, которая еще хоть и не так сильно была выражена, как в лесу, но все-таки была уже намного красивее, чем у нас в городе.

Когда мы уже пересели на другой маршрут и приближались к месту назначения, учителя предупредили нас «Так, давайте готовиться уже, через две остановки мы выходим». И все сразу же начали суетиться, Майки достал с верхних полок наши рюкзаки и помог каждой из нас надеть их. Вот уж джентльмен. А когда время пришло выходить из электрички, он был одним из тех, кто стоял внизу и подавал руку всем спускающимся девушкам. И возможно, я немного ревновала его к остальным, ну, не считая Лондон и Фелиции, но не подавала виду.

Мы оказались в пересеченной местности. Единственными признаками цивилизации здесь были несколько одиноко стоящих в ряд домиков и железнодорожная станция. Вокруг были травы по пояс, деревья и дорога, выложенная из гравия, а с другой стороны железной дороги возвышались заросшие лесом горы.

— Ну что, ребята, если кому нужно, то переодевайтесь в одежду, которую не жалко запачкать, переобувайтесь, и затем мы тронемся, — посвятил нас в планы мистер Стивенсон.

— Извините, а где мы, собственно, должны переодеваться? Здесь что ли? — спросила какая-то девушка.

— Можете зайти за станцию, — психолог пожал плечами, — будто бы кому-то нужно за вами подглядывать.

Некоторые девушки пошли переодеваться, но я не двинулась с места. А зачем? Я и так в подходящей одежде. Лондон тоже переделась и после присоединилась к нам уже в футболке и шортах. Солнце стояло уже почти в зените и пекло неимоверно, потому, чтобы не обгореть, я намазалась кремом для безопасного загара, сняла с себя кофту и записнула её между лямками рюкзака.

— Все собрались? — спросила миссис Кэрридит.

— Да.

— Тогда в путь!

Начало было очень легким: мы шли по равнине, по гравию — видимо, это была дорога. Но постепенно мы уходили всё дальше от железной дороги, и чем дальше мы шли, тем глубже уходили в лес. Примерно через час пути откуда ни возьмись налетели тучи, и учителя сказали держать поблизости дождевики. Еще через несколько минут мы услышали заветный шум — река! И нам предстояло её перейти вброд.

Горная речка была не глубокая, — сантиметров на пять выше щиколотки — но очень холодная и безумная. Течение было просто ужасно быстрым, от чего сложно было идти, ноги заплетались, и трудно было передвигать ими. Я чуть было не упала, споткнувшись о свою собственную ногу, но, к счастью, Майки вовремя меня схватил и помог удержать равновесие — рюкзак постоянно тянул меня куда-то в бок.

Из реки мы выбрались с мокрыми ногами, и потому нужно было переобуться. На самом деле, некоторые умные личности это сделали еще на том берегу, зная, что промокания не избежать, но я не была в их числе. Усевшись на сухом камне, я стянула с себя мокрые кеды и носки и начала рыться в рюкзаке, чтобы найти дополнительную пару. У реки было море мошек и комаров, и они сразу же налетели на нас, как только почувствовали свежую кровушку. Потому все сейчас стояли и обрызгивали друг друга спреем против насекомых.

Когда мы вновь тронулись, неожиданно начался небольшой дождь, и всем пришлось идти, накиннув на голову длиннющие дождевики. Я, Майки, Лондон и Фелиция держались близко друг к другу, мы не переставали травить шутки по поводу и без, а также просто болтать, обсуждать местность вокруг и поддерживать друг друга.

Когда мы начали подниматься в гору, я почувствовала наконец-таки насколько тяжелая моя ноша: и рюкзак, и гитара. Местность вокруг начала меняться: стало больше деревьев с тонкими, но

длинными стволами, повсюду росли полевые цветы, на дорогах валялись большие булыжники, да и сама дорога становилась извилистее. А после дождя дорога стала просто невыносимой, размокшей, грязной. Вся моя обувь была в грязи.

Чем дальше мы заходили, тем становилось всё круче: дорога стала сужаться, больше встречалось обрывов и грязи. Каждая минута ходьбы казалась равной десяти минутам, и если, как нам казалось, мы шли уже час, то значит, мы идем всего минут двадцать-тридцать. Почти каждый час мы интересовались у руководителей, как долго нам еще идти, а они отвечали «Пятнадцать километров. Двенадцать. Десять».

Когда мы прошли примерно половину пути, — знаком нам была встретившаяся река — то решили сделать привал впервые за три часа непрерывной ходьбы. У меня адски болели плечи из-за лямок рюкзака, набитого почти что до полна, и гитары, висевшей на нем, даже несмотря на то, что я специально надела закрытую футболку. Мои бедные плечи были ужасно красными, и я молила лишь о том, чтобы я не стерла их, иначе будет очень плохо. А вот о ногах и молить даже не стоило — с непривычки я сразу же натерла мозоли. Обработав их перекисью, что лежала в аптечке, я решила охладить их в речушке. Горная вода просто волшебная. Как только я опустила ноги в ледяную воду, то сразу же пришло облегчение. Привал был получасовой, но я отдохнула так, словно бы проспала всю ночь, а все из-за того, что я подкрепилась и немного поплескалась в речке с Майки. Ему тоже досталось, его плечи были ужасно красными, словно бы он получил ожог, и пришлось поплескаться ему на плечи немного холодной водички.

Дальше мы вновь тронулись. Склоны становились всё круче, и идти было всё сложнее, но теперь осталось пройти всего десять километров, не двадцать.

— Эй, заводите песню! — выкрикнул мистер Стивенсон.

И бойскауты начали петь незнакомую мне ранее песню, затем её подхватили и другие, и в итоге, песню пели почти все, кроме меня, ведь я слов-то не знаю. Но все равно в этом было какое-то своё очарование — походная песня, спетая почти всей группой, придавала больше сил и энтузиазма на оставшийся путь.

Когда мы прошли мимо огромной отвесной скалы, рушащейся буквально у нас на глазах, нам сказали, что осталось всего пару поворотов, и мы придем на место стоянки. Ура! Я была просто неимоверно рада — еще немного потерпеть, и я смогу снять с себя эту тяжеленную ношу!

Место нашего лагеря было довольно красивым — большая поляна на небольшом возвышении над речкой, которая текла тихо-тихо, с другой стороны была та самая скала, только мы обошли её с другой стороны.

Сбросив с себя рюкзак и положив рядом гитару, я стала разминать себе плечи.

— Уф! Вот это да! — произнесла Лондон, которая тоже не ожидала такой нагрузки.

А вот остальные, видимо, уже бывали раньше в походах, и довольно спокойно отнеслись к этому. Посмотрев на время в мобильнике, я очень была удивлена, уже почти три часа дня! Затем я закинула мобильник вглубь рюкзака, чтобы не доставать его больше и не растратить случайно заряд батареи.

— Ну что, ставим палатки? — поинтересовалась Фо.

— Да! — Я кивнула.

Мы отхватили палатку приличного размера, по крайней мере, для нас втроем в ней было многовато места, но в этом даже и плюс, не будем тесниться. Мы с Фелицией забивали колышки, а Лондон подавала нам сначала саму палатку, затем её каркас и следила за тем, чтобы все было ровно и отлично натянуто. На низ палатки мы постели коврики, чтобы было не так жестко спать, а сверху разложили наши спальные мешки; в свободные углы поместили наши уже полупустые рюкзаки, предварительно вынув оттуда и сдав все продукты питания учителям.

Через полчаса все палатки были расставлены, а мальчики были разделены на две группы: одна пошла рубить дрова и собирать хворост, другая — рыла яму для будущего костра. Еще через пару часов наше место обитания было совсем обустроено: все палатки расставлены, яма вырыта, и в ней уже даже развели костер, рядом с костром были устроены сидения из стволов деревьев; между другими деревьями были натянуты бельевые веревки, и уже сушились кое-какие вещи.

Всего на нашей поляне было десять палаток для учеников, в каждой по три-четыре человека, и одна палатка для учителей. Главное условие — парни спят в одной палатке, девушки в другой. И это было довольно обидно: значит, мы с Майки не сможем спать вместе. Итого: четыре палатки девушек, шесть палаток мальчиков.

Приближалось время ужина. И, конечно же, его должны были приготовить девушки. Было решено, так как у нас всего будет восемь приемов пищи за весь поход, то каждая палатка будет готовить по два раза. Так уж вышло, что начали именно с нашей палатки. А сегодня на ужин у нас обязательно должен был быть суп, потому что весь день мы ели сухой паёк.

Пока Фелиция, Майки и еще один парень с ними ходили к роднику, находящемуся поблизости, за водой, мы с Лондон чистили лук и картошку, нарезали морковку. Сегодня на ужин суп — харчо, походный вариант. Один котелок использовался нами для приготовления за жарки, в другом мы нагревали воду и варили картошку с рисом для будущего супа, затем все вместе смешали с небольшим количеством тушенки и оставили еще на пару минут провариться. В итоге, мы потратили где-то час-полтора на приготовление ужина.

Я была ужасно измождена, потому решила прилечь на пару часиков, да подремать. Я и не заметила, как сразу же провалилась в сон, как только моя голова легла на кофту-подушку.

— Да ты всё проспишь! — возмутила Лондон, расталкивая меня. — Подъём!

— Чего? — сонно пробормотала.

— Ты что, забыла про ночь страшилок? — спросила подруга.

Ах, точно, и правда, забыла. Первая ночь в походе — всегда ночь страшилок.

Я надела на себя теплющий свитер, спортивные штаны и вышла на улицу. Прохладно, но к утру будет еще холоднее, так всегда. Лондон заняла для меня место у костра. Я села на пенек, поближе к Майки, что сидел слева от меня, и стала внимать рассказу мистера Стивенсона:

— Когда-то давно — никто не знает, когда точно — в горах проводилась экспедиция. Была зима, и на эту опасную экспедицию решились шесть альпинистов. — Мистер Стивенсон говорил приглушенным голосом, от которого шли мурашки по телу. — И однажды они попали под лавину и провалились в глубокую расщелину, из которой не могли выбраться. Шли дни, а они всё находились в этой расщелине, и их одолевал ужасный голод. Потихоньку сходя с ума, они начали есть друг друга, пока не остался всего один альпинист. Он умер, и, по легенде, его призрак теперь забирает людей, которые идут последними, отстав от своей группы, чтобы утолить свой голод. — Майки улыбнулся краем губ. Не страшно же. — Однажды группа таких же вот туристов как мы заблудилась в лесу, они решили разделиться, чтобы найти выход. Никто не знает, что именно случилось, но вернулись не все, а вернувшиеся по пути нашли чьи-то обглоданные останки.

Кто-то начал перешептываться. У меня коже пробежали мурашки. Дрова в костре приятно потрескивали, а тепло огня согревало всех вокруг. Я положила голову на плечо Майки.

— Еще есть одна. Про деву в белом одеянии, — проговорила миссис Кэрридит.

— Да, точно, — подтвердил учитель. И таким же приглушенным голосом начал вторую историю: — Была война. Парень и девушка очень любили друг друга и совсем скоро собирались пожениться, но тут парню приходит повестка, что он должен идти на фронт. Прощаясь, девушка обещала, что будет ждать его. Постоянно ей приходили от него письма, а она тоже писала ему их, рассказывая обо всём, что происходит с ней. Но однажды... письма приходят перестали. Девушка не находила себе места, она все ждала и ждала ответа от любимого, которого так и не было, и её волнение ещё больше усиливалось. И вот в один из дней ей приходит похоронка. Её любимого больше нет. Девушка просто обезумела от горя, она плакала целыми днями напролёт, пока не выплакала все глаза в кровь, а затем сбросилась со скалы. Теперь она ходит ночью по лесу и ищет своего любимого, потому что не верит в его смерть. А узнать её можно легко — она носит белое одеяние. А ищет она своего любимого на ощупь, если прикоснется к голове — поседеешь, к пяткам — лишишься ног, и так далее. Избежать с ней встречи можно только одним способом — не надевать на ночь ничего белого, потому что призрак трогает только тех людей, на ком есть хоть одна белая вещь. — Чем дальше продвигалась история, тем тише говорил психолог, и мы невольно наклонялись к нему ближе, чтобы расслышать его слова.

— Да ну, это бред, — сказал кто-то.

— У меня есть один знакомый, который тоже водит в походы детей, он мне рассказывал свою историю, — продолжил рассказчик. — И он, и его ребята тоже не верили в эту легенду. Сидели ночью они у костра, тоже слушали легенду про эту деву и высказывали свои скептические мысли. А затем слышат — вой. Подумали, что показалось, и обратно принялись за свои разговоры, но тут вой повторился и совсем близко. И вдруг между деревьев что-то белое промелькнуло! Подумали — показалось. Но не тут-то было, этот белый отблеск всё чаще, всё хаотичнее мелькал,

и казалось, что он приближался всё ближе и ближе. Все тут же спохватились и побежали к своим палаткам. Послышался ещё один вой. А затем всё утихло.

И мистер Стивенсон выпрямился. Как-то только он закончил рассказ где-то в лесу послышался вой.

— Что это было? — спросил кто-то, и все стали оборачивать и глядеть по сторонам, я в том числе. Непонятное чувство стояло во мне. Мне было страшно. Правда.

Снова вой.

— Что-т я это, в палатку пойду, наверное, — произнесла одна из девушек и встала с пенька.

Вокруг темно, ничегошеньки не видно, только костер освещает немного местность, но этого мало. Вдруг что-то мелькнуло между деревьями.

— Что это было?! — воскликнул кто-то.

— Это дева в белом, — пояснил мистер Стивенсон.

— Вы смеетесь? И говорите все в таком спокойном тоне?! — Снова вой.

— Ну, на мне нет ничего белого, — он пожал плечами.

Некоторые девушки стали потихоньку подниматься и направляться к своим палаткам. Как вдруг из-за деревьев показался чей-то облик в белом. И все разом закричали на весь лес, девушки стали бежать обратно, к костру, с криками и воплями, полными ужаса. Но затем раздался смех, и белый облик стал приближаться к нам всё быстрее. Никто из нас не переставал вопить, как вдруг, когда дева подошла вплотную к костру, она сбросила с себя белую простынь, и это оказалась миссис Кэрридит. Но каким образом?! Она же сидела рядом с мистером Стивенсоном. Когда она успела ускользнуть из-под нашего взора?!

Отдышавшись, мы рассмеялись тому, какие же мы все-таки пугливые, несмотря на то, что почти все из нас совершеннолетние или совсем скоро будут ими.

— Так, не разбегайтесь, у нас еще есть, что рассказать, — произнес мистер Стивенсон.

Через несколько минут почти все вернулись обратно на свои места, правда, некоторые, произнеся, что это полнейшая чуть, забрались себе в палатки, но это совсем не мешало продолжить наши забавы. И когда все расселись по местам, мистер Стивенсон умолк, а свой рассказ начала его коллега, миссис Кэрридит.

— Жил мужик. Денег у него всегда было достаточно, ни в чём себе не отказывал, но был он чересчур эгоистичным и подозрительным, жил отдельно от семьи, потому что думал, что они могут забрать у него все богатства. В общем, как кощей, над златом своим чах. — Манера миссис Керидит и то, как она приглушала свой голос, рассказывая что-то, наводила какую-то задумчивость на меня, полное погружение в повествование. Словно я сама являюсь героем данной истории. — Однажды с ним приключилась трагедия, после которой ему пришлось ампутировать ногу, а на её место он поставил себе золотой протез. Прошло несколько лет, и мужик серьезно заболел, а после умер. Его так и похоронили с этим золотым протезом. А спустя время, когда его семья (из жены и трех сыновей) растратила все деньги, оставшиеся им в наследство, то они почувствовали нужду в деньгах. Ну, и решили трое сыновей бросить жребий, кто же пойдет на кладбище, да откопает могилу отца, чтобы забрать тот самый протез. Бросили раз — выпал старший сын, бросили два — выпал средний сын. Но старшие сыновья побоялись пойти ночью на кладбище, а младший, храбрясь, отважился на это. Ну, откопал он могилу, забрал протез и пошел домой. И слышит — идёт за ним кто-то. Оборачивается — никого. Чувствует — кто-то буквально дышит ему в спину. Снова оборачивается — снова никого. И подумал он, что, наверное, перенервничал, вот и мерещится ему чушь собачья. Но ощущение, что его кто-то преследует, так и не покинуло младшего сына, потому он скорее устремился домой. Прибежал, закрылся дома и стал ждать. Тут же в дверь кто-то застучал. «Кто там?» — спрашивает он. Но никто не отвечает. «Эй, там кто-то есть?» — снова задает вопрос младший. Тишина.

Все были такие расслабленные. Действительно, весьма странно, что этот рассказ является страшилкой, он ведь совсем не страшный. Кто-то вновь начал перешептываться и хихикать. Миссис Кэрридит наклонилась вперед, продолжая свой рассказ:

— Тогда он задал третий вопрос: «Что тебе нужно от меня?».

Учительница сделала паузу. Все насторожились.

— Протез! — воскликнул мистер Стивенсон, сидевший рядом с женщиной, и схватил за ногу человека, который сидел справа от него. Это была девушка, и в тот же миг она закричала во

все горло, и остальным закричали вместе с ней, и мы подхватили этот крик тоже. Это было похоже на эффект мозаики.

Мы кричали, мы смеялись, и мы никак не могли успокоиться, обсуждая этот момент между собой снова и снова.

После страшилок мы еще немного посидели у костра, просто наблюдая за тем, как тлеют в нем угольки, а затем разошлись по своим палаткам. Это был прекрасный первый день в лесу, и я была очень этому рада. Подложив себе под голову еще немного кофт, чтобы «подушка» была мягче, я залезла в спальный мешок, опрыскав себя с ног до головы спреем от укусов комаров, и застегнула его по самое плечо. Было очень тепло. Мы вдвоем еще пару минут поболтали между собой, обсудив прошедший день, а затем, пожелав спокойной ночи, замолчали.

По среди ночи нас разбудил дождь. Он очень сильно трещал по палаткам. Снаружи слышались различные голоса. «Проверь там, не стекает ли вода под палатку?». «Нет? Тогда отлично!».

— Эй, что происходит? — высунувшись из палатки, я спросила кого-то в темноте. Холодный дождь сразу же ударил мне в лицо, и я поморщилась.

— Ливень пошел, вот и проверяем, чтоб нас не затопило. Не беспокойтесь, мы и вас проверили, всё в порядке. Продолжайте спать.

— Окей, — вновь залезла в палатку.

Становилось ужасно холодно. Из-за ледяного дождя наше спальное место становилось прохладнее, несмотря на то, что мы вдвоем хорошенько надышали тут, согревая воздух. А ещё чувствовалось, что палатка сыреет — это тоже один из факторов, почему она охлаждалась. Что ж, ничего не поделаешь.

— Эй, всё нормально там? — спросила Лондон или Фелиция.

— Да, все хорошо, — кивнула я и перевернулась на другой бок.

День второй.

— Подъе-е-е-м! — закричала учительница.

Мерзкий, противный звук оглушил нас. В голове всё зазвенело от этого шума. Миссис Керидит била ложкой по алюминиевой тарелке. Как я поняла, это в порядке вещей — такой вот подъем. Но так как я была в первый раз в походе, и для меня всё это было в новинку, то я очень испугалась такого неожиданного пробуждения. Сердце чуть ли не упало к пяткам. В буквальном смысле.

Странный шум заглушал всё вокруг. Словно бы идёт просто невероятно сильный дождь. А ещё повсюду была грязь.

Утро началось в девять часов. Выбравшись из палаток, мы увидели, что завтрак уже давно готов — гречка с тушенкой по-походному. А еще к чаю у нас были печенья со сгущенкой, конфеты, казинаки, сухарики — в общем, всё, что душе угодно. Хотя отчасти — всё, что прихватили с собой ребята и учителя.

— Что это за звук? — поворачивая голову по сторонам, стала спрашивать я.

Действительно, откуда-то исходил очень сильный шум воды, но дождя нет. Кстати, над лесом склонились серые тучи. Но, видимо, ветер гонит их отсюда, потому что они становятся всё реже и реже.

— Это река, — ответил мне проходящий мимо парень.

— Река? — удивилась я и поспешила поглядеть, что же это значит.

Подойдя к краю возвышенности, я увидела, что вниз ведут небольшие, но крутые спуски, состоящие из огромных булыжников и валунов. А река! Если вчера она была тихая, спокойная, не очень большая в ширину и не сильно глубокая, то сейчас она разлилась так широко, она стала такой бурной и шумной, такой глубокой, что дна не видно в середине реки!

Позавтракав, мы были представлены самим себе до самого обеда. Хотя это было не совсем так. Некоторые работали: рубили деревья на дрова, сушили свою одежду, варили чай в котелке или мыли посуду. А ближе к полудню другим нужно будет готовить обед. В общем, за этот небольшой промежуток времени мы могли сделать всё, что душе угодно. В рамках разумного, конечно же.

— Хэй, вы идёте купаться? — спросила Лондон у меня и Фелиции. Мы лежали в палатке, высунув головы, и глядели на небо, которое постепенно прояснялось. К вечеру будет солнечно.

— А ты не думаешь, что вода будет просто невыносимо холодной? — произнесла Фо.

— Да пофиг. Это же горная речка — она всегда холодная. — Лорен пожала плечами.
— Ну да. — Брюнетка фыркнула. — А, ладно! Была не была.
— Эмз, айда с нами! — воскликнула Лондон.
— Почему бы и нет?

Мы достали из рюкзака купальники и переоделись в них в палатке. Прихватили с собой полотенца и туалетные принадлежности. Мне было очень стыдно появляться полуголой перед людьми, тем более, что у меня почти все тело в шрамах. Потому я накинула на себя кофту, а полотенце завязала у талии, чтобы оно скрыло мои ноги.

Мы втроём аккуратно спустились вниз, к реке, по булыжникам, которые были очень скользкими, я несколько раз чуть было не упала, впрочем, как и всегда, ведь я такая неуклюжая, особенно с этим усиленным нарушением координации я стала просто невыносимо неуклюжей. Мы несколько минут шли вдоль берега, чтобы найти лучшее место для купания, и вскоре мы нашли такое! Камней почти что нет, только мелкие камушки и песок. По другую сторону всё та же скала.

Девочки положили свои вещи на небольшой камень близ берега, чтобы можно было их забрать в любую минуту, и зашли в воду.

— Черт возьми, какая она холодная! — воскликнула Лондон, а Фелиция усмехнулась, мол, говорила же.

Брюнетка лучше понимала всю ситуацию, потому она сразу же постаралась погрузиться в воду полностью, дабы поскорее привыкнуть к температуре воды. Её примеру последовала Лондон.

— Эй, Эмили, давай с нами, — выкрикнула блондинка. Я кивнула.

Мне было интересно сидеть на берегу и наблюдать за ними обеими. А еще просто наблюдать за тем, что происходит вокруг. Например, река течет слева направо; её течение сильнее всего вдоль противоположного берега и в центре; в центре виднеется вода более темного цвета, чем у берега, следовательно, там или речка становится глубже, или дно покрыто каким-нибудь мохом или илом.

Особое внимание я уделяю отвесной скале, она необычайно красива: от рельефа, до необычного цвета и сочетания пород. Если глядеть на скалу в анфаз, то ничего особенного в её форме не заметишь, но если посмотреть с какого-нибудь другого угла, то заметно, что в середине есть весьма выделяемое углубление. Иными словами, гора в профиль напоминает кусочек откусанного торта, или сыра, или ещё чего-нибудь съедобного. Именно с центра она и рушится. Сейчас. На моих глазах. Откалывается небольшой кусочек породы, и он скатывается вниз, сталкиваясь с разнообразием выступов или углублений, рушась ещё по кусочкам, ещё и ещё. В итоге, вниз, к подножию реки спускается лишь небольшой кусочек и куча горного песка. А ещё каким-то образом из центра же спускаются небольшие ручейки воды. Видимо, протоки речки есть и где-то в скале. А на самой верхушке — деревья. Они расположены самыми разнообразными способами: ровно, отвесно, чуть ли не свисая с края скалы. В основном, над нами виднеются ровно расположенные деревья, но уж очень близко к краю выросшие, толстые корни так и висят по краям или обвивают породу.

Я стягиваю с себя кофточку и полотенце и кладу их на камень, прихватываю с собой шампунь и гель в мягких упаковках и, немного помявшись на месте, пробуя стопами воду, все же решаюсь сделать шаг. Как только я добираюсь до места, где стоят Лондон и Фо, меня хватает судорога, и я плюхаюсь в воду. Плюс этой реки, что, находясь даже в центре, глубины совсем не чувствуешь — она по талию, ну, а мне по грудь. Я чертыхнулась и успела проклясть воду за то, что она такая ледяная, и это рассмешило девушек. Через малый промежуток времени я совсем привыкла к температуре и уже свободно плескалась вместе с подругами. Мы искупались, помыли головы и стали выходить на берег.

— Что за черт? — выкрикнула Фелиция и, подхватив какой-то небольшой камушек, запустила его в деревья. — Пошли вон, озабоченные чертовки!

Обернувшись полотенцем и набросив на себя кофту, я стала вглядываться в деревья, ища причину гнева Фо. Ах, вот оно что! Несколько парней решили словить момент и, укрывшись в тени деревьев, все это время наблюдали за тем, как мы купаемся. Мне сразу же захотелось провалиться под землю со стыда.

— Я что сказала? Прочь отсюда! — снова крикнула брюнетка. — Вот заберу у вас из лагеря всю одежду, поглядим, как будете бегать!

Выжимая свои волосы, я еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться в голос. Фелиция всегда такая резкая, серьезная и грубоватая. Если честно, я ей восхищаюсь, ведь она такая сильная, она стоит во главе своей семьи вместе с Патриком и родителями. И она никогда не сдаётся. Лондон лишь пожимала плечами и легонько улыбалась.

Затем мы тем же путём вернулись в лагерь и вновь в палатке переоделись, мокрые купальники и одежду развесили на бельевой веревке. Солнце уже, кстати, давно вышло и наконец-то стало в несколько раз теплее.

Весь оставшийся день мы восстанавливали наш лагерь от ущерба, что нанес дождь. Пришлось всё-таки переставлять палатки на другое место, на случай, если снова ночью пустится дождь, иначе потопа точно не избежать. А также мальчики рыли небольшие окопы, чтобы вода уходила по ним с поляны.

Часа в четыре дня мы все слонялись по лагерю, словно сумасшедшие, ища сеть, чтобы позвонить родным и рассказать, как мы тут, что происходит и всё в этом духе. Представьте картину: поляна, окруженная лесом с одной стороны, с другой — спуск к реке и скала, на поляне палатки, и все люди бродят туда-сюда с поднятыми к небу руками, в которых держат мобильники, и постоянно глядят на дисплей в надежде увидеть хотя бы одно-два деления сети.

Некоторое время мне было совсем нечего делать, потому я просто сидела у костра, грелась и наблюдала за язычками пламени, что весьма завораживало. А также я наблюдала за всем, что происходило вокруг. Все такие занятые.

— Псс.

Повернув голову в сторону, откуда исходил звук, я увидела Майки, который махал мне рукой, подзывая подойти. Я направилась прямо к нему.

— Идём, — произнес он и повёл меня куда-то вдаль.

Мы шли осторожно, тихо, мягко наступая на подлесок, глядя под ноги, чтобы не наделать лишнего шума, правда, я не понимала, к чему такая осторожность. От нашего лагеря мы отошли на приличное расстояние, и меня волновало, что мы можем заблудиться — вокруг абсолютно одинаковый лес и нет никаких меток, которые отличали бы деревья друг от друга. Однако, присмотревшись, я все-таки нашла различия: во-первых, это, конечно же, мох, он рос не по направлению нашего движения, а с обратной стороны, во-вторых, это сами деревья, если внимательно вглядываться, можно обнаружить, что они не одинаковые, где-то растёт один вид, где-то другой, и в-третьих, это пометки на деревьях — вероятно, Майки бывал здесь раньше и сделал небольшие метки ножом, чтобы после вновь найти это место.

Майки, шедший впереди, присел у кустов и приставил палец к губам, мол, тише, не шуми. Я осторожно, стараясь не наступать на ветки, подошла к нему и тоже присела. Парень показал пальцем куда-то в сторону, и я стала сразу же вглядываться туда, куда он указывал. На поляне, освещенной солнечными лучами, мирно пасся оленёнок, пощипывая траву у своих копыт, слышно было, как он фыркал, когда рыл копытами землю. Видимо, он был очень молоденький, потому что ни рог, ни большого роста у него не было. Оленёнок постоянно ворочал ушками, ловя каждый звук вокруг, и оглядывался.

— Потрясающе, — произнесла я, невольно улыбаясь.

А затем я наступила на палочку, лежащую под ногами, и она очень, ну, очень громко треснула. Олень наострил ушки, и сразу же повернул голову в нашу сторону, и увидел нас с Майки, выглядывающих из-за кустов. Животное пристально смотрела на нас несколько секунд, а затем, повернув голову, резко и быстро запрыгало в сторону, скрываясь между деревьями.

— Эй! — проговорила я и выбежала на поляну. Но оленёнка уже будто и не было. — Я и не знала, что здесь водятся олени, — удивленно произнесла.

— Я тоже, — Майки пожал плечами.

А затем парень просто лег на землю и стал вглядываться в небо, греясь в лучах солнца. И я повторила за ним, даже не знаю, почему и зачем. По небу теперь плавали белоснежные пушистые облака. Если включить воображение, то можно увидеть в них множество разных фигур, животных или мифических существ. Земля, трава, мох, на котором мы лежали, после дождя казались ужасно холодными. Они были до сих пор сырыми или даже влажными, хотя уже прошло больше половины дня. Кое-где виднелась блестящая в лучах солнца роса. Солнце освещало всю поляну со всех трехсот шестидесяти градусов; листья блестели золотом в теплом струящемся свете; а между ними пробивались желтые лучики, падающие прямо на зелень трав. В кустах жужжали какие-то

насекомые, и разноцветные бабочки махали своими крылышками. Из-за мокрой земли становилось холоднее, и моё тело начала бить мелкая дрожь. Тогда я решила спросить:

— Ты можешь мне объяснить, почему мы лежим здесь, в лесу, на мхе, и смотрим на небо вопреки тому, что уже замерзли и промокли в росе до чертиков?

— Неа. Но знаешь, мне это нравится, — ответил Майки.

В лагерь мы вернулись уже на закате и получили хороших тумачков от наших руководителей, потому что ушли без разрешения. Кстати, вернулись мы удачно — к ужину!

Больше ничего особого не происходило. Мы всё также пили чай, греясь у костра, и рассказывали друг другу истории. Самым забавным был рассказ какого-то парня о том, как они рубили деревья. Рубят одно, значит, парень замахивается и хорошенько так топором ударяет по стволу, и тут дерево начинает падать прямо на другие деревья, что были впереди. Падает и с собой прихватывает другие деревья, впереди стоящие. В одну линию несколько сразу же упало, словно хрупкий картонный домик.

— Зато теперь дров у нас навалом, можно не жалеть, — произнес говорящий. И мы в подтверждение кивнули.

Сегодня из-за того, что встали очень рано, в сон начало клонить сразу же, как начали сгущаться сумерки. Потому мы все расстались у костра и разошлись по своим же палаткам.

На утро третьего дня наша палатка вновь стояла в очереди подготовки завтрака. Благо, что нас снова не будили тарелками, а тихонько: заглянули в палатки. Но это было понятно: кому захочется проснуться в шесть утра от звона тарелок и узнать, что ещё вовсе не подъём, а это было сделано, чтобы разбудить поваров. Думаю, отраду в этом мало кто найдёт. А на завтрак у нас была походная рисовая каша с тушенкой.

Как обычно, утром мы занимались или делами лагеря, или были предоставлены сами себе. В основном, мы сидели у костра и небольшой группой играли в карты, поедая остатки провианта. Сегодня, можно сказать, наш последний день, ведь завтра после завтрака сразу же отправимся в обратный путь, поэтому нужно провести его как нельзя лучше.

После обеда мы разделились на две группы: те, кому охота пробираться по грязи в лесу, чтобы прийти к водопаду, и те, кто решил остаться в лагере. В конечном счете, в лагере осталось, примерно, человек двенадцать и миссис Кэрридит. Естественно, что я высказала желание пройти к водопаду!

Дорога была долгая: около часу блуждания по лесу. К тому же, мистер Стивенсон повел нас прямо рядом с обрывом, а земля там была крайне хрупкая, все время уходила из под ног, откалывались породы и падали с большой высоты вниз, в реку. Один раз я так чуть не сорвалась, когда наступила на очень хрупкий участок, но, к счастью, меня вовремя поймали. По словам мистера Стивенсона, другого пути к нему нет, иначе можно совершенно заблудиться.

И вот наконец-то мы добрались до нашей цели. Водопад был не очень грандиозным, но красивым. Огромные углубления и пещеры в скале можно было разглядеть сквозь несильные потоки воды, растекающиеся в небольшие бассейны. Минус данного места — огромные и скользкие камни и валуны, которые нужно было или обходить, или аккуратно переступить. Главное — не споткнуться и не упасть. Над берегом росли какие-то кустарники с ягодами, а также высоченные деревья с редкой растительностью и тонкими стволами. Повсюду были травы и полевые цветы.

Мы, сняв с себя верхнюю одежду, остались в купальниках — нас заранее предупредили надеть их. И под общее «Еху-у-у!» плюхнулись в воду. Я, как и всегда, старалась держаться подальше от людей, потому купалась в отдаленности от всех вместе с Лондон.

Журчание воды. Пролетающие над головой птицы. Мелкая рыбёшка, плавающая у ног, когда долго стоишь на месте. Шелест листьев. Насекомые над цветами. Треск мелких камушков под ногами. Всё это образовывало некую атмосферу гармонии, спокойствия и уюта. Я люблю лес. Люблю природу и всё, что с ней связано. Люблю эти дикие земли. Как бы я хотела остаться жить в лесу.

Обратная дорога была ещё сложнее, потому что мистер Стивенсон все же рискнул пойдти в обход. И мы заблудились. Лишние пару часов мы бродили по лесу, пока наконец не нашли дорогу в наш лагерь.

Сегодня последняя ночь в лагере, а значит — королевская. Сегодня никак нельзя спать!

После ужина и всё оставшееся время мы играли в различные игры: в мафию, в дурака, попробовали себя в покере. Когда ночь накрыла лес, то почти все перебрались в тепло — к костру. Мы жарили картошку, сосиски и сладкий зефир на палочках. Болтали о том, как провели своё время здесь, в лесу. А затем на веселее решили потратить последние заряды батарей на телефонах, лишь бы послушать музыку. Учителя уже давно спали в своих палатках и вовсе не обращали внимания на шум, исходящий снаружи.

Один из парней, Карл, достал припасённую специально для этого колонку, полностью заряженную, и включил музыку. Мы, перекофеиненные, пели песни, танцевали у костра, прыгали через него и постоянно смеялись. Меня не покидало ощущение, словно я какая-нибудь средневековая ведьма, которая сейчас вместе со своим шабашем устраивает поклонение темным силам. А затем кто-то предложил:

— Эй, так у нас же есть гитара. Какого чёрта, мы на ней ещё не играли?

— Заводите нашу любимую! — сказал кто-то.

И какому-то парню вручили в руки гитару, вероятно, потому, что он умеет на ней играть. Заиграли первые аккорды, и я сразу же узнала чудо-песню!

— *Let go of Julie, and take my hand.*

Let go, it's time to be my man.

Let go of Julie, and kiss my face.

*She's standing, she is standing in my place.**

И мы все вместе заголосили её, сидя у костра:

— *So take home Julie, we'll be drinking at two.*

Take home Julie, we've got catching up to do.

Just take home Julie, take up my heart;

*I'm ready, I'm ready to start.**

Часам к четырём утра начало ещё больше холодать, и я натянула на себя длиннющий свитер, пряча в рукавах кисти и натягивая его на колени. К этому времени, Майки пришла в голову дурацкая идея: искупаться. Снова.

От шума у меня вновь начала потихоньку болеть голова, потому я аккуратно спустилась к реке, чтобы побыть в одиночестве. Кстати, Лондон и Фелиция уже давно дремали в палатке — не выдержали усталости, а вот я бодрa, словно огурчик, даже несмотря на то, что не спала уже сутки. Примостившись на небольшом валуне, я стала наблюдать за спокойным и неторопливым течением реки. Небо здесь, в лесу, кажется невероятно красивым. Звезды так низко, что кажется, протяни руки — и достанешь их.

— Эй, что делаешь? — Я вздрогнула от неожиданности. Майки шёл ко мне с той самой немного нахальной, но очень красивой улыбкой.

— Наслаждаюсь, — произнесла я и, окинув взглядом природу вокруг, спрыгнула с валуна.

Майки стоял ко мне лицом, он протянул руку и убрал у меня со лба слипшиеся волосы, заправил их за ухо. Мне так захотелось его обнять. Просто обнять. Просто почувствовать его тепло. И я скользнула к нему, обхватив рукавами его тело. Я так по нему соскучилась, мне было мало того, как мы виделись в походе — всего пару раз на день.

— Все купаться! — выкрикнул кто-то.

И через несколько секунд ребята, что не спали, ринулись в ледяную утреннюю реку, чтобы освежиться.

— Ну что, кто со мной? — спросил Майки, когда я отпустила его и стала глядеть на всю эту картину.

— Не-е-е-е, сам давай, — ответили ему.

Майки стал снимать с себя одежду и складывать её на камнях. Затем, оставшись в одних плавках, он начал забираться на камни, двигаясь к самому большому и высокому валуну, что здесь находился. И с криком «И-и-и-ха!» он бросился в воду, в самый центр реки, где самое глубокое место.

— Трусy! — выкрикнул он, когда вынырнул.

Следом за ним стали прыгать и остальные. Одно и слышалось «Иха!», «Банзай!» и громкое «Бух!» — звук от столкновения с водой. А затем раздался голос мистера Стивенсона:

— Блэк! Оуэн! Мёрфи! Какого чёрта! Я же предупреждал, что нельзя прыгать с валунов!

И все рассмеялись, все засуетились и начали прятаться, лишь бы их не увидел учитель.

После завтрака мы принялись за сбор вещей. На самом деле, не было здесь ничего сложного, нужно было лишь сложить палатки, разобрать всю посуду, уложить свои вещи в рюкзак и раскидать остатки пищи по ним. Мы планировали пойти тем же путём, по которому направлялись сюда, и сделать привал там же, где и в прошлый раз. По нашему расписанию мы должны были отправиться в путь в одиннадцать часов, а часам к четырём-пяти уже прибыть на станцию, где мы могли бы доесть всю оставшуюся еду (а осталось там всего пару банок консервов и хлеб) и дожидаться нашего поезда. К восьми часам мы должны будем пересестись на другой поезд, который отвез бы нас домой. И часам к одиннадцати мы были бы дома.

Всё так и было. На станцию мы пришли намного раньше, чем предполагали, ведь с полупустыми рюкзаками идти намного легче, поэтому около полутора часа мы находились на станции. Меня постоянно ужасно клонило в сон, сколько бы я кофе в себя не вливала с утра. Расстелив на бетонном полу походный коврик, я расположилась на нём и задремала, пока меня не разбудили. Но даже такой легкий сон не придал мне бодрости, а, скорее, наоборот.

Когда мы сели в поезд, я облегченно вздохнула: ну, хоть где-то я смогу подремать. Качка меня усыпляла, и я потихоньку отключалась. Как вдруг ни с того ни с сего я рассмеялась, заливисто, громко, словно истеричка. Я стала закрывать лицо ладонями, чтобы меня никто не увидел, ведь я смеялась со слезами на глазах, и прикрывать рот. Мне было так смешно, что слёзы непроизвольно скатывались по щекам.

— Ты чего? — спросила удивленная Лондон.

И у неё, и у Майки, и у Фелиции было странное выражение на лице: они не понимали, что случилось.

— Не-не-не знаю, — заикаясь, ответила я. — Шутка была смешная, — солгала.

Я не знаю, что произошло, словно на несколько секунд я стала другим человеком, словно кто-то другой овладевал мною, отпихивая моё сознание подальше в чертоги разума и становясь на главенствующее место. И это меня пугало.

Майки тоже вёл себя странно. Он словно впадал в какую-то прострацию. Его взгляд был стеклянным и направлен куда-то в окно. Он словно бы смотрел на что-то, но ничего не видел. Парень сидел, не двигаясь, некоторое время, пока не пришел в себя. Но всё же, этот его взгляд, что он означал?

Все были уставшие, но очень довольные данным путешествием. А также почти все дремали в поезде, ведь мы не спали уже около сорока двух часов.

Когда мы прибыли домой, то на перроне в назначенный час нас уже поджидали родители.

Они с нетерпением ждали, пока к ним выйдут их дети, заглядывали в окна, надеясь кого-нибудь увидеть, встретиться взглядами.

Мои родители стояли напротив выхода из вагона, я их сразу увидела. Мама прижимала к груди свои руки, а папа постоянно оглядывался кругом, не вышла ли я где-нибудь в другом месте. Сестра сидела на лавочке и тоже оглядывалась, она была первой, кто заметил меня. Кристи подскочила и сразу же подбежала к тому месту, куда я сходила, она обняла меня так, словно не видела тысячу лет; к ней подтянулись и остальные.

— Всё хорошо? — спрашивали они.

— Да, всё просто отлично, — отвечала я.

Ведь, действительно, всё было замечательно. После похода у меня осталось море впечатлений и картин природы в памяти, а также много фотографий, событий и историй, которые я могла бы рассказать своим близким.

Прощавшись со всеми, я отправилась вместе с родителями домой.

«Ночевать в палатке». Теперь этот пункт выполнен.

Комментарий к главе:

* — Emily Kinney — Julie

Я отлеживалась на кушетке, глядя в потолок, и ждала, когда же наконец из моей руки вынут катетер. Весь сегодняшний день насмарку, ведь я с самого утра в больнице прохожу обследование. Ничего уж не поделаешь, я обещала.

Когда же из моей руки начали вынимать катетер, я почувствовала, как мою руку больно кольнуло, и это навяло то, о чём я старалась не думать: Майки. Перед глазами сразу же вспыхнули воспоминания о вчерашнем дне.

Забравшись на крышу дома Майки, мы с ним в полутьме глядели на звезды. Где-то были собаки, между нами сидела черная кошка и терлась о наши руки, мурча, шелестели листья, движимые ветром. Запах пыли, чувство легкой прохлады, темно синее небо, подмигивающий уличный фонарь, блестящие звезды.

Что это за чувство, накалывающее где-то из сердца? Любовь? Нет. Хотя с чего я взяла? Будто я знаю, что это такое... «любовь». Будто я знаю, как себя ведут люди, которые любят друг друга. Хотя почему и нет? Сколько о любви пишут, сколько о ней говорят. Любовь — это не влюбленность, верно? Я влюблена в Майки. Но люблю ли я его?

Опустив взгляд, а затем снова посмотрев на кучерявого парня, я заметила, как его взгляд устремлен в небо. Его волосы немного развевает легкий ветерок. Глаза темные и какие-то холодные, но в них виднеется и тепло. Почему меня к тебе так тянет? Почему мне так хочется быть с тобой рядом? Почему мне так перехотелось умирать, когда я встретила тебя?

Люблю ли я его? Ну, что за глупости?! Хватить лгать себе, Эмили!

Конечно же, да.

Спустившись с крыши по лестнице, я всё ещё глядела на Майки, который сидел на корточках у края крыши. Он смотрел на меня так, словно бы не видел: насквозь. И это меня напугало.

— Майки? — позвала я его. — Спускайся же.

Ещё секунда. И ещё. Тишина. Он не отвечает мне. Пару мгновений так и сидит, смотря в пустоту, а затем поднимается на ноги и начинает балансировать на краю. Высота — с двухэтажный дом, возможно, даже два с половиной.

— Что ты творишь!? — испугалась я.

Расставив руки в стороны, словно самолет, он стоял у края, пошатываясь вперед-назад, вперед-назад, будто вот-вот упадёт.

— Ты когда-нибудь думала о том, что мы птицы? Знала, что я могу быть птицей, могу летать, как они? — произнес Майки.

— Что ты, черт подери, несёшь? — возмутилась я, прижав руки к груди. Животный страх овладел мною. Майки говорил настолько бесстрастно, вел себя настолько пугающе, что мне казалось, словно сейчас наступит апокалипсис. Если он упадёт — я себе не прощу.

— Гляди, я сейчас прыгну и полечу.

— Какого черта! — крикнула я. — Ты — не птица, ты не умеешь летать, ты себе сломаешь что-нибудь, если упадёшь!

Из-за двери на мой крик вынырнула Фелиция:

— Ты чего, рехнулась? — спросила она.

— Он возомнил себя птицей и хочет прыгнуть! — выкрикнула я.

— Твою ж...! — выругалась Фо. — Патрик! — И она побежала в дом.

Я всё ещё стояла на месте и смотрела на балансировавшего парня. Сердце билось часто-часто. Дыхание прерывалось. Я боялась, что он упадёт.

Из окна второго этажа выглянул Патрик и стал переползать на крышу, за ним — Фо. Они осторожно стали подходить к Майки, а затем схватили его и затащили в окно. Тот брыкался, но сразу же успокоился, словно бы ему вкололи лошадиную дозу успокоительного. А я так и стояла внизу и смотрела на них, не способная ничего сделать от парализовавшего шока.

Что это было? Что это, черт возьми, было?!

А затем из окна выглянула Фелиция и грубо рявкнула на меня:

— Иди домой! Зайдешь в дом — прибью!

— Ч-ч-чего? — заикаясь, чуть ли не прошептала я. Я, кажется, потеряла дар речи. Но мне никто не ответил.

Пока в доме не захлопнулись на защелки и не зашторились все окна, пока не закрылась на замок дверь, я стояла, как вкопанная, и смотрела на край крыши, где стоял он.

Голова кружилась. Медсестра сказала мне посидеть некоторое время, а затем идти в кабинет своего врача — к тому времени, диагностика моего мозга уже должна быть расшифрована. Молча, я кивнула и продолжила глядеть в одну точку между стеной и потолком, стараясь выбросить из головы вчерашние воспоминания. Как только всё закончу тут, навещу его и обязательно расспрошу Фо о случившемся. Почему он так себя повел и, главное, с чего бы? Почему у них была такая реакция? Почему меня нельзя было впустить в дом, чтобы узнать, что с ним? Почему меня прогнали?

Когда я подошла к кабинету своего врача, то напротив двери сидели мои родители. Словно бы по чьему-то велению, я спряталась за углом, а затем тихонько выглянула, чтобы понаблюдать за ними. Доктор Фитч только-только подошёл к своему кабинету, приоткрыл дверь... и закрыл её. Он подошел к моим родителям и что-то начал говорить, я не могла расслышать слов, к сожалению. Фитч крепко сжимал бумаги в его руках, постоянно опускал взгляд и вытирал со лба рукавом халата выступившие капельки пота.

Когда я увидела, как доктор волнуется, что-то сообщая мои родителям, когда я увидела, каким взглядом родители посмотрели на него, когда я увидела, как они плачут, сидя на скамейке, я поняла.

Мои дни сочтены.

Я стояла у врат больницы, облокотившись об каменную стену, и старалась выровнять дыхание. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Ну, же, Эмили... Ну же! Ещё чуть-чуть и истерика накроет меня с головой, затуманив разум. Сжимаю кулаки. Соberись! Соberись!

— Эмили! — окликают меня родители.

А от этого сердце сжимается ещё больше, становится маленьким и хрупким комочком, холодным и болезненным для хозяина. Я стискиваю зубы, стараясь не зайти в крике, и, закусив нижнюю губу, чувствую, как по щекам льются слезы.

— Доктор, скажите честно, что со мной? — требую я.

Фитч опускает глаза и складывает руки в замок.

— Я ведь знаю, что со мной всё кончено, — продолжаю я.

У моих родителей глаза вздрогнули, словно бы они спрашивали меня, откуда я знаю это. Я видела. Я всё видела.

Доктор Фитч вздыхает, раскрывает листик, сложенный вдвое, и протягивает мне. «Эмили Беннет. Центральный мемориал...».

Я читаю каждую строчку, вырывая то там, то здесь по слову, по предложению, а когда дохожу до конца, то мои губы уже нервно дрожат в ожидании подступающей истерики.

— Скажи мне, тебя преследуют какие-нибудь сны, слишком яркие, правдоподобные, словно галлюцинации? — Я киваю. — Были ли у тебя внезапные приступы ярости, смеха, грусти? — Я снова киваю. — У тебя часто резко меняется настроение? Быстро переключаешься с одной мысли на другую? Бывают ли какие-нибудь срывы? — И снова я киваю. Фитч вздыхает. — Тогда это точно.

Мои руки дрожат. Я еле-еле удерживаю листик со своей диагностикой и диагнозом в них. Словно бы безумие потихоньку завладевало мною. Перечитываю последние предложения. Снова и снова. Снова и снова.

Это не может быть правдой. Нет-нет, не может. Я ведь... я ведь чувствую себя прекрасно. Я ведь...

— Она дала метастазы. В левое полушарие. Ответственное за психическое здоровье человека.

Всё ещё дрожа, я поднимаю взгляд на моего врача. Я знаю, что он читает в моих глазах.

Всё это: все мои сны, все мои перепады настроения, мои внезапные припадки смеха, яростные расстройства, мой временный, а возможно скоро и не временный, паралич — всё это последствия чертовой глиобластомы, которая не захотела убивать меня сразу, а захотела мучить меня долго и мучительно. Мучить, разбивая мою душу на части. Убивать, разрушая моё

сознание: сначала по малюсеньким кусочкам, а затем сразу — словно огромная волна, сносящая всё дочиста.

— То есть, — пауза, — вы хотите сказать, что я...

— Да. — Кивает. — Эмили, ты, скорее всего, лишишься рассудка.

Сложенный лист лежит у меня в кармане. Прямо на груди. И с каждой секундой все больше и больше причиняет боли. Словно бы оно — это огромный нож, которым бьют мне прямо в сердце, но я, к сожалению, не умираю.

— Эмили! — Снова слышу я.

Мама с папой выбегают на улицу и, когда видят меня, успокаиваются. Они подходят ко мне и приобнимают за плечи. Но мне все равно. Стеклянным взглядом я смотрю на асфальт, скрепя зубами, не сдерживая слезы, сжимая кулаки. Они говорят «Идем» и ведут меня куда-то вместе с ними. Но я не хочу.

— Нет! — выкрикиваю я.

Разворачиваюсь и иду на выход. Медленно. Но с каждым шагом ускоряясь. А затем я и вовсе перехожу на бег, стирая чертovsky предательские слёзы со своего лица.

«Ты ведь знала, что всё так и закончиться, дурочка», — твердит мне внутренний голос.

Нет.

Нет...

Нет!

Солнце клонится к западу. Ноги меня принесли в парк, стоящий напротив моей старой школы. Скоро закончится вторая смена — смена моих бывших одноклассников. Почему-то мне захотелось увидеть их, ведь, быть может, это будет в последний раз.

Я, сжав кулаки, захожу в здание школы. Охранника нет на месте, потому я направляюсь к расписанию. Все мои бывшие одноклассники раскиданы по разным группам, но я выбираю ту группу, в которой находится Джон. Он мне омерзителен, но мне хочется узнать, что же он скажет мне теперь.

Застрыв в дверях, я встретила с удивленными взглядами моих бывших знакомых. С раскрытыми ртами, округленными глазами, возмущенными лицами они начали перешептываться.

— Вы кто? — спрашивает учитель.

— Я... — и осекаюсь. — Никто. Ошиблась классом.

Уже собравшись уходить, я слышу, как кто-то позади меня произносит моё имя. Имя и ещё кое-что.

«Сумасшедшая».

«Больная».

«Что она здесь делает? Душевно нездоровая».

«Самоубийца».

Сумасшедшая... Сумасшедшая... Сумасшедшая...

И я выкрикиваю, захлопывая за собой дверь и пнув её ногой со всей силы:

— Я не больная!

Злость закипала во мне, подобно просыпающемуся вулкану — сначала медленно, с еле заметными искорками, а затем быстро, топя всё вокруг, разрушая и поглощая всё на своём пути.

Не заметила, как оказалась в инвентарной комнате спортивного зала. Сразу же, не понимая, что же происходит, не думая о последствиях, я хватаю битую и несусь на пустынный задний двор, где обычно паркуют свои машины старшеклассники.

Вот она — машина Джона. Вот машины тех девушек, которые шептались обо мне, говорили, что я сумасшедшая. Прямо сюда выходят окна их кабинета — ну и пусть! Вокруг нет ни кого, но мне плевать, если кто-то да будет. Я ведь умру! Я ведь с ума сошедшая! Мне плевать!

Из меня разносится яростный утробный рык, я замахирую битой со всех сил, какие у меня есть, и кричу, кричу, что есть мочи, так, чтобы меня услышали, так, чтобы вся моя боль высвободилась наружу:

— Я не сумасшедшая!

Звук разбивающегося стекла. Осколки летят во все стороны. Сигнализация. Но я всё ещё кричу:

— Я вас всех ненавижу! — И замахирую на следующую машину.

Осколки летят во все стороны, но каким-то магическим способом не долетают до меня.

— Сдохните! Сдохните вы все!

И я пробегаю весь ряд машин, оставляя за собой шлейф из валяющегося побитого стекла, потресканных, но недобитых окон или вовсе разбитых передних стекол. Слезы льются из меня так сильно, как никогда раньше, словно бы это был мой последний выход, мой последний вздох. Бита выпадает из моих рук.

— Доктор Фитч. Сколько мне ещё осталось? Только правду, пожалуйста.

— Я не хочу тебя обнадеживать, Эмили.

— Пожалуйста. Я ведь должна знать, не так ли? — Почему-то я улыбаюсь ему, но эта улыбка... Словно я за ней скрываю накаТЫВАЮЩИЙ на меня ужас.

— Эмили, я...

— Осень. У моей сестры свадьба в октябре. А мой парень должен будет поступить в университет. У подружки последний, заключительный год учебы. Скажите, я доживу?

Доктор смотрит на меня, моргает и произносит на выдохе:

— Боюсь, что нет.

— Почему я? — Шатаюсь, тру рукавами кофты свои глаза. — Я не хочу умирать.

И под крики уже выбегающих учащихся, чьи машины я разбила, я убегаю прочь, петляя между улицами туда-сюда, чтобы вновь постараться выбить из себя все чувства бегом.

Когда же я оказалась у своего дома, там было тихо — внутри ни души.

Допустим, они позвонят фараонам, тогда те, в первую очередь, поедут ко мне в старый дом, точнее на квартиру родителей. Они не сразу узнают, что я теперь живу здесь. Теперь я — хулиганка. Преступница. Какая ирония.

Вытаскиваю из нагрудного кармана рубашки лист, что так сильно жег моё сердце, разворачиваю и читаю ещё раз. «Метастазы в левое полушарие мозга. Повышение психотизма. Нестабильное состояние. Лишение рассудка. Галлюцинации. Возможна шизофрения. Возможен полный паралич нижней части тела». Морщусь и сворачиваю вчетверо листок, яростно бросаю его на тумбочку у входа и, разувшись, бегу в свою комнату. Раскрываю окно, вдыхая свежий воздух, и сажусь на стул, ожидая приезда или родителей, или полицейских — смотря, кто из них окажется первым.

Все краски, все звуки, вся жизнь вокруг вмиг для меня погасла. Я видела, как летит самолет, как бегут дети на пляж, как облака принимали все различные формы, но мне было все равно, впервые за такое долгое время. Будто бы я вновь оказалась в том времени, год назад, когда мне было плевать на весь окружающий мир, и я жалела лишь себя. И сейчас я вновь жалею лишь себя. Я сама себе омерзительна.

Я вновь вспоминаю о числах. Они, словно чертовы глубокие шрамы, врезаются мне в память, даже когда я не хочу этого, даже когда я их вовсе не пересчитываю, даже когда я о них забываю. Триста тридцать восьмой день. Ровно середина июня. Совсем скоро будет год, как я узнала о своей болезни. Совсем скоро.

«А как же Майки? Ты что, так и умрешь, внезапно, молча, без слов?» — задаюсь вопросом.

Точно. Майки. Что с ним случилось? Все ли в порядке? От одной мысли о нём сердце сжимается в игольный комочек, только иглы не снаружи, а внутри, и они давят на меня, они ранят мне, когда все внутри сжимается ещё больше.

Что же я наделала. Не стоило с ним сближаться. Не стоило нам вообще встречать друг друга. Ведь я сделаю ему так больно. Я... лучше сама рассеку все узлы, проходящие между нами. Пусть лучше он думает, что я — ужасный человек, что я — предатель, лишь бы Майки не видел, как я буду потихоньку сходить с ума, умирая.

— Эмили? — доносится голос снизу.

Я выглядываю и вижу Фелицию, что стоит у входа и глядит в моё окно. Меня словно бы ударяет током, я шарахаюсь от окна, чтобы девушка не увидела моё заплаканное лицо, и переворачиваюсь вместе со стулом на пол. Жуткий грохот.

— С тобой всё в порядке? — выкрикивает она.

— Да, всё нормально. Заходи! — отвечаю я.

А попутно я выбегаю в ванную, чтобы умыться холодной водой и оценить своё состояние в целом.

Я выгляжу ужасно. Плескаю на лицо холодной водой, а затем тщательно вытираю его полотенцем, от чего становлюсь ужасно красной, но зато теперь не заметно, что я рыдала. Делаю жадные глотки воды из-под крана, а затем вытираю губы ладонью. Смотрю на себя в зеркало: глаза блестят, лицо красное, волосы сбиты в ком — думаю, и невооруженным глазом заметно, что со мной что-то не так, но да ладно, авось и прокатит.

Я дергаю ручку двери и делаю первый шаг за пределы ванной комнаты. Всё хорошо. Всё в порядке. Главное — не выдай себя истерическим голосом. «А зачем она вообще пришла?» — проносится у меня в голове. «Может, что-то серьезное случилось?». Я наигранно натягиваю улыбку и начинаю с шумом сбегать по лестнице, а затем останавливаюсь, пораженная ударом молнии.

Фелиция стояла у комода и держала в руках развернутый лист моей диагностики. Её глаза бегали туда-сюда, читая каждую строчку, каждое слово моего диагноза. Когда я спустилась вниз, она оторвала свой взгляд от листочка, и в нем было столько эмоций. В её глазах светились искорки гнева, предательства, и не было ни капли сожаления — это и без слов могла угадать я.

Когда я пришла в себя, было уже поздно. Подбежав к девушке, я выхватила у неё из рук лист и стала тщательно сворачивать его: пополам, ещё пополам, ещё и ещё — пока листик не стал вмещаться в карман моих джинсов.

— Это... я могу всё объяснить, — мямлила я.

Фо смотрела на меня в упор. Я не могла предугадать, что же она сделает или что скажет, хоть и могла понять её чувства. Я знала, что Фелиция что-нибудь съезвит, я была уверена, что она помчится к Майки, чтобы всё ему рассказать, но она превзошла все мои ожидания.

Брюнетка подошла ко мне вплотную и со всего размаха вlepила мне такую пощечину, от которой я отлетела к перилам лестницы. Ноги подкосились, и я чуть ли не упала на пол, но вовремя успела схватиться за перила.

— Мерзавка! — выкрикнула она. — Я так и знала! Так и знала, что ты его окончательно убьешь!

Мне стыдно. Мне больно. Я...

— Я сожалею, — произношу.

— Ты сожалеешь?!

Фелиция хватает меня за грудки — не знаю, откуда у неё столько силы — и поднимает на ноги, а затем, толкая к выходу из дома, гонит меня наружу.

— Посмотрим, как ты будешь сожалеть, — со всей злостью, что были в Фо, говорит она. — Сама ему скажешь. Сама на него посмотришь. Посмотришь, что ты с ним сделала.

Фо захватывает ключи с комода и закрывает входную дверь, а затем бросает их мне; она ведет меня, держа за шиворот, словно провинившегося котенка, и совсем не слушает мои оправдания.

А когда мы прибываем в дом Милковичей-Блэков, то Фо сразу же ведет меня на второй этаж, в комнату парня. Она сильно-сильно сжимает моё запястье, но я не подаю вида, что мне больно, и стараюсь поспевать за ней, но все равно не успеваю.

Фо бросает меня к кровати брата, и я падаю на колени прямо у его постели, как в какой-нибудь дешевой и наигранной мыльной пьесе.

— Посмотри, что ты с ним делаешь! — выкрикивает она.

И я смотрю.

Майки лежит на кровати, укрытый легким покрывалом. Его грудь медленно-медленно вздымается. На первый взгляд, может показаться, что он спит — но это не так. Глаза у парня открыты, и он смотрит куда-то в сторону, почти не моргая, не переводя взгляда.

— Майки? — спрашиваю я и поднимаюсь с колен.

Я обхожу его постель с другой стороны и сажусь на корточки прямо у его лица. Но Майки меня не видит. Я снова зову его, но он игнорирует. Тогда я беру в ладони его лицо и заставляю смотреть прямо себе в глаза... но ничего. Абсолютно. Русоволосый словно бы смотрит сквозь меня, как будто я — невидимка. Он не произносит ни слова и совсем не двигается.

Это не мой Майки. Нет. Это не он.

Я шарахаюсь от него, смотря в ужасе на это тело, в котором словно бы нет души. Он напоминает мне живую куклу.

— Что с ним? — проговариваю я, поднимая взгляд на брюнетку.

На прикроватной тумбе лежит огромная куча таблеток и стакан воды. Пустые и полупустые пачки, пилюли и таблетки, рассыпанные, сложенные кучками и горками. Это всё — большое количество вариаций одного лекарства — лития.

Я чувствую, как земля уходит у меня из-под ног. Отчаяние накатывает на меня с большей силой всякий раз, как я бросаю взгляд на парня.

«Ты его убьешь».

Нет! Этого не может быть!

— Что с ним?! — вновь повторяю я, повысив голос, в нём уже слышны нотки вновь зарождающейся истерики.

Фо смотрит на меня с презрением, словно бы в любой момент готовая броситься на меня, как пантера, и перегрызть мне горло.

— Биполярное расстройство, Эм, — отвечает за Фелицию только-только зашедший в комнату Патрик. — У него биполярное расстройство.

Часть девятая «Что осталось после нас»

Сорок

Слова Патрика звенят у меня в ушах. Будто бы кто-то поставил их на повтор, и вот они звучат в голове снова и снова, снова и снова.

Я непонимающе смотрю на брата и сестру, осмысляя только что прозвучавшие слова. Откуда я знаю об этой болезни? Нет, не так. С чего они взяли? Майки ведь, он здоров! Я не наблюдала за ним ничего подобного! Или же... наблюдала?

— Что с ним? — Хотя мне не нужен ответ, собственно, как и вопрос тоже. Я задала его лишь для того, чтобы убедиться: мне не послышалось.

— У него биполярка, — повторил Патрик.

— И что это значит?

— Он не стабилен, Эм. Он серьезно болен.

— Но ведь этого не может быть! — выкрикиваю я.

И я сорвалась. Вновь подползла к кровати Майки, заставила себя встать с колен и начала трясти его, приговаривая «Очнись! Очнись! Это не может быть правдой! Пожалуйста, очнись!». Но в ответ мне лишь последовал очень тихий шепот голосом, совсем не похожим на Майки. «Оставьте меня в покое», — шептал он. И, когда Фелиция накинулась на меня, заставляя ослабить хватку, парень перевернулся на другой бок, продолжая смотреть в какую-то невидимую для моего глаза точку.

— Ты что, совсем рехнулась?! — возмутилась Фо, оттаскивая меня от русоволосого. — Если ты ему будешь надоедать, а не присматривать со стороны, кто знает, что он может сделать с собой!

«Я что, убью его?». «Может быть».

Закрываю лицо руками, сидя на коленках, и начинаю рыдать. Снова.

Почему меня постоянно кидает в слезы?

У Майки биполярное расстройство — и меня снова накрывает истерика. Если он в таком состоянии узнает, что я умираю, если он вообще узнает о моей смерти, его ведь точно не спасут. Я во всем виновата. Я начинаю хвататься за свою голову, за волосы и кататься по полу, словно сумасшедшая.

А разве я не сумасшедшая?

— Эмили! — Патрик нависает надо мной, его глаза полны тревоги. — Эмили! — вновь завет он меня.

— Тьфу, размазня! — Фелиция фыркает, подходит ко мне и, схватив меня за футболку, дает мне хлесткую пощечину. — Очнись, слабачка!

Разум сразу же возвращается ко мне. Боже, я ведь веду себя, действительно, как душевнобольная. Весь сегодняшний день я старалась убедить себя, что я не сумасшедшая, что я не тронусь умом, но то, что произошло сейчас, заставило меня поверить в мой диагноз. Я уже схожу с ума. Любая травмирующая новость выбивает меня из колеи настолько, что я становлюсь или затворницей, или катающейся по полу и рыдающей девочкой, или же той, кто разносит всё вокруг. И я не могу трезво оценивать ситуацию.

— Зачем ты с ней так грубо? — выдает Патрик.

— Потому что во всем виновата она! — всё также грубо произносит брюнетка.

— Кто и виноват, то это моя мать, но никак не она.

— Да ну? Тогда спроси у неё, что она от нас скрывает, что она, в первую очередь, скрывает от Майки!

— Мне все равно. — Патрик помогает мне подняться, перекидывает мою руку через голову и уводит меня из комнаты. Сама я почему-то не могу двигаться, словно бы меня вновь парализовало. — Вспомни, как ты отреагировала, когда его ударило в первый раз, — бросает ей парень и уходит вместе со мной прочь из спальни Майки.

«Когда его ударило в первый раз». Значит ли это, что его приступы такие же частые, как и моя головная боль? Значит ли это, что при каждом таком приступе он пытался что-то начудить? Что-то опасное для жизни. Своей или кого-то ещё.

Патрик усаживает меня на крыльцо и сам садится рядом, на ступеньки. Только сейчас я заметила, что город уже почти накрыла ночь. Небо темно-фиолетовое с красными отливами, потихоньку вдоль улицы начинают загораться фонари, а на свет налетают мелкие бабочки и ночные бабочки.

Дыхание уже почти выровнялось, и я почти успокоилась. Но я ничего не чувствую. Совершенно. Опустошена, как тогда, после смерти Ив.

В нос ударил запах сигареты, и я рефлекторно скривилась.

— Извини, — произнес Патрик и затушил сигарету об землю. — Наверное, стоит объясниться, — начал он. Я угукнула. — У нашей *матери* была эта болезнь. У *нашей* с Майки. Это не подтверждено, но я думаю, что именно из-за неё она и умерла: скололась, напилась или ей ещё что-нибудь ударило в голову — это не важно, важно то, что она, безусловно, в таком состоянии села в машину и разбилась. Специально. Она несколько раз вскрывалась, у неё была передозировка, она прыгала с крыши этого дома и ломала себе кости — всё это привело её в психиатрическую клинику.

«Прыгала с крыши этого дома». Майки ведь тоже хотел это сделать! Неужели он пойдет тем же путём, что и его мать?

— И знаешь, каждый раз мы её спасали, не знаю, было ли это чудом или пустой случайностью. Каждый раз, кроме одного.

— Но с Майки ведь этого не случится, правда? — спрашиваю я.

Патрик кисло улыбается и отводит взгляд:

— Ты же сама всё видела.

И правда, я видела. Раньше почему-то я не придавала всему этому значения, но теперь всё встало на свои места. Раньше мне казалось, что Майки какой-то двойственный: сейчас он один, а в следующее мгновение — другой — и я думала, что всё так и есть, это его черта характера.

Как он смеялся мне в лицо и был немного грубым, порой, даже очень грубым. Как он выкидывал какие-то непонятные вещи и слова. Как он резко менялся и пропадал на недели. Как он сначала с кулаками кидался на Брэдли, а затем исчезал или же абсолютно спокойным возвращался ко мне. И мне казалось, что всё это — обычные перепады настроения, какие бывают у всех. Как, черт подери, я могла так ошибаться, быть настолько слепой?

Было ли в Майки когда-то что-то среднее между маниакальным состоянием и депрессивным или же между тем и другим одновременно? Я не замечала, но, думаю, что было.

— И что, он теперь всегда будет таким? Этот маниакально-депрессивный психоз будет с ним всегда, и он никогда не сможет прийти в себя? — задаюсь я вопросом.

— Бывают интерфазы, но довольно редко. Один раз на несколько чередующихся эпизодов болезни. — У Патрика такой бесстрастный голос, словно бы он превращается в мою копию, такую же бледную и пессимистичную.

— И что нам делать?

— К сожалению, остается только ждать.

Нет, какого черта! Я не позволю Майки поддаться этой чертовой болезни! Меня уже не спасти — и плевать, но если я могу ему чем-то помочь, то я это сделаю!

— Почему вы его не лечите?! — гневно произношу я. — Отведите его к психиатру, заставьте пить таблетки, сделайте хоть что-нибудь, а не просто ждите, пока ему станет ещё хуже!

— Было бы все так легко, — выдыхает парень. — У него и так в книжке уже стоит пометка о попытке самоубийства. — Точно! Ведь мне Фо рассказывала об этом. — А если подтвердится биполярка, то это ведь перечеркнет ему жизнь. Кому нужен будет ученик или работник, который в любой момент может выйти из себя? К тому же, Майки не верит, что болен, и потому не пьет никаких лекарств. Заставляй его, не заставляй — всё одно.

— А насильно?!

— Как ты это себе представляешь? Думаешь, он не почувствует какую-то подставу? — Я киваю. Я не знаю. — От этих таблеток он становится овощем, вывести его из депрессивной фазы они помогают, но на этом всё — дальше Майки начинает их или выбрасывать, или смывать в унитаз, лишь бы избавиться от них. И знаешь, он ведь постоянно твердит одно и то же: «Это было лишь раз, этого не повторится» — хотя уже по какому кругу симптомы повторяются.

— И как давно это с ним?

— Последние два года.

Я сглатываю. Они с Фелицией уже два года стараются не дать Майки сорваться, а тот продолжает вести себя, как в первый раз. Неужели он, правда, не понимает всей серьезности его психического расстройства?

Патрик снова вздыхает и проговаривает:

— Знаешь, я ведь всегда ждал того, что ударит меня. А тут раз — и Майки из веселого и беззаботного подростка превратился в совершенно нестабильного, от которого никогда не знаешь, чего ожидать. — Так значит, Майки не был таким всегда? Боги, каким же он был до того, как его ударила болезнь? — И-и-и... таблетки кончаются.

— Пройдемся до аптеки? — спрашиваю я, вскакивая со ступенек, но Патрик хватает меня за руку и указывает жестом сесть на место.

— Не смысла — без рецепта не продадут, — говорит он.

— Но как же вы тогда? — Недоумеваю.

Патрик улыбается, впервые за сегодня, и звонко произносит:

— Крадём. — Подмигивает.

Мне хотелось было переспросить «Чего? Крадете?», но я промолчала, ведь понимала, что иного выхода нет. Мне вспомнился эпизод моей жизни, когда я стала невольным соучастником такой вот кражи таблеток. И я вспомнила то, о чем мне рассказывала брюнетка.

— Патрик... — замаялась. — Патрик, скажи, а могут ли какие-нибудь травмирующие события спровоцировать ещё один круг маниакально-депрессивных фаз? — наконец-то спрашиваю я.

— Да. — Теперь он с интересом смотрит на меня. — Знаешь, мне, конечно, абсолютно плевать, что Фелиция хотела сказать мне в той комнате, но, я думаю, если это «что-то серьезное» относится к Майки, то ему сообщить должна именно ты.

Я киваю. Он прав. В первый раз в жизни я наконец-то поняла, что сама должна отвечать за свои поступки. А в данной ситуации — я сама должна рассказать всё Майки и сама должна взглянуть на него, когда он всё узнает.

Я достаю из кармана свернутый лист и, прежде чем развернуть его, поглаживаю его, держа между ладоней.

— Мне Фо как-то рассказывала, что он хотел вскрыться. — Патрик кивает и произносит что-то вроде «Было дело». — А из-за чего?

— Ну, это долгая история. Это была одна из самых первых фаз расстройства, и вроде бы они должны были восприниматься намного легче, чем сейчас, но нет. Мы ведь тогда были совсем не готовы к такому. — Пауза. — И это было подобно грому: вот он сейчас вроде бы абсолютно нормальный, но минута — и он уже лежит в кровати, ничем и никем не интересующийся. И чем больше мы к нему приставали с тем, чтобы он встал, чтобы он вышел на улицу — тем хуже становилось. И любая плохая новость воспринималась им острее.

— Новость? — переспросила я.

— Знаешь, а ведь это Майки сказал сестре, чтобы она рассказала тебе всё, если с ним ещё раз повторится подобное, чтобы ты не волновалась.

— Не уходи от темы, Патрик! — возразила я.

— Не знаю, с чего он так решил, — всё равно продолжает парень. — Может, думал, что ты спокойно воспримешь эту новость, а может, он был бы не против раннего тобой сердца, если ты испугаешься. Но в прошлый раз та девочка испугалась, и всё закончилось попыткой самоубийства.

— Патрик, ты так прозаичен... — иронично произношу я.

Я последний раз протираю бумажечку ладонями, подношу к губам, дышу на неё, словно бы надеясь заговорить «Там нет ничего серьезного, там всё хорошо», — Патрик всё это время внимательно следит за моими действиями и не произносит ни слова — и наконец-то разворачиваю. Подавая парню листочек и кисло улыбаясь, я проговариваю: «Как думаешь, Майки будет не против, если мы разобьем сердца друг другу?». Патрик непонимающе смотрит на меня, но берет из моих рук бумажку; он читает всё очень тщательно и внимательно, а когда поднимает на меня глаза, полные ужаса и сожаления, то встречается с моей страдальческой улыбкой и чертовыми предательскими слезами, которые словно бы застыли на моих щеках.

— Как думаешь? — вновь повторяю я.

— Эмили...

И Патрик обнимает меня, чтобы поддержать. Он постоянно что-то повторяет, но слова отдаются гулким эхом. Я лишь четко могу расслышать одно «Мне так жаль». Да, Патрик, мне тоже очень жаль.

Я ухожу из их дома ещё больше разбитая, чем когда я покидала больницу. На улице глубокая ночь, но это не мешает мне бродить между улицами, чтобы собраться с мыслями. Во-первых, пора прекратить мне жалеть себя. Во-вторых, плохо бывает не только мне, но и другим — Майки отличный пример. Планета не крутится вокруг одной меня, не так ли? В-третьих, я должна что-то сделать ради другого, а не думать сама о себе, я должна как-нибудь да помочь Майки.

Я слышу звук железнодорожного светофора, который извещает о приближении транспорта. «Тум-тум-тум», — звучит в ушах. Огромное око мигает красным цветом, а все переезды заблокированы шлагбаумом. И когда поезд проносится мимо меня, я срываюсь с места и бегу вдоль тротуара, стараясь обогнать столь быстрый транспорт. Шум железных колес и писк светофора заглушает всё на свете для всех и вся, но только не для меня — я слышу, как я кричу во все горло, продолжая бежать рядом с поездом.

Я не каменная. И не робот. Я — человек, и я тоже умею чувствовать. Так что пошло оно всё к черту! Мне больно — так пусть эта боль выйдет.

И я продолжаю нестись и кричать во всю глотку, пока поезд не обгоняет меня и полностью не скрывается из виду.

Сорок один

У моего дома стоит полицейская машина. Я могла бы с легкостью развернуться и убежать, чтобы не попадаться фараонам на глаза, но я понимала, что иного выхода нет — нужно во всем признаться, а там будь, что будет.

Они сидели на кухне и, на первый взгляд, любезно беседовали с моими родителями. Пили чай и ели печенье. Как мило. Когда я вошла на кухню, все пять пар глаз обратились ко мне; в них не было ничего такого, за что я могла бы уцепиться, будь то гнев или презрение. Обычные люди с обычными эмоциями.

— Приятного чаепития, — произнесла я и направилась к шкафу, чтобы взять свою кружку.

Если до того момента, как я зашла в комнату, здесь были какие-то разговоры, хоть, возможно, и фальшивые, то сейчас невидимой завесой нависла тяжелая и всепоглощающая тишина. Лишь в воздухе звучали звуки стукающейся об тумбы кружки, скрип ручки чайника, звон чайной ложечки — звуки, которые создавала я.

Подвинув стул к свободному месту за столом, я поставила кружку и блюдечко с угощением рядом с собой и присела. Спокойная и холодная, как лед.

— Здравствуйте, — выдала я двум полицейским, мужчинам средних лет. — Вы, наверное, меня заждались.

Плечи отца дернулись. Наверное, сейчас он винит себя за то, что позволил мне убежать, а я вот такое выкинула. Кристи сидела напротив меня, на другом конце стола, и буквально выжигала на моём лбу огромную дырку своим взглядом. Похоже, ей ещё не сообщили. Мне так и хотелось съязвить ей «Ну что?!» в ответ на её сверлящий взгляд, но я смолчала, потому что краем рассудка понимала — это не лучшее решение.

— Здравствуй, Эмили, — наконец произнес один из мужчин. — В общем, — немедленно продолжил он, — мы здесь по поводу того, что ты натворила. Это ведь сделала ты, не так ли?

— А разве имеет смысл этот вопрос?

— Нет, совершенно нет.

— Переходите к делу, — произношу я и гляжу на него пытливо.

Полицейский встает и обходит меня, кладя на моё плечо руку. Другой полицейский лишь немного ухмыляется и продолжает пить чай, а мне хочется врезать ему за эту ухмылку. Боже. Неужели из-за того, что я узнала свой чертов диагноз, я стала ненавидеть весь мир?

— Ваша дочь, — изрекает первый, — нанесла немалый ущерб собственности и репутации школы N, а также собственности некоторых учеников из этой школы.

Я вижу удивленные лица отца, матери и сестры и задаюсь вопросом: «Они что, до сих пор ничего не знают? Им разве не должны были все рассказать сразу же?».

— В каком смысле? — проговаривает мама.

Я гляжу на свою кружку с чаем, подношу её к губам, отхлебываю напиток и откусываю печенье, попутно говоря абсолютно невозмутимым голосом:

— Разбила пару машин битой. — И пожимаю плечами.

— Чего?! — возмущается сестра.

Но её вопрос пропускают все мимо ушей, и полицейский продолжает.

— Как вы знаете, такой акт вандализма карается законом.

— Пойдите! — восклицает отец. — Мы можем всё объяснить.

— Нет, отец! — выкрикиваю.

— Помолчи! — шипит он на меня.

Оба блюстителя закона внимательно глядят то на меня, то на моего отца, ожидая, что же будет дальше. Но я знала, что сейчас будет, и сильнее съежилась. Теперь мне даже и чай расхотелось пить. Папа встает со стула и направляется к своей сумке, где лежат мои документы. Там есть и копия листика, который мне с утра отдал доктор Фитч. Он достает именно его — этот чертов сложенный конвертом лист — и протягивает ему первому полицейскому.

— Эмили нездорова. Мы только сегодня узнали окончательный диагноз, — твердит отец.

— Глио... что? — читает мужчина.

— Глиобластома, ага. Злокачественная опухоль, — бурчу я, стараясь как можно больше нахамить и съязвить отцу.

Полицейский всё ещё смотрит на меня с непониманием, но в его глазах уже виднеется та самая жалость, которую я так сильно ненавижу, которая меня выводит из себя. И ещё кое-что — Кристи. Она очень внимательно, как никогда раньше, глядит на листочек, который держит в руках мужчина, и лишь изредка переводит взгляд с него на отца. Неужели она тоже ничего не знает? Неужели родители ей не сказали?

— У неё рак головного мозга, — поясняет отец. — И из-за опухоли у Эмили повредилась часть мозга, которая несет ответственность за эмоциональный и психический план.

— Возможна шизофрения... — выдыхает служитель закона.

— К сожалению, врачи сказали, что наша дочь лишится рассудка, — завершает папа. — Это уже происходит.

Я не злюсь. К чему тут злость, если это правда? Но да, я сверлю папу своим ненавистным взглядом — пусть он увидит, как мне не приятно, когда мне говорят, что я стану сумасшедшей. Что я совершенно свихнусь.

Кристи ошарашено глядит на меня. В ответ на её взгляд я улыбнулась, а сестра удивилась ещё больше. Что, небось думаешь, что у меня уже крыша поехала, раз я улыбаюсь, да?

Полицейский отдает моему отцу листик, вновь сложенный в несколько раз, он чешет свой затылок, переглядывается с напарником, который, как я поняла, ещё тот — сидит себе, наблюдает за всем со стороны, как ленивец, зевает и поедает вкусности. Фу, как же он бесит.

— Что ж, — протягивает полицейский, — но вам все равно придется оплатить ущерб, который она нанесла. Я вышлю вам чек.

Наконец-то они собираются уходить. Я слежу за всеми ними внимательно: как они пожимают руку моему отцу, как кивают матери, как они что-то им говорят — наверное, какие-нибудь очередные утешительные слова — и как они покидают мой дом, думаю, раз и навсегда. Тогда я подрываюсь с места и собираюсь подняться в свою комнату, как меня одергивает сестра.

— Эмили, я не знала, — говорит она и смотрит на меня глазами, полными сожаления. — Нужно мне было идти вместе с вами.

Я улыбаюсь ей и говорю как можно спокойнее:

— Всё в порядке, правда.

От этого сестра вновь меняется в лице. Она, пораженная случившимся, сначала смотрит мне в глаза, затем прижимает к себе и начинает плакать, но затем вновь отталкивает меня и с какой-то злостью произносит:

— Почему?! Почему ты все ещё продолжаешь улыбаться?

Я пожимаю плечами и кисло улыбаюсь, не отрывая взгляда от сестры.

— Наверное, потому, что мне грустно, — говорю я и, освободившись от оков Кристи, направляюсь в свою комнату.

С каждым подобным событием я замечаю за собой одну вечно повторяющуюся вещь: я скручиваюсь в постели и лежу так до тех пор, пока меня не отпустит апатия. И с каждым разом становится все хуже. Я пролежала, не двигаясь, почти до пяти утра, и мне вовсе не хотелось спать. Чтобы позабыть всю свою боль, я свернулась калачиком на дне ванны и наблюдала за тем, как обжигающе горячая вода — но не кипятком — потихоньку укрывала меня своим покрывалом. Словно бы чем горячее была вода в ванне, тем легче мне должно было становиться. Но легче мне не становилось.

Я прекрасно понимала, что должна — нет, что обязана! — сделать хоть что-то, чтобы помочь Майки. Но что я могу сделать?

Вернувшись в свою комнату, я бездумно стала просматривать фотографии, которые наконец-то недавно распечатала, но все никак не удавалось разложить их по альбомам. Сколько же моментов запечатлено на них, сколько впечатлений и воспоминаний. Когда я взяла в руки фотографию, на которой изображены я и Ив на фоне одной из достопримечательностей Шотландии, меня словно бы осенило.

Мне было плевать, что сейчас раннее утро; было плевать, что, скорее всего, всё ещё закрыто, и рабочий день начинается с восьми утра. Я, никого ни о чём не предупредив, выбежала из дома и пешком направилась к пункту назначения, который я считала нашим спасением. Как я и думала, двери были закрыты. Делать было нечего, а отступать я была не намерена, потому я уселась на землю под стеклянными дверьми здания и стала ждать, когда же начнется рабочий день у сотрудников.

Ожидание — это самое мучительное. Время тянулось так медленно, что порой мне казалось, а не замерло ли оно вовсе? А мои мысли всё никак не покидал Майки. Всё то время, которое я провела, съездившись в комочек на постели, я думала о нём и даже ни разу не вспомнила о том, что ведь *и я больна*, что *и мне нужна помощь*, что *и я могу умереть*. Ах да, точно, ведь *это неизбежно*. Я не вспоминала об этом, потому что сейчас — это было не важно. Сейчас был важен только он.

И я сама возросла в собственных глазах, словно бы потихоньку поднималась с колен, на которых все это время я была. Я больше не буду подчиняться собственной болезни. Однажды поднявшись на ноги, больше не будешь ползать на коленях. Нет, мне не нужна помощь сейчас — она нужна Майки. Но да, когда помощь ему уже не понадобится, она в обязательном порядке будет нужна мне.

— Простите? — спросила девушка, одетая в строгий голубой костюм, состоящий из голубой юбки-карандаша, белой блузки и голубого пиджака. Волосы у девушки были собраны, а сама она глядела с некой опаской на меня, вертя в руках охапку ключей и перебирая их, стараясь найти нужный.

— Я подожду открытия, — всё тем же спокойным тоном говорила я, как и вчера.

Тогда девушка кивнула и зашла внутрь. Табличка на двери всё ещё гласила «закрыто». Потихоньку сотрудники подтягивались, они были полностью идентичны друг другу: голубой костюм, белые рубашки, светлая обувь, словно бы все в одно и то же время сошли с конвейерной ленты. Когда же наконец-то двери открылись, я облегченно вздохнула, поднялась с плитки, отряхнулась и вошла в здание, гордо именуемое «Фабрика Желаний».

Меня не заставили ждать. Когда я предъявила свою карту с диагнозом, сотрудники понимающе кивнули. И вот я сижу напротив одного из главных и жду, когда же мне наконец дадут слово, чтобы я высказалась.

— Мне очень жаль. — Ну вот! Очередное «мне жаль». — Ты хотела бы воспользоваться правом на последнее желание, верно?

Мужчина был молод. На лице у него родинки, а взгляд хоть и кажется проницательным и умным, но я-то вижу — этот сотрудник ещё очень глуп. И как только он попал на такое место? Быть может, связи.

— Это очевидно, — грубовато произношу.

— И чего бы ты желала?

— Лекарства. И много.

— Чего? — удивленно спрашивает он. — Ты же знаешь, от твоей болезни нет...

И не успевает он договорить, как я обрываю мужчину на полуслове:

— Мне нужно, чтобы вы поставляли лекарства от биполярного расстройства одной семье. Пожизненно. И бесплатно. — Я была сама крайне удивлена, когда услышала эту твердую сталь в своём голосе, никогда бы не подумала, что я могу быть *настолько* твердой и серьезной. — Там есть один человек, который болен — вы будете до конца его дней поставлять ему лекарства.

Мужчина выгибает бровь и недовольно откашливается. Он несколько секунд стучит себя ладонью по грудной клетке, а затем, в упор глядя на меня, выпрямляется и проговаривает:

— Нет. Этого мы не можем сделать.

Я взрываюсь. Взрываюсь так, как это происходит в последние дни под давлением злобной опухоли. Вскидываю и, перевернув бумаги на столе этого мужчины, выкрикиваю:

— Что значит «нет»?! Вы фабрика желаний или как?! Не у вас ли в холле висит слоган о том, что вы исполните любое желание умирающего ребенка!

— Пожалуйста, не кричи.

— Нет уж! Я не уйду отсюда и не уймусь, пока вы не выполните то, что от вас требуется! Лекарство! Будете поставлять пожизненно *этому* человеку! А если прекратите, я из гроба вылезу, лишь бы достать вас! — А затем прибавляю шепотом: — Или вы хотите, чтобы сумасшедшая на голову девочка, которая ничего не понимает из-за сдавливающей её голову опухоли, высунула ваши кишки наружу? — Вот тут мне показалось, что я перегнула палку, но осознание дошло до меня лишь тогда, когда я уже это сказала, а значит, думать было поздно. Что ж, по крайней мере, я не солгала — кто ж знает, что я ещё могу сделать в одном из приступов.

И мне кажется, мои слова прекрасно подействовали на человека. На лбу выступили бисеринки пота, глаза у мужчины округлились до размера попрыгунчика, а сам он начал заламывать пальцы на руках, издавая соответствующий хруст. Я задалась вопросом: неужели моя диагностика, в котором написано, что я — бомба замедленного действия в психическом плане, может вот так повлиять на человека?

— Х-х-хорошо. Мы выполним твою просьбу. Говори адрес и полное имя получателя. — Мужчина заикался и глядел на меня исподлобья. О черт! Как же я выглядела, когда произносила те слова, что меня, какую-то малявку, испугался вполне взрослый мужчина?

— С учетом того, что это будет анонимно и что в карту этого человека не пойдет ни единого сведения о болезни. — Щурю глаза.

— С учетом, — послушно соглашается мужчина.

Я довольно киваю и заполняю бумаги, которые мне преподнес сотрудник. Он, как бы между прочим, спрашивает меня, уверена ли я в своём решении, ведь второго шанса у меня не будет, ведь я трачу *своё* желание впустую. Но я твердо отрезаю его, что прекрасно уверена в своём решении. Уж лучше потратить собственное желание на человека, который исполнял мои мечты, чем исполнить какую-нибудь очередную свою глупую затею, и лишиться такого драгоценного человека. Нет, я просто не могла лишиться Майки.

Я люблю его, черт возьми.

Сразу же по выписанной справке беру первую поставку лития — самого эффективного из лекарств — и иду в дом Милковичей-Блэков, чтоб преподнести им такой «подарок». Компания «Фабрика Желаний» обязывалась каждый триместр присылать их семье лекарство в количестве одной коробки. Надеюсь, что этого хватит Майки, надеюсь, что если даже он будет выбрасывать таблетки вновь, то у Фелиции и Патрика ещё будут оставаться приличное количество лития.

С такими мыслями я пришла к порогу их дома. Когда я стала подниматься по ступенькам, держа в руках коробку, то почувствовала, как что-то ужасно больно кололо мою правую ногу, будто бы в меня одновременно и мимолетно втыкали иголками. Было больно, но я терпела, ожидая, пока мне откроют дверь.

— Что здесь забыла? — прямо с порога на меня начала бурчать Фелиция.

— Держи, — говорю я и подаю девушке коробку с лекарствами.

— Что это? — спрашивает она, но принимает подаяние.

Я чувствую, что со мной вновь что-то происходит, но что именно, я не могла понять. Бедро до жути болело, и я старалась удержать себя, чтобы не взвыть от ноющей боли в костях.

Перед брюнеткой вмиг очутился брат и помог девушке распаковать коробку. В это время я потихоньку зашла в дом и оперлась об дверной косяк. «Когда я вытягиваю ногу, она не так болит», — проговорила я сама себе. Как же эти двое изменились в лицах, когда увидели, сколько лития я им принесла!

— Ты что, аптеку ограбила? — спрашивает парень.

— Всего-то променяла своё единственное желание. — И я кисло улыбнулась.

Брюнетка схватила упаковку таблеток и помчалась сначала на кухню, затем на второй этаж, вероятно, в комнату Майки, держа в руках бутылку с водой. Патрик, как и я, провожал взглядом Фо, а затем спросил у меня «Идем?», и я кивнула. Но как только я попыталась сделать несколько нормальных шагов, то шарахнулась на пол. Мою ногу била истощная судорога, которая с каждой секундой отнимала у меня мою же часть тела.

— Эмили! — воскликнул темноволосый.

Он подбежал ко мне и попытался поднять меня, но я лишь отмахивалась и твердила ему «Моя нога. Посмотри на мою ногу! Посмотри же! Дьявол!». И лишь когда из моих уст посыпались ругательства, он спросил меня:

— Что? Что посмотри, я не понимаю! — Его голос был похож на щебетанье птички, быстрое и волнительное.

— Сейчас... взгляни, шевелю ли я пальцами на ногах, — продиктовала и попыталась представить, как я шевелю пальчиками. От боли в ноге морщилась. Я не чувствовала, получается ли у меня это, и, к сожалению, не могла подняться, чтобы самой взглянуть. Нога онемела и казалась мне холодной.

— Да, шевелишь.

— Отлично, — выдохнув, произнесла я. По правде, это, действительно, хорошая новость. Шевелю — значит, ещё не всё потеряно, значит, полного паралича нет, и это всего лишь очень сильная судорога. — Помоги мне на диван перебраться, пожалуйста.

И Патрик, крепко взяв меня, перенес на диван, где я так и пролежала некоторое время. Забавно, правда ли? Судорога меня не отпускала, и я корчилась, воя от ужасной колкой боли. Кто бы мог подумать, судорога — и так болезненное явление, но обычно оно секундное, а в моём случае — более длительное.

Когда Фелиция спустилась к нам и увидела, в каком я состоянии, когда Патрик сообщил ей, что со мной только что произошло, она нахмурилась. Когда мы остались наедине, я наконец-то услышала от неё что-то по-настоящему искреннее. Она сказала поникшим голосом: «Мне жаль. И... спасибо» — и ушла.

Майки всё также лежал, бесстрастно глядя на весь мир своими остекленевшими глазами, которые вселяли в меня ужас. Он словно бы марионетка: ты можешь им управлять, и он ничего не скажет и не сделает тебе в ответ. До поры до времени, конечно. Так и сейчас. Я лежала, обняв его, стараясь сделать так, чтобы он вложил свою теплую ладонь мне в руку и не сопротивлялся, но он ронял её кровать. После нескольких моих безрезультатных попыток Майки гневно буркнул «Отвалите от меня» и вновь стал куклой. Больше я его не тревожила. Только напоследок ещё раз с какой-то тусклой надеждой заглянула в его глаза, стараясь найти там что-то знакомое, что-то, что осталось от старого Майки, но он всё также глядел *сквозь* меня. Грудь сразу же наполнилась свинцом, от которого становится тяжело дышать. Откинув со лба русоволосого прядь немного вьющихся волос, прикоснулась губами к его лбу, а затем крепя сердце отправилась домой.

Забившись в угол своей комнаты, я рыдала. Несколько раз подряд я задавалась вопросом, почему я такая сопля? Почему я так часто стала рыдать? Неужели это тоже одно из последствий моего психически нестабильного состояния? Но никто не мог мне дать ответ.

Вытирая слезы, которые лились непрерывным потоком, об рукава кофты, я всё не могла поверить, почему именно Майки перепала эта болезнь? Да, я не замечала эти его резкие перепады настроения, потому что думала, что это — нормально, что в этом его сущность. И я совсем не против, пусть всё так и остается. Но мне страшно за него, когда он переходит все грани разумного. И мне очень страшно от одной только мысли, что с ним станет, когда я ему всё расскажу, ведь скрывать что-то уже нет смысла. Нет, не так. Мне страшно от того, что я не знаю его реакцию из-за расстройства. Вдруг он что-нибудь сделает с собой? А вдруг ему будет абсолютно все равно? От последнего я бы, честно говоря, совсем не отказалась — всё лучше, чем мысли о печальном раскладе.

— Эмили? — Я узнала мягкий голос мамы, похожий на мурлыканье кошки.

Она приоткрыла дверь в мою комнату, и ламповый свет на секунду пробился в мою темноту. Я старалась не всхлипывать, но ничего не вышло, и мама сразу же поняла всё.

— Что случилось, моя девочка?

Она каким-то образом отыскала меня в темноте и присела рядом, обняв меня за плечи. Я уткнулась ей в грудь, заходясь в новом приступе плача, как тогда, когда меня впервые одолел паралич. Она ничего не говорила, ждала, пока я сама начну, но я лишь пускала сопли и хваталась за её кофту, как утопающий за последнюю надежду.

— Я больше не хочу влюбляться настолько глубоко, — наконец выдала я хриплым голосом.

— Да, малышка. Я тебя понимаю.

И я рассказала ей всё. Пусть мой рассказ и длился ужасно долго из-за постоянно прерывающегося голоса, из-за подступающего рыдания к горлу, из-за заикания и всхлипов, пусть мы с мамой и просидели пол ночи на прохладном полу. Пусть.

— Я не хочу никого из вас терять. Не хочу становиться прозрачной и бездушной тенью.

— Эмили, — проговорила мама, — мы всегда будем с тобой, вот здесь, — и она прикоснулась ладонью к моей груди, — прямо в твоём сердце, — и прошептала: — как и ты в нашем.

— Мамочка...

И меня вновь одолел чертов приступ плача.

Сорок два

Шли дни, а за днями недели. Только спустя две недели — снова это число — в Майки снова начало что-то пробуждаться: а именно сам он.

Кто бы знал, какие колоссальные усилия мне нужно было приложить, чтобы заставлять себя просыпаться каждый день. Незнание меня убивало, и это относится не только к Майки, — хотя меня убеждали и Патрик, и Фо, что с ним всё будет хорошо, приступы порой продолжаются и дольше — но и ко мне. Я боялась сама себя.

Всё началось на пятый день после того, как я узнала о болезни Майки. Сначала изменений во мне заметно не было, но затем всё начало выходить из-под контроля: мой разум, мой голос, мои мысли меня совершенно не слушались. Встретив Кристи на лестнице, когда она поднималась к себе в комнату, и услышав от неё «Всё в порядке?», я взорвалась, наорав на неё. Я отчетливо помню, как я кричала ей «Иди к дьяволу, меня достала твоя опека, идеальная-сестрёнка-бери-с-меня-пример!».

Затем на очереди был отец. Я обвиняла его во всех бедах, что со мной произошли. Яростно, с пафосом, с титанической силой в голосе я выплевывала на него всю желчь, которая снова неизвестно откуда появилась. И самое странное — это то, что, как только меня отпускало, все эмоции, которые я испытывала во время приступа, просто испарялись, словно бы они как пришли ниоткуда, так и ушли туда же.

Без моего внимания не остались ни мама, ни Джеральд, ни Лондон, последняя приходила ко мне в гости почти каждый день. Я прекрасно помню, как высмеивала Джеральда за самую обычную футболку с принтом Marvel, говоря, что такое носят только дети, как издевалась над матерью, которая постоянно волновалась за меня, и из-за этого она роняла из рук почти все вещи, к которым прикасалась, как упрекала Лондон за её аборт, совершенно не принимая во внимание любые факты, которые она приводила в свою защиту, и как точно также беспричинно высмеивала её. На самом деле, Лондон сама сразу же поняла, что я — уже не я, даже без глупых вопросов о моём сочувствии, хотя позже ей всё-таки тоже всё рассказали.

Я прекрасно помню всё, что я говорила и делала, как я себя вела, и, когда ко мне снова возвращался свой рассудок, я чувствовала себя настолько паршиво, что никому не могла смотреть в глаза. Я знаю точно, мои слова задевали всех очень сильно, но никто не решался мне в этом признаться, видя во мне лишь бедную девочку, которая уже, к сожалению, не дружит со своей головой.

На радость, эта участь обошла Патрика, Фелицию, Майки и остальных членов их семьи, потому что я старалась посещать их на здоровую голову, когда приступ или проходил, или, по моему мнению, не намечался совсем.

Прошло всего две недели с того дня, как я узнала, что сойду с ума, а во мне уже всё поменялось так кардинально. Конечно, это обуславливалось тем, что процесс уже был давно запущен, а сейчас всего лишь происходит его ухудшение. Всего лишь. Как забавно это звучит.

Триста пятьдесят второй день. Уже прошел почти год, как я узнала о своей опухоли мозга, почти год, который мне с самого начала прогнозировали врачи, и, видимо, они не ошиблись. Уже почти июль. До осени всего два месяца, которые, боюсь, я и не проживу вовсе. Что же ждет меня там, за гранью? Кто знает.

Когда мне позвонила Фелиция и сказала, что Майки наконец-то очнулся, я сломя голову помчалась к нему на встречу, хоть и понимала, что теперь я от него просто так не уйду, от чего у меня лежал тяжелый груз на сердце.

Он всё также лежал в постели, смотря в потолок, но теперь его взгляд был ясен. *Теперь это был Майки*. Парень был немногословен и, правда, по поведению был немного заторможен из-за таблеток, как и предупреждал меня Патрик, но теперь он мог говорить свои мысли и воспринимал все более-менее адекватно.

— Майки! — произнесла я и припала к нему, когда он повернул голову, услышав своё имя.

— Эмили... — слабо проговаривал он. — Я тебя напугал, да? Сколько же ты страданий перенесла?

Но я лишь качала головой, улыбаясь и чувствуя тепло рук, которые наконец снова могли прижимать меня к груди. Он пытался мне всё объяснить, говорил, что такого больше не повторится, что это случайность, — опять же, как и предупреждал Патрик — но я вновь просто качала головой, признаваясь, что мне всё равно, болен он или нет.

Майки очень быстро устал, что было одним из побочных эффектов таблеток, и, когда он был на грани сна и реальности, я решила ему признаться, ведь иным способом, в нормальном сознании, я боялась. Но точно знаю: он всё услышит. Потому я наклонилась к нему и проговорила ему на ухо «У меня опухоль мозга, и я, скорее всего, не доживу до осени. Прости, но теперь, похоже, моя очередь приносить тебе страдания». На лбу у Майки появились морщинки, а глазные яблоки замельтешили под закрытыми веками — он всё понимал, но уже не мог открыть их, потому что засыпал. Тогда я вновь прибавила «Прости» и, отпустив его руку, просто скрылась за дверью его комнаты.

Как же меня это бесит.

Моё треклятое отражение в зеркале искажается подобно зверю: я выгибаю спину в ожидании броска. На лице — гримаса ужаса и легкая ухмылка. Дьявол, как же я напоминаю себе джокера! Я сжимаю кулаки и бросаюсь вперед, со всей силы ударяя по чертову зеркалу кулаками.

Я ненавижу тебя, Эмили! Зачем ты всё это делала? По какой причине?! Для чего ты заставляешь всех вокруг тебя страдать!

Кусочки стекла с грохотом падают на пол, к моим ногам, и я отскакиваю в сторону, глядя на свои окровавленные руки. По пальцам медленно стекает густая кровь. На полу красуются маленькие красные пятна. Я сжимаю ладони в кулаки, от чего кровь начинает сочиться ещё больше, превращаясь в маленький ручеек. Как же сильно нужно было ударить своё отражение, чтобы так глубоко поранить себя? Теперь я вовсе не похожу на зверя, который виднелся в отражении секунды назад, теперь я была маленьким запуганным олененком, лицо которого воспроизводилось на десятках маленьких отголосках бывшего огромного зеркала.

И я начинаю хохотать. Вот так. Просто. Смешно осознавать, насколько же я теперь беспомощна. Чертов смех сквозь слёзы. Я ненавижу себя за всё, что совершила в этом году — и плачу. Я понимаю, что схожу с ума и умираю — смеюсь.

Но затем в комнату заходит отец, которого сразу же начинает бить мелкая дрожь, как только он видит кровь. Он выкрикивает в коридор «Звоните в скорую!» и подбегает ко мне; хватается за мои руки, стараясь сжимать рану так сильно, чтобы остановить кровотечение, не обращая внимания на то, больно ли мне или нет. Хотя мне не больно. А я лишь продолжаю смеяться всему этому в лицо: отцу, матери, сестре, доктору, себе и, наконец, болезни.

Папа убегает всего лишь на мгновение, а затем возвращается с горсткой бинтов и матерью, и они оба начинают обматывать мои руки чистыми бинтами. Сначала обливают их жидкостью, от которой у меня начинает всё щипать, затем обливают йодом, и мои руки окрашиваются в светло-коричневый цвет, подобно луковой кожице, а только потом обматывают их тканью и холодным компрессом, чтобы к ранам не прилипали бинты.

Я видела, как сильно моё поведение пугает отца, а вот мама... Она то ли старалась не показывать волнения, то ли, действительно, не боялась меня, не боялась моего сумасшедшего

смеха и первого ненормального поступка в очередном припадке. Она всегда была сильнее, я-то точно знаю. Однако, когда-нибудь и она сломается.

Доктору и его свите нужно было хорошенько себя встряхнуть, чтобы наловчиться и поймать меня, потому что я вырывалась. Но затем Фитч поставил мне укол — вновь — и ушёл из моей комнаты, чтобы поговорить с родителями.

Я чувствовала, как спокойствие и умиротворение резко нахлынуло на меня. Я плыву в лодке и качаюсь на соленых волнах океана, не осознавая, что на моем пути есть смерч. Моё ненастоящее временное облегчение не могло исправить мою судьбу — попасть в этот шторм и утонуть в нём.

Встаю с кровати и, качаясь, плетусь в сторону, откуда слышатся людские голоса. Мою правую руку начинает бить дрожь, и я понимаю — скоро вновь будет новый приступ паралича. Пораненные ладони теперь ужасно ноют, но я стараюсь не обращать внимания на эту боль. Я останавливаюсь на середине лестницы, потому что знаю, как сильно я шумлю, — половицы ужасно скрипят под ногами — и, сделав пару крошечных вздохов, вновь трогаюсь с места, на этот раз шагая вперед намного тише. И, спрятавшись за стеной, за которой открывается гостиная, я, молча, вслушиваюсь в уже давно начатый разговор.

— ... как бы то ни было, вам нужно будет уговорить её поехать с нами. Вы же сами видели, как ухудшилось её состояние — и это лишь верхушка айсберга, кто знает, что скрывается там, под водой. Вдруг её приступы будут не только опасны для её жизни, но и для жизни людей, что её окружают. — Я прекрасно понимала, что доктор Фитч прав во всем сказанном, но я не могла согласиться с его словами, я ни за что на свете не поеду в больницу. *Я не хочу умирать в больнице.* Я не хочу умирать, полностью изменившись под давлением лекарств, точно также, как и под давлением опухоли, но последнее, к сожалению, неизбежно. *Я хочу умереть такой, какой я была всю жизнь. Я хочу остаться самой собой.*

Потому, не выдерживая своих мыслей, я подаюсь вперед и произношу:

— Нет, я не поеду с вами.

— Эмили, ты же понимаешь, что, скорее всего, подвергаешь опасности всех своих близких, не так ли?

— Да, понимаю, но я не поеду в больницу. Если нужно, я согласна умереть прямо здесь и сейчас. — Последнее предложение настолько испугало мою мать, — кто ж знал! — что она подбегает к доктору Фитчу, хватая за руку и, умоляя, спрашивает:

— Но ведь должны быть ещё какие-нибудь варианты! Должны же ведь, правда?

Мужчина в белом халате, который, к слову, остался один, — не знаю, куда ушли его сопровождающие, возможно, возвратились в машину — как и всегда, указательным и безымянными пальцами поправляет очки, съезжавшие с его носа, выпрямляет спину и говорит:

— Есть несколько вариантов.

— Всё, что связано с больницей, сразу же отпадает, — вмешиваюсь я.

— Тогда лишь два, — парирует доктор. — Первый. Мы не можем оставить всё, как есть, потому что это наше врачебное дело, потому что ты — на данный момент довольно опасный и местами агрессивный пациент. — И прибавляет «Извини». — Поэтому самый безопасный и эффективный способ избавить тебя от всех мучений — это избавить тебя от самой себя. Лоботомия, к слову. Твоё *тело останется жить* до поры до времени, но *сама ты* уже будешь *мертва*. Ты освободишься от оков.

Моё тело ещё будет существовать, когда я уже умру?

Насколько же нужно быть *жестоким*, чтобы говорить нам такое. Или же... это *милосердие*? Но, тем не менее, его слова навели немалый ужас на всех присутствующих. Я сжимаю кулаки, понимая, что это, быть может, и будет самый безболезненный способ моей смерти, но я не смогу так поступить со всеми ними. Разве им не будет еще хуже, когда они будут видеть меня *живой*, но *меня уже не будет* в своем теле, я *оставлю* свой разум?

— Меня не устраивает этот вариант, — твердо произношу я.

— Ожидаемо, — проговаривает Фитч. — Мало кто соглашается на это по собственной воле. Хотя этот вариант и довольно популярен с безнадежно *сумасшедшими* больными. — Он не выделяет голосом это слово, но я слышу его, слышу этот треклятый акцент. И задаюсь вопросом, почему Фитч стал таким жестоким? Или же он прав? Или же это, действительно, самый надежный вариант, и он боится за то, как бы я не нанесла вред другим? Тем не менее, мне ужасно захотелось сломать ему нос за то, что он произнес это. — Есть ещё один вариант, но хочу предупредить, он

самый болезненный. Эмили, если ты выберешь его, ты будешь мучиться до самой последней секунды.

Я киваю.

— Я хочу его знать.

— Мы можем подключить тебя к аппаратам здесь, дома. Тогда твои родные будут наблюдать за твоим состоянием постоянно. Поставим тебе капельницу, но ты, буквально каждое мгновение, будешь находиться под воздействием лекарств. Это для того, чтобы держать твоё второе «я» под контролем, чтобы ты не выходила из себя. — Я киваю, как бы говоря, что понимаю. — Ты останешься дома и будешь почти все время спать. Обезболивающие будут облегчать твою участь хоть немного, но ты все равно будешь чувствовать боль. К сожалению, мало какие анальгетики могу полностью избавить тебя от неё, тем более, уже на последней стадии.

Вновь киваю, а мысли, которые меня уже давно тревожат, сами собой вырываются наружу:

— И как же я умру?

Фитч потирает свои плечи, а затем складывает руки на груди.

— Опухоль будет сдавливать все самые жизненно важные точки в твоей голове, от чего будет повышаться внутричерепное давление, твоё сердце не выдержит и остановится. — У меня округляются глаза, а сама я закусываю нижнюю губу, которая уже, к слову, полностью обкусанная. — Скорее всего, это произойдет во сне. Ты просто уснешь и больше не проснешься.

Я прикрываю глаза, подавляя в себе приступ ужаса. Меня трясет, но я себя контролирую, что не скажешь о моей правой руке. По крайней мере, я умру легко, это не может не радовать. Затем вновь распахиваю глаза и уверенно проговариваю:

— Я согласна на второй вариант.

Сорок три

Мне было страшно. Меня всю трясло от предстоящего. Руки и ноги заledenели. Губы обкусанные, щеки кровоточат от укусов. И я никак не замечала того, что трясет-то меня не от ужаса, а от начавшихся вновь судорог. В этот раз мне не было больно, я совсем ничего не чувствовала. Я встала с кровати и, сделав пару шагов, зашаталась из стороны в сторону, а затем грохнулась на пол, задев журнальный столик, стоящий рядом с кроватью, и с него посыпались различные предметы, когда я случайно перебинтованными руками снесла их.

Осторожно поднялась на колени. Из меня вырвался жалкий всхлип, наподобие вопросительного «а», а затем я издавала его снова и снова, стараясь понять, что же, черт возьми, произошло. Я пыталась стать на ноги, но безуспешно, нижняя часть тела меня абсолютно не слушалась. Я отталкивалась от пола ладонями, цеплялась руками за окружающую меня мебель несмотря на боль в ладонях, лишь бы вновь подняться на ноги, но затем я снова и снова падала. В итоге, мне ничего не удавалось, как просто переползти и сесть на колени.

— Нет, нет, нет! — Молотила я руками по ногам. — Вы же мои ноги, вы должны слушаться меня! — А у самой вновь панический приступ, смешанный с некой ошалелостью и слезами.

Они ледяные — это я понимала. А также понимала, что я ничерта не понимаю! Почему сейчас? Неужели старой карге надобно так сильно меня мучить! Обхватываю ноги руками, царапаю их, щипаю, но ничего не чувствую, словно бы мне уже отрезали нижнюю часть тела.

От этого ещё больший ужас настиг меня: а что если мне ампутруют ноги? Что если от былой меня останется лишь половина?

Нет, нет, нет! Я не могу позволить этого.

Ещё сильнее начинаю бить кулаками свои ноги, чувствуя лишь боль в сжатых руках, но ничего не чувствуя в ногах.

Сильнее, этого недостаточно, я почувствую, я обязательно почувствую что-нибудь. Я смогу! Это же мои ноги, в конце концов!

На коже уже начали проступать фиолетовые синяки, а бинты начали пропитываться кровью из вновь открывшихся ран, которые недавно зашивали, и буреть, но мне плевать.

Работайте же! Работайте же, черт подери!

А затем решение внезапно появилось у меня перед глазами. Я протягиваю кровоточащие ладони к нему и обхватываю пластмассовую ручку. «Трр» — звучит, когда я нажимаю на кнопку и провожу пальцем вверх. Лезвие поднимается на одну часть выше. «Трр». Оно становится ещё

длиннее. «Трр». Ещё больше. И крепко сжимая канцелярский нож в правой ладони, я замахиwaюсь и начинаю проводить красные полосы, сопровождаемые тонкими красными ручейками, по своим ногам.

Вы же мои ноги!

Я замахиwaюсь вновь и вновь. На моих ногах все больше красных жирных полос, кровь льется с меня рекой, но я ничего не чувствую. Волосы лезут на глаза — отбрасываю их снова и снова, но они вновь падают мне на лицо, и меня это бесит. Я хватаю прядь волос и отрезаю её. Затем вторую, третью. Мои руки, ноги, лицо, шея, волосы — все это перепачкано кровью. Я уже не говорю ни об одежде, ни об окружающих меня вещах, на которые летели брызги моей крови.

Все произошло в считанные минуты: пять или десять — неважно. Я понимаю, что домашние ещё не отошли от того, что случилось со мной вчера, но сегодня я вновь их поражаю. Кристи заходит в комнату и спрашивает меня «Эй, я слышала шум, что-то случилось?», попутно разговаривая с Джеральдом. Она вся бледнеет, когда видит меня всю *в крови* и со свежими ранами. Джер выругивается и бежит звонить в скорую и за аптечкой. Кристи подбегает ко мне и выхватывает из моих рук нож для бумаги, швыряет его куда-то в сторону. Она хватается с моей кровати пододеяльник, которым я укрывалась этими душными ночами, и рвет его на части, а затем хватается мои голые ноги и начинает обматывать мои ноги, затягивает очень сильно чуть выше ран, чтобы остановить кровотечение, а затем смотрит на меня перепуганным взглядом. В отражении её глаз я видела, какой у меня безумный блеск во взгляде, а также видела, как пугающе я выгляжу с обкромсанными волосами и замызганная в бурой жидкости.

Уже тогда я знала, что обо всем пожалею, но приступ всё меня не отпускал, потому я продолжала колотить, как бы сестра меня не останавливала, даже обмотанные в ткань, ноги, все также твердя «Вы же мои ноги! Вы же должны меня слушаться!» и рыдая.

На следующий день меня подключили к аппаратам. Я чувствовала всю боль, которая только была в моем теле. Она пронзала меня, скручивала, заставляла скулить и скрипеть зубами. Но как только в меня входила очередная доза обезболивающего, становилось лучше. Царство Морфея меня завлекало, и я почти все время спала. И последующие дни тоже.

Мне снились разные вещи.

Щекастая малышка Лорен, которая была похожа на свою мать, как две капли воды, различие лишь в том, что у неё были восхитительные золотистые локоны. Наверное, у Лондон рука не поднималась обрезать их. Мы кормили её детским пюре с ложечки, но девочка постоянно восхищенно вскрикивала и тянула свои маленькие пухленькие ручонки к посуде, пыталась опустить туда ладошки, размазывала по своему лицу не попавшую в рот кашицу, а мы с подругой лишь смеялись этому, вытирая её лицо слюнявчиком.

Снились воспоминания о Томе. Как мы с ним прыгали в высокую траву. Как катались на велосипедах. Как он раскачивал меня на качелях. Как мы были вместе на футбольном матче, болели за школьную команду, а Кристи все это время зевала и скучающе глядела на поле, улыбаясь.

Зимой мы с Майки катались на санках с высокой горы. Мягкие снежинки ложились на наши плечи. Мы прыгали в сугробы, а затем вытаскивали из-за шивороты комья снега, которые обжигали кожу ледяными поцелуями. Красные от холода щеки. Заледевшие дороги и скамейки. Сосульки над головами и тусклое холодное солнце.

Ледяной дворец. Лондон постоянно пинала меня, чтобы я поднималась со льда и продолжала кататься.

— Лондон, из меня фигурист, как из коровы танцовщица! Какой смысл мне поднимать свой зад, если я все равно на него вновь падаю?

— Не утрируй! Вставай и продолжай получать удовольствие.

Как затем я кричала на весь каток, лишь бы подруга меня услышала: «Ло-о-рен! Как тормозить?!».

— Привет, — проговорил Майки, когда я открыла глаза.

Мерзкий прибор запищал чаще, ловя моё усилившееся сердцебиение.

— Привет, — вяло ответила я.

Несколько дней подряд я лежала, почти не просыпаясь, и сейчас меня вновь бросало в сон из-за усталости. Чем больше я сплю, тем больше чувствую себя разбитой и усталой.

— Давно ты здесь? — спросила я.

Майки покачал головой. Он, сидя в кресле напротив моей постели, что-то делал: его руки постоянно двигались — но я не видела что. Я спросила «Поможешь?», указывая на слабые ноги, и он помог мне сесть в кровати. Ноги сейчас я чувствовала, к тому же, они, как и руки, были полностью перебинтованными, но я знаю, что это ненадолго. Всё становилось намного хуже, и даже если не брать в расчет, что на моих ногах красовались огромные порезы, то я уже всё равно не могла самостоятельно встать на ноги: то одна нога откажет, то вторая, то обе, то слабость, от которой вообще невозможно подняться.

— Прости, что пришел не сразу. Не мог встать с кровати, — проговорил он и кисло улыбнулся.

— Прости, что не просыпалась, — парировала я.

— Просто, что не сказал тебе.

— Да. — Я кивнула. — И ты меня прости. Ты ведь всё слышал?

— Слышал.

А затем мы просто некоторое время молчали. Майки выдохнул «Готово» и подошел ко мне. Он сел на пол, у изголовья кровати, и протянул мне ладонь, в которой что-то блестело. Это была какая-то птица-оригами, сложенная из серебристой фольги, точнее говоря, смятая. Я улыбнулась.

— Спасибо.

— Смотри, — произнес Майки и, обвязав подделку тонкой ниткой, повесил мне на шею. — Это журавлик. Помнишь, легенду о тысяче журавликов? — Я кивнула. — Теперь у тебя есть один.

Я нащупала у себе на шее мой музыкальный медальон, который, пожалуй, никогда не снимала, и, сняв его с себя, вложила вещицу в ладонь русоволосого. Я сказала «Пусть эта мелодия напоминает тебе обо мне», и парень раскрыл кулон, а воздухе зазвенела мелодия, он кивнул, понимая, о чем я говорю.

Отодвинувшись в сторону, я жестом показала, чтобы Майки ложился рядом со мной. Он некоторое время отказывался, пока наконец-то не согласился. Мы лежали вместе в моей постели, глядя друг на друга, словно видим в последний раз. Когда мы оставались вдвоем, нам не нужны были слова. Когда мы оставались вдвоем, никого на свете не было счастливее.

— Ты нужна мне. — Я запускала свою руку в шевелюру Майки, которая уже была ниже подбородка.

— Я не всегда буду рядом, Майки.

— Я знаю.

Я улыбаюсь, а затем говорю то, что уже давно должна была сказать:

— Тебе лучше больше не приходить, не хочу, чтобы ты видел меня в таком состоянии. А всё будет только хуже.

Майки меняется в лице, становится более серьезным и хмурится.

— Я люблю тебя. И я не оставлю тебя, Эм.

— Ладно, — говорю я, а глаза сами собой закрываются.

— Ладно? — парень удивляется тому, насколько легко я согласилась.

— Ладно, — вторю я.

А затем вновь проваливаюсь в сон.

Сорок четыре

С каждым новым днём моя жизнь всё больше делилась на обрывки памяти. Хотя я и не уверена в том, сколько времени прошло. Неделя? Две?

Открываю глаза — вижу Майки. Моргаю — и передо мной оказывается отец. Ещё раз моргаю — мама обстригает огрызки мои волос под одну длину, теперь я похожа на мальчишку. Снова моргаю — в кресле сидит Лондон и играет с моим кроликом. Мне бы хотелось сказать этому мгновению «Эй, постой, я хочу остаться здесь! Я хочу узнать, что будет дальше!» — но я вновь моргаю и, когда темнота уходит, остаюсь одна.

Как странно осознавать, что эта страшная и пугающая пустота уже не кажется такой ужасной, каждый раз, когда я возвращалась в неё, мне казалось, будто она уже стала для меня

родной. Наверное, из-за лекарств я должна была засыпать как и разумом, так и телом, но по какой-то странной причине так происходило не всегда. Когда я закрываю глаза, то оказываюсь в собственном мирке, где нет ни времени, ни боли. И тогда мне остается только лишь анализировать своё прошлое.

Во всех моих воспоминаниях с братом присутствует и старшая сестра, только последняя предпочитала оставаться чуть поодаль от нас двоих, чтобы дать нам насладиться обществом друг друга. Раньше я не понимала этого, но теперь понимаю: сестра всегда была такой, заботливой и ненавязчивой, предпочитавшей наблюдать за картиной со стороны, а не принимать в ней непосредственное участие. Она начинала действовать, только если видела, что её помощь или вмешательство здесь точно необходимо.

Я и Том на берегу моря. Мы пускаем блинчики по воде. Кристи сидит на песке и, сделав из ладони козырек, чтобы солнце не так ослепляло глаза, наблюдала за нами. Позже мы втроём лепили огромный замок из песка. Я помню, как я пронзительно кричала, когда — после шторма в море — к берегу волнами принесло сотни прозрачных медуз, которые в зелено-голубоватых водах отливали голубизной. Я бегала вдоль берега в своих уже намокших кедах и вскрикивала от радости «Смотрите! Смотрите!». Это было десять лет назад.

По воскресениям у нас была китайская еда, а также просмотр какого-либо фильма в кругу семьи. Обычно мы садились на пол, вытягивая ноги вперед, и постоянно яро обсуждали то, что творилось на экране телевизора — это только позже, повзрослев, я перестала любить разговоры во время просмотра чего-либо.

— Ты проснулась? — спрашивает Кристи.

— Очевидно, — произношу я.

Моё тело настолько затекло, что я еле-еле заставляю себя сесть в кровати. Черт, интересно, сколько же я спала. Мерзкий прибор все также пищит в такт моему сердцебиению. Из руки торчит трубка, присоединенная к катетеру, по которой в мой организм поступает и снотворное, и морфин. Я настолько вялая, что почти ничего не воспринимаю, но я знаю, если не буду принимать успокоительные средства, вновь превращусь в монстра, крушащего все вокруг.

Сестра возвращается в мою комнату с губкой и небольшим тазиком, она помогает мне избавиться от трубки, связывающей меня и капельницу, правда, лишь на время, затем помогает мне положить под себя ноги, чтобы я могла нормально сидеть, стаскивает с меня потную огромную майку и начинает обтирать влажной губкой.

Только сейчас я заметила, что у меня на руках уже нет бинтов, на коже остались лишь шрамы от только-только заживших ран. С ногами другая история — они, конечно, тоже теперь без бинтов, но лишь потому, чтобы раны могли быстрее затянуться. На моих ногах красуются жирные полосы йода и мазей, а также едва заметные белые нити — результат старания врачей.

После того, как сестра обтерла меня, она позвала отца, чтобы он помог мне немного разминуться. Это была моя инициатива, конечно же. Папа перекинул мою руку себе через голову, а я постаралась сделать хоть малюсенький шаг навстречу жизни, краскам и свободе. Но, к сожалению, мои ноги дрожали и подкашивались, я никак не могла на них устоять. И тогда я поняла — это конец, мне теперь больше не походить на своих двоих, я больше не смогу смотреть на мир с высоты собственного роста в одиночку. Я теперь лишь обуза для всех вокруг.

Я попросила сестру поставить пластинку Дэвида Боуи, чтобы я смогла насладиться его голосом, пока его ещё не забыла, а затем попросила просто сесть рядом со мной и о чем-нибудь рассказать. Я не хочу забывать ничьи голоса, потому я заставляю себя запомнить их на весь оставшийся кусочек моей жизни.

Кристи рассказывала мне о том, какие планы Джеральд строит на их будущее, и я не могла не улыбаться этому. Моя сестра нашла человека, на жизнь которого не нужно смотреть со стороны, в ней нужно принимать участие, что она и делает.

— Заведите собаку, — говорю я. — Она будет доброй — я-то точно знаю. Вы будете возвращаться с учебы, а затем с работы, а она будет ждать вас под дверью и облизывать ваши руки. Ещё и лица, конечно же. Да и ноги тоже. Всё будет в слюнях, в общем. Она постоянно будет грызть ваши ноги, а ещё вашу мебель и, возможно даже, будет съедать мелкие вещи, как украшения. Она будет выть ночами, за что вы будете кричать на неё, она будет устраивать хаос в вашем доме или квартире — в общем, где жить будете. Ну и пусть. Заведите собаку, ладно?

Кристи кисло улыбается и отвечает:

— Ладно. — Я вижу, как сестре сложно даются слова об её предстоящей свадьбе, ведь знаю, что она хотела бы, чтобы я была там. Знает ли она, какой срок мне сказали врачи? Потому, прежде чем сестра что-то говорит, я говорю первая:

— Не смейте откладывать ваши приготовления к свадьбе. — Я поняла это потому, что Кристи почти не обмолвилась ни словечком об этом грандиозном событии.

— Но у нас свадьба в октябре. Ты дотянешь?

— Что за вопрос? Конечно, дотяну. — Я говорю это настолько живым голосом, насколько только я ещё была способна. Мне плевать, какой срок мне поставили врачи! Я буду бороться до самого конца.

— Джеральд предлагал немного подождать, — произносит она. Да, конечно, Джер, наверное, думает, что я не дотяну до их свадьбы, а праздновать что-либо, когда на твоей семье всё ещё траур, это не нормально. Не нормально? Разве?

— Нет. Вы поженитесь, даже если я умру в тот же день, слышишь меня? Поставите пару пластинок Битлз, Дэвида Боуи или Nirvana, оденетесь в яркие наряды и станцуете на моей могиле, ага?

Я думала, что сестра поймет мою шутку (Хотя шутка ли это была?) и рассмеется этому, ну, или хотя бы улыбнется, но вместо этого она разрыдалась. Я произношу что-то вроде «Не сдерживайся, если хочешь крушить всё вокруг — круши, если хочешь смеяться — смейся, а если плакать — то, пожалуйста, наревись вдоволь». Я сажусь в постели и обнимаю сестру так крепко, как только могу. Не успокаиваю её, не говорю утешительных слов, а просто позволяю выплеснуть все чувства, что в ней скопились. И когда, успокоившись, сестра вновь подключает меня ко всем аппаратам, я закрываю глаза всего лишь на секунду, а её лицо уже исчезает.

Мы с Майки мечтали о четверых детях. Четверо, только представьте, не правда ли, забавно?

О русоволосой милашке Вивьен, у которой волосы вились бы непослушным маленьким бесом; она бы постоянно мучилась со своими волосами, жаловалась на то, что похожа на кудрявого уродливого барашка, а мы бы успокаивали её и говорили, что она — самое прекрасное существо на свете. Тогда девочка бы хмурилась и отвечала: «Вы — мои родители. Родители всегда говорят такое своим детям», — а мы бы смеялись и говорили ей, что она поймет нас, когда вырастет.

О темноволосом Калебе, который был бы полностью похож на меня, но ростом в Майки. Мы бы записали его к учителю музыки, чтобы он научился играть на фортепиано, а затем он бы стал прекрасным пианистом. Сам мальчик, безусловно, должен был в некотором роде не любить фоно, но безумно скучать по нему после долгих разлук. Калев и фоно должны быть одним целым.

О Саймоне, — самом старшем из всех — который обязательно должен был получить слабое зрение со стороны моих родственников, а затем, когда вырос бы, он стал бы шикарным темноволосым парнем с кучеряшками, который носил бы (обязательно!) рубашки в клетку и очёчки. Он был бы невероятно милым.

А вот Феликс должен был быть полностью не похожим на нас. Он был бы блондином или рыжим — неважно, здесь в дело вмешался бы какой-нибудь рецессивный ген нашего генотипа. А быть может, мы бы его усыновили, и тогда бы мальчик был совершенно другой расы — например, дальневосточной. И мы бы относились к нему точно так же, как и к другим детям, ведь он был бы *нашим*.

Блондинка о чем-то весело трещит, стоя у стола и вновь играясь с моим животным. Она гладит его шерстку и кормит свежими овощами, я слышу, как кролик шуршит опилками в клетке и как он грызет зеленый лист салата.

— Трент звонил, — звонко произносит Лондон. — Я ему всё рассказала. Он сказал, что если бы я решилась, то он бы меня поддержал. Он был бы не против ребенка. Он сказал, что все равно любит меня.

— Я рада за тебя, — тихо проговариваю я. Лондон поднимает на меня взгляд и счастливо улыбается, хотя я вижу, какими усилиями даётся ей эта улыбка. Примечаю, что девушке очень нравится мой питомец, и поэтому говорю: — Заберешь его?

— Кого? — удивляется подруга.

— Кролика. Заберешь, хорошо?

Лондон кивает и спрашивает: «А как его зовут?». И я бы хотела ответить на поставленный вопрос, если бы не впала в ступор. *Как зовут кролика? Я не помню. А как зовут меня?* Но вновь проваливаюсь в пустоту.

Мы с Майки как-то раз помогали моей маме пересаживать цветы в новые горшки. А затем мы вытаскивали горшки с цветами на задний дворик и строили из них целые ограждения — так много было цветов у моей матери. Я бы даже сказала, что это её некий фетиш — постоянно сажать и ухаживать за цветами.

После мы мастерили воздушного змея из попавшихся под руку средств, бежали на холм и запускали его в небо, воздушный змей парил в воздухе, подобно красному дракону. Мой сарафан развеялся по воздуху, соломенная шляпка постоянно слетала, и приходилось ловить её, пока ветер не унес её слишком далеко. А волосы Майки постоянно лезли ему на глаза, от чего парню каждый раз приходилось смахивать их с лица и заправлять за уши.

— Пап, у меня спина болит.

Отец встает из-за стола и идёт по направлению ко мне. Он хотел повернуть меня на бок, чтобы я не все время лежала на спине, но я одергиваю его:

— Нет, я и так слишком долго лежу, у меня скоро пролежни появятся, пап.

— Не появятся, мы постоянно меняем твоё положение. — Хмурится он, и я улыбаюсь. Папа чересчур серьезен и не понимает, что порой мои слова не нужно воспринимать настолько правдиво.

— Помоги мне сесть за компьютер, — прошу я его.

Папа встает, отсоединяет от моего тела все аппараты и осторожно шагает вместе со мной к рабочему столу. Я говорю, чтобы он садился первым на стул, а я бы посидела у него на коленях, — совсем как в детстве — и папа покорно слушается меня.

— Что ты будешь делать? — спрашивает отец.

Я открываю вкладки соц.сетей, в которых я зарегистрирована, и потихоньку начинаю полностью очищать свои страницы, а после удаляю их.

— Не хочу, чтобы после моей смерти мои страницы были забиты словами о том, как всем тяжело это принять. Причем, безусловно, писать это будут незнакомцы. — Я пожимаю плечами. — Тебе не тяжело? — спрашиваю я его и поворачиваюсь к отцу лицом.

Тогда папа отрешенно смотрит на меня и отрицательно кивает.

— Ты легкая, как пушинка, — говорит он. И я понимаю, что это правда. Наверное, я *слишком* легкая. Я бы сказала, *смертельно* легкая.

— Ну, вот и все, — произношу я, когда очистила интернет от своей личности. — Теперь я точно исчезну без следа.

— Не говори так.

— Всё хорошо, пап, не волнуйся. — Я вытягиваю свою руку вперед, чтобы разгладить морщинки на лице отца, и замечаю, насколько бледной стала моя кожа. Я ещё больше похудела, теперь я — это почти что скелет обтянутый кожей.

Прихожу в себя и наконец-то дотрагиваюсь пальцами до небольших ямок и полосочек на лице своего старика. Стараюсь их разгладить. У него сухая, дряблая кожа немного желтоватого цвета. Он, безусловно, совсем не следит за собой, думая обо мне. Я смотрю на своего отца, волосы которого уже поцеловала седина, и понимаю, что сожалею за все те плохие слова, что я ему говорила когда-либо. И я проговариваю:

— Ты всегда будешь моим отцом, пап. У меня всегда будешь ты. — А затем обнимаю его за шею крепче.

Я не хочу тебя отпускать, пап. Я не хочу отпускать никого из вас.

Джеральд сидит у моей кровати и пытается шутить, попутно переключая каналы на телевизоре.

Фелиция вновь и вновь повторяет мне, что Майки нужен такой человек, который примет его даже с его болезнью. Будто бы я этого не понимаю. Олли спрашивает, а не больно ли мне из-за

этих штук, ну, которые торчат у меня из рук. Я отвечаю, что бывает больновато. Патрик приносит мне угощения, которые приготовила его мачеха. Я улыбаюсь и вяло благодарю их всех.

Мама постоянно ждет того момента, когда я проснусь, чтобы покормить меня. Я всегда противлюсь этому, ведь у меня отказывают вовсе не руки, а ноги, и ложку я вполне могу держать в ладонях. Однако, и тут я тоже не права. Руки у меня слабые и постоянно трясутся, от чего всё у меня из них валится. Я кривлюсь, закрываю лицо руками и начинаю рыдать от того, насколько я беспомощна.

Кто-то сообщил родителям Ив, что со мной уже совсем всё плохо, потому они пришли навестить меня. Они рассказывали мне, как им живется, что у них нового, и, на первый взгляд, они казались довольно радостными, но ведь я видела, как им тяжело. Когда я случайно произношу вслух свои мысли «Я передам привет Ив. Скажу, что с вами все хорошо, чтобы она не беспокоилась. Я обещаю вам», то их лица искажает гримаса боли. У них тоже не получается сдерживаться.

Майки приносит свой выпускной альбом. Мы с ним неплохо получились на общей фотографии. По крайней мере, я останусь с ним хотя бы на ней. А ещё я останусь на фотографии ежегодного альбома всех классов. Надеюсь, что меня не забудут так быстро.

— Хочу подышать свежим воздухом.

Майки послушно кивает и направляется к окну, распахивает его, чтобы вечерняя свежесть просочилась в мою комнату, но я совсем не это имела в виду.

— Я хочу на улицу, — капризно произношу, хотя не уверена, капризно ли это звучало, ведь мой голос настолько слабый и заспанный.

Майки вновь кивает. Он сажает меня на кровати и велит обхватить шею руками, что я и выполняю, а затем он подхватывает меня и медленно, боясь, как бы я случайно не упала, спускается по лестнице.

Мы усадились на траве на заднем дворике. Как же давно я не чувствовала эту легкую прохладу земли, как давно не ощущала стопами постоянно обновляющуюся траву, не видела птиц над головой и звезд. Хотя, быть может, и видела их из окна своей спальни. Не помню.

Я засыпаю и просыпаюсь, и это происходит вновь и вновь, циклично, что я не успеваю следить ни за своими воспоминаниями, ни за снами, ни за временем. Какой сейчас день? А какой месяц? Год? Хотя ладно, год-то, безусловно, всё тот же.

— Расскажи, почему твой выбор пал именно на меня? — спрашиваю я.

Майки поворачивает свою голову, чтобы посмотреть на меня, но я всё ещё гляжу на только-только появляющиеся на небе звезды.

— Когда я тебя увидел впервые, ты была похожа на обычную девочку, слишком грустную, правда. И я подумал: «Кто она? Почему она грустит?». И когда ты оторвала свой взгляд от своих ботинок и посмотрела прямо на меня, то уже тогда я понял, что ты не похожа на всех окружающих. В твоих глазах читалось многое, они словно кричали: «Помогите мне! Я так хочу жить!». — Я помню, это был мой первый день в школе. — И я не понимал, почему так. Ты ещё долго не уходила у меня из головы, и я искал встреч с тобой, но, наверное, слишком прозрачно, хоть и чересчур навязчиво. Словно бы я был одержим тобой. — Он ухмыльнулся этому, и я тоже улыбнулась. — И когда я увидел тебя тогда, на вечеринке в честь Хэллоуина, в компании с подругами, то твой взгляд уже был другой. Уже тогда тебе в сердце посадили ту самую искру жизни. И я подумал: «Теперь-то точно пора!». Ты ворвалась в моё сердце, не спросив разрешения, и поселилась там, даже не разувшись.

Я улыбаюсь, а у самой вновь боль разрывает грудь на части, от которой слезы стекают по щекам. Как же много я стала плакать. Поворачиваюсь к парню лицом и ударяю его кулаками в грудь, приговаривая:

— Только попробуй не пить таблетки! Только попробуй все отрицать и не лечиться! Ты меня понял?

Майки сначала смотрит на меня с удивлением, а затем на его лице появляется улыбка:

— Я — не сломанный механизм, чтобы меня исправлять. Это и есть я, даже с этим чертовым биполярным расстройством. Но я обещаю тебе, я сделаю так, как попросишь.

— Хорошо, — киваю. — Возьми меня за руку. — Но Майки не делает этого то ли от того, как внезапно я произнесла эти слова, то ли от того, что все ещё находится в своих раздумьях. — Майки, пожалуйста, возьми меня за руку. — И тогда он берет мою руку и сжимает её так крепко, чтобы я могла понять — он всегда будет рядом со мной. До самого конца. — Я тебе не говорила, но я тоже не просто влюблена в тебя.

— Я знаю, — сказал Майки. И я кладу свою голову ему на плечо, глядя на то, как медленно по небу ползет молодая луна.

Этот мир так жесток, но в то же время он так прекрасен.*

В моём очередном сне я была уже тетушкой — у Кристи родились двойняшки. У неё, как я и хотела, был пёс, такой же сумасшедший и добрый, как я и мечтала. Мои родители поседели и много-много лет спустя умерли. Ещё через пару десятков лет за ними последовала и моя сестра. Мы с Майки вырастили наших четверых детей, состарились вместе и тоже в скором времени умерли. Мы были ужасно счастливы вместе.

Всё так, как и должно было быть.

Комментарий к главе:

* — слова, принадлежащие Микасе, героине «Атаки Титанов».

Сорок пять

Пункт первый — остаться в памяти у других. Надеюсь, у нас с Ив получилось достучаться до сердец наших слушателей. Во всяком случае, мы отлично повеселились на фестивале в Окленде.

Пункт второй — стать кем-то другим. Лондон одобрила мои действия на протяжении всего дня. Мы побывали в клубе, я впервые поцеловалась с парнем, я впервые почувствовала себя желанной. И это было круто.

Пункт третий — целый день делать то, на что я бы никогда не согласилась просто так. Перекрасила волосы, сделала татуировку, накупила море вещей — и всё это *вместе с Лорен*, с той девушкой, с которой я обещала себе больше ни разу в жизни не ходить по магазинам.

Пункт четвертый — Алкоголь. Напилась вместе с какими-то укурышами, а после спала вместе с фаянсовым другом на коврике в ванной.

Пункт пятый — Наркотики. Выпила чай из псилоцибиновых грибов, которые где-то откопала Лондон.

Шестым была возможность увидеть настоящую зиму. Ради этого я, Майки, Патрик и Фелиция отправились в Чикаго — город, к тому времени уже занесенный снегом.

Седьмым был секс. Я навсегда запомню обжигающие прикосновения русоволосого парня.

Восьмое — встретить совершеннолетие Лондон. Я приготовила подруге съедобный подарок.

Девятое — сходить на концерт любимой группы. Грин Дэй засчитывается.

Десятым стал парень. Хотя и не была уверена, что этот пункт вообще выполним.

Пункт одиннадцать — дожить до весны.

Пункт двенадцать — помириться с родителями. И хотя мне казалось в то время, что эта мечта не выполнима, она исполнилось второй по счету.

Пункт тринадцать — встретить рассвет и не уснуть. Лондон разбудила меня посреди ночи, лишь бы мы смогли увидеть это потрясающее зрелище, пускай даже она и совсем не знала, что это есть в моем списке.

Четырнадцатым пунктом стали поездки на скейте вместе с Фелицией.

Пятнадцатым — покатушки на велосипедах вместе с Майки.

Шестнадцатым был фестиваль красок, где кучерявоволосый забросал меня сухими красками и где он же отбирал у меня телефон с нашими дурацкими фотографиями, лишь бы у меня не было возможности удалить их.

Семнадцать — прыгнуть с парашюта. Но отличной заменой стал прыжок с тарзанки.

Восемнадцатым была поездка на поезде, когда мы направлялись в поход.

Девятнадцатым — путешествие. Мы с Ив побывали в прекрасном, немного угрюмом, на первый взгляд, но очень живом и красочном городе Шотландии — Глазго.

Двадцатым — мечта о лесе, о том, как я буду ночевать в палатке на природе, буквально в самом её сердце. И это тоже оказалось выполнимо.

Двадцать один — искренне полюбить человека. Это, конечно же, Майки.

Двадцать два — дожить до лета. Готово.

Пункт двадцать три — оставить целый альбом фотографий после смерти. Это тоже выполнено, ведь недавно Лорен помогала мне подписывать и вкладывать фотографии в альбом.

Остались невыполненными лишь три пункта, два из которых, скорее всего, увы, совершенно не выполнимы:

Пункт двадцать четыре — писать письма.

Пункт двадцать пять — осень.

И, наконец, пункт двадцать шесть — своё совершеннолетие.

Сорок шесть

Я прошу отца, чтобы он помог мне добраться до стола и принес мне ручку, ножницы и клей, а также, чтобы он позвал сюда Кристи. Сестра помогает мне выбрать шаблоны конвертов, а затем распечатывает их на принтере, вырезает их по контурам и склеивает — всё, как я её просила. Всего получается шесть небольших конвертов. Ещё я прошу принести мне линованную бумагу и, когда Кристи возвращается с ней, то я прошу оставить меня ненадолго, чтобы я могла собраться с мыслями.

Ручка вечно выпадает у меня из рук, от чего я не могу сосредоточиться, ведь меня это нервирует. Как жаль, что я не могу заставить свою руку прекратить трястись, если бы была такая возможность, то жить было бы легче. Собираюсь с духом и корявым почерком начинаю писать то, что так хотела бы сказать.

Кристи

Прекрати быть всего лишь наблюдателем спектакля под названием «жизнь», стань его непосредственным участником. Ладно?

Ты теперь единственный ребенок в семье, потому не бойся совершать ошибки, тебя все равно не будут винить за это. Кстати говоря, что я поняла — ошибки нужно совершать, чтобы позже учиться на них и не повторять вновь. Ну, а если всё-таки они повторятся, ладно. У меня тоже есть парочка любимых граблей.

Помнишь, я тебе говорила о том, чтобы вы сплясали на моих похоронах? Так вот я не шутила. Seriously. Я ХОЧУ, чтобы вы надели какие-нибудь яркие, веселые костюмы, пусть даже будет хоть какая-то яркая вещь у вас на одежде, лишь бы не эти обыденные, черные тряпки, которые обычно надевают люди. Правда. Хватит с меня темных красок. Это будет частью моего потрясного ухода.

Включите хорошую музыку. Я бы не отказалась послушать одну из своих пластинок, ты найдешь их в шкафчике, на третьей полке, слева, но, если не удастся, не откажусь и от инди. Майки и Лондон должны знать то, что мне по душе, спроси у них.

Я хочу, чтобы меня похоронили где-нибудь рядом с Ив, тогда мы смогли бы легко отыскать друг друга в загробном мире — надеюсь, что такой существует — и поболтать. Хочу, чтобы на мне было одно из платьев, которые любит Ив. Знаешь, они и мне понравились, чудесные такие. Я словно Лоли, когда надеваю их.

Кстати, пусть мой гроб кто-нибудь разрисует какими-нибудь яркими узорами или цветами — пусть будут пышные розовые пионы. Мне было бы приятно.

Не нужно скучных эпитафий. Пусть будет что-нибудь красивое. Например, фраза Теннисона «Уж лучше полюбить и потерять, чем знать, что никогда не полюблю». Звучит классно, да?

И заведите собаку. Очень хочу, чтобы у вас с Джером была собака.

Я очень рада за вас.

На этом всё.

Люблю.

Целую.

Папе

Не вини себя, пожалуйста, в том, что произошло. Я тебе уже тысячу раз говорила, никто в этом не виноват, если так случилось, то, наверное, так и должно быть, разве нет? От судьбы не уйдешь, верно? Хотя я и не верю в судьбу. Знаешь, очень странно писать тебе, ведь я знаю, что ты сидишь в соседней комнате и, наверное, очередной раз ищешь какой-нибудь нетрадиционный способ моего спасения. Не стоит, правда. Я видела историю в браузере, и, как мне кажется, все эти врачи, которые согласны на опасную операцию по удалению неоперабельной опухоли, шарлатаны. Ну, разве само слово «неоперабельная» не подразумевает то, что хирургическое вмешательство невозможно? Не будь таким наивным, пап.

Если будет сложно — обращайся к семье Одэйр, они-то поймут тебя, можешь и не сомневаться.

Насчет моих похорон и прочего спрашивай у единственной оставшейся дочери, я ей все рассказала. Черт, знаешь, даже я не могу принять тот факт, что теперь она останется одна, хотя раньше она была средним ребенком в семье. Но вы справитесь, я-то точно знаю.

Кстати, если будешь говорить что-то на похоронах, то напиши это заранее на листике, иначе растеряешься и забудешь всё. Если хочешь — расскажи всё, какой я была капризной и непослушной, что я не была отличным примером для подражания, что я постоянно грубила и язвила, а также — особенно после того, как узнала, что умираю — заставляла всех плясать под свою дудку. Ничего не утаивай. Я бы хотела это послушать.

Но, если решишь рассказать обо мне только хорошее, — надеюсь, что вспомнишь хоть что-нибудь — пускай. Я не обижусь.

Не смей впадать в отчаяние и начинать вновь пить, ладно? У вас ещё есть дочь, а у неё есть жених, а значит, что, как только они по-настоящему повзрослеют, лет так через десять, хотя, может, и раньше, у вас будут внуки. Разве не ради этого и стоит продолжать жить дальше?

Будет грустно — приходи ко мне на могилу поплакаться, я выслушаю тебя. Разговаривай со мной, хорошо? Даже если прохожие будут косо смотреть на тебя, мол, чего это он разговаривает с надгробием, плевать, всё равно рассказывай мне все, ведь я так люблю слушать. Я серьезно.

Если решишь возненавидеть меня за то, что я умерла, ладно. Я разрешаю. Я тоже ненавидела Тома некоторое время, пока не поняла, как это глупо. Правда, я разрешаю тебе меня ненавидеть. Думаю, по некоторым причинам все-таки ненависть будет оправдана.

И помни, что ты всегда останешься моим отцом. Даже если я умру и стану каким-нибудь природным явлением, даже если я совсем исчезну и перестану существовать, даже если я попаду туда, где нет ни воспоминаний, ни чувств, ты все равно будешь моим единственным и любимым отцом. И не волнуйся, я всегда буду рядом и ещё долго не буду давать вам спокойно жить, стуча дверьми или завывая ветром по ночам. Нет, правда.

Ладно, наверное, стоит заканчивать.

Люблю тебя, пап.

Маме

Следи за отцом, чтобы он ненароком не начал вновь пить.

Когда будешь приходить ко мне на могилу, бери с собой кексы, я так люблю твою пахучую выпечку.

А ещё не закрывайся больше в себе, пожалуйста. Как бы ни было больно, всё проходит. А у тебя ещё есть дочь, думай о Кристи больше. Ок'ей?

Я повторяюсь, как постоянно повторяюсь при отце, тебе тоже не стоит винить себя за мой уход. Всё в этом мире циклично: жизнь — смерть, — все через это проходят. Если тебе это поможет, то утешай себя тем, что я прожила свою жизнь хорошо. Я прожила этот год просто отлично, он заменил мне лет десять жизни. Правда.

Знаю, ты сильнее всех, пожалуй, ты самая сильная в нашей семье, потому ты-то точно справишься. И я не волнуюсь об этом.

Соскучишься — открой на ночь окно, я залечу к тебе в комнату и останусь с тобой, буду обнимать тебя, пока ты спишь. Договорились?

Я всегда буду тебя помнить, мам, и то, как ухаживала за мной, сколько времени на меня тратила, как была терпелива и как поддерживала своими точными словами, попадающими прямо в цель.

*До встречи.
Люблю тебя,
Эмили*

Лорен

Не знаю, простишь ли ты меня за мой уход, а, тем более, не знаю, простишь ли за то, что я обращаюсь к тебе по настоящему имени, но надеюсь на это.

Больше не совершай опрометчивых поступков. Не убегай от собственных проблем. Не надери случайно кому-нибудь задницу из-за своего вспыльчивого характера — они этого не достойны. И, пожалуйста, думай, прежде чем что-то сказать или что-то сделать.

Не смей бросать Трента, пусть он и в тысячах километрах от тебя, он мне нравится, он хороший.

Прости наконец-то своих родителей и открой сердце для них. Они ведь так стараются ради тебя. И не груби им, от этого у меня просто сердце разрывается. Если думаешь, что они тебя не понимают, заставь их понять: устройте семейный ужин или поговорите по душам, расскажи им то, что ты хочешь от них. Это должно помочь.

Я буду держать за тебя кулачки, лишь бы ты хорошо закончила старшую школу и сдала экзамены на высокий балл. Я всегда буду держать за тебя кулачки, что бы ни случилось.

После моей смерти возьми к себе моего кролика. Моя память мне отказывает, потому назови его, как тебе вздумается. Пусть это будет напоминанием обо мне.

*Вроде бы всё.
Я тебя не забуду, Ло. Мы — лучшие подруги навсегда.
С любовью,
Эмили*

Фо

Хватит притворяться стервой — на самом деле, в глубине души ты очень добрая и отзывчивая.

Береги свою семью, но не будь для них обузой. Я имею в виду Майки, конечно же. Если он захочет уехать — отпусти его. Он большой мальчик, он справится. К тому же, он обещал мне, что больше не будет выбрасывать таблетки.

Каждый триместр вам будет приходить небольшая коробка с лекарствами — это моя память вам. Не нужно меня благодарить за это, хватит того, что вы будете помнить обо мне.

Передай привет Патрику, я очень надеюсь, что у него все будет хорошо. Он веселый парень.

*Передай Олли, что я буду очень скучать. Мне будет не хватать его детских забав.
Поблагодари своих родителей от меня за всё. Они были очень добры ко мне.
И спасибо тебе.*

Затем я пишу последнее письмо, в которого надеюсь вложить всё чувства, что у меня только остались.

Время заканчивается, и меня нужно вновь подключать к аппаратам. Как говорил доктор Фитч, «безопасное время», пока на меня все ещё действуют лекарства, хоть я и отключена от капельницы.

Я раскладываю письма по конвертам и заклеиваю их клеем-карандашом, подписываю адресаты, а затем прошу сестру спрятать эти письма и не открывать их, пока я не умру. Кристи должна была раздать их сразу же после моей смерти, только с Майки я попросила повременить — пусть он получит моё письмо на похоронах.

Двадцать четыре пункта моего списка выполнены, и это прекрасно. Значит, я не зря прожила этот год с надеждой о том, что полностью его осуществлю.

Сорок семь

Новые дни рвут меня на части.

Я кричу, чуть ли не каждый раз как засыпаю, от того, что мне снится. А ещё я кричу от невыносимой головной боли, что словно бы скручивает меня и начинает отдирать от меня кусочек за кусочком. Доктор Фитч говорит, что это из-за внутричерепного давления.

Майки проводит со мной всё своё свободное время, а также остается на ночь. Моё тело ужасно холодное, да и я сама постоянно мерзну, поэтому парень согревает меня своим теплом. Я постоянно бужу его посреди ночи своими возгласами и стонами, а также я замечаю, что часто выкрикиваю, будто темнота поглощает меня, и я падаю. Держите меня, я падаю. И Майки держит. Даже несмотря ни на что, он остается со мной.

— Я умру, и ты меня забудешь, — проговариваю я.

— Нет, не забуду, — твердо произносит Майки.

— Забудешь, все всегда забывают.

— Нет, ты будешь жить в моём сердце всегда! И точка.

— Хорошо. Это радует. Пока меня будут помнить, я не умру. Пока людей помнят, они живут.

Темнота, и правда, поглощает меня. Она стирает мои воспоминания. Каждый раз я стараюсь ухватиться за конец, не дать ей съесть очередное мое воспоминание о семье, о парне или о подругах, но каждый раз я терплю поражение, и это прекрасное мгновение уходит.

— Мы с тобой ещё увидимся, — говорю я.

— А как я узнаю, что это ты? — спрашивает кучерявый мальчик.

— Узнаешь. Я буду той самой девушкой, которая пойдет и спросит, какую ты читаешь книгу, или с которой ты случайно столкнешься в столовой, или которую ты случайно заметишь в толпе и позже отыщешь её. Что бы с тобой ни случилось, я всё равно буду *той* самой девушкой.

Я всё путаю. Постоянно бурчу какой-то неразборчивый бред. Не могу воспринимать новые вещи, словно бы кто-то отключил эту функцию у меня в голове. Я теперь почти не узнаю лица, лишь голоса, оставшиеся у меня в памяти, помогают мне определить, что за человек стоит передо мной. И это меня пугает. Что если однажды я проснусь и не смогу вспомнить, кто я?

Как странно, что в этот момент, я неожиданно вспомнила слова одной песни. Я не могу открыть рот, чтобы пропеть её вслух, ведь я очень слаба, потому я представляю, что пою, у себя в голове, и это кажется весьма забавным.

*Вся прелесть в том, что мы обречены и каждый миг для нас всегда последний.**

Иногда, когда у меня нет сил, чтобы открыть глаза, то я просто лежу и слушаю то, о чем говорят окружающие, что они делают. Звук Майки — это постоянный треск фольги, которую он складывает снова и снова. У Лондон — это её звонкий голос, похожий на щебетанье птиц. У папы — это его глубокие вздохи и тяжелые шаги. От мамы всегда приятно пахнет чем-то вкусненьким. Когда приходит Кристи, то слышится шелест страниц книг. При Джеральде включается телевизор. А при Фелиции, Патрике и Олли всегда шумно.

И однажды я случайно подслушала разговор отца с Майки. Папа спрашивал его, почему тот не сбежал, почему он продолжает оставаться со мной каждый день, каждую ночь, каждое мгновение, какое бы оно ни было пугающее.

— Я её не брошу. Я её никогда не брошу, — говорил Майки.

Тогда папа вновь тяжело вздохнул и, мне показалось, даже чуток рассмеялся.

— Ты не злился на меня, я очень тебе благодарен. Просто, когда ты станешь отцом, ты меня поймешь. Ты поймешь, что никто не подходит твоей девочке, но один все-таки найдется.

И я мысленно улыбнулась ему.

Комментарий к главе:

* — *Дельфин. «Девять».*

Сорок восемь

— Ты дожила до осени, — произносит Майки, когда я открываю глаза.

Серьезно? Уже осень? Неужели у меня правда получилось?

— Я хочу прогуляться, — прошу я Майки, который вновь лежит рядом со мной в постели и всё никак не может сомкнуть глаз.

Замечаю, что сейчас ночь, но потихоньку на улице уже начинает светать.

— Ты уверена?

— Да.

Парень одевается, а затем помогает одеться и мне. Вся сложность в моих ногах, руками я могу управлять относительно нормально. Мы отключает меня от аппаратов, и я понимаю, что отсчет моего «безопасного времени» уже пошел. Майки предупреждает моего отца, дежурившего на диване в гостиной, что мы хотим пройтись по городу. Точнее говоря, *он* — пройтись, а я прокатиться.

Когда Майки заходит в мою комнату, чтобы забрать меня, то я останавливаю его в дверях и произношу «Смотри!». Сама, без чьей-либо помощи, я становлюсь на свои отекавшие и исхудавшие ноги, проходит всего лишь мгновение — то самое мгновение, в котором я вроде бы стою на ногах. Но это не так. Они трясутся и подкашиваются, и я начинаю лететь вниз. Я бы, наверное, так и упала, если бы русоволосый не подхватил меня вовремя.

— Не нужно так больше делать, ладно?

Я киваю, хватаясь за его пуловер, стараясь найти поддержку в его лице. Он *всегда* был для меня поддержкой.

Парень вновь закидывает меня себе на спину, и мы спускаемся вниз, затем выходим из дома и останавливаемся у заборчика, у которого стоит велосипед. Майки теперь постоянно на нём разъезжает, ведь его пикап, похоже, отжил своё. Хотя, на самом деле, я прекрасно понимаю, что у парня нет времени на его ремонт.

— Держи ноги вот здесь, — говорит он и прижимает мои ноги к небольшой перекладине у колеса. Меня он уже посадил на рамы, а сейчас одной рукой держит велосипед, чтобы он не упал, а другой жестикулирует.

— Майки, — произношу я.

— Ась?

— Я не чувствую ног, — верчу головой.

Наверное, он понял, о чём я говорю. Если я не чувствую ног, то не смогу держать их в нужном положении.

— Ладно, тогда просто крепче держись за меня, хорошо?

И я киваю.

Сначала я не знала, куда мы направляемся, но затем я поняла — мы вновь едем на холм, с которого открывается прекрасная панорама на город. Мы усаживаемся на влажной из-за росы траве и просто следим за тем, как исчезают звезды с небосвода, как светлеет небо, как появляется огненный шар за горизонтом. С огромным трудом я заставляю себя сесть по-турецки и выпрямить спину, чтобы оглядеть всю эту красоту, чтобы подставить своё лицо под струи ветра и под яркие лучи солнца.

Ещё один день.

Не сегодня.

Я хочу прожить ещё один день.

Двадцать пять — вот сколько выполнено моих мечт.

— Майки, — проговариваю.

Он внимательно смотрит на меня и ожидает, что же я скажу.

— Как бы я хотела, чтобы у нас были дети, — выдаю я. — Как бы я хотела, чтобы у нас вся жизнь была впереди.

Майки улыбается, но в то же время его глаза краснеют от подступающих в горлу слёз. И тогда он задает мне один единственный вопрос, из-за которого вся внутри перевернулось. Если бы была возможность, я бы продала душу Кроули, лишь бы продлить свою жизнь.

— Да, — отвечаю я на поставленный вопрос и тянусь к рукам Майки, лишь бы прижать его к себе и почувствовать его объятья.

— Майки, я так устала... — произношу я, когда мы входим внутрь моего дома. — Хочу спать, — кое-как пролепетала.

Я чувствовала, как понемногу уже начинаю засыпать. Всё вокруг затуманивалось, ноги подгибались, глаза сами собой слипались. Дыхание становилось более учащенным и глубоким.

Он аккуратно (ни без помощи отца, который всегда был рядом, когда мы оказывались дома) помог мне взобраться по лестнице, а после уложил в кровать. Папа подключил меня ко всем аппаратам и оставил меня наедине с Майки. Хотя какой там — наедине. Через катетер в моей правой руке с капельницы по трубочке потихоньку начало поступать успокоительное, чтобы меня вдруг внезапно не одолел приступ гнева.

Майки сидел напротив, в кресле, но я, пока еще были силы, подозвала его и попросила воды. Когда он наклонился, чтобы расслышать мою мольбу, пульс забился чаще. Ещё чаще. Ещё. Прямо как в первый раз.

Он сбегает по лестнице вниз и открывает кран.

Аппарат, следящий за частотой моего сердцебиения, начинает пищать учащеннее. Пип. Пип. Пип.

В голосе стоит непонятный вакуум.

Я слышу в висках, как сильно бьется моё сердце. Удары пульсируют в голове. Вдохов меньше. Они более глубокие.

Чувствую, как глаза начинают бегать под закрытыми веками. Открой их. Открой их. Открой их, черт возьми!

Лекарство начинает понемногу действовать.

Я растворяюсь.

— Эмили! — кричит мой любимый голос. Голос, который я боготворю.

Что-то стучается об пол. Глухой, полый звук. Наверное, это была кружка с водой.

— Эмили, нет! — всё кричит он.

Бегущие ноги. Чьи-то горячие руки на моих плечах. Кто-то меня трясёт, но я не могу проснуться. Женские всхлипы. Все звуки и цвета сливаются в одно непонятное пятно. Я уже не могу разобрать, кто что кричит.

— Эмили, пожалуйста!

— Отойди, парень!

— Что с ней?! Почему у неё пульс просто зашкаливает?!

Сердце бьётся всё чаще. Оно такое тяжелое.

— Сестрёнка!

— Сделайте же что-нибудь!

Вздох. Мне нужен только еще один вздох. Пожалуйста.

— Она не дышит!

— Нет, Эмили! Я здесь! Я рядом! Я держу тебя, ты не упадешь!

Голоса становятся тише.

Я помню эту просьбу. «Майки, держи меня, я падаю», — шептала я однажды.

«Эй, вы куда? Вы должны написать объяснительную», — говорит охранник. Мы опоздали. Майки берёт меня за руку, и я вздрагиваю от этого неожиданного прикосновения. Миссис Аллен с её «Видите? Я уже смеюсь». Кёрлинг на швабрах в спортивном зале. Первые откровения.

— Эмили! Эмили!

Лицо Кристи, когда она призналась мне, что я умру. Несчастливая птичка, которая, возможно, не перенесла столкновения со стеклом. Вишня за окном.

Папина рука, которую я держала в больнице; его глаза, из которых лились слезы. Мамин платок. Лондон под боком. Завядшие цветы. «Ты умрёшь. Раньше меня. Раньше Кристи. Раньше Тома. Как и должно быть».

Приятный вкус апельсина на пальцах. Чириканье попугаев. Светло. Повсюду прекрасные зеленые растения. Лондон, нервно кусающая губы. Лондон, которая трепала бедную подушку, подложив под себя ноги. «Ты стала такой сентиментальной».

Мгновения скачут, как при просмотре фильма. Быстрее. Быстрее. Быстрее.

Отчаянный взгляд Фо.

Сплетение наших с Майки рук.

«Я — Эмили». Девушка с сияющей душой легонько улыбается мне. Она смущена. Она краснеет. «А меня зовут Ив». И мы пожимаем друг другу руки.

«Я беременна».

«Мы помолвлены! Эмили, мы поженимся!».

«То есть вы хотите сказать, что я...». «Да. Эмили, ты, скорее всего, лишишься рассудка».

Первый поцелуй с Майки. Январь. Холод. Река.

Том дует на мои коленки. Кристи говорит успокаивающие слова. Они улыбаются, а я плачу. Больно. Больно. Как мне больно! Мои коленки!

«Заводите песню!». И все начинают кричать походную песню, слов которой я, наверное, единственная, не знаю. За плечами тяжелые рюкзаки. На лбу пот. Все уставшие, но все рады.

«Что с ним?». «У него биполярка». «И что это значит?». «Он нестабилен, Эм. Он серьезно болен».

«Я вас люблю». «Эмили, что с тобой?» — спрашивает Кристи. «Все хорошо, я просто вас люблю».

Звук кричащих людей из толпы. Громкая музыка из колонок отдается аж в ямке под горлом. Мы прыгаем. Мы танцуем. Мы обнимаем друг друга от радости. «Мы победили, Ив! Мы победили».

Том хвастается своей машиной. Он чуть ли не вприпрыжку бежит вокруг неё. «Теперь я могу официально на ней разъезжать, я получил права!». Я бросаюсь к нему, а он меня приобнимает. «Молодец, братец!».

Майки снимает с меня платье, целует плечи, целует шею. «Ты уверена?». «Да». Руки сплетаются. Мы одно целое.

За окном льёт, как из ведра, а Лондон стоит в дверях, вся опухшая, с потекшей тушью под глазами. «Эмили, что это за чувство?». «Это любовь».

Сверкающие фонари. Гирлянды. Как Джерс с папой украшают наш дом. Как Джерс шутит. Как заливается хохотом мама. Как Кристи ставит на стол пакеты с покупками. Как небо озаряют волшебные фонтаны красок. «Теперь ты счастлива?». «Да».

«Сражайся за жизнь, за любовь, за дружбу... и надежду. Ведь если нет надежды, то зачем тогда жить? И я люблю тебя, Эм. Я так сильно тебя люблю». «Ив! А я-то как тебя люблю!».

«Я сделала аборт». «Я так и знала».

«Ты можешь мне объяснить, почему мы лежим здесь, в лесу, на мхе, и смотрим на небо вопреки тому, что уже замерзли и промокли в росе до чертиков?». «Неа. Но знаешь, мне это нравится».

«Вверх! Вверх!» — кричит маленькая девочка с темными волосами. Отец взял её под руки и легонько подбрасывал в воздухе. «Выше!».

Сердце делает удары всё чаще, всё сильнее, всё болезненней. Я не могу сделать вдох. Я слабею.

— Не уходи! Не оставляй меня одного!

Прости.

«Я не всегда буду рядом, Майки».

«Том, машина!»

«У нас свадьба в октябре. Ты дотянешь?».

«Эмили, мы всегда будем с тобой, вот здесь, прямо в твоём сердце, как и ты в нашем».

«Трент звонил. Я ему всё рассказала. Он сказал, что если бы я решилась, то он бы меня поддержал. Он был бы не против ребенка. Он сказал, что все равно любит меня».

«Я передам привет Ив. Скажу, что с вами все хорошо, чтобы она не беспокоилась. Я обещаю вам».

«Ты всегда будешь моим отцом, пап. У меня всегда будешь ты».

Ещё один щемящий удар. В груди словно накаляют железо. Хочу кричать об этом. Мне больно. Как же больно. Хочу кричать!

— Эмили, ... если пора, то иди, мы отпускаем тебя.

— Я всё равно буду любить тебя, Эмз. Всё равно.

Яркое оранжевое солнце показывается из-за горизонта. Первые дни осени, а тепло, как в самые первые дни лета. Ветер гладит мои волосы. Город блестит в первых лучах появляющегося огненного шара. Мне кажется, что он улыбается мне, что он говорит «Еще один день, не правда ли?». В объятиях Майки так тепло — нет сил, чтобы долго стоять на ногах. И вот я уже сижу по-турецки на траве и морщусь от света, который излучает шар солнца. Мне так тепло. Мне так спокойно.

Хочется продлить этот момент еще на вечность. Хочется, чтобы так было всегда: я, Майки, ветер, трава, тепло, наше прерывистое дыхание; еще наполовину спящий в пять утра город, тихий и мирный, игра бликов и лучей солнца по стеклянным высотным зданиям; чирикание птиц, сидящих на проводах, колыхающихся от ветерка, и шелест листьев как убаюкивающая колыбельная матери.

Это похоже на какой-то прекрасный сон. Как бы я хотела, чтобы он продолжался. Пока я помню о нём, он будет вечен.

«Я тебе не говорила, но я тоже не просто влюблена в тебя».

«Тебе лучше больше не приходиться, не хочу, чтобы ты видел меня в таком состоянии. А всё будет только хуже».

«Я люблю тебя. И я не оставлю тебя, Эм».

«Как бы я хотела, чтобы у нас были дети».

«Как бы я хотела, чтобы у нас была вся жизнь впереди».

Сердце еще раз со всей силы делает удар. Воздуха уже нет в легких, но мне легко как никогда. Я уже не слышу звуков, но это услышала. Моторчик в груди спотыкается. Аппарат со всей силы пищит «Пи-и-и-и-и-и-и-и-и-п». И больше ничего не стучит в груди.

Я смотрю на рассвет и думаю о вечности. Город потихоньку оживает, уже слышатся первые звуки просыпающихся лавочек, магазинов, машин, людей. Но нам здесь, на этом холме, возвышающемся надо всем городком, все равно на едва заметную суету. Всё ещё шелестят листья над головой, всё ещё птички что-то напевают себе под клюв, плавая на незаметных волнах воздуха, всё ещё ветер приятного ласкает кожу, а земля дарит едва ли заметное тепло. Роса и жучки. Просыпающиеся пчелы и божьи коровки. Неровное дыхание и тепло тел.

И когда Майки спрашивает:

«Если бы это было возможно, ты бы вышла за меня замуж?».

Теплое чувство касается сердечка. Губы расплываются в легкой, нежной улыбке. Я уже начинаю тихонько засыпать. Но всё равно, пока ещё есть силы, пока ещё я в сознании, без раздумья отвечаю:

«Да».

— Прощай.

Нуль

Это будет холодная осень.

Представляешь,

дыхание пряча, ты идёшь по продрогшей аллее.
А когда я умру, ты заплачешь?
Это будет прекрасное утро.
Утром кто-то тебя поцелует,
только я буду гордой,
как будто тот, кто умер, совсем не ревнует.
Это будет совсем понедельник — не люблю понедельники с детства,
целый день ты проходишь, бездельник,
будешь путать и цели, и средства.
Обстоятельства — гаже не скажешь,
ни одной разрешённой задачи,
ты устал от обыденной лажи,
ну, а я ... умерла.
Ты заплачешь?
Застоявшаяся радость — в детях, в телевизоре, в кухне за плиткой,
мой счастливый,
я путалась в сетях, и вот — нет этой гордой улитки.
Все амбиции, видишь, спасли ли?
Искололась и алкоголичка?
Нет,
с тобою и врозь мы же — жили, только я прогорела, как спичка.
Ты заплачешь и выйдешь из дома,
остановится сердце?
Едва ли,
никогда не узнавшие, кто мы, мы не любим, чтоб нас узнавали.
Ты навзрыд, на коленки, к вокзалу побежишь, задымишь сигаретой,
почему же тебе не сказали, что навеки закончилось лето?
Позвонишь — недоступна,
разбилась, или просто не стало со скуки,
не проверивший, что же случилось, ты в бессилье заламывать руки станешь,
скажут: "а кем приходились?".
Замолчишь,
и сломается датчик.
И какие мечты там не сбылись, разве важно?..
Конечно, заплачешь.
Вот за это, почти и не помня, ненавижу тебя,
ненавижу,
сладкоголосный, выдранный с корнем,
на кого-то зачем-то обижен,
не пускаешь меня, не пускаешь,
умереть и забыть не пускаешь,
не поёшь меня, не презираешь,
только жадно глазами читаешь.
Это будет холодная осень.
Тёплой осени больше не будет.
Только я буду знать, эта проседь — обо мне. И меня не забудет.
Да,
когда я умру — ты заплачешь и поймёшь, каково расставаться.
Только, взрослый и глупый мой мальчик,
обещай и тогда — не сдаваться.

Мария Маленко

Эпилог

Внезапно перед днем похорон пошел дождь вопреки тому, что почти всю неделю до этого на улице стояла невероятная жара. Ввиду дождя было прохладно и сыро, а солнце, редко появляющееся из-за туч, совсем не пекло, словно бы решило пощадить всех в этот день.

Парень в сером пальто и в котелке, к которому была прикреплена роза, прижимал к груди конверт, словно бы это был его самый драгоценный камень, и неся подальше от кладбища, подальше от грустных лиц несмотря на то, что все обещали веселиться покойнице. Он бежал так быстро, что ему приходилось придерживать одной рукой свой головной убор и пальто его распахивалось, и все прохожие удивлялись необычному наряду паренька: джинсы, светлая рубашка и цветастый галстук.

Он сел на скамейку возле цветочного магазина и библиотекой — самыми тихими местами в городе, как он считал — и дрожащими руками стал разрывать конверт и разворачивать послание. У него в груди всё сжалось, когда он поднес к глазам письмо, написанное её рукой, её больной, отказывающей и дрожащей рукой. Набрав полные легкие воздуха, он собрался с силами и стал читать кривой почерк на линованной бумаге.

«Майки.

Знаешь, я никогда не умела показывать своих чувств и, наверное, уже не научусь этому, но я зачем-то пишу это письмо, чтобы рассказать тебе о них.

Ты очень умный, добрый и заботливый. Немного сумасшедший, и я вовсе не о биполярке, и очень храбрый. Ты знал, как нужно брать от жизни всё. Всё это — твои качества, которые и делают тебя собой. Пожалуйста, оставайся таким же. И не забывай лечиться, прошу тебя. (Ах да, только попробуй сделать с собой что-нибудь, я же тебя с того света достану!)

Когда я тебя впервые увидела, подумала «Что за грубиян!». Ты так меня раздражал. Но затем это раздражение внезапно сменилось какой-то необычной тягой к тебе. Представь: ты занял все мои мысли!

Я не могу собраться с мыслями, извини. Потому я немного пофилософствую, хорошо?

Не хочу рассказывать тебе о причинах своих поступков, просто знай: никто в этом не виноват, я сама села на мотоцикл и сама врезалась в дерево, сама же постоянно пренебрегала советам врачей. Это полностью моя вина. И когда я узнала, что умру, возможно, через год, то полностью поникла, ничто и никто не мог меня вновь воодушевить. Но постепенно в мою жизнь входили новые люди: Ив, ты, Фо — и вы, сами того не подозревая, помогли мне осознать, какого это — жить и быть живой.

Так что же значит «жить», спросишь ты? Жить — значит, любить. Любить всё, что тебя окружает: эту траву, эту зелень, это солнце, этих птиц, этих животных; людей, шум, тишину, свет и мрак, свет и тьму. Любить весь мир, каждого его обитателя своей огромной, необъятной душой, которая есть у каждого: нужно просто её открыть. И я открыла её для вас.

Жить — значит, мечтать. Каждый всегда способен мечтать, но, к сожалению, некоторые считают это пустой тратой времени. Взрослее, люди будто бы ограждают себя от всех невероятных мечтаний; они строят более приземистые планы, они боятся рисковать, боятся сделать шаг к тому, что кажется им непостижимым. Я ведь и сама была такой, боялась всего, пока не поняла, что уже нет времени на страх, бояться уже было поздно. И потому я создала список вещей, которые хотела бы сделать.

Взрослые считают жизнь сложной штукой — да, определенно так и есть. Но разве иногда не стоит ли забыть об этом, отбросить на задний план? Просто вспомнить себя в детстве. Как всё казалось легким, не правда ли? Именно поэтому дети всегда верят в мечты. Вот почему они не сдаются. И я позволила себе вернуться в прошлое, к той жизнерадостной девочке, которая жила во мне; позволила — и не пожалела.

Знаешь, ведь жить нужно сейчас, а не ждать, пока придёт твой час. Жизнь коротка, так, может, стоит рисковать? Прыгнуть в автобус и уехать в неизвестном направлении, если жизнь надоела так. Проспорить незнакомцу на желание и исполнить его. Помочь первому встречному, чтобы узнать, что же это за чувство — чувство благодарности. Совершить безбашенный поступок, который будет нести за собой неизвестно какие последствия — ну, лишь бы это было

не что-то чересчур противозаконное. Поцеловать человека, к которому уже давно испытываешь чувства, но не можешь никак признаться. Солгать — если оно того стоит, если эта ложь будет ради твоей мечты, если эта ложь не будет ранить окружающих. Растратить все свои деньги на давно желаемые мелочи и вещи, а после сидеть без гроша в кармане, но с чувством собственного счастья.

Жить — это, значит, наслаждаться каждым существующим мгновением. Сейчас.

Даже если твой путь тяжёлый, даже если он пролегает во тьме, даже если он проходит через горе, страдание и беспомощность, нужно верить, никогда не терять надежду и идти вперед — обязательно идти вперед! Ведь все наши печали, горести и муки — всего лишь мгновения. Отпусти их, и они пройдут. Страдать, но никогда не сдаваться — в этом и заключается суть нашей жизни.

Я все это поняла благодаря тебе, Майки, и благодаря Ив, Лондон, моим родным. Спасибо тебе, спасибо вам за это.

Помнишь, как мы впервые столкнулись в кафе?

Не правда ли холодный снег, брошенный в лицо, очень бодрит?

А разве не чудесно чувство невесомых ног, когда слушаешь чьё-либо выступление на сцене?

Действительно ли речная вода в январе такая холодная?

И наши звенящие в смехе голоса, разве они не прекрасны?

Удивительно, да, что лучшие всего запоминаются такие обычные события?

Я всегда твердила: «Пусть они никогда не забудут меня, пусть я останусь в их сердцах навсегда», — это и есть смысл моей жизни. Тот смысл, которому ты и Ив научили меня.

Интересно, будешь ли помнить ты меня хоть немного? Смогла ли я кому-нибудь запасть в сердце? Получилось ли у меня тронуть кого-нибудь? Буду ли я одним из лучших воспоминаний на твоей памяти? Ладно, шучу: хотя бы одним из самых трогательных? Надеюсь, что да.

Я точно знаю, что ты встретишь ещё человека, который заставит тебя строить мечты о будущем. Дождись его и живи той жизнью, которую ты показал мне однажды.

Живи. Просто живи.

Прости, что я как пришла в твою жизнь, так и ушла из неё. Прости, что тянула всё до последнего, а затем поставила перед тобой неисправимый факт. Прости, что влюбила тебя в себя. Прости, что доставила тебе море проблем и ещё больше боли. Прости, что не получилось с тобой пойти на выпускной балл. Прости, что я так и не смогла признаться: «Я люблю тебя» — я такая трусиха. И ещё за очень многое «прости».

И спасибо тебе за всё.

Спасибо.

С любовью,

Эмили»

Майки встал с лавочки и, всё также крепко прижимая к груди исписанный листок бумаги, а также нащупывая тёплый от теплоты его тела медальон у себя на груди, просто пошёл вперед, куда глаза глядят: мимо садов, мимо магазинов, мимо парков, мимо железной дороги, мимо школы. Внезапно он огляделся вокруг и увидел её. Она стояла у обочины дороги, прижимая к голове соломенную шляпку, будто ветер вот-вот унесёт её, и подол её светло-розового сарафана развеялся, действительно, как при сильном ветре. Её волосы отливали серебром, а глаза были такими голубыми, что казалось, будто можно легко утонуть в них. Девушка обернулась, чтобы посмотреть на Майки, и улыбнулась такой счастливой улыбкой, от которой только и можно что радоваться.

— Смогла ли я достучаться до тебя? — спрашивает она. — Жизнь ведь на этом не заканчивается, верно? Обещаешь ли продолжать жить дальше?

— Обещаю, — произносит парень.

Девушка улыбается ещё краше, чем раньше, пытаясь скрыть застоявшиеся в глазах слезы. Дует ветер и сносит с дерева только-только позолоченные осенью листья, а вместе с листьями

улетает и шляпка девушки с *серебряными* волосами. И *Эмили*, подхваченная осенней бурей, распадается на множество листьев цвета осени.

Майки бросается вперед и старается успеть схватить любимую и больше ни за что в жизни её не отпускать.

— *Обещаешь ли?* — *вторит она и растворяется в буре красок.*

— Обещаю! — выкрикивает русоволосый.

— Эй! — возмущенно восклицает кто-то.

Майки теряет из виду образ, к которому стремился всё это время, и смотрит на девушку, которая собирает по асфальту яблоки, что рассыпались у неё из картонного пакета.

— Простите, — произносит он, осознавая, что случайно налетел на девушку.

— Ладно, всё нормально.

Он поднимает глаза, чтобы посмотреть на неё и не может поверить в то, что видит. Девушка совсем не похожа на ту, которую он только что видел, совсем другой цвет волос, а также другие глаза, иная форма губ. Но как только незнакомка поднимается взгляд на Майки и легонько улыбается, то он сразу же понимает слова Эмили.

«— *Мы с тобой ещё увидимся,* — *говорила она.*

— *А как я узнаю, что это ты?*

— *Узнаешь»*

Дыхание учащается, и Майки кажется, что это невозможно. Он слышит, как кто-то нашептывает ему на ухо «*Жизнь ведь на этом не заканчивается, верно? Обещаешь ли?*».

— Обещаю, — вслух говорит он.

— Чего? — спрашивает девушка.

— Извини, что налетел на тебя, — проговаривает парень. — Меня зовут Майки, — и подает ей руку.

Незнакомка перекладывает в левую руку пакет с продуктами, а правую подает для рукопожатия. У неё мелкие веснушки на лице. Светлые, немного выгоревшие на солнце длинные волосы. Зеленые глаза с коричневыми крапинками.

— Эми, — произносит девушка, и парень удивляется ещё больше. Снова имя на «э»!

— Я чувствую себя глупо, теперь я просто обязан проводить тебя до дома.

— Но...

Не успевает Эми сказать хоть что-нибудь, как Майки осторожно выхватывает пакет из рук девушки и жестом говорит ей «Показывай дорогу». Светловолосая заливается краской, и улыбка не сходит с её лица, она идет вперед, не оглядываясь на парня, боясь, что тот заметит её смущение, но все-таки украдкой поглядывает на него. В груди у Эми сердце бьётся, как у пичужки, и она все не может поверить, что ей помогает какой-то совершенно незнакомый парень, причем довольно симпатичный.

Ветер вновь срывает листья с деревьев и заставляет их вальсировать в воздухе. Чья-то соломенная шляпка пролетает прямо перед носом кучерявого парня, и он рефлекторно оглядывается в ту сторону, откуда она прилетела.

Девушка прыгает в классики на детской площадке. Её серебристые длинные волосы подпрыгивают в такт движениям, а худощавые и хрупкие ноги кажутся очень крепкими. Она прыгает так, словно парит в воздухе, и, когда доходит до последней клеточки, в прыжке оборачивается лицом к Майки. Она улыбается ему и кивает, одобряя его действия, посылает ему воздушный поцелуй, а затем вновь растворяется в осенней буре красок.

Благодарности

Я бы хотела поблагодарить своих самых преданных читателей, которые были со мной с самого начала и которые присоединились ко мне позже, но тем не менее, не забыли о моем труде, что писался чуть больше года. Вы все такие разные: у вас у всех разные манеры в общении, разные слова, улыбки, эмоции, — но вас всех объединяется то, что вы такие замечательные, правда. Не волнуйтесь, я помню обо всех вас, ведь вы — самое прекрасное, что у меня есть.

Также я хотела бы поблагодарить всех людей, состоящих в моей группе ВК и читающих данную историю на Фикбуке, Прозе, которые отписывались в комментариях о своих ощущениях, делились со мной своими мнениями и писали длинные (и не очень) рецензии к каждой главе (или части). Ваши слова являются лучшим вдохновением для меня.

Огромное спасибо моей дорогой и прекрасной Милли, постоянно присылающей мне восхитительные вдохновляющие картинки и отчитывающей меня за всё, что я делала. Ты всегда была той, которая первая получала страницы данного текста (даже черновые) и бросала все дела, лишь бы поскорее прочесть и высказать мне своё мнение.

Большущее спасибо чудесной девушке и автору — Эшли Браун. Ты знаешь, насколько сильно вдохновляешь меня своими прекрасными описаниями и как веселишь меня бессонными ночами. А также благодарю тебя за короткие, но весомые и столь же чудесные комментарии.

Спасибо одному насекомому, который совсем недавно вошел в мою жизнь, но уже внес в неё столько красок и смешных моментов. Безусловно, ты спросишь себя: «За что спасибо?», — а я отвечу «За то, что заставлял меня писать каждый день, даже сам того не подозревая». А ещё спасибо за сладкую вату и наш «Рис»!

Ещё хотелось бы поблагодарить одного человека (чьё настоящее имя известно всем, но для меня он всегда останется Марком) за наши разговоры вечерами, за особые художественные подборки и за обмен прекрасной музыкой. Ты очень долго ждал того момента, когда я наконец-то смогу поставить точку в данной истории, чтобы оценить её.

Спасибо двум девушкам, которые со мной уже так долго, за то, что вы терпели мои бредни, что слушали спойлеры, но не злились на меня, что смеялись со мной, наполняли меня и мою жизнь смыслом и позитивом. Вы мне очень и очень дороги.

Спасибо Лерман за её веру в меня.

Спасибо литературному клубу моего города за печенья, конфеты и вкусный чай (такой же вкусный, как и все ваши слова).

Отдельное спасибо девушке, которая первая предложила мне отметить это знаменательное событие — окончание данной книги. Хотя ты и не отписывалась нигде ни о главах, ни обо всем произведении в целом, ты помогала мне с ним, давала советы и отвечала на мой извечный вопрос «Ну, как оно?». Я все равно знала, что ты читаешь.

И, конечно же, спасибо тебе, читатель, за то, что дошел до этих строк, за то, что потратил своё личное время на данную историю. Смогла ли я достучаться до тебя? Смогла ли я тронуть? Очень надеюсь.

Memento Mori, дорогой друг. Не забывай, что смертен, потому продолжай жить сейчас.